

Г. В. Николаев
КОСТРОМА

1900

Царь и Великій Князь
Михаилъ Феодоровичъ.

Рострома

историческій очеркъ
в. р. лужомскаго

и

описаніе памятниковъ
художественной ста=
рины г. р. лужомскаго.

изданіе общины св.
Евгеніи Красна=
го Рреста.
1913 годъ.
Спб.

**ББК
К72**

Федеральная программа книгоиздания

В.К. и Г.К. Лукомские. Кострома.

Исторический очерк и описание памятников
художественной старины.

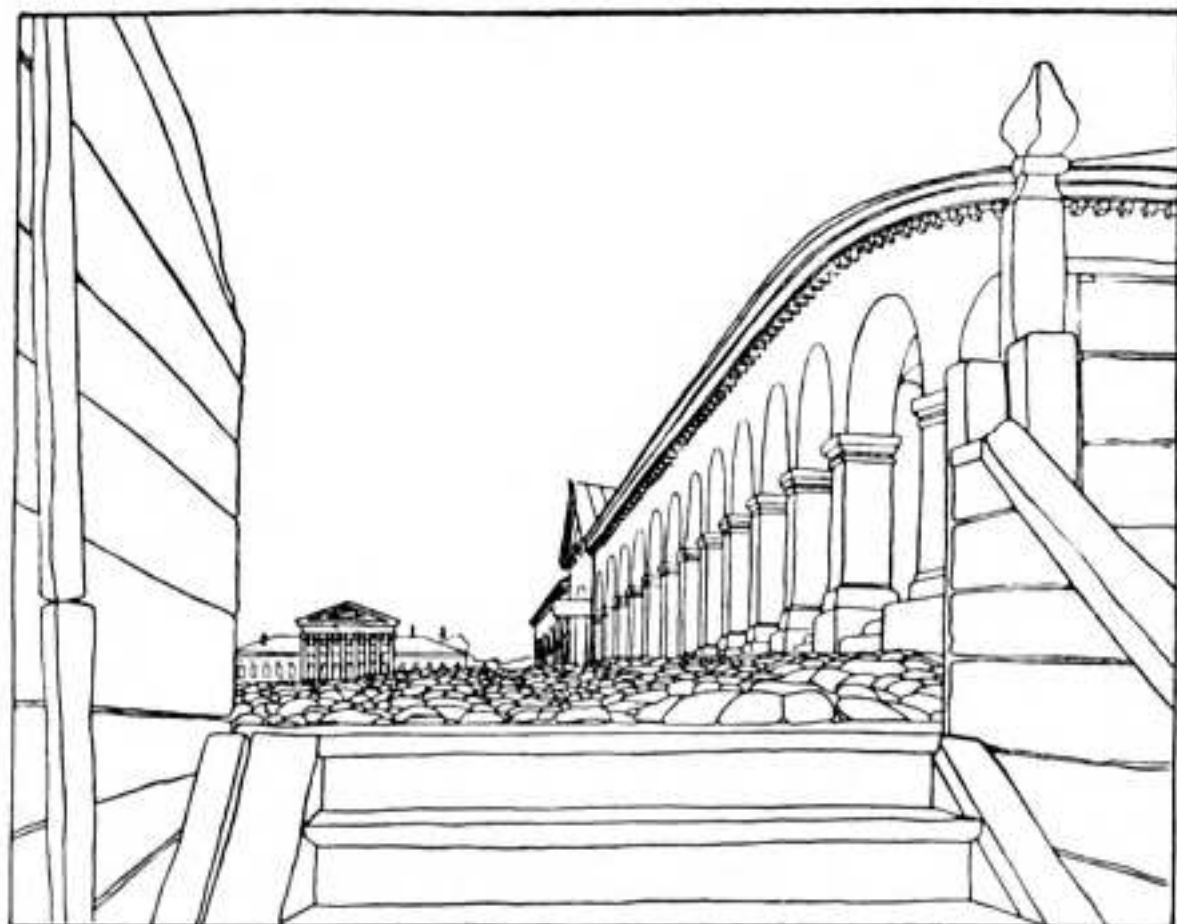
Послесловие и примечания Л.И. Сизинцевой.
М., Прогресс-Плеяда, 2002. — 512 с.

Репринтное воспроизведение издания 1913 года,
вышедшего к 300-летию Дома Романовых.
Посвящается 850-летию Костромы

В художественном оформлении использованы виды
старой Костромы, в том числе памятник Ивану
Сусанину и ансамбль костромского кремля —
Успенский и Богоявленский соборы

ISBN 5-93006-015-0

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Кострома, по заключающимся въ ней интереснымъ и прекраснымъ памятникамъ архитектуры и художественной старины, давно уже могла бы занять одно изъ лучшихъ мѣстъ въ ряду историческихъ городовъ Россіи.

«Между тѣмъ древности Костромы» говоритъ авторъ многихъ научныхъ трудовъ о Костромской старинѣ, проф. Н. В. Покровскій, «до настоящаго

времени все еще слишком мало изучены и, главное, представлены въ изданияхъ, не въ соотвѣтствіи съ ихъ значеніемъ», отсутствіе этого изученія и изданій, представляющихъ достойно хотя бы только ея архитектурныя достопримѣчательности, и препятствовало въ значительной степени тому, что Кострома не была признана до сихъ поръ однимъ изъ городовъ-разсадниковъ художественной культуры.

Всего лѣтъ 30 тому назадъ, очень немногія древности Ипатіевскаго монастыря были изданы, (но безъ подробнаго объяснительнаго текста), Императорскимъ обществомъ любителей древней письменности; нѣсколько фототипическихъ снимковъ съ древностей того же монастыря воспроизведены были въ «Вѣстникѣ археологій и исторіи», еще въ 1885 году.

Существовали и подробныя описанія Ипатіевскаго монастыря и Успенскаго Собора, изъ которыхъ лучшее протоіерея Островскаго; «но описанія эти», говоритъ Н. В. Покровскій, «не только не имѣютъ въ виду научной оцѣнки памятниковъ, но и не даютъ болѣе или менѣе яснаго представленія о нихъ, не даютъ точныхъ фотографическихъ снимковъ, безъ которыхъ такъ трудно ввести археологическіе памятники въ научное обращеніе». Новѣйшія изслѣдованія, соприкасающіяся съ этой областью — прот. Г. Я. Сырцова, И. В. Баженова имѣютъ характеръ чисто историческій, касаются художественно-археологической стороны памятниковъ лишь отчасти и также не даютъ снимковъ: «и только къ IV област-

пому археологическому съѣзду въ Костромѣ изданы были наиболѣе интересныя древности многихъ церквей Костромскихъ; описаніе это имѣло систематическій характеръ, такъ какъ главною цѣлью было исполнить существенный пробѣлъ—отсутствіе какихъ либо указателей Костромскихъ древностей».

Ко времени областного археологическаго съѣзда въ Костромѣ въ 1909 году изданы были и другія сочиненія, касавшіяся древняго русскаго зодчества и разныхъ предметовъ Костромской старины, но какъ и болѣе раннія изданія труды эти отличались слишкомъ спеціальнымъ (по большей части историческимъ) или отрывочнымъ характеромъ описаній, рассматривали, главнымъ образомъ, искусство Костромы до-петровской эпохи, были за рѣдкими исключеніями не иллюстрированы, почти всегда неинтересно и даже дурно изданы и, во всякомъ случаѣ, недоступны пользованію широкой публики, такъ какъ являлись изданіями или «Трудами» Ученыхъ Архивныхъ комиссій, Археологическихъ съѣздовъ, Обществъ или Институтовъ

Сухое, педантичное описаніе, разсмотрѣніе такихъ памятниковъ художественной старины, какъ богатѣйшія по своимъ живописнымъ достоинствамъ стѣны и кресты костромскихъ храмовъ, только съ ихъ содержательной (библейской) или исторической стороны, по—виѣ ихъ колорита, мастерства, концепціи, техники и психологіи создавшихъ ихъ живописцевъ,—дѣлали всѣ эти изслѣдованія односторонними, и, поэтому, не давали должнаго впечатлѣнія о старинѣ Костромы.

Между тѣмъ, эстетическій «подходъ» къ столь богатому по сюжету, формѣ и выполнению художественному творчеству, казалось бы, столь естественный и потому скорѣе всего наиболѣе нужный и подходящий для уясненія красоты нашихъ древностей—могъ бы способствовать и развитію симпатій къ этому историческому городу, тогда какъ одни архитектурные обмѣры костромскихъ храмовъ, по большей части случайные, или только историко-религіозныя описанія фресокъ и предметовъ ризницъ, не могли еще способствовать развитію этихъ симпатій, или хотя бы проявленію желанія осмотрѣть эту старину.

Въ значительной (почти исчерпывающей) степени изучены были только упомянутыя стѣнописи и ризница Ипатіевскаго монастыря. Изъ отдѣльныхъ описаній храмовъ, сравнительно подробное, было составлено для Ипатіевскаго Монастыря, Успенскаго Собора, Богоявленскаго Монастыря, и церкви Воскресенья на Дебрѣ. А чудеснѣйшая по своей архитектурной вышности Троицкая церковь, достойная художественно выполненныхъ обмѣровъ, богатства ризницъ и церковей Христорождественской, Богоотцовской, художественное представленіе соборнаго Богоявленскаго храма—этой «барочной» сказки,—оставлены были въ литературѣ, до сихъ поръ, безъ всякаго разсмотрѣнія.

Въ данное юбилейное время, Кострома становится несомнѣнно излюбленнымъ сюжетомъ всякаго рода описаній и, конечно, привлечетъ къ себѣ вни-

маніе и ученыхъ и изслѣдователей и издателей всякаго рода.

Но назрѣли новыя темы, развивается понемногу и новый уголъ разсмотрѣнія нашей старины.

Реставрація Троицкаго Собора и колокольни Ипатіевскаго монастыря современемъ выразится, вѣроятно, также въ видѣ обширнаго печатнаго изслѣдованія, которое дастъ намъ новыя интересныя матеріалы.

Художественно-археологическое значеніе Костромы особенно возвышаютъ древности Ипатіевскаго монастыря, наиболѣе интересныя и художественныя изъ всѣхъ костромскихъ церковныхъ древностей. Онѣ занимаютъ вообще, видное мѣсто въ ряду русскихъ древностей и заслуживаютъ подробнѣйшаго изученія.

Вѣроятно, появятся и новыя описанія ризницы Ипатіевскаго и Богоявленскаго монастырей; конечно будетъ вышущено въ свѣтъ и новое историческое сочиненіе о Костромѣ, опубликуетъ къ юбилею и мѣстная ученая архивная коммиссія свои матеріалы, издадутъ къ этому же времени и труды IV областного Археологическаго съѣзда, которые несомнѣнно будутъ

заключать въ себѣ много цѣнныхъ первоисточниковъ по исторіи Костромы («Судьба Кремля Костромского»). Отличнута, вѣроятно, по случаю трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ и избранія въ Костромѣ первого царя — и Археологическіе Институты и Императорская Археологическая Коммисія.

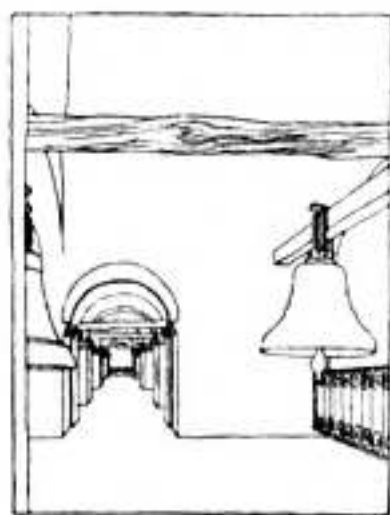
Настоящая же книга въ своемъ стремленіи занять скромное, но особое мѣсто среди всѣхъ этихъ богатѣйшихъ или обширѣйшихъ изданій о Костромѣ и ея старинѣ предлѣдуетъ нѣсколько иныя задачи, а соотвѣтственно этому и составлена по особой программѣ.

Содержаніемъ своимъ, имѣющимъ отчасти и путеводное значеніе при осмотрѣ на мѣстѣ памятниковъ Костромской художественной старины, — книга эта стремится, главнымъ образомъ, дать всѣ необходимые комментаріи къ иллюстраціонному материалу, съ исчерпывающей, по возможности, полнотой представляющему наиболѣе интересныя церковныя сооруженія, детали ихъ, предметы внутренняго убранства храмовъ и ихъ ризницъ, и художественныя богатства двухъ славныхъ монастырей костромскихъ.

Включеніе въ программу обзора и памятниковъ гражданской архитектуры Костромы XVIII—XIX вѣковъ вѣроятно также сможетъ поставить это описаніе на особое мѣсто въ ряду историко-художественныхъ сочиненій о Костромѣ, такъ какъ, затронутая впервые эпоха принадлежитъ къ числу такихъ, на разсмотрѣніе исторіи сооруженій которыхъ, вообще,

до сихъ поръ не обращалось почти нигдѣ никакого художественнаго или научнаго вниманія (кромѣ чисто злободневныхъ описаній «открытія», «освященія» или «пожара»).

Отличнымъ отъ намѣреній другихъ издателей будетъ и то стремленіе, которымъ полна книга:—вызвать симпатіи къ художественному облику города, къ сохранившейся въ немъ всякой «старинкѣ», къ удержавшемуся въ Костромѣ до нашихъ дней — бытовому укладу и ко всѣмъ деталямъ жизненнаго обихода.

Приложеніе подробной библиографіи книгъ по исторіи Костромы и ея памятниковъ, составленной почти съ исчерпывающей полнотой и опубликованіе всѣхъ вообще матеріаловъ, которыми пользовались авторы—также отличить эту книгу отъ многихъ издающихся нынѣ. Лицамъ, которые пожела-ли бы болѣе подробно заняться изученіемъ нѣкоторыхъ храмовъ или памятниковъ искусства, въ нихъ заключенныхъ, дана такимъ образомъ вся литература.

Соотвѣтственно нѣкоторымъ, изъ упомянутыхъ, задачъ, въ концѣ изданія приложенъ «указатель» костромской старины,—который долженъ облегчить ея осмотръ во время—«прогулокъ по Костромѣ». (Сдѣлано также краткое описаніе мѣстныхъ музеевъ и коллекцій).

И если всѣ тѣ стремленія, которыми полна эта книга, послужатъ къ увеличенію числа посѣтите-

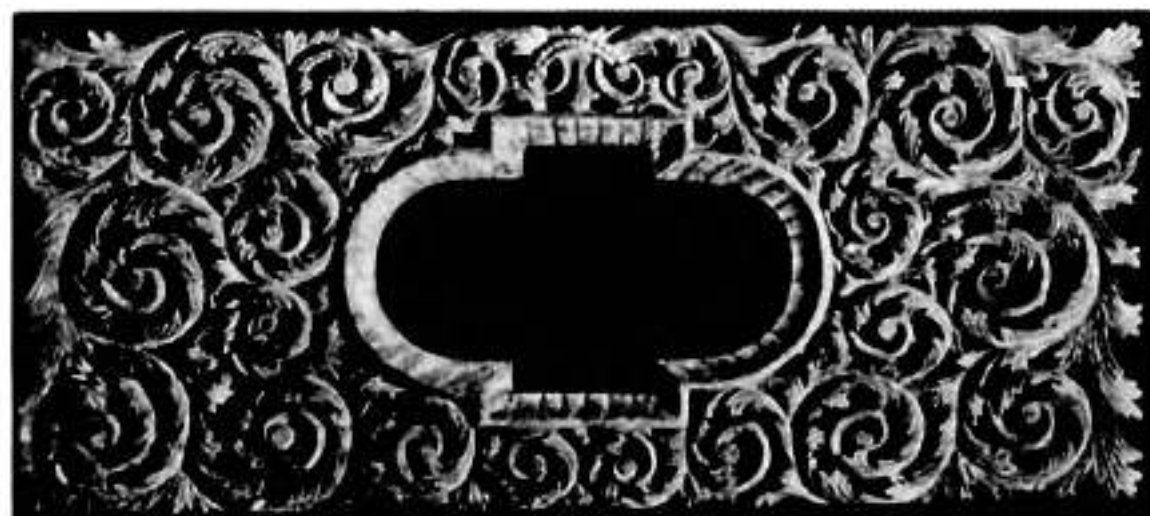
лей Костромы, и увеличится, число лицъ, которыя заинтересуются памятниками художественной старины этого города—цѣль книги составители ея будутъ уже считать достигнутой въ значительной степени.

Согласно этому плану и основному, но не исключительному, намѣренію разсмотрѣть памятники старины Костромы съ эстетической точки зрѣнія, книга и раздѣляется на отдѣльныя главы.

Историческій очеркъ и библиографія составлены дѣйствительнымъ членомъ Императорскихъ Петербургскаго и Московскаго Археологическихъ Институтовъ В. К. Лукомскимъ.

Составленіе настоящаго труда было въ значительной степени облегчено содѣйствіемъ, оказаннымъ мнѣ слѣдующими лицами, которымъ считаю своимъ непремѣннымъ и пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь мою искреннюю признательность: б. Костромскому губернатору П. П. Шиловскому, правителю дѣлъ Костр. Учен. Арх. Коммиссіи и секретарю музея И. А. Рязановскому, предсѣдателю Церковно-Археологическаго Общества П. В. Баженову, завѣдующимъ—ризицами Ипатьевскаго и Богоявленскаго монастырей, Архивами Костромскихъ Губернскаго Правленія и Городской Управы, и художникамъ П. Я. Билибину, С. В. Биркенбергу, С. В. Чехонину и А. Л. Шиловскому.

Георгіи Лукомскій.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КОСТРОМЫ.

Кострома *) принадлежитъ къ числу тѣхъ русскихъ городовъ, исторія которыхъ тѣсно связана съ судьбами всей Россіи, а памятники древностей повѣствуютъ своими красивыми образами о дорогомъ для русскаго сердца прошломъ. И, въ этомъ смыслѣ, Кострома, одно изъ древнѣйшихъ на Руси поселеній, даже болѣе многихъ другихъ, скопила въ себѣ цѣннаго для воспоминаній. Даже въ имени Костромы, надъ разгадкой котораго задумчиво останавливается ученый изслѣдователь, кроется очарованіе сѣдой старины. Быть можетъ, отъ имени языческаго у славянъ божества весны—Костромы—воспринялъ и городъ это поэтическое названіе.

*) Источниками для настоящаго очерка послужили, главнымъ образомъ, изданія, указанная въ приложеніи: «Библиографія г. Костромы».

Среди праздниковъ и обрядовъ, въ которыхъ выразилась мысль о замирающихъ силахъ природы, былъ обрядъ, совершавшійся въ лѣтнее время, извѣстный въ народѣ подъ названіемъ похоронъ Костромы. По всему вѣроятію, обрядъ этотъ принадлежалъ въ старину къ купальскимъ игрищамъ и совершался онъ такимъ образомъ: дѣвушки выбирали изъ своей среды одну, которая должна была представлять Кострому, къ ней подходили съ поклонами, затѣмъ клали ее на доску и съ пѣніемъ несли къ рѣкѣ; тамъ начинали ее купать, при чемъ старшая изъ участвовавшихъ въ обрядѣ сгибала изъ дубка лукошко и била въ него, какъ въ барабанъ; послѣ этого возвращались въ деревню и заканчивали день въ хороводахъ и играхъ. Иногда Кострому представляла кукла, которую дѣлали изъ соломы, наряжали въ женское платье и убирали цвѣтами, клали въ корыто и съ пѣніемъ относили на берегъ рѣки или озера; собравшаяся здѣсь толпа раздѣлялась на двѣ половины: одна защищала куклу, а другая нападала и старалась овладѣть ею. Борьба оканчивалась торжествомъ нападающихъ, которые схватывали куклу, срывали съ нея платье и украшения, а соломѣ топтали ногами и бросали въ воду, между тѣмъ, какъ побѣжденные предавались горю, закрывали лицо руками и какъ бы оплакивали смерть Костромы. Можно думать, что кукла эта приготовлялась не только изъ соломы, но также изъ прутьевъ и травъ и, что, именно, поэтому она и получила названіе Костромы, означающей въ областныхъ говорахъ эти понятія.

Похороны „Костромы“.

Первое лѣтописное упоминаніе о Костромѣ относится къ 1213 году, и съ этого времени начинается уже вполне достоверная исторія ея. Однако, нѣтъ сомнѣній, что начало Костромы, какъ поселенія, положено было гораздо ранѣе упоминанія ея лѣтописью, (по указаніямъ мѣстныхъ историковъ даже въ половинѣ IX в.). Первоначально расположена была Кострома на правомъ берегу Волги, что могло быть вызвано условіями мѣстности, такъ какъ правый берегъ ея болѣе гористъ, нежели лѣвый и менѣе, слѣдовательно, подверженъ затопленію водою во время разлива Волги. Упоминаніе Костромы лѣтописью относится ко времени междоусобной борьбы сыновей великаго князя Всеволода III «Большое Гнѣздо».

Когда Константинъ Ростовскій сталъ «замышлять» противъ Юрія и братьевъ изъ-за великаго княженія,

Часовня на мѣстѣ гибели татаръ
въ 1241 г.

Юрїи Всеволодовичъ вмѣстѣ съ Ярославомъ, Святославомъ, Іоанномъ и Давыдомъ Муромскимъ пошелъ на Константина къ Ростову. Константинъ же, услыша о походѣ сильной рати противъ него, «послалъ полкъ свой на Кострому». Кострома была выжжена вся, по свидѣтельству лѣтописца, а жители взяты въ плѣнъ. Такимъ образомъ Константинъ

хотѣлъ очистить себѣ свободный путь для вторженія въ Владиміро-Суздальскую волость и идти къ Владиміру. Какъ извѣстно, усобица кончилась пораженіемъ Юрїя и Константинъ сѣлъ на великое княженіе.

Вскорѣ наступило для Руси тяжелое время—нашествіе Батыея съ татарскими полчищами; вѣроятно, повому разгрому подверглась и Кострома, не успѣвшая еще отстроиться послѣ пожара 1213 года. Возрожденіе Костромы началось, когда на велико-княжескомъ столѣ сѣлъ Ярославъ Всеволодовичъ. Всѣ старшіе сыновья Ярослава уже получили удѣлы и

для родившагося у него сына Василя нуженъ былъ новый удѣлъ. И вотъ, Ярославъ Всеволодовичъ устраиваетъ городъ Кострому, какъ нѣсколько раньше устроилъ онъ Тверь для сына своего Ярослава. Кострома послѣ погрома Батыею второй разъ была въ развалинахъ. Ярославъ Всеволодовичъ выбралъ для Костромы мѣсто, болѣе удобное для рѣчныхъ

Часовня на мѣстѣ битвы костромичей въ 1609 году.

сношеній съ другими городами и болѣе безопасное отъ частыхъ набѣговъ татаръ—на лѣвомъ берегу Волги при впаденіи въ нее рѣки Костромы. Здѣсь великій князь отстроилъ городъ, поставилъ церковь соборную во имя Феодора Стратилата (имя котораго дано было ему при крещеніи) и назначилъ сюда княземъ младшаго сына своего «Мизиннаго» Василя (род. 1241 г.), который первымъ изъ князей начинаетъ именоваться Костромскимъ.

Такъ возникло въ половинѣ XIII вѣка самостоятельное костромское княжество и образованіе его

освящено было явленіемъ юному Василю Ярославичу чудотворной иконы Божіей Матери.

Въ сказаніи о явленіи Θεодоровской иконы Божіей Матери повѣствуется слѣдующее объ этомъ событіи: «Князь Василій отправился однажды за городъ на охоту. Недалеко отъ города псы начали сильно лаять. Князь поспѣшилъ на то мѣсто и узрѣлъ пречудную икону Пресвятыя Богородицы, стоящую на сосновомъ деревѣ. Соседъ съ коня, онъ хотѣлъ взять икону, но икона поднялась кверху и не далась ему въ руки. Князь началъ изливать теплыя молитвы со слезами передъ св. иконой и вторично покусился взять ее, но не получилъ желаемого и во второй разъ. Онъ поспѣшилъ въ городъ и, повѣдавъ о чудесномъ явленіи протопопу, повелѣлъ ему съ крестами и священнымъ соборомъ идти немедленно на то мѣсто, гдѣ явилась ему икона и самъ со множествомъ народа отправился туда. Послѣ молебствія священники взяли св. икону, принесли ее въ городъ и поставили въ соборную церковь Св. Великомученика Θεодора Стратилата. Черезъ нѣсколько времени пришли жители изъ города Городца и, увидѣвъ въ церкви Св. Θεодора икону, признали въ ней икону бывшую въ ихъ городѣ; но, сказали они, икона эта не обрѣтается у нихъ со времени разоренія Городца татарами».

Впоследствии кн. Василій повелѣлъ устроить церковь соборную каменную во имя Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія въ благодареніе за побѣду, одержанную надъ татарами у «Святаго Озера» близъ Костромы.

Видъ Ипатіевскаго монастыря въ 1824 году.

Въ 1272 году князь Василій Ярославовичъ — прозванный «Кванья» вступилъ по праву старшинства на великое Владимірское княженіе. Однако, онъ не перемѣнилъ своей резиденціи и, такимъ образомъ, въ теченіе пяти лѣтъ, до смерти его, Кострома оставалась столицею великаго княжества. Въ это время положено было, вѣроятно, основаніе и костромскому Кремлю.

Такъ какъ великій князь постоянно жилъ въ Костромѣ, то погребенъ онъ здѣсь въ церкви Θεодора Стратилата. Мѣсто, гдѣ покоится теперь его прахъ, къ сожалѣнію, въ точности не извѣстно.

По вступленіи на престолъ племянника его, сына Александра Невскаго — Димитрія, Кострома утратила свое первостепенное значеніе и оно оживилось только на время, когда Кострома поступила снова въ удѣлъ Юанну Димитріевичу, быв-

шему княземъ Костромскимъ съ 1293 по 1300 г., а затѣмъ къ Борису Андреевичу, умершему здѣсь въ 1303 г.

Въ 1034 году началась извѣстная въ исторіи междоусобица изъ-за великаго княженія, окончившаяся торжествомъ великаго князя Юанна Даниловича Калиты, начавшаго свободно повелѣвать князьями и господствовать надъ ними, какъ глава Россіи. Съ этого времени, т. е. съ 30-хъ годовъ XIV в. начинается въ исторіи Костромы, вошедшей въ составъ великаго княжества Московскаго, новый періодъ и управление Костромой предоставлено было воеводамъ и намѣстникамъ по назначенію князей.

Изъ событій, знаменующихъ этотъ періодъ нужно отмѣтить построеніе здѣсь татарскимъ мурзою Четомъ Пнатъевской обители. Свѣдѣнія объ основаніи ея таковы. «Добрая слава великаго князя Юанна Даниловича привлекала къ нему людей знаменитыхъ изъ разныхъ странъ, сосѣднихъ Россіи. Въ числѣ ихъ былъ и мурза Четь, выѣхавшій въ Москву изъ орды. На пути къ Москвѣ Четь остановился для обычнаго роздыха у Костромы. Ъхалъ онъ въ Россію не для грабежа, какъ дѣлали его предки, но для мирной жизни и службы. И вотъ, Пресвятая Владычица, силою огненныхъ лучей чуднаго лика своего, сохранившая Кострому отъ татаръ, является ихъ потомку въ чудномъ видѣніи, чтобы снять съ него духовную слѣпоту и просвѣтить вѣрою Христовою». Въ память чуднаго явленія Четь, въ св. крещеніи Захарія, воздвигъ на мѣстѣ видѣнія обитель во имя священномученика епископа Пнатія.

Видъ Ипатіевскаго монастыря отъ рѣки Костромы.

Эта-то обитель и сдѣлалась впоследствии «колыбелью Царственного Дома Романовыхъ».

Въ началѣ великаго княженія Дмитрія Иоанновича, Кострома, вмѣстѣ съ другими городами и областями русскими, испытала тяжкое бѣдствіе. Осенью 1364 года свирѣпствовала здѣсь моровая язва, похитившая великое множество жертвъ. По описанію лѣтописца, болѣзнь эта была такого рода: «сначала какъ рогатиной ударить за лопаткой или подъ грудь или межъ крылъ (между плечами) и больной начнетъ харкать кровью и испытывать сильный жаръ, потомъ бросить его въ потъ, а затѣмъ начнется бредъ; черезъ два или три дня больной умираетъ». Смертность была такъ велика, что не успѣвали хоронить и въ одну яму зарывали по десять человѣкъ.

Позднѣе Кострома подверглась не менѣе ужасному опустошенію,—нападенію новгородскихъ разбойниковъ-ушкуйниковъ и была ими взята.

Походы этихъ разбойниковъ совершались нерѣдко и особенно яростное разграбленіе ими Костромы относится къ 1375 году. Въ то время, какъ великій князь былъ подъ Тверью, изъ Новгорода на 70 ушкуняхъ пустились по Волгѣ разбойники. Они подошли къ Костромѣ и ополчились на бой, граждане вышли противъ нихъ съ воеводою. Новгородцы, увидѣвъ, что костромичи превосходятъ ихъ числомъ, раздѣлились на двѣ части; одну отправили темнымъ лѣсомъ въ обходъ, чтобы ударить въ тылъ костромичамъ, а другою пошли прямо на нихъ. Воевода Костромской, увидѣвъ это, не рѣшился вступить въ бой и, оставивъ городъ на произволь судьбы, бѣжалъ; за нимъ обратились въ бѣгство и костромичи, многіе изъ нихъ были избиты, иные разбѣжались по лѣсамъ, другіе попали въ плѣнъ. Разбойники, вступивъ въ городъ и найдя его беззащитнымъ, разграбили все имущество, оставленное жителями. Цѣлую недѣлю хозяйничали они въ городѣ; розыскавъ всѣ спрятанныя богатства и товары, вынесли ихъ на городскую площадь и взяли все лучшее и что было легче, а что потяжелѣе и лишнее бросили въ рѣку или сожгли. Такъ разграбивъ городъ и захвативъ плѣнныхъ, поплыли далѣе внизъ по Волгѣ.

Однако, изъ послѣдующихъ событій, касающихся Костромы, можно указать и на случаи, когда Кострома служила оплотомъ и прибѣжищемъ для великихъ князей. Такъ было при нашествіи Тохтамыша, когда Дмитрій Донской вышелъ изъ Москвы собирать рать сначала въ Переяславль и оттуда мимо Ростова со всѣмъ своимъ семействомъ прибылъ въ

Общій видъ Ипатіевскаго монастыря.

Кострому и въ походъ Эдигея, когда великій князь Василій Димитріевичъ, по примѣру отца, уѣхалъ со всѣмъ семействомъ своимъ въ Кострому, поручивъ защиту Москвы родственнымъ князьямъ. Здѣсь же укрывался и великій князь Василій Васильевичъ Темный съ супругою и матерью, вслѣдствіе нападенія на Москву Галичскаго князя Юрія Димитріевича.

«Трудно понять, почему великіе князья избирали Кострому своимъ уѣжищемъ. Были города гораздо безопаснѣе и болѣе укрѣпленные, но, вѣроятно, усердіе и вѣрность костромичей были порукою безопасности», такъ полагаетъ одинъ изъ исторіографовъ г. Костромы.

Совершенно исключительная роль выпала на Кострому въ смутное время, когда Костромѣ суждено было стать «царственною колыбелью». Но годовщѣ торжества и успокоенія Россіи предшествовали тяжкіе дни испытаній.

Вскорѣ же послѣ сверженія перваго Самозванца появился второй, извѣстный подъ названіемъ «Тушинскаго вора». Во главѣ войска его стоялъ Лисовскій и донской атаманъ Зарудкій. Города одинъ за другимъ начали сдаваться самозванцу. Послѣ разгрома Ростова отряды Лисовскаго появились въ воложскихъ городахъ и пошли по направленію къ Костромѣ, разрушая все на своемъ пути. 30 декабря 1608 года тушинцы взяли Кострому и подвергли ее ужасному опустошенію. Часть жителей, вмѣстѣ съ иноками, заперлась въ Богоявленскомъ монастырѣ, долго отражала нападеніе, но принуждена была сдаться. Непріатели разграбили все монастырское имущество и умертвили многихъ монаховъ. Въ январѣ 1609 года тушинцы пошли въ Галичъ, оставивъ въ Костромѣ большой отрядъ съ пушками, однако ополченіе сѣверныхъ городовъ—Солигалича, Вологды и другихъ, освободивъ въ февралѣ Галичъ, подошло къ Костромѣ и, послѣ страшнаго боя на Костромскихъ улицахъ, продолжавшагося съ 28 февраля по 3 марта, врагъ былъ выбитъ изъ города. Тогда непріательскіе отряды укрѣпились въ Пятъевскомъ монастырѣ, подъ командой Вельяминова. Вскорѣ на помощь Костромѣ пришли ярославцы подъ предводительствомъ царскаго воеводы Жеребцова и въ іюнѣ 1609 года начали осаду монастыря. Лисовскій, услыхавъ о стѣнномъ положеніи своего отряда, посѣвшилъ на выручку къ Вельяминову, но за неимѣніемъ лодокъ для переправы черезъ Волгу принужденъ былъ удалиться. Жеребцовъ же вытѣснилъ изъ Пятъевскаго монастыря непріателей, которые отступили къ Свя-

Архієрейській уголокъ Ипатіевскаго монастыря.

тому озеру, гдѣ послѣ кровопролитнаго сраженія были окончательно разбиты.

Грозною разрухою объята была Россія, когда созванъ былъ, наконецъ, въ 1613 году въ Москвѣ Земскій соборъ для избранія русскаго царя. Послѣ трехдневнаго поста, открылся онъ въ Патриаршихъ палатахъ. Нельзя не пожалѣть о скудости свѣдѣній относительно засѣданій собора. Въ официальныхъ источникахъ упоминается только о послѣднемъ собраніи, состоявшемся 21 февраля и кончившемся тѣмъ, что выборные земскіе люди торжественно на площади заявили о своемъ

желаніи видѣть на престолѣ Михаила Ѳеодоровича Романова. Послѣ присяги новоизбранному царю, земскій соборъ постановилъ отправить Михаилу Ѳеодоровичу посольство съ челобитьемъ, чтобы онъ пожаловалъ на свой царскій престолъ въ Москву. 2 марта посольство выѣхало изъ Москвы во главѣ съ ближайшимъ родственникомъ избранника бояриномъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ. Любопытно, что земскій соборъ не зналъ въ точности, гдѣ именно находился въ то время Михаилъ Ѳеодоровичъ, по крайней мѣрѣ, въ наказѣ, данномъ посламъ сказано было, чтобы они ѣхали «въ Ярославль или гдѣ онъ, Государь, будетъ».

И вотъ, въ эту торжественную годину, когда всѣ надежды Россіи обращены были къ русскому царю, Костромѣ вынала счастливая судьба укрыть его въ своей святой обители.

Мы не будемъ здѣсь повторять извѣстной всѣмъ исторіи о томъ, какъ самоотверженно пожертвовалъ Иванъ Сусанинъ своею жизнью для спасенія русскаго царя, проживавшаго тогда вмѣстѣ съ матерью своею въ родовой вотчинѣ — селѣ Домнинѣ, отстоящемъ отъ Костромы въ 70 верстахъ.

Опасаясь покушеній поляковъ и бродившихъ по всему Поволжью разбойничьихъ шаекъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ укрылся въ Костромѣ, жители которой въ ожиданіи посольства, упростили его помѣститься въ Ипатьевскомъ монастырѣ, какъ болѣе приличномъ для царя мѣстѣ, чѣмъ скромный дворъ матери его инокини Марѣы Ивановны, находившійся близъ Успенскаго собора.

Прибытіе посольства къ царю Михаилу Феодоровичу.

13 марта, «о вечерняхъ» Московское посольство прибыло, наконецъ, въ Кострому. Оно остановилось на правомъ берегу Волги, въ подгороднемъ селѣ Новоселкѣ, противъ самой Костромы и въ виду твердынь Ипатьевской обители. Приѣмъ назначенъ былъ на слѣдующій день и всю ночь послы провели въ совѣщаніяхъ съ костромскими властями относительно предстоящаго торжественнаго шествія къ новоизбранному царю.

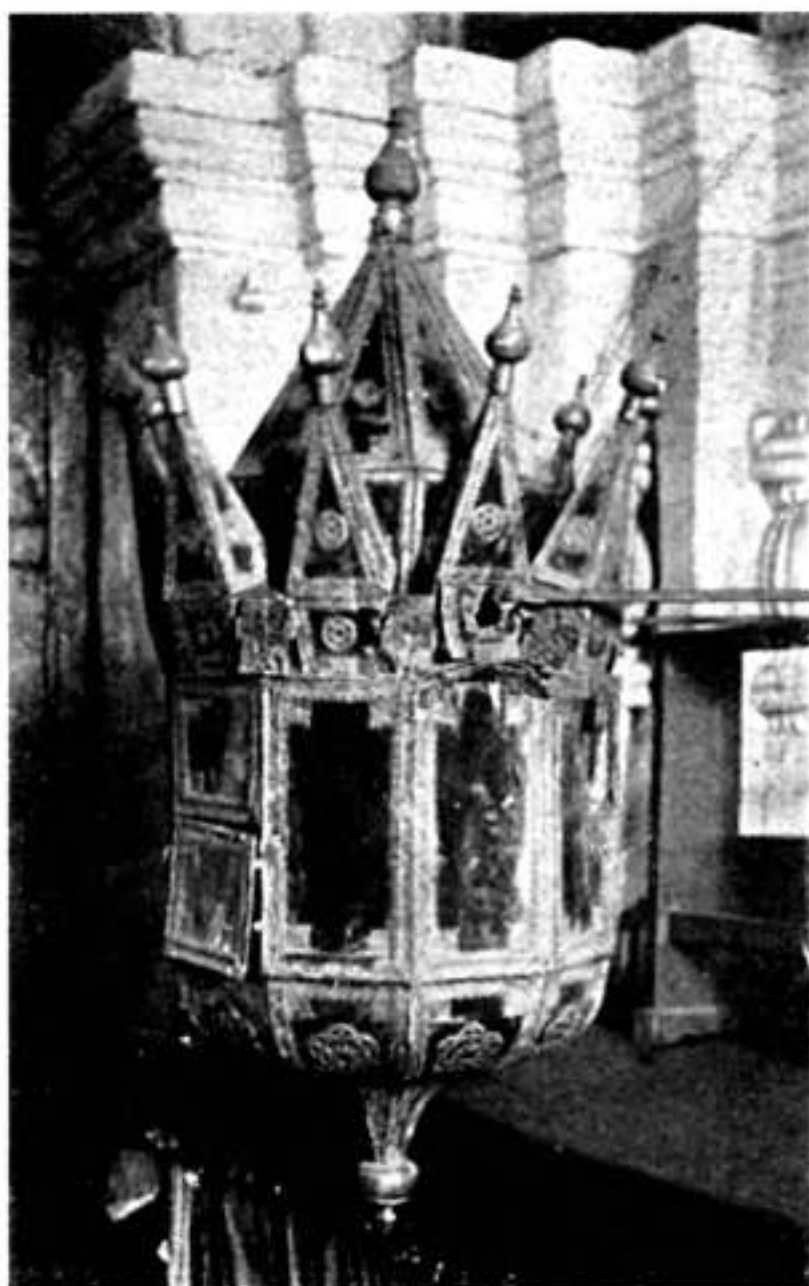
14 марта, послѣ заутрени, для костромичей открылось небывалое зрѣлище. При звонѣ костромскихъ колоколовъ, посольство земскаго собора выступило и направилось прямымъ путемъ по льду къ Ипатьевскому монастырю. Впереди шли архимандриты, протопопы и прочее духовенство съ хоругвями,

Икона Владимірской Божіей Матери.

принесенныи изъ Москвы, иконами и крестами; затѣмъ слѣдовали архіепископъ Феодоритъ и бояринъ Феодоръ Шереметевъ, за ними все остальные. Доидя до устья рѣки Костромы, отдѣляющей монастырь отъ города, посольство приостановилось, такъ какъ изъ городскихъ воротъ выступило съ чудотворною иконою Феодоровской Божіей Матери все костромское духовенство, сопровождаемое наро-

домъ, во множествѣ собравшемся даже изъ окрестныхъ селъ. Все соединилось въ одинъ общій крестный ходъ и приблизилось къ монастырю, у воротъ котораго стояли Михаилъ Феодоровичъ и инокиня Марфа Ивановна, окруженные монастырскою братією. Извѣстно, какъ приняла инокиня Марфа объявленіе пословъ о рѣше-

Процессіональний фонарь.

ніи земскаго собора. И мать, и сынъ едва были упрошены слѣдовать за крестнымъ ходомъ въ монастырскую соборную церковь. Здѣсь, по совершеніи молебнаго пѣнія, сперва архієпископъ Θεодоритъ, а потомъ и Шереметевъ произнесли, по данному отъ земскаго собора наказу «рѣчи», въ которыхъ просили

Михаила, чтобы онъ «умишлся надъ остаткомъ много расхищеннаго отъ разлѣненія сыродцевъ православнаго христіанства Россійскаго царства, не презиралъ бы народнаго слезнаго рыданія и, по избраніи всѣхъ чиновъ людей, пожелалъ бы ѣхать на свой царскій престолъ въ Москвѣ и своимъ благородіемъ подалъ бы избаву отъ всѣхъ паходящихъ бѣдъ и скорбей». Долго тянулись переговоры, пока, наконецъ, архіепископъ, указавъ на принесенныя изъ столицы иконы, произнесъ свое послѣднее горячее слово: «Во истину убо отъ Бога избрани есте и не прогибайте всѣхъ Владыку и Господа». Михаилъ и Марѳа упали на колѣни и въ одинъ голосъ отвѣчали посламя: «Аще на то будетъ воля Божія, буди тако». Немедленно Шереметевъ послалъ земскому собору отписку съ извѣщеніемъ о согласіи Михаила Ѳеодоровича и «бысть же въ тотъ день на Костромѣ радость велія».

19 марта Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, призванный на Россійскій Престолъ, отбылъ изъ Костромы въ Москву, а оттуда въ память избранія своего прислалъ въ Пнатъевскій монастырь царское мѣсто и богатые дары и вклады.

Любопытно возстановить обликъ города Костромы въ это далекое время Царствованія Михаила Ѳеодоровича, такъ какъ лишь съ этого времени, благодаря даннымъ, заключающимся въ писцовыхъ книгахъ г. Костромы, представляется возможнымъ говорить объ устройствѣ, хотя не самаго древняго, но восходящаго несомнѣнно еще къ XIV вѣку Костромскаго кремля.

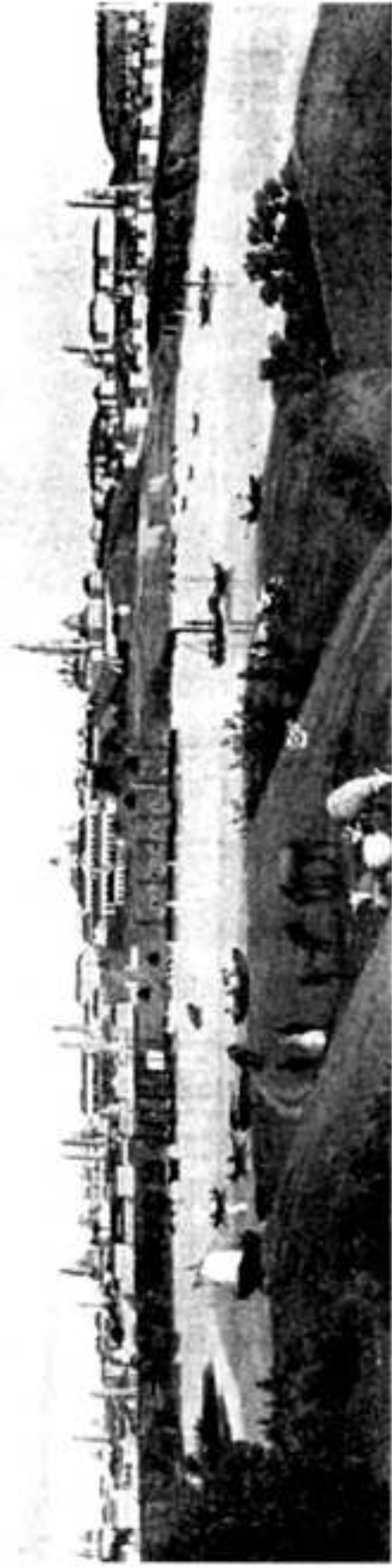

Царь Михаилъ Θεодоровичъ и царь Алексѣй Михайловичъ (фреска Ипатіевскаго монастыря).

Въ писцовыхъ книгахъ 1628—1630 г. кремль Костромской извѣстенъ подъ названіемъ «старый городъ», каковое названіе присвоено ему, конечно, въ то время, когда посадскими жителями построень былъ «новый городъ» на случай осаднаго положенія. Находился кремль на возвышенности лѣваго берега Волги, противъ древняго Городища, съ трехъ сторонъ онъ имѣлъ осынь и былъ окруженъ высокими земляными валами, передъ которыми находились глубокіе рвы. Осынь или насынь окружена была деревянною стѣною на протяженіи болѣе версты. Въ стѣнѣ находилось двое воротъ: Спасскія большія, черезъ которыя былъ главный въѣздъ въ кремль, были устроены подлѣ осыни или вала къ сѣверу и Водяныя ворота къ рѣкѣ Волгѣ. Улицъ было здѣсь три: большая къ Водянымъ воротамъ, улица отъ Спасскихъ воротъ и переулочъ на большую улицу.

Конечно, при теперешнемъ состояніи кремля затруднительно установить топографическую картину внутренняго расположенія въ немъ сооруженій. Однако, существованіе здѣсь тѣхъ или иныхъ зданій усматривается изъ тѣхъ же писцовыхъ книгъ. Особенное, какъ бы священное значеніе Костромскому кремлю издревле придавалъ соборный холодный храмъ въ честь Успенія Божіей Матери, первоначальное построеніе котораго приписывается князю костромскому Василю Ярославовичу, по прозванію Квашиѣ. Нынѣ соборный храмъ представляется въ иномъ видѣ, такъ какъ онъ совершенно измѣнилъ свой обликъ послѣ перестройки его, вызванной пожаромъ, бывшимъ въ 1773 году. При Успенскомъ соборѣ суще-

Общій видъ Костромы изъ Городища. (Акварель неизв. художника 1851 г.).

ствовала другая церковь теплая, деревянная, во имя Похвалы Пресвятой Богородицы, довольно ограниченная въ своемъ объемѣ и скромная по украшеніямъ, какъ можно судить по описанію ея. Мѣсто, гдѣ находилась эта церковь, не указывается даже преданіемъ. Затѣмъ при Успенскомъ соборѣ находилась еще колокольня, по преданію, шатровая, по описи о «шести жильяхъ»; она стояла къ юго-восточной сторонѣ храма, который былъ отдѣленъ отъ нея одною галлереею въ $6\frac{1}{4}$ аршинъ. Въ пожаръ 1773 г. колокольня рушилась, при чемъ расплавились какъ древніе, упомянутые въ писцовыхъ книгахъ семь колоколовъ, изъ которыхъ «большой благовѣстный въ двѣсти пудъ данъ государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русси», такъ и позднѣйшіе колокола, изъ коихъ большой былъ въ тысячу пудовъ.

Нѣсколько сажень сѣвернѣе Успенскаго собора «въ старомъ же городѣ церковь была каменная другого собора Живоначальныя Троицы и та каменная церковь развалилась». По какому поводу построень былъ Троицкій соборъ — неизвѣстно, но изъ описанія его видно, что онъ былъ скуденъ утварью. По представленію старожиловъ находился онъ на томъ мѣстѣ, гдѣ воздвигнуты существующія теперь ворота при вѣздѣ въ ограду Успенскаго собора.

Въ старомъ же городѣ въ осыни находился монастырь «Здвиженской, а на монастырѣ церковь Здвиженія Честнаго Креста шатровая... да другая церковь теплая»... При обѣихъ церквахъ имѣлась колокольня съ шестью колоколами. Крестовоздвижен-

Общій видъ Успенскаго и Богоявленскаго соборовъ.

скій монастырь расположенъ былъ на разстояніи 12 сажень отъ Успенскаго храма, на юго-востокъ, но когда, кѣмъ и по какому случаю былъ онъ основанъ свѣдѣній также не сохранилось. Въ большой пожаръ 1773 года пострадалъ и этотъ монастырь, деревянныя зданія котораго уничтожены были совершенно.

Кромѣ церквей помѣщались въ кремль, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ, многія казенныя зданія, осадные дворы и частные дома. Такъ недалеко отъ Успенскаго собора къ сѣверному валу находился большой деревянный Воеводскій дворъ. Къ сожалѣнію онъ былъ уничтоженъ огнемъ въ тотъ же губительный пожаръ 1773 г. Далѣе: съѣзжая изба съ сѣнями, гдѣ сидѣли воеводы и приказные люди, затѣмъ губная изба (судь), караульная изба, тюрьма, государевы

житницы, казенная кузница; сюда же слѣдуетъ отнести дворовое мѣсто пушкарское и осадный колодезь. Въ ряду прочихъ зданій, находившихся въ кремлѣ былъ и собственный домъ матери царя Михаила Ѳеодоровича, инокини Марѣы Ивановны (въ мѣрѣ Ксеніи Шестовой). Домъ этотъ былъ вблизи Успенскаго собора на томъ мѣстѣ, которое находится подъ сѣверо-западнымъ угломъ соборной ограды. Въ писцовыхъ книгахъ о немъ говорится такъ: «въ старомъ городѣ переулочъ на большую улицу къ Водянымъ воротамъ. Дворъ осадный великія государыни инокини Марѣы Ивановны; двора въ длину семь сажень безъ чети поперекъ полсема сажени опричь спорныя земли». Съ вѣроятностью можно предполагать, что въ этомъ домѣ жили Михаилъ Ѳеодоровичъ и мать его, временно, съ 1606 года. Отсюда они отъѣзжали по различнымъ обстоятельствамъ то въ Москву, то въ свое вотчинное село Домнино, то укрывались за крѣпкими стѣнами Пнатъевскаго монастыря. Кромѣ того, въ кремлѣ находилось семь осадныхъ дворовъ, принадлежавшихъ монастырямъ. Изъ частныхъ домовъ не мало принадлежало знатымъ фамиліямъ: князьямъ Барятинскимъ, Волконскому, Вяземскому, Гагарину, Збарецкому, Козловскимъ, Куракину, княжиѣ старицѣ инокиниѣ Иринеѣ Мстиславской, княгинѣ Троекуровой, боярамъ: Салтыковымъ и Шереметевымъ, стольникамъ: Годунову, Кольчеву, Морозову, Плещееву, Третьякову и Карнову, окольныхчимъ: Бутурлину, Годунову, дьякамъ: Головину, Данилову и Лихачеву. Всего же въ костромскомъ кремлѣ находилось домовъ и частныхъ дворовъ 191, которые были расположены

на трехъ улицахъ *). Такое обиліе частныхъ домовъ знатныхъ фамиліи даетъ нѣкоторое основаніе полагать, что въ смутныя времена начала XVII вѣка, какъ и ранѣе, многіе изъ московскихъ князей и бояръ находили надежное для себя убѣжище въ прославленной своею безопасностью Костромѣ.

Со временемъ, вполне понятно, начались въ Костромскомъ кремлѣ измѣненія въ отношеніи расположенія мѣстъ, занятыхъ церковными и особенно частными зданіями. Неоднократные и весьма опустошительные пожары болѣе всего содѣйствовали этимъ перемѣнамъ. Въ 1654 году обгорѣлъ Успенскій соборъ; во время пожара, вѣроятно, подверглись также истребленію домъ Романовыхъ и разные монастырскіе дворы съ другими зданіями. Въ 1679 году сгорѣли находившіяся поблизости собора и Крестовоздвиженскаго монастыря кельи безпомѣстныхъ монахинь. Наконецъ, въ упомянутой уже зловѣщій пожаръ 1773 г. погибли не только дѣвичій монастырь, но и Успенскій соборъ, девять приходскихъ церквей, всѣ ряды безъ остатка, лавки и множество дворовъ **).

Съ этого времени частныя строенія стали исчезать въ кремлѣ и по плану 6 марта 1781 года тамъ уже никакихъ частныхъ зданій не полагалось.

*) Въ пространномъ изслѣдованіи И. Баженова о Костромскомъ кремлѣ (Костромская старина, в. VI, Кострома, 1906 г. стр. 110) приведенъ полный списокъ домовладѣльцевъ въ кремлѣ.

***) Рукоп. планъ гор. Костромы, „всему строенію оставшему и сгорѣвшему въ 1773 г.“ имѣется въ Военно-ученомъ Архивѣ Главнаго Штаба, отд. IX, № 446 (26098).

«Новый городъ» Кострома построена посадскими жителями въ 1619 году. Онъ простирался отъ кремля, съ сѣверной стороны до Крестовоздвиженскаго монастыря, съ западной на востокъ отъ рѣки Волги до церкви Воскресенской и Благовѣщенской; городъ былъ окруженъ рвами и деревянными стѣнами съ 23 башнями и 6 воротами. Отъ этихъ воротъ не осталось теперь и признаковъ; рвы же засыпаны въ сравнительно недавнее время. Внутри города находились на площади церковь Св. Николая и Усѣкновенія Главы Юанна Предтечи, въ Брашной улицѣ церковь Рождества Юанна съ церковью Св. Николая и семи отроковъ, таможенная, земская изба, важня, амбары, гостинный дворъ, осадныя избушки и разные общественные дворы. Всѣ описанныя зданія существовали, какъ можно предполагать, до 1681 г. когда Кострома сгорѣла.

При первомъ раздѣленіи Россіи на губерніи, въ 1708 г. Костромская губернія входила въ составъ тогдашнихъ губерній: Московской, Архангелогородской и Казанской, а въ 1719 году, при раздѣленіи на 11 губерній, Кострома сдѣлана провинціальнымъ городомъ Московской губерніи.

Нареченная «колыбелью Дома Романовыхъ» Кострома неоднократно посѣждаема была Высочайшими Особами, наѣзды которыхъ въ Кострому оставили намъ небезынтересныя страницы жизни этого города.

Такъ, въ маѣ 1767 года Кострома осчастливлена была посѣщеніемъ Императрицы Екатери-

Домъ бояръ Романовыхъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ.

ны II *). Путешествіе совершалось Императрицею по Волгѣ на галерѣ «Тверь», сопровождаемою значительною флотиліею. При вступленіи флотиліи изъ Волги въ устье Костромы, начались салюты: съ городского вала сдѣланы были 31 выстрѣлъ, изъ Ипатьевскаго монастыря — изъ 37 пушекъ; во всѣхъ городскихъ церквахъ произведенъ былъ колокольный звонъ и радостные клики оглашали городъ. Монархиня объявила, что вечеръ и ночь проведетъ на галерѣ, а на слѣдующій день назначила торжественную встрѣчу.

15 числа, въ 7 часовъ утра, преосвященный Дамаскинъ съ духовною процессіею, въ сопровожденіи генералитета, депутатовъ дворянства и многочислен-

*) Свѣдѣнія объ этомъ событіи изложены на основаніи современнаго журнала, составленнаго депутатомъ дворянства для встрѣчи Ея Величества премьеръ-маіоромъ Родіономъ Зузинымъ.

наго собранія всѣхъ сословіи явился навстрѣчу Императрицѣ у пристани Пятъевскаго монастыря. Царскіи путь въ священную обитель окруженъ былъ съ правой стороны множествомъ женъ и дѣвицъ дворянскаго и купческаго сословія, съ лѣвой дворянами и кунцами. Въ 9 часовъ Императрица взошла въ парочно приготовленную для нея шлюпку, при выходѣ на берегъ Ея Величество привѣтствована была рѣчью преосвященнаго. Выслушавъ ее и приложившись къ святому кресту, Государыня торжественно вступила въ Троицкіи соборъ, гдѣ изволила слушать божественную литургію на царскомъ мѣстѣ. По окончаніи церковной службы, Императрица посѣтила кельи, гдѣ привѣтствована была рѣчью генераль-поручика Бибикова, Костромское дворянство удостоила цѣлованія руки, а дамъ изволила цѣловать въ щеку. Четверо изъ воспитанниковъ Костромской семинаріи имѣли счастье привѣтствовать Августѣйшую Покровительницу отечественнаго просвѣщенія рѣчами, на языкахъ классическихъ и отечественныхъ, а по окончаніи допущены были къ рукѣ Государыни. Во время обѣденнаго стола преосвященный Дамаскинъ удостоился сидѣть рядомъ съ Императрицею. Послѣ перваго блюда Александръ Ильичъ Бибиковъ и предводитель дворянства гвардіи капитанъ Одинцовъ съ налитыми стаканами бургонскаго вина шли на колѣняхъ за здоровье Августѣйшей Путешественницы. Въ 4 часу по полудни, Великая Монархия со всею блестящею свитою, при пушечной пальбѣ съ флотиліи и городского вала и колокольнымъ звономъ цѣлаго города, отправилась на богато-

убранной шлюпкѣ рѣкою Костромою къ городской пристани, гдѣ изволила сѣсть въ карету и въ сопровожденіи депутатовъ верхами: 4 отъ купечества въ русскихъ костюмахъ и 13 отъ дворянства, направилась въ Успенскій соборъ. Послѣ собора Государыня посѣтила домъ воеводы Малыгина, гдѣ были представлены Ея Величеству костромскіе фабриканты и купечество и всѣ допущены къ рукѣ. По принятіи поднесенныхъ фабрикантами полотенецъ, которыми славилась Кострома, Государыня возвратилась обратно въ Ипатьевскій монастырь, гдѣ Бибиковъ, предводитель и депутаты дворянства имѣли счастье ужинать. Берегъ Костромы и весь городъ были блестяще иллюминированы. Послѣ ужина въ 12 часовъ ночи, Государыня оставила обитель и отправилась на галеру. 16 мая утромъ флотилія снялась и Императрица отправилась въ дальнѣйшее путешествіе.

Въ память своего пребыванія въ Костромѣ Екатерина II пожаловала въ томъ же году городу и уѣзду его гербъ: «въ голубомъ полѣ галера подъ Императорскимъ штандартомъ на греблѣ, плывущая по рѣкѣ натурального цвѣта, въ подонвѣ щита изображенной».

Въ 1778 году по указу Императрицы Екатерины II открыто было Костромское намѣстничество, а въ 1797 г. по указу Императора Павла I послѣднее переименовано въ губернію, при чемъ Костромѣ пожалованъ новый гербъ, существовавшій до 1878 года, и сохранившійся на нѣкоторыхъ изъ зданій, выстроенныхъ за это время и значительно украсившихъ городъ своими благородными формами.

Видъ Сусанинской площади съ домомъ б. Борщова.

Гербъ этотъ былъ таковъ: «Щитъ раздѣленъ на четыре части, въ первой, въ красномъ полѣ изображенъ золотой крестъ, въ четвертой — зеленомъ полѣ — серебряный полумѣсяцъ, обращенный рогами внизъ, а вторая и третья части имѣють пустыя золотыя поля». Въ 1878 году возстановленъ былъ прежній екатерининскій гербъ.

Позднѣе городъ Кострому посѣтили въ августѣ 1817 года Великій князь Михаилъ Павловичъ, а въ октябрѣ 1834 года—Императоръ Николаи Павловичъ. Государь имѣлъ пребываніе въ домѣ сенатора С. С. Борщова, обращенномъ фасадомъ на Сусанинскую площадь, а при обзорѣни города посѣтилъ Ипатьевскій монастырь и кельи своего Царственнаго Родоначальника, Успенскій соборъ, общественныя заведенія и гимназію.

Памятникъ Ивану Сусанину.

Изъ собранія Романовскаго Музея.

Въ память этого пребыванія открытъ былъ въ 1851 году памятникъ Ивану Сусанину, работы Держинина-Малиновскаго.

Императоръ Александръ II былъ въ Костромѣ дважды: въ первый разъ еще Цесаревичемъ въ маѣ 1837 года и вторично съ Императрицею Марією Александровною въ 1858 году. Далѣе въ Костромѣ имѣли пребываніе Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи въ 1850 году (въ домѣ д. с. с. А. П. Шипова), въ 1863 году Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и въ 1866 г. новый наслѣдникъ, будущій Императоръ, Александръ Александровичъ съ братомъ своимъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Алексан-

дровичемъ; въ началѣ 1881 г. Александръ III посѣтилъ Кострому вторично съ супругою, дѣтьми и братомъ, великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ; наконецъ, въ послѣднее время проѣздомъ были въ Костромѣ Великіе князья Сергій Александровичъ и Константинъ Константиновичъ съ дѣтьми.

Уже съ давнихъ поръ Кострома привлекала вниманіе историковъ и ученыхъ изслѣдователей ея старины, о чемъ свидѣтельствуется сравнительно богатая литература объ этомъ краѣ. Губернская ученая архивная коммиссія, открытая въ 1885 году и особенно Историко-археологическій съѣздъ, бывшій въ 1909 г. дали не мало трудовъ по описанію и научной оцѣнкѣ памятниковъ мѣстной, преимущественно церковной старины. Нынѣ созданъ въ Костромѣ Романовскій музей, въ которомъ собраны коллекціи ея древностей и особенно все, что имѣло отношеніе къ памявному году избранія на царство Михаила Ѳеодоровича и родовой его вотчинѣ.

Гауптвахта.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБЛИКЪ КОСТРОМЫ.

Нынѣшняя Кострома, живописно раскинувшаяся на лѣвомъ берегу Волги, находится очень недалеко отъ тѣхъ заповѣдныхъ лѣсовъ Ветлужскаго края, гдѣ протекають медленно Керженецъ и Унжа, въ прозрачныхъ водахъ которыхъ отражаются высокіе, сѣрые, мохомъ и грибами поросшіе, шатры церковные, еще болѣе темные скиты старовѣрческіе, мрачные но просторные храмы, святого Варнавы, да какъ кружевомъ убранныя церкви монастыря Макарьевского.

Въ прозрачную глубину этихъ водъ смотрится вырѣзной рисунокъ елей и сосенъ, листь папоротника прибрежнаго да бѣлыя чашечки ландыша... Неподалеку Кострома и отъ озеръ, свѣтлымъ зеркаломъ среди дремучихъ лѣсовъ блестящихъ. На берегахъ этихъ водъ, древніе города Галичъ, Чухлома да старинные соборы Солигаличскіе. И ясная гладь лѣсныхъ водъ напоминаетъ о томъ священномъ озерѣ, съ которымъ связана прекрасная легенда о фантастическомъ видѣніи сказочнаго града Китежа.

Видъ на Кострому съ Городища.

Недалеко отъ Костромы и это легендарное озеро, на берегахъ котораго, еще въ недавнее время «бѣлицы» праздновали весну, поклоняясь богу Яриль, сжигали и хоронили «Кострому».

Всѣ эти воспоминанія и впечатлѣнія возникаютъ въ душѣ чуткаго обозрѣвателя старины Костромской при видѣ церквей ея, вырисовывающихся на фонѣ заволожскихъ далей.

Конечно, здѣшнимъ людямъ, (которые завели электричество, построили мельницу-крупорушку да фабрику-бѣлилку), ушедшимъ съ головой въ мелочи своихъ житейскихъ дѣлъ, — не ощутить этого, окружающаго ихъ на каждомъ шагѣ, полного сказочности, архитектурнаго пейзажа; да подчасъ они и сами своимъ обликомъ входятъ въ весь этотъ, какимъ-то чудомъ сохранившійся, укладъ быта и старины.

Но покинувъ шной, стремящейся приблизиться

къ общему европейскому типу, русскій городъ—и, уже подѣзжая къ Костромѣ лѣтомъ ли, или зимой можно почувствовать эту необычайную исторически—насыщенную художественность облика, наполняющую воображеніе воспоминаніями о быломъ, полномъ фантастической живописности своихъ образовъ.

Еще задолго до пристани, когда на фонѣ синѣющихъ лѣсистыхъ далей нѣжно вырисуются бѣлыя колокольни костромскіе и, заглушая шумъ парохода, плескъ волнъ, крикъ чаекъ, и пѣснопѣніе косарей на лугахъ заливныхъ и душистыхъ, послышится разносящійся свободно по водной шири, малиновый звонъ колоколовъ или когда въ прозрачномъ воздухѣ, напоенномъ опьяняющею душистостью цвѣтущихъ лигъ и смолистыхъ кедровъ, покажутся, потонувшіе въ темной зелени, монастырскіе башни съ бойницами да главы, золотомъ блестящіе — образъ какого-то волшебнаго города встаетъ на небосклонѣ живымъ миражемъ.

По зеленымъ крутосклонамъ отъ вратъ къ переходамъ монастырскимъ, разбѣгаются тропинки; на небѣ горятъ одни кресты—золоченые, а внизу темнѣютъ, другіе кресты деревянные, прячущіеся на могилахъ, въ прохладной тѣни...

Вотъ, тамъ, выйдя изъ монастырской ограды черезъ маленькую калиточку, можно предаться мечтамъ, такъ хорошо слушать оттуда, разносящуюся по

Надмогильный крестъ.

широкой равнинѣ заливныхъ луговъ, пѣсно косарей; въ воздухѣ тогда такъ тихо, что слышны, доходящія издалека звуки оттачиваемыхъ косъ.

Взглядъ не встрѣтитъ здѣсь ничего измѣняющаго ване впечатлѣніе—вдали блеститъ лишь узкая лента Волги, а за нею снѣбютъ холмы стариннаго Городища и Селища.

Круглая башня Ипатіевскаго монастыря.

А когда къ вечерѣ зазвонитъ колоколь низкаго звука, умолкнутъ пѣсноуѣнія, угомонятся люди и все въ природѣ, кажется, что даже, купающіеся въ послѣднихъ лучахъ солнца, верхушки деревьевъ благоговѣнно будутъ слушать эти звуки, сливающиміеся гармонично со всею музыкальностью пейзажа.

Зимой, когда вы ѣдете на тройкѣ съ бубенцами московскимъ «большакомъ», между аллей екатерининскихъ березъ заидѣвѣвшихъ и вамъ покажутся далеко на холмѣ какъ бы изъ льда и снѣга сдѣланные игрушечные домики—вамъ видна Кострома!

Зеленые и красные квадратикн, и ярко-синія и золотые главки и шары и бѣлые колонны,—это домики и церкви старья, ротонды, аркады и колонны, разсыпавшіяся по берегу ледяной, обширной равнины.

Но впечатлѣніе увеличивается еще болѣе, когда, переѣхавъ черезъ Волгу, предстануть передъ вами вблизи эти бѣлоснѣжные храмы, увѣчаннне огромными витыми главами, съ блестящей зеленой чешуей покрытыми шатрами, и золотыми куполами, окруженныя деревьями, и особенно красиво выдѣляющіеся на блѣдно-голубомъ прозрачномъ небосклонѣ, когда тамъ загорается вечерняя звѣзда...

На фонѣ чернаго неба, когда покровомъ жуткимъ, ночь окружить всѣ стѣны зданій, ярко освѣщенныхъ огнемъ фонаря, они покажутся еще живѣе, еще фееричнѣе. Выглядываютъ тогда изъ-подлюбья темныя окна домовъ, а тѣ, которые озарены изнутри свѣтомъ позволяютъ намъ увидѣть иную жизнь, ту, что за стѣнами, за геранью и за занавѣской кружевной, у лампады, на мебели старинной, и у рододендрона широколистаго.

Такъ сладостно бываетъ вечеромъ, бродя по улицамъ пустыннымъ уйти въ міры чужіе, облетѣть мечтою всѣ эти маленькіе домики, увидѣть весь уютъ патріархальнаго уклада, міръ предрасудковъ

Калитка церкви Иоанна Богослова въ Ипатіевской слободѣ.

Домъ Акатовыхъ на Мшанской улицѣ.

и ограниченнаго счастья всѣхъ этихъ маленькихъ людей, ушедшихъ цѣликомъ въ жизнь своего роднаго провинціального городка.

И церкви, съ куполами, усыпанными крупными, яркими звѣздочками, увѣчаные пирамидами, шишами и вазами, вытянутыми, сплюснутыми, перевитыми, задекорированными гирляндами и лентами, съ затѣйливымъ узоромъ оконныхъ наличниковъ, карнизовъ, съ бусами кокошниковъ и порталовъ, съ клеймами рѣзнаго камня, изображающими то звѣря лютого, то птицу-неясыть, то льва геральдическаго, окрашенные пестрыми колерами въ шапку, или въ лимонный цвѣтъ, на которомъ, какъ на парчу, положено кружево бѣлыхъ украшеній, — полны той осо-

бенной сказочной предели, которая бываетъ подъ хрустальнымъ кровомъ колнака или прессы-бюара, въ засушенныхъ цвѣтахъ весны, давно минувшей...

Надъ старинными стѣнами свѣшиваются низко и ласково, покрытые инеемъ, отяжелѣвшія вѣтви деревьевъ; придавая фантастическій видъ всему окружающему, возвышаются покрытые шапками снѣга стройныя ели; выглядываютъ изъ-за крышъ лохматые кедры, или, рисующія на темномъ небѣ, какъ иней на стеклѣ узоръ изъ страусовыхъ перьевъ, березы.

Насушились и конусообразныя верхушки башней монастыря, покрытыя снѣгомъ и охраняющія златоверхія храмы, что за высокими стѣнами.

Занесены высокими сугробами снѣга широкія лѣстницы наперти, колокольни, церкви, калиточки и ворота заснувшихъ особняковъ купеческихъ и барскихъ, со свѣтящимися оконцами, покрытыми радужными узорами.

Снѣгъ лежитъ и на оградахъ и на фонаряхъ, и на гнѣздахъ воронъ, черными стаями, съ крикомъ громящихся на обледѣнѣлыхъ сучьяхъ старыхъ деревьевъ.

Рѣзное клеимо на св. Вратахъ ц. Воскресенія.

Богоявленский соборъ.

Будка близъ Городского сада.

Передъ утренею, когда потухаютъ звѣзды, блѣднѣть небо, и загораются яхонты на краю его и, зазвонять колокола, развѣ не покажутся тогда волшебными звуки мѣрнаго звона, разносящіеся въ морозномъ воздухѣ по пустымъ еще улицамъ?

Или ночью, когда тѣни такъ темны, и небо почти черно, и яркъ свѣтъ фонарей, и все рѣже и рѣже мелькають, закутанные въ огромные шубы силуэты людей—развѣ не сказоченъ сѣдой и почти слѣпой дѣдушка-сторожъ съ деревянной примитивной колотушкой?

Развѣ не сказочны наклонившіеся набокъ и впередъ «Тріумфальные» ворота съ пирамидами, поставленными на шары?

Развѣ не сказочна и эта желтая церковка съ бѣлымъ, кружевомъ узора и съ бусами на кокошникахъ? Развѣ не сказочны врата ея низенькія, отѣпленные колонками, съ желѣзною дверцею на тяже-

Боковыя врата Троицкой церкви.

ломъ затворѣ? Развѣ не покажется Вамъ, что вотъ, дверь заскрипитъ, пріоткроется и изъ нея, нагнувшись надъ притолокой, выглянетъ худой, сторбленный, сѣдой старичекъ въ бархатной шапкѣ и въ громадной шубѣ? Развѣ не сказочны, наконецъ, эти «барочныя» нагроможденія соборной колокольни—не разъ уподобленной «пагодѣ индусской»?

Развѣ не сонъ, сохранившаяся въ своемъ древнемъ обликѣ желѣзная, огромная, лампада, что теплится неугасаемымъ пламенемъ у лика Богоматери, тамъ, высоко, у закомаръ соборнаго храма, озаряя слегка яркое золото его вычурныхъ куполовъ? Развѣ не сказочны своимъ положеніемъ, поставленныя посреди сада или пустыннаго дворика, окруженнаго низенькими домиками, занесенными сугробами снѣга, эти церковки съ мохнатыми главками, похожіе на скиты одинокіе? Развѣ не фантастичны всѣ эти калиточки, часовенки и купола?

Главная улица.

А быть тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, какимъ-то чудомъ сохранившійся до нашихъ дней? Каланча съ соннымъ пожарнымъ, гауптвахта съ арестованными офицерами, а полосатые будки часовыхъ, и столбы передъ постоянными дворами,—неужели все это, столь пригодное для декорации Гоголевской и даже Грибоѣдовской пьесы — не чудо, не феерія, а дѣйствительность??

А прелесть крѣпкаго аромата бакалейныхъ лавочекъ, теркій запахъ близъ «кожевенныхъ линій», или въ «табачныхъ рядахъ», или воркованіе голубей подъ сводами «мучныхъ» или «льняныхъ» линій? во всемъ этомъ также выражается провинціальная жизнь.

А чугуныя рѣшетки украшенныя гирляндами изъ черныхъ цвѣтовъ, вырастающія какъ бы изъ снѣга,

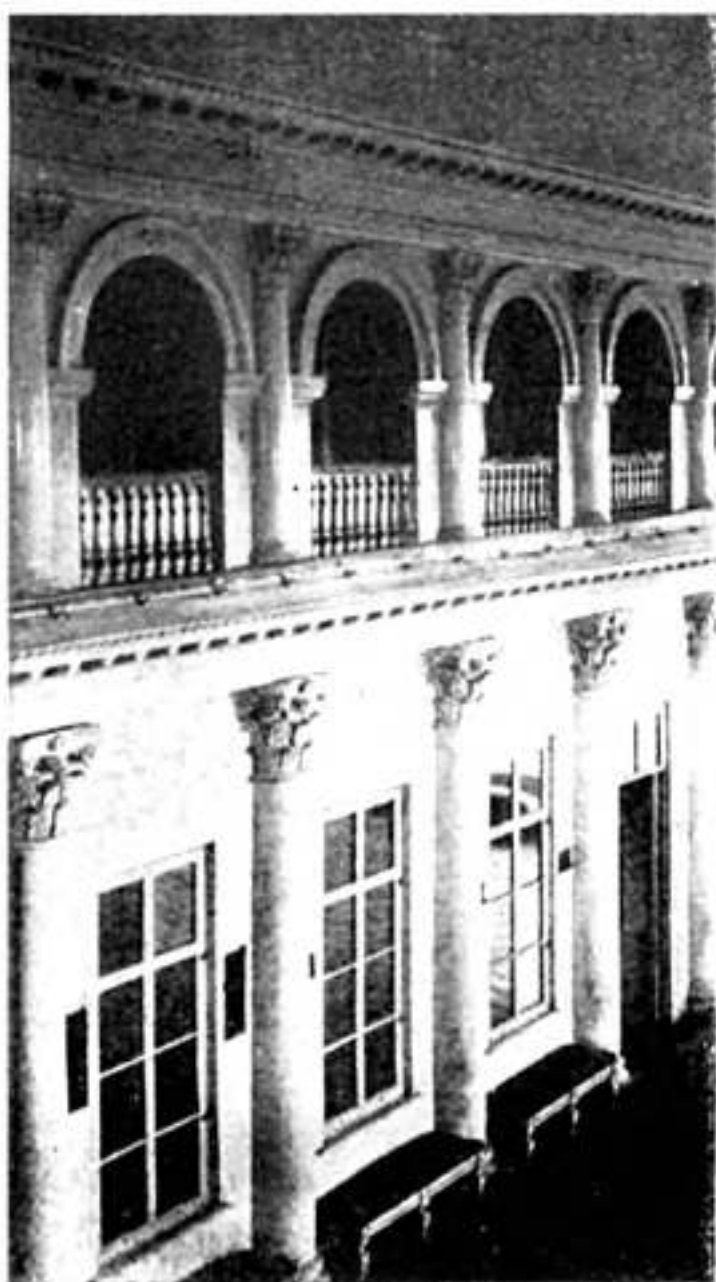
Табачный рядъ.

а иконы, восьмиугольныя, круглыя,—подъ сводами гостиныхъ дворовъ? А этотъ скрипъ, клеенкой обитыхъ, трактирныхъ дверей, изъ которыхъ валить паръ и вкусный запахъ, а обитыя стеклярусомъ карусели съ пѣгими, рыжими и воронными лошадами, удивленно смотрящими блестящими глазами и, на радость дѣтворѣ, кружащимся подъ звуки инструмента изъ бутылокъ до половины налитыхъ водою? А танцы подъ громыханія духового оркестра въ бѣлоколонномъ залѣ Дворянскаго Собранія, гдѣ встрѣтить можно еще тины давнишнихъ временъ: дамъ въ желтыхъ нарчевыхъ нарядахъ, въ платкахъ ярко-узорчатыхъ, съ бѣлыми страусовыми перьями въ пудренныхъ волосахъ, или мужчинъ въ костюмахъ временъ очаковскихъ и покоренія Крыма...

Проникнувъ черезъ затворы вратъ изъ старинныхъ желѣзныхъ цѣпей, въ уютныя церковки Костромскія,

и ощутивъ все сохранившееся здѣсь религиозное настроеніе, взглянувъ на чудеса изображенія на фрескахъ, увидѣвъ анокалинскихъ, страшныхъ, коней блѣдныхъ, рыжихъ, черныхъ, бѣлыхъ на фонѣ аллей и трельяжей увитыхъ виноградными лозами, средневѣковыхъ юношей, близъ гротовъ и терассъ усаженнаго померанцевыми деревьями фантастическаго сада — можно испытать чувство еще большаго художественнаго наслажденія. А черныя, красныя, золотыя и свѣтло-сѣрыя краски фресокъ, покрывающія стѣны панертныхъ пристроекъ, или голубыя, рыжія и коричневыя, покрывающія своды, абсиды и столбы — развѣ они не говорятъ все о томъ же волшебствѣ постиженія красоты нашими предками?

Деталь зала Дворянскаго собранія.

Икона Феодоровской Божіей Матери
въ Богоотцевской церкви.

А развѣ не
ч а р у ю т ь
и к о н ы, въ
басменныхъ,
филигран-
ныхъ, перла-
мутровыхъ, и
усыпанныхъ
самоцвѣтны-
ми каменя-
ми окладахъ,
некрящіяся
при свѣтѣ
трепетнаго
п л а м е н и
свѣчи какъ
ч и с т ы й
свѣтъ на яр-
комъ солнцѣ?
А развѣ не
прекрасны
лики иконъ -
т е м н ы е,
оливковые,

коричневые, лакомъ покрытые съ дугообразными бровями и удивленно, кротко на міръ смотрящими глазами? А вотъ кресты съ «несочкомъ іорданскимъ», и съ частью одѣяла Пафнутія Боровского, развѣ они не говорятъ о вѣрѣ, безъ крититизма, безъ колебаній все въ тоже чудо, все въ ту же красоту?

Красива Кострома и осенью, когда въ багрянцѣ и золотѣ листьвы купаются ярко-синіе купола и зеленые шатры ея церквей.

Ипатіевскіи монастырь въ половодье.

Есть предѣсть значительная въ Костромѣ и раннею весною, когда въ половодье вода, окружая весь городъ, подходитъ къ Ипатіевскому монастырю и онъ кажется плавучимъ зеленымъ островомъ. Длинные сѣрые заборы охватываютъ тогда море яблоноваго цвѣта; кружатся надъ крышами змѣи бумажные, запущенные мальчишками; высоко и пугливо перелетаютъ съ крыши на крышу голуби—сѣрые, сизые, пѣгіе, сверкая бѣлымъ крыломъ на фонѣ грозовой, майской тучи...

А надъ церквами парятъ жаворонки, славословящіе красоту, доступную имъ больше чѣмъ многимъ людямъ, лишеннымъ чутья прекраснаго и не замѣчающимъ ее даже тогда, когда, какъ въ Костромѣ, она ихъ окружаетъ почти всюду.

«Тріумфальныя» ворота Успенскаго собора.

ИСТОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО РАЗВИТІЯ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ КОСТРОМЫ.

Въ основанной сравнительно поздно Костромѣ, не могло быть строительства такой древности какъ во Владимірѣ, Ростовѣ или даже Ярославѣ, о которомъ лѣтописи упоминають уже въ 1076 году, и основаніе котораго преданіе относитъ къ началу XI вѣка. Ярославъ въ 1218 былъ уже самостоятельнымъ удѣломъ, а въ XIII вѣкѣ славился даже Преображенскимъ монастыремъ, въ то время, какъ въ Костромѣ Мурза Четь только отстранявалъ Пнатьевскую обитель.

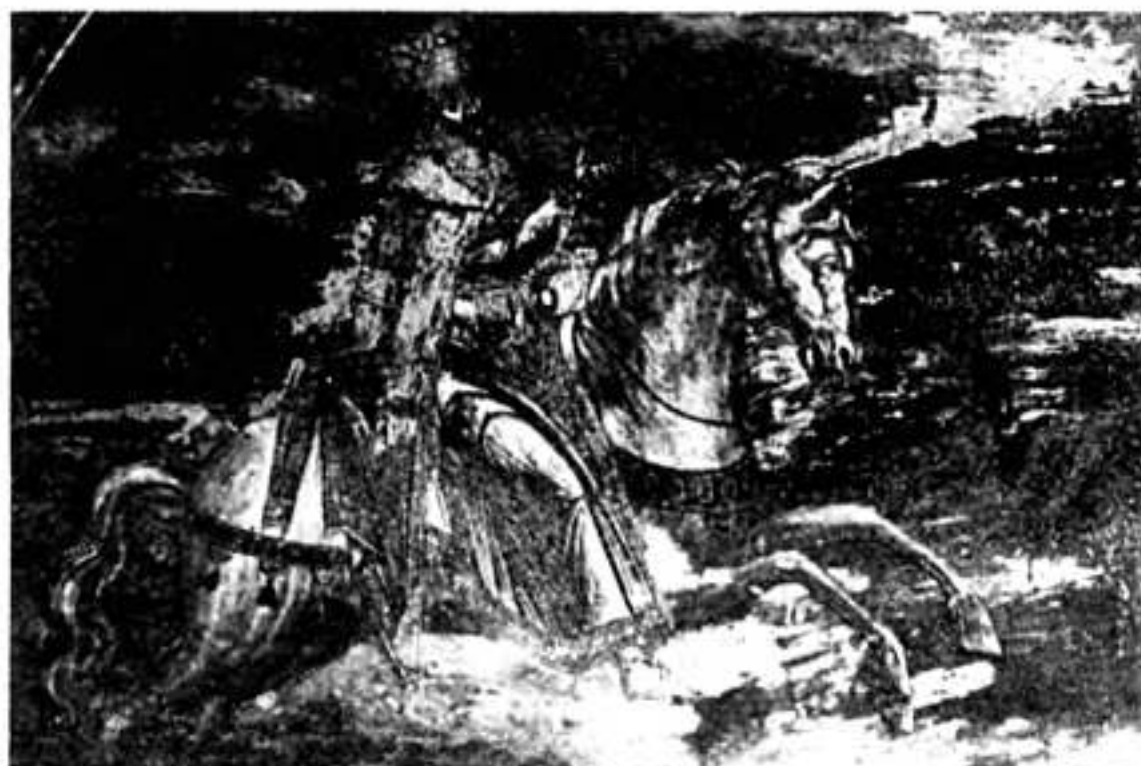
Въ Костромѣ не было столь значительныхъ властью и богатствомъ удѣльныхъ князей, какъ въ другихъ городахъ того времени; некому было заботиться о красотѣ города, возводить златоверхіе храмы; не дѣлалъ здѣсь никто, и долгое время послѣ основанія города, значительныхъ вкладовъ на построеніе такихъ зданій, которые передали бы потомству память о первыхъ сооруженіяхъ ихъ предковъ.

Богоявленскій соборъ (на мѣстѣ Кремля).

Не было здѣсь, и не осталось потому донинѣ, такихъ каменныхъ крѣпостныхъ, стѣнъ какъ во Псковѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, или Изборскѣ, тѣмъ болѣе такихъ, остатками которыхъ мы можемъ любоваться еще теперь даже въ Казани, Смоленскѣ, или Острогѣ. Въ отношеніи отсутствія Кремля судьба Костромы сходна съ Черниговымъ: въ послѣднемъ также мало сохранилось слѣдовъ отъ древнихъ валовъ и крѣпостныхъ укрѣпленій.

Бывшія въ Костромѣ, получившей почти съ самаго основанія своего типичное устройство (планъ), земляные стѣны (подобныя хорошо сохранившимся въ Переяславлѣ) — являлись нагляднымъ выразителемъ древняго вида города, единственнымъ свидѣтелемъ угасшей исторической жизни, и придавали облику Костромы значительную живописность.

Бояринъ Квашня (деталь иконы).

Въ стремленіи придать новѣй благоустроенный видъ Костромѣ преобразователи ея «наложили свою руку» и на стоявшія неизблемо земляныя «валы и осыпи», составлявшіе столь необходимую или характерную черту древняго вида Костромы. Въ 1743—1779 годахъ начато было разрушеніе валовъ и, просуществовавшая 400 лѣтъ крѣпость постепенно, въ 1809, 1817, 1818 и 1824 годахъ была срыта въ уровень съ площадью у «Триумфальныхъ» и Въѣзжихъ воротъ Успенскаго Собора. Позже, на мѣстѣ валовъ, разбили скверъ, («англійскій садъ!»), убрали находившіяся на валахъ пушки (а изъ нихъ палили вѣдь еще въ честь прибытія Екатерины Великой!) и, наконецъ, перенесли ихъ въ Муравьевскій скверъ, гдѣ, подъ пыльными кустами акаціи онѣ, и погибаютъ нынѣ...

Феодоровская икона XIII вѣка.

Такимъ образомъ до XVI вѣка художественное значеніе Костромы не могло выразиться значительно: оно не было вызвано никакими исключительными обстоятельствами исторіи и быта. Явленіе Иконы Феодоровской Божьей Матери боярину Квашнѣ, единственное событіе, давшее сюжетъ историкамъ и мастерамъ художествъ, и сюжетъ этотъ

разработаны были в достаточной степени, даже настолько, что до нашего времени уцѣлѣла одна изъ иконъ, современная этому событію (XIII вѣка).

Никакихъ иныхъ матеріальныхъ данныхъ,—живыхъ свидѣтелей угаснаго искусства,—до насъ не дошло.

Но постепенно Кострома, уже въ половинѣ XVI вѣка являвшаяся крупнымъ центромъ торгово-промышленной дѣятельности, къ концу XVI вѣка—и въ двадцатыхъ годахъ XVII становится четвертымъ посадомъ всей страны. Развитие ея и продолжается до половины XVII столѣтія.

«Достигнувъ въ XVII вѣкѣ наибольшаго своего расцвѣта, внослѣдствіи, несмотря даже на пріобрѣтенное ею случайно крупное значеніе въ исторіи Россіи, она, вмѣстѣ, со всей системой верхне-волжскихъ посадовъ начинаетъ быстро падать и затирается позже, новыми центрами».

Но не только эта непродолжительность матеріальнаго благополучія, отсутствіе крупныхъ пожертвованій или раиѣ—такихъ князей, велѣніемъ которыхъ украшалась бы Кострома—было препятствіемъ къ развитію мѣстнаго строительства: не было здѣсь и побудительныхъ факторовъ, въ видѣ какихъ-либо войнъ, сопровождающихъ ихъ побѣдъ, или иного рода событій. Пожары, — единственный случай дававшій поводъ вмѣсто уничтоженнаго пламенемъ строительства, заняться новымъ. И какъ показали изслѣдованія фундаментовъ Успенскаго собора, (произведенныя ко времени Костромскаго археол. съѣзда) кладка даже древнѣйшихъ частей его оказалась не

Рѣзное клеимо на св. вратахъ
ц. Воскресенія.

удѣлѣть древнія деревянныя церкви, такъ хорошо сохранившіеся до нынѣ въ Костромской губерніи во многихъ мѣстахъ, особенно на одинокихъ погостахъ. А вѣдь въ Костромѣ были замѣчательныя деревянныя церкви: находившаяся на мѣстѣ нынѣшней Богоотцовской и та, въ честь которой былъ построенъ придѣлъ Феодора Стратилата при соборѣ *).

Но съ XVII вѣка, особенно послѣ избранія царемъ пребывавшаго въ Костромѣ Михаила Феодоро-

*) Въ исторіи не выяснено еще въ достаточной степени была ли деревянная церковь какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ придѣлъ собора или на мѣстѣ жертвенника собора.

старѣе XVII вѣка. Слѣдовательно, единственный, связанный исторически съ прошлымъ, памятникъ зодчества, оказался сооруженіемъ сравнительно позднимъ, къ тому же испорченнымъ достройками послѣ пожара 1773 г., опустошившаго Кострому.

Конечно, въ Костромѣ, постоянно выгоравшей, не могли

Оплечье (даръ кн. Пожарскаго).

вича Романова, здѣсь начинаетъ развиваться вновь церковное художественное строительство, поддерживаемое, впоследствии, онекою богатѣйшихъ бояръ и купцовъ. Самъ царь присылалъ дары въ Кострому, а именитые бояре—Годуновы, Салтыковы и другіе избрали мѣстомъ погребенія нѣкоторые Костромскіе монастыри. Эти взаимоотношенія устанавливаютъ связь Москвы съ Костромой, и выработка стиля разнаго рода художествъ, происходитъ въ Костромѣ, конечно, подъ непосредственнымъ московскимъ вліяніемъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ присылаетъ сюда рѣзное царское мѣсто и иконы, Годуновы—потиры, блюда, князя Пожарскія — кадила, оплечья, фелони—и, вотъ, мѣстное производство, рѣзьба на камнѣ, чеканка, развивается подъ вліяніемъ этихъ

Деталь иконостаса церкви Воскресенья на Дебрѣ.

образцовъ, кладущихъ значительный слѣдъ на изысканность художественныхъ вкусовъ костромскихъ строителей и заказчиковъ.

Такимъ образомъ краеугольнымъ камнемъ въ развитіи художествъ въ Костромѣ — является это историческое событіе, обратившее вниманіе Москвы и ея людей на Кострому и, въ частности, на Шатъевскій монастырь. Вскорѣ здѣсь воздвигаются, являю-

Деталь фрески ц. Воскресенья на Дебрѣ.

щієся и поныйѣ украшеніємъ города, храмы; усовершенствованіе фресковой живописи — слѣдуетъ въ связи съ этимъ. Искусство иконописанія становится на ту же высоту, какъ и предыдущее художество.

Наиболѣе талантливыя живописцы оказываются костромичами. Ихъ вызываютъ въ другіе города, и они-то особенно возвышаютъ значеніе Костромы, какъ художественнаго центра.

Постепенно вырабатываются прекрасныя рѣзчики (кіоты, рамы), чеканщики (панкадила). По традиціи передаются хорошіе приемы мастерства и благороднаго вкуса изъ рода въ родъ и, еще въ началѣ XIX вѣка — архитектура и декоративная скульптура въ Костромѣ стоятъ на должной высотѣ.

Кострома не сохранила для исторіи русскаго зодчества такихъ памятниковъ старины ранѣе XVII

Колонки иконостаса Троицкаго собора.

вѣка, которые дошли бы до насъ въ своемъ цѣломъ видѣ, и всѣ историческія, имѣющія исключительно церковный характеръ, древности ея, — относятся уже къ XVII—XVIII вѣкамъ, т. е. къ концу блестящей эпохи въ исторіи русскаго зодчества.

Эти образцы церковнаго зодчества XVII вѣка, вообще, особенно красиваго и выразительнаго въ

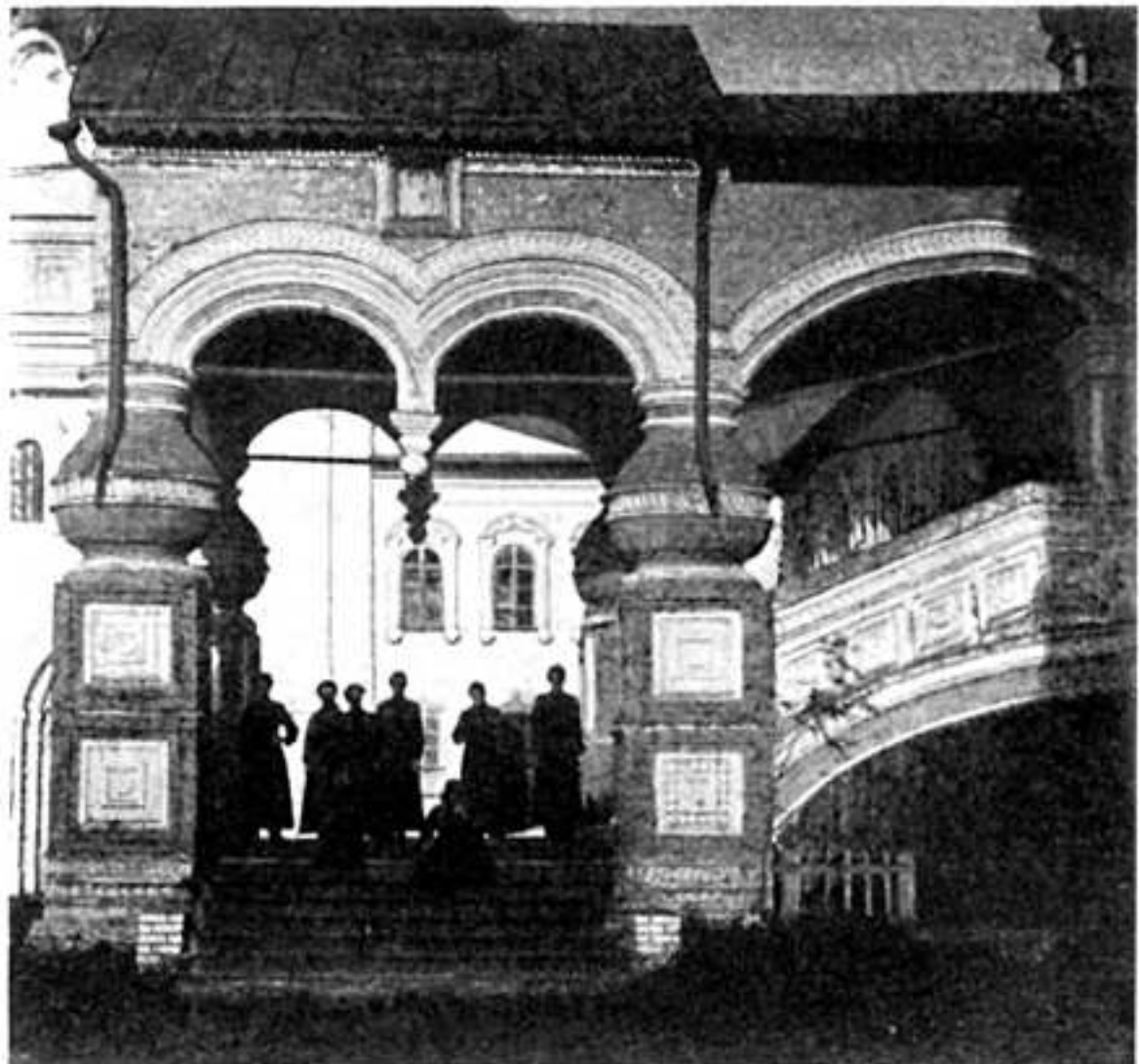

Стѣны Ипатіевскаго монастыря.

городахъ сѣвернаго Поволжья, затмѣвающіе собою даже храмы царственной Москвы, — дѣлаютъ и Кострому однимъ изъ такихъ архитектурно-художественныхъ центровъ, которые имѣли значеніе для окружающихъ ихъ меньшихъ городовъ. Но, развившеся здѣсь церковное зодчество носило нѣсколько своеобразный отбѣнокъ смѣшенія восточныхъ византійскихъ традицій (въ планѣ), западныхъ вѣяній (въ декорировкѣ) и элементовъ сѣвернаго деревяннаго зодчества (шатры, панерти).

Успенскій соборъ, основанный въ половинѣ XIII вѣка, построенъ былъ, однако, на-ново, въ концѣ XVII вѣка. Отъ прежней постройки сохранился быть можетъ лишь пріемъ плана и, единственный въ своемъ родѣ въ Россіи, поворотъ абсиды — не на востокъ, а на сѣверъ.

Слѣдующій за нимъ (по времени основанія), первой половины XIV вѣка, Ипатіевскій монастырь также не сохранилъ ничего отъ своего ранняго собора, погибшаго послѣ взрыва пороха, хранившагося въ подвалахъ; сооруженіе теперешняго собора относится къ 1649 году.

Входное крыльцо Троицкого собора.

«И Троицкий собор Ипатьевского монастыря уже памятник архитектуры московского стиля а всё существующия предположенія о генетической связи его съ архитектурою собора Ярославскаго, или Ростовскаго» говоритъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ о Костромскихъ древностяхъ проф. Н. В. Покровскій, «произошли вслѣдствіе недоразумѣнія».

Лишь колокольня имѣетъ нѣкоторую связь съ приемами зодчества Ростовской колокольни, съ коло-

кольцею Суздальскаго Спасо-Евфиміеваго и Тихвинскаго Рождества - Богородицкаго монастырей.

Соборъ Богоявленскаго монастыря, основанный въ половинѣ XV столѣтія, представляетъ собою тоже вполне типъ зодчества XVI вѣка, но и онъ чрезвычайно изуродованъ пристройкою къ нему въ восьмидесятихъ го-

Абсиды Успенскаго собора.

дахъ XIX столѣтія обширнаго храма, въ которомъ старый соборъ занялъ лишь алтарную часть, а прорѣзанныя для увеличенія доступа свѣта къ гробницамъ (въ цоколѣ) распалубки—измѣнили значительно характеръ этихъ древнѣйшихъ частей собора.

Церковь Восресенія Христова на Дебрѣ, построенная въ 1652 году и являющаяся наиболѣе цѣльнымъ въ Костромѣ типомъ храма русскаго зодчества, періода расцвѣта, «золотой поры» его—также измѣнена

Церковь Воскресенія на Дебрѣ.

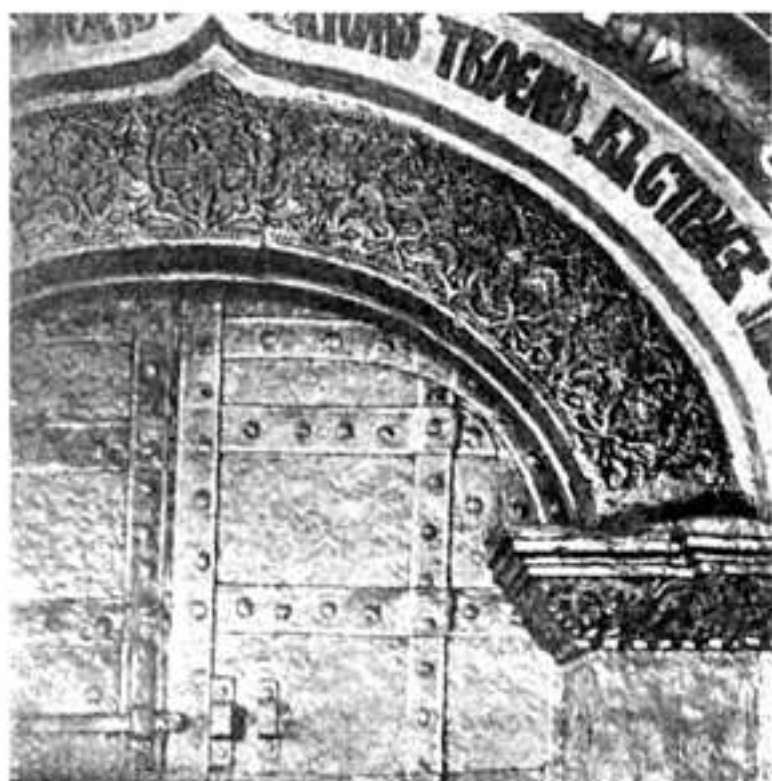
закладкою арокъ панерти и ужасающею раскраскою закомаръ и нѣкоторыхъ частей храма.

По поводу окраски «въ шашку» церквей XVII вѣка обмѣнъ мнѣній на IV Областномъ археологическомъ съѣздѣ не привелъ ни къ какимъ результатамъ. Проф. Голубцовъ, указывая на примѣры раскраски въ Троицко-Сергѣевской Лаврѣ, считалъ вполне допустимымъ подобную окраску и въ древности. Проф. Павлуцкій допускалъ возможность примѣненія подобной окраски (въ шашку) съ чередованіемъ кафельныхъ тягъ—лишь для граждан-

Порталь Троицкаго собора.

скихъ древне-русскихъ сооруженій (дворецъ царя Алексѣя Михайловича въ Сергіевской Лаврѣ, трапезная Симонова монастыря). Препод. Михайловскій отвергалъ совершенно возможность допущенія гдѣ бы-то ни было подобнаго «иллюминированія». Однако, если обратиться къ такому превосходному образцу подобной окраски, (изъ черныхъ и красныхъ треугольниковъ) какъ абсиды церкви Петра и Павла въ Ярославлѣ, то вопросъ о недопустимости такой живописной окраски самъ собою отпадетъ. Происхожде-

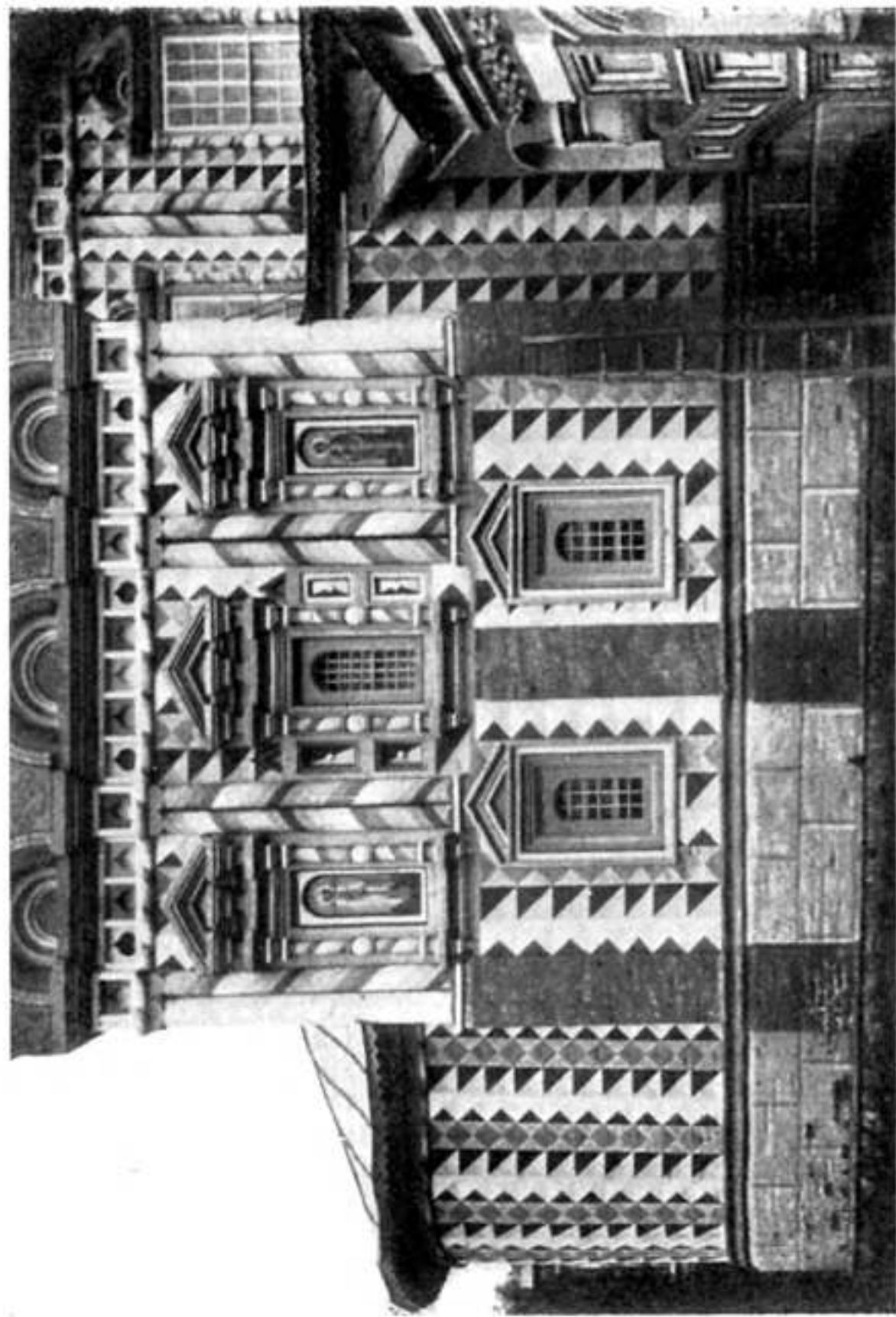
Деталь портала ц. Воскресенія.

штукатуркѣ, естественно, измѣнило характеръ изображенія этихъ граненыхъ камней но, иногда, помощью окраски, такая имитационная обработка можетъ дать впечатлѣніе рельефной поверхности, до плюзии похожей на высѣченный камень.

Въ частности, окраска церкви Воскресенія и Спаской (за Волгой) выполнена плохо, тона ея, взятыя не смѣло, — мутны; кромѣ того усугубляетъ нехудожественность ея общій видъ настоящей декорировки стѣнъ церкви Воскресенія, т. е. плохая орнаментальная роспись (между кокошниками). Однако, въ основѣ, имѣя примѣръ Ярославской церкви Петра и Павла, подобную окраску можно считать не только допустимой, но желательной и, характерной особенно въ здѣчествѣ Сѣвернаго края.

ніе ея, вполнѣ понятное, — отъ архитектуры, занесенной въ Россію итальянцами: стѣны Грановитой палаты украшена высѣченными камнями, на подобіе дворцовъ «dei Diamanti» въ Болоньѣ или Феррарѣ.

Наше выполненіе такой декорировки въ

Божьей фасадъ церкви Воскресенія на Дебрѣ.

Южная сторона входа въ церковь Воскресенія
на Дебрѣ.

Подчиненіе сѣвернымъ традиціямъ деревяннаго зодчества внесло въ храмъ Воскресенія на Дебрѣ также шатровыя покрытія крылецъ. Правда, въ Костромѣ нѣтъ, другихъ примѣровъ покрытія шатрами не только крылецъ, но и придѣловъ но, зато, упомянутыя каменные шатры Воскресенской церкви съ прелестно дѣлящими ихъ на грани ребрами, даютъ Костромѣ особый типъ церковнаго зодчества.

Крыльца и паперти, сами по себѣ, также—пережитокъ деревяннаго строительства; въ Костромѣ мы видимъ ихъ въ каменномъ и прекрасно обработанномъ видѣ въ Троицкомъ соборѣ и въ Воскресенной церкви.

Любопытенъ и типъ покрытія главокъ Костромскихъ церквей.

Сѣверное крыльцо церкви Воскресенія на Дебрѣ.

По всей вѣроятности первоначально всѣ они были покрыты черепицею или деревяннымъ гонтомъ. Частые пожары и измѣнявшіяся экономическія условія, со-

Южный фасадъ церкви Воскресенія на Дебрѣ.

дѣйствовали
образованію
металлическаго
покрытія, но типъ
его остался
прежнимъ, т.е.
черепичатымъ
или деревяннымъ,
и состоящимъ
изъ крупныхъ
листовъ латуни
(главы Успенскаго
собора въ
Москвѣ), а изъ

Деталь входа въ церковь Воскресенія
на Дебрѣ.

мелкихъ тонкихъ полосокъ, приближающихся по своему виду или къ черепицѣ (главы Ипатіевскаго собора) или къ деревянному гонту (Сергіевская церковь). Иногда ихъ золотятъ (Троицкій соборъ Ипатіевскаго монастыря, Богоявленскій въ монастырѣ) чаще красятъ, и тогда они пріобрѣтаютъ особенно курьезный, своею мохнатостью, видъ (Сергіевская церковь). Въ Костромѣ сохранились, впрочемъ, и черепичатые покрытія главокъ (церковь Вознесенія на Дебрѣ) и шатровъ (Троицкая церковь и др.).

Но несмотря на эти измѣненія всѣ четыре наиболѣе древніе храма Костромы—одного кубическаго типа архитектуры, съ увѣличивающими ихъ пятью

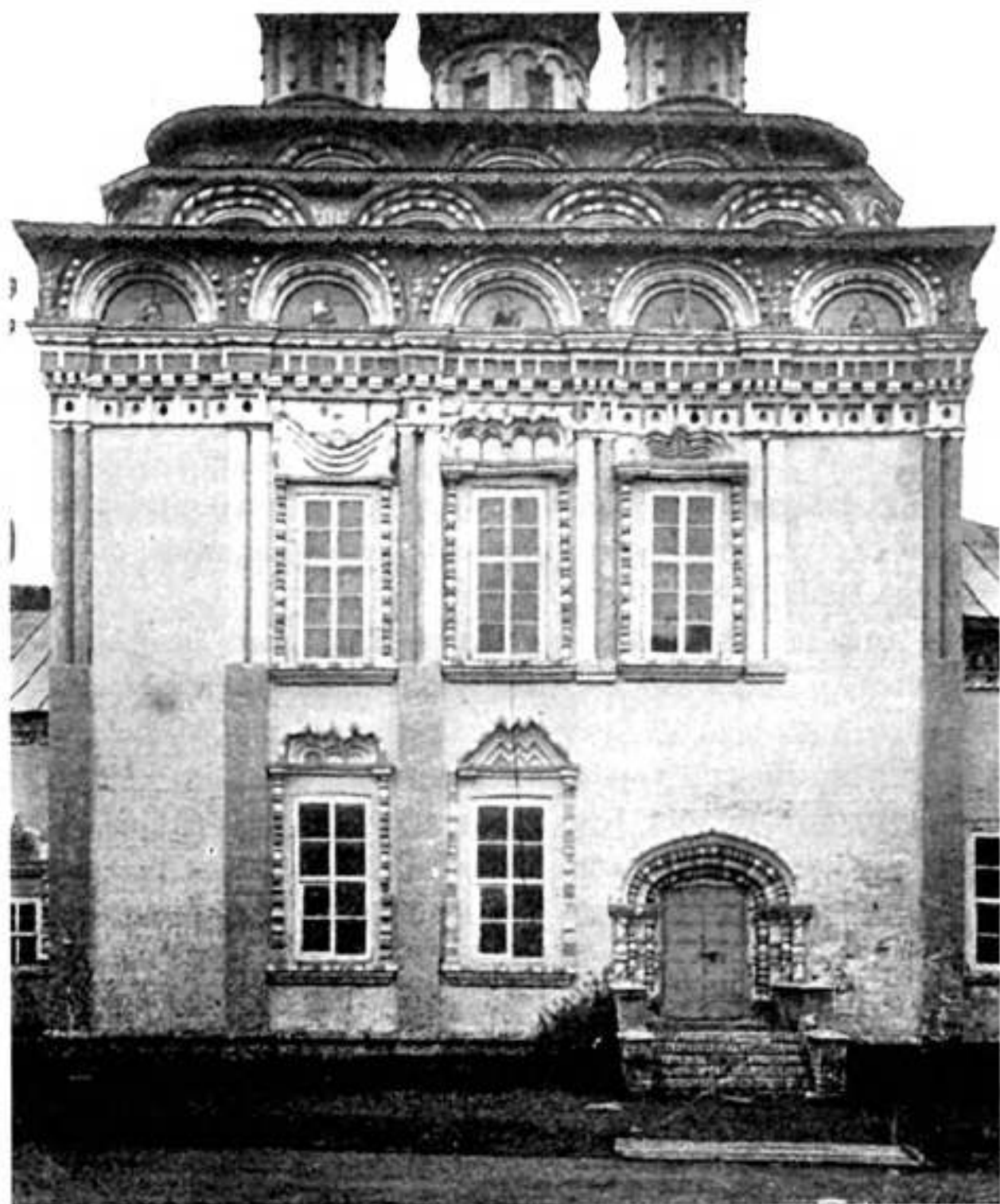

Св. брата церкви Воскресенія.

главами и снабженныя тремя алтарными абсидами, (т. е. совершенно московскаго облика) представляютъ въ общемъ, значительный и цѣнный матеріалъ, обладаніе которымъ ставитъ Кострому въ число городовъ очень интересныхъ для любителей и ученыхъ въ области русскаго искусства.

Изъ этого общаго кубическаго типа храмовъ можно выдѣлать прелестную,

почти одновременно съ ними воздвигнутую (въ 1650 году), Троицкую церковь, также кубическую, но съ отличнымъ переходомъ ея отъ куба къ главамъ помощью трехъ ярусовъ кокошниковъ, такого типа, какъ въ нѣкоторыхъ Московскихъ храмахъ (церковь Покрова въ Рубцовѣ, Старый соборъ Донскаго монастыря, церкви Николы въ Стогнахъ, Николы въ Гончарахъ, Сергія въ Пушкаряхъ) и въ Спасской церкви (1668) въ Балахиѣ, Нижегородской губ.

Южный фасадъ Троицкой церкви.

Троицкая церковь является, кромѣ того, прекраснымъ примѣромъ не только значительной оригинальности своего архитектурнаго замысла, но и показателемъ изумительной фантазій въ детализовкѣ и художественности въ выполненіи ея. Мягкія очертанія бусь (на кокошникахъ), тягъ, карнизныхъ переходовъ граней угловъ, притертыхъ какъ бы умышленно, рукою чуткаго художника — даютъ впечатлѣніе «выбѣвленности» всѣхъ формъ постройки: и такъ очевиднымъ становится, что въ рукахъ древняго мастера не было циркуля и линейки!

Во многихъ другихъ церквахъ Костромы уже чувствуется одновременно съ итальянскимъ вліяніемъ и чертежное начало *).

Послѣдующіе годы не дали Костромѣ особенно значительныхъ образцовъ церковной архитектуры. Здѣсь повторяется почти исключительно и на многихъ примѣрахъ типъ шатровой колокольни (вродѣ колокольни Іоанна Богослова, въ Пшатъев. Слободѣ), съ разными видоизмѣненіями декорировки столбовъ, поддерживающихъ шатеръ, (колонки, два пилястра, и т. п.), и съ разною обработкою этого шатра (большимъ или меньшимъ количествомъ слуховыхъ оконъ его). Кубическій храмъ увѣнчивается почти исключительно пятиглавіемъ, и вотъ, въ группировкѣ его, въ различіи скомпонованности этихъ главъ и въ рисункѣ силуэта ихъ заключается все разнообразіе

*) Ранѣе, въ Псковѣ, Новгородѣ гдѣ его не было вовсе, не чувствуется и эта острота очертаній, которая вносится, позднѣе, лишь въ „русскомъ ренессансѣ“.

костромскихъ храмовъ конца XVII столѣтія, полныхъ, главнымъ образомъ, красотой силуэта и живописности положенія.

Абсиды Троицкой церкви

Однако, въ хронологическомъ порядкѣ, слѣдующія за вышеупомянутыми, церкви (Сергіевская, Спасская за Волгою, Юанна Богослова, въ Ипатьевской слободѣ, Николаевская у Волги) и другія, въ совокупности своей составляютъ интересный матеріалъ для исторіи русскаго церковнаго строительства конца XVII и даже первой четверти XVIII вѣка (въ глухой провинціи зодчество русскаго стіля удержалось значительно дольше, чѣмъ въ столицѣ). Шатровыя колокольни, форма куполовъ, и разнаго рода приемы установки и группировки главковъ на крышѣ, даютъ возможность интересныхъ сопоставленій, параллелей и выводовъ. Правда, многія изъ этихъ церквей скорѣе любопытны курьезностью своихъ формъ, утрировкой пропорцій, гротескомъ деталей, но почти всѣ они чрезвычайно художественны своею красочностью, своимъ уютомъ, и

Колокольня Иоанно-Богословской церкви.

нѣе, такъ очаровательны въ своемъ общемъ скомпонованномъ видѣ, что уже однимъ своимъ виѣшнимъ обликомъ они заслуживаютъ на то, чтобы стать такимъ украшеніемъ Костромы, которое стоитъ его обозрѣнія.

Но помимо церковнаго зодчества въ Костромѣ есть и превосходные памятники гражданскаго русскаго зодчества XVII—XVIII вѣка: это стѣны, украшенные прелестными, живописностью своею, башнями

с компонованностью съ окружающимъ ихъ пейзажемъ. Бѣлые стѣны церквей, украшенные синими главками или золотыми куполами, усыпанными звѣздами, окружены развѣсистыми деревьями, амбрами и сѣрыми заборами. Получившія даже позднѣйшія нагроможденія изъ всякихъ пристроекъ, церквямъ не менѣе

Ипатьевского монастыря, такія же, но, къ сожалѣнію попорченныя многочисленными пожарами, стѣны Богоявленскаго монастыря *), и, наконецъ, въ этомъ же монастырѣ двухъ-этажный корпусъ, украшенный наличниками красиваго рисунка.

Ильинская церковь въ Городищѣ.

Такимъ образомъ, все главное значеніе художественнаго зодчества Костромы сосредоточено въ ея немногочисленныхъ, но превосходныхъ храмахъ XVII столѣтія. Эпоха эта представлена здѣсь блестящими образцами; они и ставятъ Кострому въ число русскихъ городовъ—художественныхъ разсадниковъ.

Лишь во второй половинѣ XVIII столѣтія стиль барокко, пришедшій въ Кострому, конечно, значительно позже нежели наступилъ расцвѣтъ его въ столицахъ, — даетъ и зодчеству Костромы два-три блестящихъ примѣра своего великолѣпія.

Богоявленскій соборъ и его колокольня вмѣстѣ съ оградой, воротами и калиточками въ ней, обра-

*) Одна изъ башенъ изуродована недавнею перестройкою, остальные сильно обветшали.

Деталь иконостаса Бого-
отцовской церкви.

зуеть исключительній по красотѣ ensemble сооруженій этого стиля. На смѣну барочнымъ теченіямъ приходятъ, также съ запозданіемъ, классическія вліянія: сначала стиль Людовика XVI, съ характерными для него безукоризненно стройными, канонизированными колоннами, гирляндами и строго прорисованными триглицими фриза: церкви Спаса въ Подвязьѣ, Покровская и Алексѣевская—достаточные, хотя и очень скромные примѣры этого вліянія.

Классическія теченія, царившіе уже надъ вкусами петербуржцевъ, также дали Костромѣ сооруженія, которыя и по нынѣ могутъ составить красивую страницу въ исторіи ея художественной архитектуры, восполняя собою кромѣ того пробѣлъ, заключающійся, въ отсутствіи здѣсь образцовъ гражданскаго зодчества русскаго стиля не-монастырскаго предназначенія. Но

Портикъ гауптвахты.

если «барочная» колокольня построенная въ концѣ вѣсмидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія — имѣла значеніе не только какъ лучшее архитектурное украшеніе Костромы но и какъ оригиналь для копированія, то въ этомъ же смыслѣ значеніе позже появляющихся «ампирныхъ» сооружений было слабѣе и такіе рѣдкіе типы строительства, какъ каланча или гауптвахта остались безъ подражанія. Такимъ образомъ Кострома въ послѣднее время перестала быть художественнымъ центромъ, но вслѣдствіе этого она нисколько не потеряла своего художественнаго значенія. Тѣмъ болѣе становятся цѣнными ея великолѣпные типы строительства что они не вызвали распространенія подобныхъ же и

Видъ на Каланчу изъ галлерей
Гостиннаго Двора.

не были ослаблены въ своемъ великолѣпнѣйшѣмъ подражаніями.

Прекрасна колоннада пожарной каланчи, ротонда гауптвахты. Они были осуществлены къ 1823 — 6 годамъ, но стиль ихъ зодчества значительно болѣе ранній, (все на основѣ того же запоздыванія архитектурныхъ вліяній въ провинціи).

Собственно усиленіе гражданскаго зодчества этого стиля совпадаетъ съ введеніемъ въ Россіи намѣстничествъ и вызванною этимъ введеніемъ потребностью въ помещеніяхъ канцелярій, «присутственныхъ мѣстъ». По проекту мѣстныхъ зодчихъ Метлина, Фурсова, впоследствии Уткина, и, можетъ быть, петербургскихъ, (Висконти?) воздвигаются въ Костромѣ (и въ Кинешмѣ, Юрьевцѣ, Плесеѣ и другихъ уѣздныхъ городахъ) — прекрасные внутренностью своихъ

Деталь дома дѣтскаго пріюта.

Печь въ окрестностяхъ Костромы.

фасадовъ, украшенные портиками, фронтонами, или колоннадами, здания.

Городское и частновладельческое строительство, по преимуществу на основѣ купеческихъ богатствъ развивается также быстро и мы видимъ въ Костромѣ образцы прелестныхъ зданій и особняковъ, украшенныхъ всеми орнаментами, присущими Александровскому классицизму или позднѣйшему. Украшающія комнаты, печи могутъ быть поставлены въ ряду лучшихъ образцовъ художества этого рода въ Россіи.

Какъ будто «цѣлинное» (майоличное) производство, издѣлія котораго покрывали собою ранѣе богато фризы Костромскихъ церквей *), замеревъ на долгіе годы, возродилось снова, чтобы создать еще разъ прекрасные произведенія мѣстнаго художественно-декоративнаго творчества. Николаевское время даетъ еще красивые но нѣсколько казенные примѣры строи-

*) Позднѣе закрашенные; напримѣръ въ ц. Спаса за Волгою, въ Троицкой и другихъ.

тельства, обогатившіе тоже художественное значеніе Костромы: строгъ памятникъ Сусанину, Демуть-Малиновскаго, внушительны гражданскія сооруженія этого періода, и, несмотря на значительно уменьшившуюся живописность, всё эти постройки прекрасно гармонируть съ предъидущими

Домъ Сунгурова.

сооруженіями. Впрочемъ, ихъ объединяетъ одно выраженіе, одна общая черта—провинціализмъ ихъ композиціи: гротескъ деталей, курьезъ пропорцій, одинаковость окраски...

Окраска большинства домовъ классической архитектуры Костромы однотонная, интересная мертвенною блѣдностью. Но хотѣлось бы оживить ея двухтонной гармоніей, своею когда лимонный, фисташковый, персиковый или фіолетовые тона дали бы сов-

Ворота дома дворянства.

сѣмь особую «красочную жизнь» улицамъ Костромы...

Лишь домъ Гаунтвахты, недавно Губернскаго Правленія да «Старый дворъ» покрашены въ два цвѣта (охру съ бѣлымъ) и надо бы слѣдовать этимъ примѣрамъ! Какъ красивы, напримѣръ, два домика мыльно-розоваго цвѣта: одинъ на Ильинской улицѣ и другой на Нижне-Дебринской!

Можно пожалѣть также, что Георгіевская церковь покрашена сплошь въ зеленоватый цвѣтъ, и что на «барочной» колокольнѣ собора бѣлыя колонны не выдѣляются бирюзовымъ фономъ.

Если мы обратимся теперь къ внутреннему убранству храмовъ, то увидимъ, что художественное значеніе Костромы увеличится еще болѣе.

«Костромская школа иконописцевъ—(фрескистовъ) изографовъ, покрывавшихъ огромное количество квадратныхъ аршинъ стѣнъ костромскихъ церквей живописью, и выдвинувшая нѣсколько именъ—авторовъ прекраснѣйшихъ фресокъ и иконъ—Гурія Никитина, Силу Савина, и давшая основу даже «Царскимъ» иконописцамъ—безспорно оставила въ Костромѣ много лучшаго изъ своего мастерства».

Деталь стѣнописи Троицкаго собора.

Имѣя ввиду, что за послѣднее время наблюдается, вообще, все большій интересъ и стремление подойти къ церковному искусству древней Руси, съ эстетической, а не только съ чисто научной или «елейной» точки зрѣнія — значеніе фресокъ, а костромскихъ храмовъ,—какъ это мы выяснимъ сейчасъ, въ особенности,—увеличится еще болѣе.

«Страшный судъ» (Стѣнопись Троицкаго собора.).

«Стѣнописи Костромскихъ храмовъ поражаютъ особенно своею площадью. Они уступятъ въ этомъ, быть можетъ, только Ярославскимъ храмамъ. Конечно, въ Москвѣ не было столь огромныхъ по размѣру композицій».

Пожалуй, даже наибольшее значеніе изъ художественныхъ цѣнностей въ Костромѣ, имѣютъ именно эти стѣнописи, такъ какъ они, конечно, сильнѣе зодчества, могли имѣть большое вліяніе (при посредствѣ изографовъ) на стѣнописи другихъ городовъ Россіи и даже Москвы. Правда и изъ Ярославля и

Кинешмы (Гурій Никитинъ Кинешемцовъ) и, изъ Романова и Вологды вызываемы были «городовые иконописцы», и, даже несмотря на главенство, — въ Москву. Такова ужъ была, очевидно, высота художественной культуры и Костромы, что она снабжала мастерами одно время всю Русь.

Конечно, воздѣйствіе эстетическихъ вкусовъ и традицій было не только въ области живописи, но и во всѣхъ остальныхъ, однако, тамъ оно было неизмѣримо меньшимъ.

«Отличіе характера росписи Костромскихъ храмовъ XVII вѣка отъ Московскихъ какъ и отъ Ярос-

Деталь стѣнописи Троицкаго собора.

Сгънопись Троицкаго собора Ипатьевского
монастыря.

лавскихъ (отчасти) было въ томъ, что, совершенно избѣжавъ мрачности и грознаго аскетизма первыхъ—она не впало въ крайность радостнаго умиленія и игрушечно-расписнаго, почти коврового типа, вторыхъ.

Черные съ свѣтлыми нимбами фигуры святыхъ на фонѣ золота въ росписи Успенскаго собора Москвы, съ одной стороны и желто-голубые перебрасывающіе другъ на друга яркіе рефлексы стѣнописи храмовъ Ярославля, съ другой стороны «были крайними предѣлами, между которыми оказались фрески Троицкаго Ипатіевскаго собора или церкви Воскресенія на Дебрѣ».

Особенно любопытны, въ этомъ отношеніи, стѣнописи (паперти) послѣдней,—выполненныя не безъ суроваго величія въ черномъ, красномъ, сѣромъ и золотомъ тонахъ—но по содержанію своему, однако, полныя наивнаго бла-

Деталь стѣнописи ц. Воскресенія.

годушія: отнюдь не пугаютъ здѣсь всѣ эти драконы, дьяволы и гидры!

Ослнца, на которой богоматерь съ младенцемъ убѣгаетъ въ Египеть, изображена въ видѣ бѣлаго, стройнаго коня, и даже, апокалипсическій, скачущій «Конь блѣдный», съ возсѣдающею на немъ фигурою смерти не напомнитъ никому о возмездіи въ адѣ. Также и въ наружномъ убранствѣ, типичной для этой же эпохи церкви Воскресенія на Дебри (Троицкій соборъ Ипатіевскаго монастыря и Богоявленская церковь въ монастырѣ этого имени — скорѣе типы зодчества XVI вѣка)—мы видимъ хотя почти такую же раскраску какъ и въ Ярославской церкви Петра и Павла, но и здѣсь цвѣтъ шашекъ и отсутствіе майоличныхъ (зеленыхъ) украшеній, которые такъ разнообразятъ черно-красную гамму тоновъ стѣнъ Ярославской церкви — дѣлаютъ архитектуру Воскресенской церкви болѣе серьезной.

Такъ какъ искусство XVII вѣка по преимуществу было церковнымъ и не ограничивалось, какъ показывается настѣнная живопись въ храмахъ, лишь религіозными (догматическими) изображеніями и не только Новыи и Ветхій Завѣтъ, но и исторія церкви и, даже, исторія Россіи, притчи и, особенно, Апокалипсисъ, давали много темъ для огромныхъ живописныхъ цикловъ, украшающихъ стѣны церквей, то и въ этихъ фрескахъ открывается совершенно новый эстетическій міръ, необыкновенно поучительный для пониманія души художника XVII вѣка.

А такъ какъ живопись, какъ станковая, такъ и стѣнная, исчерпывались почти исключительно ико-

пописью, украшавшей древне-русскіе храмы—«и то лучшимъ образцомъ древне-русской живописи, вообще, остаются эти фрески новолжскихъ церквей».

«Живописцы - костромичи не ограничивались и одними «переводами», т. е. передачею установившихся темъ, освященныхъ традиціею. Они вносили и свои, новыя композиціи».

Эрудиція мастеровъ, ихъ умѣнье, даже въ предѣлахъ иконописнаго стиля, изображать сложнѣйшія бытовыя и историческія сцены, сдѣлали изъ нихъ первыхъ царскихъ мастеровъ и содѣйствовали образованію школы, распространившей свое вліяніе далеко за предѣлы края.

«Начитанность и знанія западныхъ гравюръ того времени содѣйствовали внесенію въ работы этихъ художниковъ многихъ элементовъ западно-европейскихъ, особенно итальянскихъ, фресокъ». Изображенія травъ и пейзажа на фонахъ, богатой архитектуры изъ фантастическихъ средневѣковыхъ замковъ, башенъ и терассъ (даже города на фонѣ!) и палаццо—указываютъ прямо на источники позаимствованія. Но здѣсь кіоски, бесѣдки, лѣстницы, гроты и навѣсы въ итальянскомъ «барокко»—странно соединяются съ средневѣковыми замками, и на фонѣ трельяжей и боскетовъ, увитыхъ лозами или плющемъ, мы видимъ святыхъ въ согбенныхъ, византійскихъ позахъ!

Сюжетъ росписи, позаимствованный изъ иллюстрированной библіи Пискатора, вноситъ въ живопись новшества фряжскаго письма, и въ началѣ XVIII вѣка, и даже въ послѣдніе годы XVII, оканчивается развитіе исконныхъ пріемовъ иконописанія.

Деталь стѣнописи Троицкаго собора.

кахъ и изображеніяхъ, свобода, правда, не допускалась, но въ расписываніи изображеній изъ жизни святыхъ, художникъ былъ свободенъ въ выборѣ темъ и долженъ былъ придерживаться лишь границъ иконописнаго стиля».

Поэтому-то стѣнописи папертей и интереснѣе настѣнной живописи самого храма.

Но слѣдованіе исключительно подлинникамъ, пользованіе установившимися традиціями и «переводами» въ половинѣ XVII вѣка не «образуетъ такихъ канонѣвъ, не выходя изъ которыхъ, живопись рисковала бы войти въ шаблонъ. Мы видѣли насколько въ Костромѣ пространно понимаемы были эти предѣлы. «Въ наиболѣе важныхъ фрес-

Деталь стѣнописи Троицкаго собора.

Здѣсь могло свободно развертываться декоративное начало живописи, а оно-то и составляет главную основу русскаго художественнаго творчества, заслуживающаго давно уже не только историческаго, но и эстетическаго разсмотрѣнія.

Даже обнаженныя человѣческія фигуры очень часто встрѣчаются на этихъ фрескахъ, а введеніе въ строгую русскую иконопись элементовъ западной живописи даетъ чрезвычайное богатство темъ.

Позаимствованіе художниками богатѣйшаго средневѣковаго иностраннаго гардероба и эксцессуаровъ итальянскаго ренессанса, особенно, дѣлаетъ многія изображенія фееричными и театральными. Среди еловыхъ лѣсовъ и зеленыхъ луговъ, поросшихъ кувшинками — торжественно выступаютъ герольды, въ островерхихъ и широкополыхъ шляпахъ, юноши, одѣтые въ полосатые костюмы, рыцари, вооруженные доспѣхами и закованные въ латы...

Красочное богатство фресокъ еще большее нежели изобразительное. Стѣны испещрены тональными гаммами изысканнѣйшей красоты. И, всматриваясь въ эти отдѣльныя изображенія, видишь полное подчиненіе новымъ декоративнымъ задачамъ.

Краски нѣкоторыхъ костромскихъ фресокъ сильно отличаются отъ Ярославскихъ и Романово-Борисоглѣбскихъ и блѣдно-сѣрый, черный и красный тона даютъ прекрасную гамму, во всякомъ случаѣ болѣе внушительную и сильнѣе навѣвающую религіозныя мысли, нежели желто-голубая гамма фресокъ Ярославскихъ храмовъ *).

Блѣдно-сѣрый цвѣтъ — признакъ поновленія фресокъ, въ данномъ случаѣ, однако, былъ очень умѣстенъ и, хотя онъ вытѣснилъ синіе и голубые цвѣта, — мало измѣнилъ живописность и основную красоту изображеній.

Трудившіеся въ Ярославль въ 1680 году въ Ильинской церкви 15 живописцевъ «о бозѣ изографы города Костромы Гурій Никитинъ Сила Савинъ и другіе» работали въ Костромѣ ранѣе и лучше Гурій Никитинъ (Кинешемцовъ) и другіе писали потомъ и въ Москвѣ «у государевыхъ иконописныхъ дѣлъ». Отсюда можно видѣть насколько

Деталь стѣнописи Троицкаго собора (на столбѣ).

было велико значеніе Костромской школы живописи.

Въ Костромскомъ Ипатьевскомъ соборѣ сохранилась съ нѣкоторыми новѣйшими исправленіями настѣнная живопись, которая можетъ быть названа однимъ изъ лучшихъ памятниковъ всей московской стѣнописи второй половины XVII вѣка.

Двѣ записи на стѣнахъ храма сообщаютъ намъ очень важныя свѣдѣнія о времени, когда исполнена была эта настѣнная живопись и объ ея исполните-

Деталь стѣнописи Троицкаго собора (на столбѣ).

дахъ (занимаетъ на стѣнахъ южной, сѣверной и западной). Прекрасною вязью написано здѣсь слѣдующее (читаемъ сокращенно):

«1685 сентября при державѣ Царей и Великихъ Князей Юанна Алексіевича и Петра Алексіевича» и далѣе (на сѣверной стѣнѣ)—перечисленъ рядъ именъ только что встрѣтившихся намъ при упоминаніи объ Ярославскихъ росписяхъ: «трудившіеся изографы града Костромы Гурій Никитинъ, Сила Савинъ, Василій Основовъ, Василій Коз-

минъ, Артемій Тимофѣевъ, Петръ Аверкіевъ, Марко Назарьевъ, Василій Никитинъ и др.». Во главѣ иконописной артели стоялъ—Гурій Никитинъ.

Это былъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ русскихъ

Деталь стѣнописи Троицкаго собора (въ куполѣ).

иконописцевъ второй половины XVII вѣка. О высокихъ качествахъ этого царскаго изографа свидѣлствуютъ какъ донедшія до насъ живописныя работы, такъ и та аттестація, которая дана была ему главой «Царской школы» Симономъ Ушаковымъ,

и Царскими иконописцами въ 1678 году по случаю назначенія его, послѣ смерти извѣстнаго Никиты Павловца, на мѣсто первостатейнаго жалованнаго иконописца: «Костромитянинъ Гурій Никитинъ мастерствомъ своимъ противъ Никиты Павловцова стоитъ иконное писъмо пишетъ самое доброе мастерство». (Гурій Никитинъ и Маркъ Назарьевъ уже въ 1666 году были приписаны къ первой статьѣ иконописцевъ. Многіе изъ этихъ же иконописцевъ расписывали Ильинскую и Феодоровскія церкви въ Ярославлѣ). Не безынтересно ознакомиться хотя бы вкратцѣ съ дѣятельностью этихъ Костромичей художниковъ, работавшихъ въ родномъ городѣ. Гурій Никитинъ и Сила Савинъ въ 1659 году вмѣстѣ съ другими дали поручную записъ «быть у государевыхъ иконописныхъ дѣлъ съ Московскими иконописцами», они же упомянуты въ росписи иконописцевъ, посланныхъ къ Государю въ Москву въ 1660 году, снова вмѣстѣ съ М. Назарьевымъ и В. Осиповымъ они были вызваны въ Москву. Г. Никитинъ и М. Назарьевъ въ 1660 году работали тамъ въ Архангельскомъ соборѣ и приписаны были къ первой статьѣ.

Всѣ они посланы были отъ архангельскаго стѣннаго писъма въ Оружейную палату. М. Назарьевъ отпращенъ былъ для работъ въ Успенскіи соборъ, и «въ церковь, что у Великаго Государя вверху».

Никитинъ въ 1667 году писалъ кинарисные складни для царицы Маріи Ильинишны. Никитинъ и Савинъ посылаемы были для работъ еще въ Переяславскіи Даниловъ монастырь. Въ 1670 году ихъ снова вызываютъ въ Москву. Костромскіе иконо-

ницы расписывали стѣны и ростовскаго собора, (при митрополитѣ Іонѣ). Въ числѣ этихъ мастеровъ были также Гурій Никитинъ и Сила Савинъ. Гуріи Никитинъ во всѣхъ казенныхъ работахъ относимъ былъ къ I-й статьѣ «кормовыхъ Царскихъ иконописцевъ». Очевидно, такимъ образомъ, что это былъ мастеръ выдающійся. Къ росписи Ипатьевского Костромскаго собора примыкаетъ по основнымъ чертамъ настѣннаго письма и роспись выработанная въ XVI—XVII вѣкѣ въ Москвѣ, получившая отдѣлку въ «Царской школѣ» царя Алексѣя Михайловича. Здѣсь тотъ же стиль, тѣ же приемы, та же иконографія, та же техника.

И Костромскіе иконописцы, получившіе свое специальное образование въ высшей придворной школѣ того времени и оставили слѣды своихъ талантовъ и знанія въ родномъ Костромскомъ краѣ — въ Троицкомъ соборѣ Ипатьевского монастыря.

Можно считать несомнѣннымъ, что вліяніе этой Костромской школы были очень сильно и въ Ярославлѣ и въ Ростовѣ, и во Владимірѣ, а на сѣверѣ

Деталь стѣнописи Троицкаго собора.

Деталь стѣнописи церкви Воскресенія на Дебрѣ.

мо говоритъ объ этомъ, какъ о вполнѣ достовѣрномъ фактѣ «Въ 1672 году иждивеніемъ Петра и Михаила Салтыковыхъ стѣны собора и своды усыпальницы росписаны по тогдашнему искусству греческимъ письмомъ».

Воскресенская на Дебрѣ церковь — обращающая на себя вниманіе со стороны архитектурной, имѣеть выдающееся значеніе и по своему внутреннему убранству. Сохранившейся въ галереяхъ ея вышеупомянутыя стѣнописи позволяютъ ясно какъ и въ Богоявленскомъ соборѣ (монастыря) различать ста-

Россиѣ — оно сказывается вполнѣ. Въ Костромѣ съ вѣроятностью могутъ быть приписаны тѣмъ же Гурію Никитину и Силѣ Савину еще настѣпныя росписи Собора Богоявленскаго монастыря. По крайней мѣрѣ П. В. Баженовъ, въ своемъ подробномъ описаніи этого монастыря пря-

Деталь стѣнописи церкви Воскресенія на Дебрѣ.

ныя графы, составляющія именно одну изъ техническихъ примѣтъ старинной фресковой живописи.

Стѣнописи эти несомнѣнно очень раннія т. е. ихъ слѣдуетъ относить къ 50 годамъ XVII столѣтія, т. к. церковь освящена была уже въ 1650—52 годахъ. Слѣдовательно по времени фрески

эти даже болѣе раннія нежели стѣнописи Ильинской церкви въ Ярославѣ. Въ эти годы еще не существовала артель Гурьева и Никитинъ (Кинешемцовъ) и С. Савинъ впервые были вызваны въ Москву только въ 1660, (1659) году, т. о. если они работали въ Воскресенской церкви въ 50-хъ годахъ, то во всякомъ случаѣ не съ тою артелью, во главѣ которой они работали въ 80-хъ годахъ.

Украшенная стѣнописью Спасская, за Волгою,

церковь также составляет одну из Костромских художественных достопримечательностей. А когда то наружныя стѣны ея украшены были еще изразцами, (теперь замазанными!) Но зато внутри церковь сохранила свои фрески почти безъ особыхъ исправленій.

Не сохранилась записъ о мастерахъ (и о времени) производившихъ эту работу, но видимо фрески захватываютъ конецъ XVII вѣка, и возможно, что въ числѣ мастеровъ находились нѣкоторые, носившіе уже намъ извѣстныя имена, прямо или косвенно принадлежащія къ славной группѣ костромичей—мастеровъ «Царской школы».

«Правда эти стѣнописи не могутъ быть приравнены Ипатьевскимъ, въ нихъ нѣтъ той широты и цѣльности художественнаго возрѣнія, онѣ гораздо суше въ нихъ гораздо больше педантизма и склонности къ модернизациі, но все же послѣ Ипатьевскихъ и фресокъ Воскресенской церкви, они занимаютъ первое мѣсто, какъ по древности такъ и по исполненію».

Уцѣлѣли еще стѣнные росписи, создающія славу Костромы, въ церкви Іоанна Богослова (въ Ипатьевской слободѣ)—относящіяся къ 1735 году. Хотя ихъ и «обновилъ» (Сафоновъ) но уцѣлѣли заключающіеся въ нихъ иконографическія композиціи.

Записъ объ иконописцахъ, находящаяся на сѣверной стѣнѣ, говоритъ: «града (Костромы) трудившіеся изографы: Стефановскій поиъ Ѳедоръ Логиновъ съ дѣтьми, и другіе мѣстные изографы», въ ряду которыхъ видное мѣсто занимали лица духовныя.

«Въ этой росписи, старая традиція Московской школы второй половины XVII вѣка, поддерживаются уже отчасти; прежней силы оригинальности въ обработкѣ уже готовыхъ темъ—нѣтъ, и даже красивыя новшества обращаются въ традицію: въ сценѣ бѣгства въ Египетъ св. семейства о селѣ превращается снова въ изящнаго коня».

Икона Іоанна Предтечи въ
Троицкомъ соборѣ.

Стѣнописи Сергіевской церкви заняты чрезвычайно включеніемъ въ ихъ содержаніе (вся церковь росписана живописью по графьямъ) національной обстановки въ изображеніяхъ, позаимствованныхъ изъ русской исторіи, изъ архитектуры каменныхъ церквей, деревянныхъ русскихъ построекъ, костюмовъ, упряжи, но заимствованныхъ не какъ шаблонъ, а какъ новая натура. Фрески исполнены по сырому грунту, въ строгомъ стилѣ, но выработка ихъ уже довольно мелка.

Почти въ каждой изъ Костромскихъ церквей имѣются и тѣ или иные предметы художествен-

ной старины. Но не только три богатѣйшія ризницы соборовъ Успенскаго, Богоявленскаго (въ монастырѣ) и Троицкаго (въ Пнатъевскомъ монастырѣ) и многія церкви, наполненныя (на фонѣ фресокъ) самыми разнообразными предметами художественнаго производства, паникадилами, иконостасами, иконами, кіотами, — являются ж и в ы м и музеями древности и, Кострома, заключающая не мало такихъ музеевъ, озаряющихся свѣтомъ лампадъ и трепетнымъ пламенемъ восковыхъ, изукрашенныхъ яркими цвѣточками, свѣчей — уже по одному этому заслуживала бы на признаніе ея большого художественнаго значенія.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ вся эта старина, одухотворенная свѣтомъ пламени чудеснѣйшаго паникадила, окуриваемая голубымъ дымкомъ, струящимся изъ старинной ладаницы, не оживаетъ здѣсь, когда въ высь понесутся херувимскіе голоса и ѿсноиѣнія, и на васъ смотрятъ скорбныя очи Богоматери, а ликъ ея окруженъ филиграннымъ окладомъ, осыпаннымъ сверкающими камнями?

Даже больше—особенно здѣсь, озаренный вотъ этимъ живымъ пламенемъ теплящейся свѣчи, взглядъ тонущихъ во мракѣ, грустныхъ, полныхъ боли, вопрошающихъ очей Спасителя, становится близкимъ, понятнымъ или доступнымъ; только здѣсь при сліянїи всей роскоши иконостасной рѣзьбы съ гладью стѣнъ росписныхъ, усваивается цѣльность замысла декораций, и только здѣсь оцѣнивается художественное чутье бывшее даже у «простыхъ работниковъ» древней Руси, неизмѣримо большимъ нежели у нашихъ мастеровъ.

Въ эти то живые музеи и надо почаще заглядывать, здѣсь еще живетъ въ слитной одухотворенности красота и вѣра въ красоту духовной жизни, которую свободно могутъ черпать здѣсь всѣ...

Кострома не стояла подобно Ярославлю на какомъ-либо торговомъ пути

(изъ портовъ Бѣлаго моря въ Москву). Однако ея отброшенное мѣстоположеніе не препятствовало нисколько мѣстной выработкѣ и разныхъ прикладныхъ художественныхъ предметовъ. Мастерство кузнечное (двери, паникадила), чеканное (кандила, кронштейны для лампадъ, оклады), рѣзьба изъ дерева (иконостасы, кіоты), «дѣшинное» (изразцы для украшенія церквей и особенно печей XVII и начала XVIII вѣка) и другія производства, поддерживавшіеся средствами мѣ-

Деталь Царскихъ вратъ Богоотцовской церкви.

Деталь иконостаса Троицкого собора.

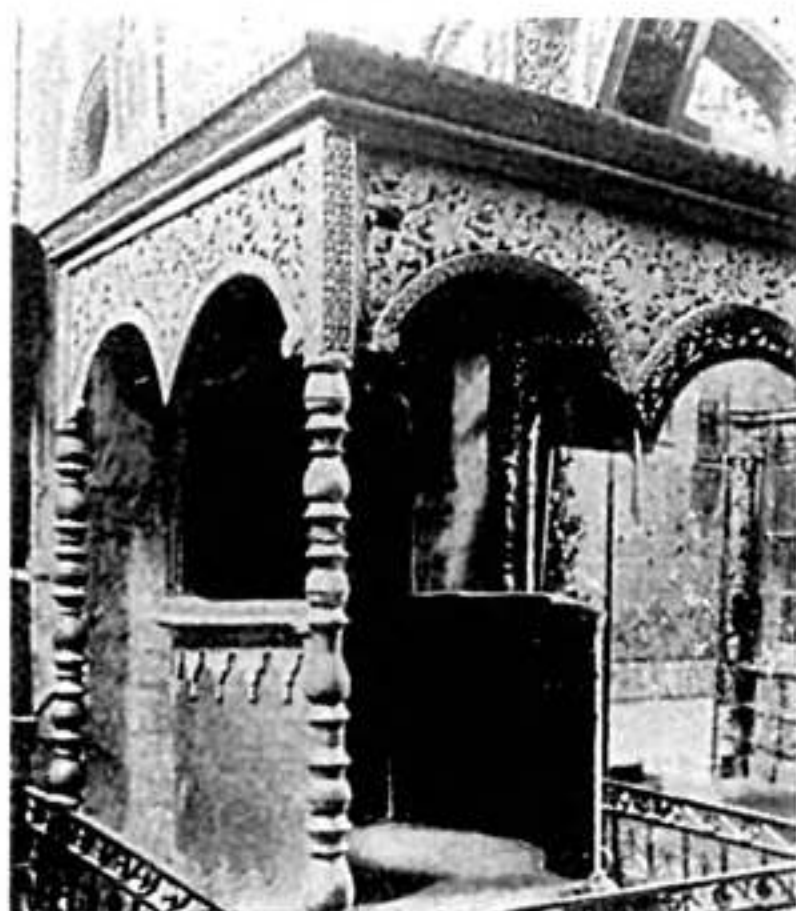
стныхъ купцовъ, издвиганіемъ которыхъ выстроены и лучшія церкви Костромы, — всегда отличались высокой художественностью.

И помимо зодческихъ и фресковыхъ особенностей придающихъ художественному значенію Костромы особенный вѣсь и въ

которыя отрасли художественнаго производства (какъ деревянная рѣзба — запечатлѣвавшая излюбленную русскимъ народомъ орнаментацію) — достигли здѣсь также большой высоты.

Царскія врата (Екатерининскаго и Трехсвятительскаго придѣловъ церкви Воскресенія на Дебрѣ) весь иконостасъ Троицкаго собора, врата Іоанно-богословской церкви, боковыхъ придѣловъ Богоотцовой, Христорожественской церкви — изобличаютъ изумительную художественность выполненія рѣзбы изъ дерева.

«Царское мѣсто» въ Троицкомъ соборѣ (если только оно дѣйствительно принадлежитъ тому времени, которому оно приписывается, т. е. концу XVII столѣтія), показываетъ смѣшеніе мусульман-

Царское мѣсто въ Троицкомъ соборѣ.

скаго приёма съ западными. Несомненно торговля съ Востокомъ способствовала занесению и въ Кострому нѣкоторыхъ элементовъ восточной орнаментации, но здѣсь они преобразались значительно и въ исполненіи мѣстныхъ мастеровъ, правда, составлявшихъ лишь

вѣтвь вліянія, шедшаго изъ болѣе богатаго Ярославля, элементы эти давали образцы, чудесные оригинальностью приёмовъ и мастерства.

Рѣзьба золотилась или серебрилась и фонъ ея, т. е. «земля» заполнялся краскою (красною, зеленою, синею). Такая полихромная поверхность (напр. иконостаса Трехъ-Святительскаго придѣла Воскресенской церкви) особенно способствовала приданію издѣліямъ изумительной, блестящей красоты.

Иконы Костромскихъ писемъ представляютъ очень любопытное явленіе, особенно по сравне-

Деталь иконостаса Трехсвятительскаго
придѣла ц. Воскресенія.

школа» съ Симономъ Ушаковымъ во главѣ: въ иконахъ Костромы даже второй половины XVII вѣка мы не видимъ того быстрого прогрессивнаго новшества, которымъ отличаются стѣнописи и Московскія иконы того времени. Вліяніе Москвы въ Костромѣ, конечно вполнѣ ясно обнаруживается въ стѣно-

писю съ Костромскими же стѣнописями. Въ то время какъ послѣднія въ своихъ лучшихъ и древнѣйшихъ представителяхъ XVII вѣка передаютъ главные типы и стиль Московскихъ и Ярославскихъ росписей XVII вѣка, Костромскія иконы стоятъ внѣ того художественнаго движенія, очагомъ котораго была «Царская

писи и архитектурѣ; въ иконахъ же это воздѣйствіе почти незамѣтно.

Это тѣмъ болѣе любопытно, что въ «Царской школѣ» Москвы, находилось не мало крупныхъ силъ изъ Костромы, какъ, на примѣръ, «Первостатейные» иконописецъ Гурій Никитинъ, Сила Савинъ, Маркъ Назарьевъ и др. Эти лица, уйдя изъ Костромы, не порывали съ нею связи, и кромѣ Ипатіевской росписи вносили въ дѣло церковнаго строительства долю своего таланта и знанія: въ Петропавловской церкви есть крестъ съ надписью, указывающій на устроenie его царскимъ изографомъ Гуріемъ Никитинымъ; въ Христорожественской церкви — икона Іоанна Предтечи, написанная, какъ видно изъ подписи, Костромскимъ «изографомъ» Василіемъ Никитинымъ, бывшимъ также въ «Царской школѣ» и т. д.

Икона Спасителя въ ц. Воскресенія на Дебрѣ.

Почему же вся иконопись Костромская не подчинилась тогда господствующему Московскому направлению и не удержала въ неприкосновенной цѣ-

Икона Богоматери. Письмо Гурія
Никитина.

ны, всегда писались по преимуществу мѣстными мастерами, которые руководствовались въ своемъ дѣлѣ старинными образцами и старыми приѣмами иконописи и считали недопустимыми тѣ новшества, которыя усвоены были уже Московскою школою».

«Привычка къ старинѣ и уваженіе къ преданію не допустили вторженія новшествъ въ мѣстную

лости не только традиціонныя иконографическія композиціи и типы, но сохранила и старый стиль и даже наклонность къ темнымъ колерамъ противъ которыхъ раздавался столь сильный протестъ въ школѣ Ушакова? «Объясненіе этого явленія» говоритъ Н. В. Покровскій «заключается въ томъ, что Костромскія ико-

иконопись: мѣстная Костромская живопись сохранила древнія окаменѣлыя формы, и лишь немногіе примѣры, какъ напримѣръ указанныя иконы В. Никитина, позволяютъ видѣть, что новая иконопись въ XVII вѣкѣ не составляла terra incognita для Костромскихъ строго консервативныхъ иконописцевъ».

Нынѣ въ Костромѣ, въ общемъ, преобладаютъ иконы XVII столѣтія, и въ числѣ ихъ выгодно выдѣляется группа мѣстныхъ или сосѣднихъ святыхъ—Макарія Унженскаго, Геннадія Костромскаго, Θεодора, Давида, Константина—Чудотворцевъ Ярославскихъ, Θεодосія Тотемскаго и другіе.

Иконы эти представляютъ немаловажный интересъ для иконографіи русскихъ святыхъ, и для исторіи развитія художественнаго мастерства въ изготовленіи и обработкѣ окладовъ.

Прекрасныя иконы находятся въ Троицкомъ соборѣ (ризица) въ храмахъ Христорождественскомъ, Богоотцовскомъ, Троицкомъ, Іоанно - Богословскомъ Сергіевскомъ.

Но Успенскій соборъ имѣетъ особенное значеніе, благодаря хранящейся въ немъ Θεодоровской иконѣ

Икона Знаменія въ ц. Воскресенія на Дебрѣ.

Теодоровская икона Божіей Матери.
(Ризница Троицкаго собора).

Божьей Матери (явление которой относится не къ 1239 году, а къ 50—60 годамъ XIII вѣка), здѣсь же другая икона—подарокъ XVII вѣка Царя Михаила Теодоровича Успенскому собору. (Въ отношеніи историческомъ важна и Теодоровская икона, которой благословила на царство своего сына

инокія Марфа Ивановна; послѣдняя находится въ ризницѣ Троицкаго собора).

Чудотворная икона Теодоровской Божьей Матери XIII вѣка, находящаяся въ Успенскомъ соборѣ, представляетъ собою древнѣйшій и важнѣйшій памятникъ не только этого собора но и всей Костромы.

Собраніе древностей Ипатіевскаго монастыря принадлежитъ также къ числу самыхъ крупныхъ въ Россіи.

Въ ризницѣ Ипатіевскаго монастыря хранится множество драгоценныхъ предметовъ старины, замѣчательныхъ какъ по соединеннымъ съ ними историческимъ воспоминаніямъ

Заглавный листъ Псалтири.

такъ и по художественнымъ достоинствамъ: здѣсь и церковные сосуды и иконы, и художественное шитье, и лицевыя рукописи (XVI—XVII в.в.). Большею частью предметы эти—вклады именитыхъ людей, привезенные изъ Москвы. Наиболѣе цѣнные церковные сосуды — пожертвованы Годуновыми, и даже царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ (нѣкоторые священные сосуды).

Рисунокъ изъ Псалтири.

Изъ богослужебныхъ книгъ находящихся здѣсь особенно замѣчательны 17 Евангелій, одно изъ которыхъ пожертвовано П. П. Годуновымъ въ 1603 г., въ 1635 году, а другое царемъ Михаиломъ Θεодоровичемъ. Кромѣ того здѣсь находятся интереснѣйшія богослужебныя книги, синодики, сборники, изъ которыхъ многіе относятся ко времени написанія къ XV—XVI

вѣкамъ. Замѣчательны такъ же предметы принесенные сюда въ 1613 г. процессією Московскаго Посольства.

Собраніе иконъ представляетъ значительное разнообразіе, какъ въ отношеніи техники такъ и иконографическаго содержанія ихъ. Здѣсь и рѣзьба изъ кости и на камнѣ и асидѣ и изъ дерева и иконопись лучшихъ мастеровъ XVI—XVII столѣтія, и чеканныя и филигранныя работы. Разнообразны и богаты въ Ипатьевской ризницѣ памятники древняго шитья. Прекрасныя фелони съ бархатными оплечьями; какъ хранилище книжныхъ рѣдкостей, Ипатьевская ризница занимаетъ выдающееся мѣсто, и, тѣмъ увеличиваетъ художественное значеніе Костромы.

Богата очень и ризница Богоявленскаго монастыря. Здѣсь священныя сосуды, подаренныя Салтыковыми, вызолоченныя напрестольныя кресты, съ драгоценными украшеніями XVII вѣка, кадильницы, филигранной работы, верхнія части которыхъ представляютъ многоглавыя храмы, (величайшая рѣдкость) крупныя ладоницы, половины XVII столѣтія, водосвятныя чаши, блюда, оплечья, сплоснь вышитыя жемчугомъ, и пожертвованы въ 1613 году Княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ.

Одно изъ лучшихъ украшеній Костромы—красивая Троицкая церковь, имѣетъ значеніе не только по своимъ архитектурнымъ достоинствомъ но и хранящеюся въ ней древнею иконою Троицкой Божьей Матери.

Въ церкви Іоанна Богослова на Каткиной Горѣ прелестны царскія врата. Христорождественная церковь—цѣлый музей старины. Здѣсь и иконостасъ и чудесное паникадило и икона Іоанна Предтечи, которую писалъ несомнѣнно Василій Никитинъ, (въ

Аналои въ ц. Воскресенія на Дебрѣ.

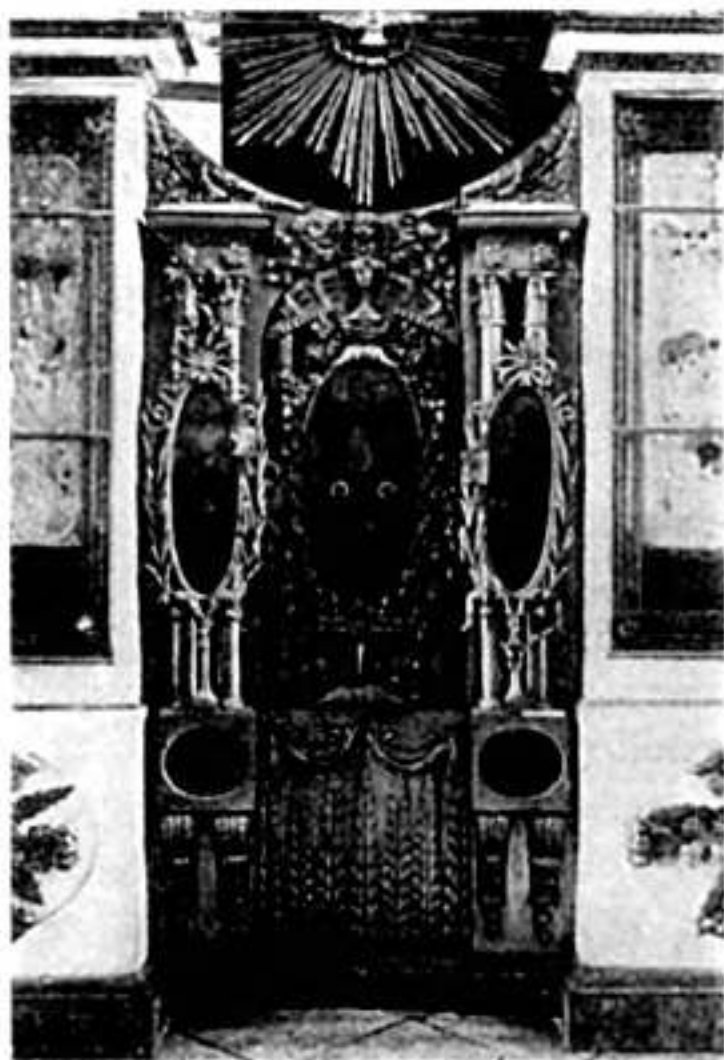
Ладаницы и кадило Богоявленскаго монастыря.

1741 году) — известный иконописецъ, писавшій «стѣнное письмо въ комнатѣ у Государя», и вмѣстѣ съ Симономъ Ушаковымъ писавшій образа, и участвовавшій въ росписи Ипатіевскаго монастыря. Икона Преображенія едва ли не работы Гурія Никитина. Не менѣе богата, заключающимися въ ней замѣчательными иконами и иными предметами — Богоотцовская церковь.

Наружные стѣны Николаевской (у Волги) церкви интересны также украшающими ее изразцами, изображающими единороговъ, птицъ и иныхъ звѣрей. Такія же изразцы были и на Троицкой церкви. Но изъ предметовъ этого характера особенно цѣнны

рѣзныя изъ камня
клейма на стѣнахъ
и на св. вратахъ
церкви Воскресе-
нія на Дебрѣ.

Многія инте-
ресныя древно-
ности заклю-
чаютъ церкви
Козьмы и Даміа-
на и Анастасіин-
скаго монастыря,
церковь Воскресе-
сенія, что на Пло-
щадкѣ, и Михаи-
ло-Архангельская
(въ ней самыя
позднія фрески
Костромы здѣсь
уже вполне опре-
дѣлилось стремле-
ніе къ фряжской
живописи) и Вознесенская.

Царскія врата Христорожде-
ственной церкви.

Есть много интересной «старинки» и въ церкви Але-
ксѣевской, и во Всѣхсвятской и въ Петропавловской
(крестъ на престольный, пожертвованный изографомъ
Гуріемъ Никитинымъ). Очевидно, что Распятіе на
крестѣ написано самимъ Никитинымъ.

При болѣе подробномъ (въ главѣ IV) обзорѣ Ни-
кольской, Борисоглѣбской и Ильинской церковей мы
встрѣтимъ и тамъ такъ же не мало художественнаго,

заслуживающаго упоминанія; въ общемъ все эти отдѣльныя собранія составляютъ вмѣстѣ обширѣйшій матеріалъ поднимающій художественное значеніе Костромы, гораздо выше многихъ «историческихъ» городовъ Россіи (Рязань, Нижній-Новгородъ, Тверь).

Помимо убранства гражданскихъ зданій періодъ увлеченія «барокко» и классицизмомъ не могъ не наложить своего отпечатка и на украшеніи церквей. И въ Костромѣ есть прекрасныя примѣры такого убранства храмовъ главнымъ образомъ кіотами и иконостасами. Лучшіе изъ послѣднихъ въ боковыхъ придѣлахъ Богоотцовской церкви. Также очень красивъ но менѣе строгъ иконостасъ Христорождественской (лѣтней) церкви.

«Амбирные» иконостасы есть еще въ церкви Воскресенія на Дебрѣ и въ нѣкоторыхъ иныхъ.

Особенно изящны были «амбирныя» украшенія частныхъ особняковъ—главнымъ образомъ выражавшіеся въ изразчатыхъ бѣлыхъ или подцвѣченныхъ печахъ. Эти печи—пирамиды, печи—колонны, печи, увѣшанныя гирляндами, расписанныя рогами изобилія (въ лиловомъ и синемъ тонахъ) и изображеніями фантастическихъ птицъ, звѣрей и цвѣтовъ—полны подчасъ даже монументальнаго выраженія въ своей архитектурной композиціи.

Въ Костромѣ ни въ одномъ монастырѣ не было типографіи. Но чудесныя вышеупомянутые экземпляры книгъ Евангелія, Псалтырей и другихъ книгъ отъ XVI, XVII вѣковъ, хранящихся въ ризницахъ Пнатъевскаго и Богоявленскаго монастырей восполняютъ волюнѣ этотъ пробѣлъ.

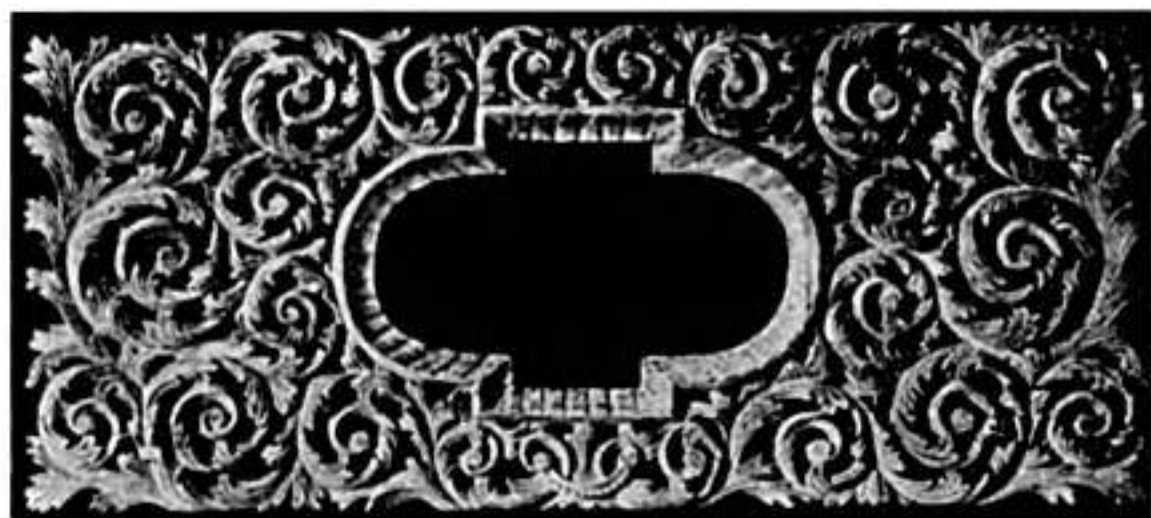
Деталь иконостаса бокового придела Бого-
отцовской церкви.

Художественное значение Костромы состоитъ, однако, не только въ однихъ этихъ храмахъ — «живыхъ музеяхъ», въ убранствѣ ихъ и въ собра-

ніяхъ ризницъ, оно заключено еще и въ «подлинныхъ музеяхъ», основанныхъ учеными обществами. Костромская Ученая Архивная Коммисія обладаетъ двумя музеями—художественно-археологическимъ, въ которомъ особенно цѣнны предметы рѣзьбы изъ дерева (детали иконостасовъ, фигуры святыхъ) и костюмы, и Романовскимъ. Церковно-археологическое общество основываетъ нынѣ музей въ домѣ бояръ Романовыхъ *).

*) При составленіи главы III, положены въ основаніи проведенныхъ здѣсь теорій, и приняты были мною для руководства слѣдующія изслѣдованія и труды нашихъ ученыхъ: Н. В. Покровскаго. „Стѣнные росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ“. Труды археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ. Его же, „Обслѣдованіе Страшнаго суда, по памятникамъ византійскимъ и русскимъ“. Труды археологическаго съѣзда въ Одессѣ, 1837 г. Его же, „Памятники церковной старины въ Костромѣ“. Вѣстникъ археологіи и исторіи. Вып. XIX. И. Е. Забѣлина. „Матеріалы для исторіи русской иконописи.“ Временникъ Москов. Общ. исторіи и древности кн. 7. А. И. Успенскаго. „Словарь Царскихъ Иконописцевъ XVII в.“ т. I. Д. А. Ровинскаго. „Иконописныя школы“.

IV. ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКОВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТАРИНЫ *).

Приближаясь къ Костромѣ по Волгѣ, еще съ *Успенскій*
налубы парохода можно любоваться Успенскимъ *соборъ.*
соборомъ стоящимъ на взгорьѣ, въ группѣ бѣлыхъ,
златоверхихъ зданій. Соборъ (построенный около
1250 года, на средства Костромскаго и Галичскаго
князя Квашни, брата Святого Александра Невска-
го), расположенный своею алтарною частью на сѣ-

*) При составленіи главы IV мною были использо-
ваны по преимуществу матеріалы и изслѣдованія слѣ-
дующихъ ученыхъ (подробный ихъ перечень въ главѣ
VI): проф. Н. В. Покровскаго (при описаніи Успен-
скаго собора, Ипатіевскаго монастыря, церкви Воскре-
сенія „на Дебрѣ“, и нѣкоторыхъ иныхъ); маг. бог.
И. В. Баженова (при описаніи Ипатіевскаго монастыря
и церкви Воскресенія „на Дебрѣ“) и Императорской
Археологической Комиссіи (для описанія нѣкоторыхъ
костромскихъ церквей и ихъ древностей.

Успенскій соборъ и колокольня Богоявленскаго собора.

веръ, сразу можно выдѣлать изъ всей архитектурной группы уже по одному этому признаку, а также благодаря изумительному блеску его куполовъ, необычнаго силуэта: вытянутыя луковицы съ перехватывающими ихъ вверху шейками и вѣнчающими ихъ еще болѣе удлиненными, почти конусообразными, главами—покрыты гладко (безъ реберъ) большими листами мѣди и такъ изумительно (богато) позолочены, что блестящія въ солнечный день, они не только не даютъ на нихъ взглянуть, но распро-

страпають ореоль отраженнаго свѣта надъ всѣмъ соборомъ.

Характеръ формы этихъ пяти главъ очень поздній. Здѣсь выразилась черта (какъ это ни странно) украинскаго покрытія церквей («бани»), — занесеннаго сюда съ запада. Шейки всѣхъ пяти главъ украшены арочками и покрыты живописью сочныхъ желто-коричневыхъ, вишневыхъ и голубыхъ тоновъ. Подъ навѣсомъ плоской крыши идетъ фризь изъ полуциркульныхъ дугъ (закомаръ); завершеніе четырехъ лопатокъ, расчленяющихъ стѣны храма на три части и также покрытыхъ густо живописью—далеко не совершеннаго мастерства, даетъ, однако, вмѣстѣ съ раскрашенными главами общее богатое пятно, пріятно выдѣляющееся на фонѣ бѣлыхъ гладкихъ стѣнъ. Абсиды (на сѣверной сторонѣ храма) украшены небогато пояскомъ карниза и скромными наличниками оконъ. Но старинныя желѣзныя ставни и вся сохранившаяся прелесть наивнаго неумѣлаго выполненія, всѣ эти неправильности, гибкія лініи профилей и сочныя впадины оконныхъ нишъ придаютъ большую и живописную прелесть храму. Размѣры его очень невелики. Своды—полуциркульные, образующіе собою подобіе креста и покоющіеся на четырехъ столбахъ; между послѣдними подпругныя арки, на которыхъ стоитъ купольный сквозной барабанъ. Всѣ столбы восьмигранныя, съ карнизами вверху. Окна съ прямыми перемычками. Надъ окнами карнизъ, а надъ нимъ полукруги закомаръ.

Алтарь состоитъ изъ трехъ полукупольныхъ абсидъ. Между абсидами алтаря помѣщены полукруглыя колонки.

Кровля четырехъ-скатная. У спусковъ ея желѣзные подзоры. Постройки же, облѣнивнія храмъ со всѣхъ сторонъ сдѣланы очень своеобразно: Успенскому храму, сравнительно съ другими зданіями подвергшимися подобной участи, посчастливилось. Пристроены были эти части не только помощью наружныхъ стѣнъ, но и вплотную къ бывшимъ раиѣ наружнымъ.

На восточной сторонѣ собора любопытны три арки (закомары) не имѣющія у пятъ своихъ продолженія въ видѣ лопатокъ, а заканчивающіеся непомѣрно крупными дорическими (!) треугольными «каплями». Выше, у карниза собора въ средней дугѣ,—образъ Богоматери, и желѣзный старинный фонарь съ неугасаемымъ пламенемъ, которое таинственно мерцаетъ ночью у святого облика.

Западная сторона собора застроена папертью, а къ сѣверо-западному углу его пристроена (въ 1776 году) многоугольная ротонда, покрытая огромнымъ распластаннымъ, съ прерванной серединой, куполомъ. Древнѣйшая часть храма въ планѣ чрезвычайно проста. По срединѣ четырехугольника поставлено 4 столба, соединяющихся подпружными арками, между собою и съ наружными стѣнами. Этими арками все пространство раздѣляется на девять частей, и тѣ части, которыя обращены на сѣверъ, закруглены и составляютъ алтарные абсиды.

Кладка состоитъ изъ кирпича, типичнаго для XVII вѣка, большаго нежели современный, размѣра и 20-ти фунтоваго вѣса. Несомнѣнно, нѣкогда храмъ былъ значительно меньшимъ; войдя въ него

молящійся могъ видѣть лишь два столба, а другіе два скрывались за иконостасомъ. Такъ было и въ XVII вѣкѣ, а быть можетъ и ранѣе. Самое допущеніе, что нынѣшнія стѣны и столбы поставлены были на древнихъ фундаментахъ, современныхъ началу постройки храма, правдоподобно, такъ какъ такая форма плановъ для XIII в. была типичною, однако, проемовъ или такихъ дверей въ подвалахъ, которые были бы задѣланы впоследствии—не оказалось при изслѣдованіи, сдѣланномъ специально ко времени IV Археологическаго съѣзда, — напротивъ, получены были данныя, указывающія на то, что стѣны, окружающія указанное пространство были иѣкогда наружными; во всѣхъ этихъ стѣнахъ прекрасно сохранились въ первоначальномъ видѣ окна съ желѣзными рѣшетками. Извѣстно только, что новая церковь Успенія устроена была съ двумя столбами. Отношеніе кладки придѣла *Придѣлъ* *Θεοδора* *Стратилата,* *Θεοδора* *Стратилата,* пристроеннаго къ Успенскому собору по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича—къ сожалѣнію не выяснено. По Крживоблоцкому соборъ въ Костромѣ стоялъ всегда на южномъ краю города, почти противъ его середины. Сначала на этомъ (?) мѣстѣ находилась деревянная соборная церковь во имя Θεοδора Стратилата, неизвѣстно кѣмъ и когда построенная. На мѣстѣ два раза сгорѣвшаго храма построенъ Успенскій каменный соборъ, а вмѣсто прежней Θεοдоровской церкви — устроенъ только придѣлъ имени этого святого. По иному преданію, первоначальный придѣлъ въ честь Θεοδора находился на мѣстѣ нынѣшняго жертвенника.

Во всякомъ случаѣ придѣлъ Θεодора Стратилата (входъ изъ собора и изъ галлерей) устроенъ былъ въ 1666 году взамѣнъ того храма, который вторично сгорѣлъ, (есть и еще одна версія—что онъ находился на Московской улицѣ, на мѣстѣ нынѣшней Богоотцовской церкви *). Тогда же были пристроены и всѣ наперти собора (съ трехъ сторонъ), но позднѣйшей изъ нихъ и является эта придѣльная церковь во имя Θεодора Стратилата, которая, на основаніи наиболее распространенной теоріи—что князь скончавшійся въ Костромѣ въ 1276 году, былъ и погребенъ въ построенной имъ церкви, и является мѣстомъ упокоенія его. Во всякомъ случаѣ около 1666 года въ лѣвую, вновь пристроенную галерею, перенесенъ былъ престолъ Θεодоровскаго (бывшаго храма) придѣла, а еще ранѣе церковь увеличена была устройствомъ трапезы. На возобновленіе собора и постройку колокольни послѣ пожара (1773 года) по Указу Императрицы Екатерины было выдано 12000 рублей, и на эти то деньги, говоритъ Крживоблоцкій, были возведены всѣ эти сооруженія. Значительнымъ передѣлкамъ подвергся соборъ снова лишь въ 1843 года.

Успенскій соборъ не сохранилъ, конечно, живописной росписи украшавшей стѣны его до пожара,

*) Последнее толкованіе о нахожденіи останковъ князя Василія Квашни совсѣмъ въ иномъ мѣстѣ измѣняетъ т. о. и предположеніе о мѣстѣ нахожденія храма Θεодора Стратилата. Но это толкованіе еще не проверено.

(теперешняя живопись на стѣнахъ его относится уже къ концу XVIII вѣка, то есть ко времени перестройки собора).

Исторію возобновленія собора можно читать на особомъ большомъ клеймѣ, на внутренней западной стѣнѣ собора съ лѣвой стороны отъ входа. Здѣсь говорится о томъ, что во время пожара 18 мая 1773 года удалось спасти въ числѣ девяти иконъ и Феодоровскую икону, что возобновленіе храма началось въ 1775 году, и было закончено въ 1778 году и, что иконописныя изображенія въ немъ писали 17 человекъ иконописцевъ-ярославцевъ. Но живопись эта, быть можетъ, и не плохая, была значительно испорчена въ 1855 году во время подновленія и затѣмъ, снова въ 1882 году при промывкѣ стѣнописи. Нынѣшнія фрески ясны, отчетливы, но мало художественны. Сюжеты ихъ, однако, представляютъ нѣкоторый интересъ образностью пониманія разныхъ событій и характеристикой художественныхъ эпохъ. Возможно, что и прежній порядокъ живописи не былъ оставленъ безъ вниманія: многія картины, по видимому, написаны по начертаніямъ, сдѣланнымъ на стѣнѣ рѣзцомъ, что было въ XVII вѣкѣ обычнымъ приемомъ. Теперь, однако, отъ этихъ бороздъ не осталось никакихъ слѣдовъ.

*Стѣно-
пись
собора.*

Расписывался соборъ, очевидно, по заранѣе предначертанному плану. Первое мѣсто занимаютъ картины изъ Ветхаго (въ паперти галлерей) и Новаго (внутри храма) Заветъ. Галлерей расписана на средства купца Атостина. Рядъ картинъ, изображающихъ исторію явленія и чудеса иконы Феодоровской

Божьей Матери и призываніе на царствованіе Михаила Феодоровича имѣютъ нѣкоторый интересъ сюжета, несмотря на исправленіе живописи, предпринятое кунцомъ Солодовниковымъ въ 1887 году. Особенно подробно и наглядно изображены всѣ отдѣльные моменты явленія и чудесъ Феодоровской иконы. Эти сюжеты заполняютъ стѣны съ южной стороны галереи.

Послѣдовательно здѣсь изображено, какъ Феодоръ Стратилать въ день Успенія посетитъ икону по городу, какъ Князь Василій въ лѣсу увидѣлъ икону; далѣе изображено: перенесеніе ея въ Кострому, пожаръ въ храмѣ Феодора Стратилата, гдѣ первоначально была помѣщена икона, выходъ съ иконой изъ Костромы противъ нашествія татаръ, битва съ татарами за рѣкой Костромой у Святого Озера и разныя чудеса исцѣленія. Особенно заняты по наивности изображенія моменты поднятія иконы въ воздухъ во время вторичнаго пожара въ храмѣ и чудеса исцѣленія.

Затѣмъ—представленъ Василій Квашня съ конною свитою и собаками *); на соборномъ перенесеніи иконы въ Кострому изображенъ роскошный городъ (Кострома?) съ Кремлемъ: на заднемъ планѣ соборъ съ золотыми главами, причемъ ворота въ соборную ограду (1767 года) скопированы съ натуры; а въ изображеніи одного изъ чудесъ написана гран-

*) Прекрасное по живописнымъ своимъ достоинствамъ изображеніе видѣнія Квашнѣ иконы—находится въ полукружии кіота на лѣвой стѣнѣ Христорожественскаго лѣтняго храма.

діозная крѣпость, на стѣнахъ, въ амбразурахъ пушки и воины съ ружьями и пиками.

Картины избранія Михаила Ѳеодоровича на царство по трактовкѣ сюжета скучнѣе; здѣсь видно подчиненіе трафарету сюжета, изображеннаго въ изданіи царя Алексѣя Михайловича въ Москвѣ. Роспись внутри храма имѣеть еще меньше художественнаго или историческаго значенія. Здѣсь нѣтъ уже никакихъ слѣдовъ росписи 1775 года.

Вообще, внутренній видъ собора архитектурно значительно менѣе интересенъ нежели наружный.

Иконостасъ собора пяти-ярусный, съ витыми колоннами, богатыми карнизами и рѣзьбой на золотомъ полѣ. Онъ былъ устроенъ въ 1773 году, послѣ пожара и освященъ Епископомъ Павломъ въ 1778 году. Позолота его подновлена въ 1885 году въ остальномъ онъ остается безъ измѣненій. Главная святыня собора—большая Ѳеодоровская чудотворная икона XIII вѣка. Она нахо-

Чудотворная Ѳеодоровская икона
Божьей Матери (XIII в.)

*Иконостасъ
и его
иконъ.*

дится слѣва отъ царскихъ вратъ. Малая Феодоровская икона—подарокъ царя Михаила Феодоровича,—помѣщается надъ сѣвернымъ входомъ въ алтарь. Первая длиною 1 аршинъ $2\frac{1}{2}$ вершка, шириною 12 вершковъ; она имѣеть рукоять, указывающую на то, что въ Городцѣ, — первоначальномъ мѣстѣ ея нахождения,—она была запрестольною иконою. Краски иконы сильно потемнѣли, и, видно, сиравлены были неоднократно. Малая икона Феодоровской Богоматери Успенскаго собора, (6×6 верш.) съ богатымъ нимбомъ, въ серебряномъ окладѣ и съ цатою, богато украшенною жемчугомъ. Внизу ея на серебряной дощечкѣ подпись: «Сеи образъ Пресвятой Богородицы Феодоровской пожаловалъ вкладу въ Костромской въ Успенскій соборъ Государь царь Михаилъ Феодоровичъ, всея Россіи». На окладѣ подпись сбоку: «построенъ окладъ сей въ 1769 году». Очевидно окладъ иконы и нѣкоторыя украшенія не современны самой иконѣ *).

*Ризница
и ея иконы.*

Въ ризницѣ (истребленной пожаромъ въ 1773 году) хранится Евангеліе (въ большой Александрійскій листъ), печати 1698 года, съ замѣчательными по отдѣлкѣ изображеніями Евангелистовъ. Двѣ привѣски къ чудотворной иконѣ, унизаны по золотой фольгѣ крупнымъ жемчугомъ съ золотыми кольцами и колодками; на нихъ надпись: «сіи рясны—подарокъ царя Михаила Феодоровича, въ пятое лѣто государ-

*) Воспроизведеніе ея имѣется въ „Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи“, изд. Императорскаго Археологическаго Института за 1909 г. табл. XX.

Деталь иконы Θεодоровской Божьей
Матери (XIII в.)

ства своего». Есть здѣсь еще другая прелестная жемчужная риза Θεодоровской (XIII в.) иконы, украшенная драгоценными камнями (золотая риза на этой иконѣ сдѣлана въ 1805 году); хороши еще иконы Толгской Божьей Матери, Тихвинской Божьей Матери и другія менѣе интересныя, но относящіяся несомнѣнно къ XVII вѣку.

Икона Іоанна Богослова написана «при державѣ царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи самодержца въ лѣто отъ Рождества

Христова 1559». «Подпись эта», говоритъ проф. Покровскій, «быть можетъ исправлена, а быть можетъ и сдѣлана вновь въ XIX вѣкѣ, но икона сохранила на себѣ слѣды древности, если не XVI, то XVII вѣка». Къ концу XVIII вѣка отнести можно икону Николая Чудотворца. Любопытенъ храмъ, который держитъ въ рукѣ Святой, и написанъ въ стилѣ Московской архитектуры XVII вѣка; здѣсь же изображена часть Кремлевской стѣны съ башнями. Интересна большая икона съ 171 изображеніемъ явленій Богоматери: Подпись: «писалъ сей образъ иконописецъ Дмитрій Васильевъ Серебряковъ въ 1794 году.» Деисисъ XVII вѣка и прекрасной работы икона Казанской Божьей Матери, по Н. В. Покровскому, «написанная въ манерѣ Царскихъ иконописцевъ конца XVII вѣка и также считающаяся даромъ царя Михаила Феодоровича *).

Надъ южными алтарными вратами находится икона Владимірской Божьей Матери съ цатою и въ вѣницѣ, и съ окладомъ 1698 года.

Въ соборной ризницѣ—интересны и иныя рясны и цаты, но особенно хороша вышеупомянутая вторая риза чудотворной иконы Феодоровской Божьей Матери. Въ придѣлѣ Феодора Стратилата интересны двѣ иконы одна, писанная въ 1552 году при Юаннѣ Грозномъ и другая икона, Николая Чудотворца, XVI вѣка. Въ новомъ Богоявленкомъ соборѣ прекрасенъ лишь осѣняльнѣй крестъ XVIII вѣка.

*) Воспроизведеніе ея имѣется въ „Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи“ изд. Императорскаго Археологическаго Института, за 1909 г. табл. XX.

Имена строителей XVII и даже XVIII вѣка, воздвигавшихъ зданія въ провинціи, вообще, трудно опредѣлимы. Напротивъ, имена живописцевъ, закрѣпленные на клеймахъ, ставившихся при окончаніи работъ по росписи храмовъ, дошли до насъ и мы знаемъ десятки именъ лучшихъ мастеровъ-изографовъ и ихъ помощниковъ, и даже купцовъ, жертвовавшихъ на построеніе церквей; мы знаемъ даже имена священнослужителей, при которыхъ совершенно было освященіе храмовъ, но именъ зодчихъ—казалось никому никогда ненужныхъ,—мы не знаемъ совсѣмъ. Долгое время, поэтому, и въ Костромѣ нѣкоторыя постройки конца XVIII вѣка, не законченныя еще до учрежденія губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, когда зарегистрированы были уже по крайней мѣрѣ имена служившихъ зодчихъ,—приписывали, (напримѣръ сооруженіе Богоявленскаго собора) Растрелли. Однако, данныя выяснили, что строителемъ Богоявленской колокольни и собора былъ простой мѣщанинъ посада Большая Соли—Степанъ Воротиловъ, которому въ награду за добросовѣстное исполненіе работъ и построеніе собора приказано было дать 15 рублей. Быть можетъ не Воротилову принадлежитъ выработка проекта собора и колокольни. Скорѣе его провинціальному вкусу свойственны были бы такіе курьезы какъ «Тріумфальныя ворота» (если и онѣ построены имъ)—но все же знаніе и талантъ осуществителя постройки настолько велики, что могутъ дать право причислить и его къ такимъ же самородкамъ-зодчимъ, какъ и нѣкій Гезель Іоаннъ Жуковъ, который, по

*Строитель
Богоявленскаго
собора.*

изслѣдованію проф. Голубцова построилъ колокольню Троице-Сергіевской Лавры еще въ серединѣ XVIII столѣтія *). Самое зданіе собора, построено вмѣстѣ съ колокольнею всего за 12000 рублей (!) на мѣстѣ древняго, сгорѣвшаго Крестовоздвиженскаго монастыря въ 1776—1791 годахъ является зимнимъ при Успенскомъ соборѣ.

*Богоявлен-
скій со-
боръ.*

Богоявленскій соборъ—трехъ этажное сооруженіе, увѣнчивающееся куполомъ, помѣщеннымъ на невысокомъ барабанѣ, прорѣзаннымъ восемью окнами, разграфленными на мелкіе квадратики. Пропорція этажей, члененіе глади стѣны наличниками оконъ, связанными (по высотѣ) между собою одною архитектурною композиціею, прелестныя детали угасающаго уже «барроко» и переходныя къ классицизму (фризъ разбитый на триглифы)—дѣлаютъ архитектуру собора очень пріятною. Красивыя окрыленные головы амуровъ украшаютъ собою фронтоны оконъ всѣхъ пяти абсидъ, своими полукруглыми изгибами разной величины, представляющими очень

*) Колокольню, кстати сказать, ставшую въ свое время моделью для многихъ возникшихъ впослѣдствіи и схожею съ тѣми, которыя приписывались почему-то упорно всѣми архитектору Растрелли: (колокольни Троицкаго монастыря въ Черниговѣ, Кіево-Печерской лавры, Тульскаго, Вятскаго и Козелецкаго соборовъ, и другія).

красивый видъ. Куполь украшенъ 8-ью лукарнами, и имѣеть, благодаря имъ, видъ короны. Вѣнчающая куполь главка менѣе удачна. Хороша рѣшетка, окружающая барабанъ въ его основаніи. Внутренняя архитектура собора не интересна совсѣмъ. Но гораздо красивѣе колокольня, построенная при соборѣ тѣмъ же

Абсиды Богоявленскаго собора.

зодчимъ С. Воротиловымъ, вмѣсто прежней, разрушившейся въ 1773 году, и представляющая издали фантастическое зрѣлище своимъ нагроможденіемъ арокъ, колоннъ и всякихъ украшеній. Вблизи она еще болѣе потрясаетъ своею грандіозностью и вмѣстѣ съ тѣмъ граціозностью. Внушительные марши лѣстницъ, ведущихъ къ ней даютъ колокольнѣ хорошее основаніе, а зимой, занесенные на половину снѣгомъ, марши ступеней лѣстницы создаютъ плавный переходъ отъ земли къ самому сооруженію, такъ что послѣ метели колокольня кажется какъ бы вырастающей изъ массы снѣга. Украшенная по угламъ, ко-

Колокольня Богоявленскаго собора.

Колокольни Богоявленскаго собора.

лоннами, колокольня не перегружена ими, такъ какъ пространство тѣла стѣны до арки достаточно для того, чтобы дать возможность колоннѣ выдѣлиться на гладкой поверхности стѣны. Карнизъ перваго яруса украшенъ богатыми позолоченными завитками рококо, далѣе, въ разорванные фронтоны третьяго яруса вставленъ Глазь Божій съ золотыми лучами. По угламъ cadaго яруса—прекрасныя вазы, тоже

позолоченныя и съ синими полосками. Вазы эти придаютъ очень много фантастики всему облику колокольни, не разъ дававшему поводъ къ сличенію ея съ «индійскою» (!) пагодой. Переходъ къ куполу заполненъ часовымъ циферблатомъ, выкрашеннымъ въ оливковый тонъ съ черною серединою и помѣщеннымъ на ярко голубомъ фонѣ вогнутой поверхности купола. Далѣе идетъ уширеніе его, снова перехватъ и, наконецъ, прелестное завершеніе высокимъ шпилемъ.

Красочное сочетаніе (золота съ голубымъ и бѣлымъ) очень пріятно и наводитъ на мысль: не была ли бы колокольня еще красивѣе при двухъ-тонной окраскѣ ея въ бѣлый и голубой колера? Несомнѣнно, что бѣлыя колонны и украшенія выдѣлились бы еще опредѣленнѣе на цвѣтномъ фонѣ.

Колокольня и соборъ окружены оградой, одновременно съ ними построенной. Столбы ея очень хорошей композиціи и украшены вазами схожими съ тѣми, которыя украшаютъ колокольню; желѣзныя рѣшетки между столбами просты, но милы. Въ оградѣ трое воротъ и одна калиточка съ восточной стороны. Лучшія ворота—«Тріумфальныя», построенныя ко времени прѣзда Императрицы Екатерины II-й; они чрезвычайно фантастической архитектуры *). Хотя эти «Тріумфальныя ворота», построены были и по случаю посѣщенія Костромы Екатериной Великою

*Тріумфальныя
ворота.*

*) Подобныя же ворота, т. е. украшенныя пирамидальными вышками по словамъ Кн. А. Д. Козловскаго, попадались на всемъ пути слѣдованія Императрицы.

въ 1767 году,—но, повидимому, они были воздвигнуты на 2—3 года позже. Ко времени же пребывания Императрицы были сдѣланы только (такія же) деревянные, а модель нынѣшнихъ показана Государынѣ генераль-адыютантомъ Бибиковымъ.

Ворота эти блестящій примѣръ фантастической архитектуры, пресыщеннаго «барокко», попавшаго на провинціальную почву. Всѣ архитектурныя формы этого стиля получили здѣсь самое курьезное развитіе. Провинціализмъ этого барокко выражается и въ приподнятой серединѣ воротъ съ волютами, и въ бокахъ, украшенныхъ двумя пирамидами, покоющимися на шарахъ, окрашенныхъ въ ярко синій цвѣтъ и усыпанныхъ крупными золотыми звѣздами. Все свободное пространство внутри воротъ заполнено орнаментальною лѣпкою. Особенно любопытны два грифона по серединѣ, по бокамъ арки; капители очень удлинены и украшены листьями какихъ-то небывалыхъ растений. Изображенія святыхъ и ангеловъ, вставленныя въ ажуръ рѣшетокъ, нѣсколько портятъ общій видъ воротъ. Но вечеромъ, выдѣляясь темнымъ силуэтомъ на прозрачномъ фонѣ желѣзной рѣшетки они увеличиваютъ фантастическій элементъ того ensemble'я, который получается при разсмотрѣніи архитектурной группы состоящей изъ двухъ соборовъ, колокольни, ограды и воротъ. Калиточка, ведущая на небольшую террасу—довольно большая, она простой, но чрезвычайно милой архитектуры; украшена двумя каменными вазами и подобіемъ короны по серединѣ. Очень жалко, что

ограда приходитъ въ ветхое состояніе: «Тріумфальныя ворота» уже подперты бревенчатымъ лѣсомъ *). Кромѣ этихъ сооруженій ограда охватываетъ еще съ южной стороны два жилыхъ флигеля, служившихъ когда-то для пребыванія здѣсь Епископа, для нуждъ семинаріи и духовнаго училища, а нынѣ являющихся помѣщеніями для соборнаго причта.

Построены они были вѣроятно позже собора (въ послѣднихъ годахъ XVIII столѣтія). Стиль ихъ архитектуры еще строже. Вся отдѣлка стѣнъ исчерпывается рустовкою пилястръ, «лопатками» и квадратами, разграфляющими стѣны; но, несмотря на эту

Калиточка соборной ограды.

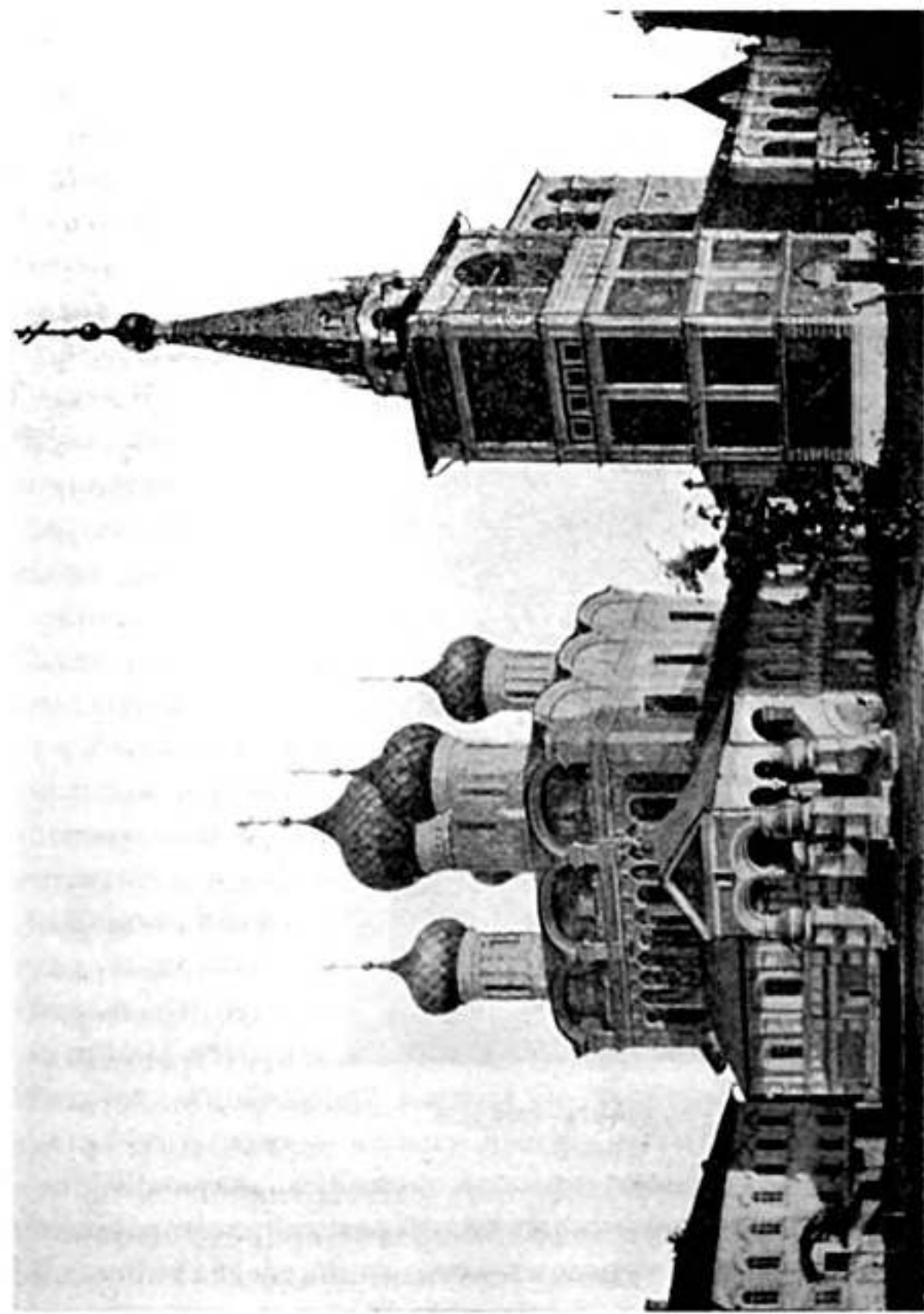
*) Предполагаемое ихъ выпрямленіе едва ли дастъ успѣшный результатъ, такъ какъ ворота наклонились не только впередъ, но и на бокъ, а это усложнитъ работы по подведенію новаго фундамента.

простоту отдѣлки обѣ постройки пріятной архитектуры стиля Людовика XVI. Всѣ пропорціи ихъ очень правильны, рустовка элегантна и зданія несомнѣнно содѣйствуютъ красотѣ, получающагося съ Волги общаго вида на соборныя постройки. Ограда построена въ 1799 году, т. е., вѣроятно еще позже зданій Божоявленскаго собора. Упомянутая выше (при описаніи Успенскаго собора) ротонда на углу собора построена въ эти же годы. Ея стиль соотвѣтствуетъ вполне стилю ограды и калитки, а ротонда, съ стройными пилястрами ея столбовъ и элегантными арками, прекрасно сочетается съ общимъ видомъ «барочныхъ» сооруженій.

*Ипатіев-
скій мона-
стырь.*

Ипатіевскій монастырь, основанный въ XIII вѣкѣ, но сохранившій лишь позднѣйшія свои постройки, воздвигнутыя при Годуновыхъ въ XVII вѣкѣ, окруженъ высокими стѣнами: башни-бойницы, башни-дозорныя, островерхія, круглыя и уступчатыя—придаютъ внушительный, даже грозный видъ древней обители. Но черные, лохматые кедры, пушистыя лиственницы и плакучія березы вносятъ живописность, а выглядывающія изъ за листвы ихъ золотыя главы собора вливаютъ торжественную ясность въ тотъ архитектурный пейзажъ, который открывается передъ глазами обозрѣвателя, когда онъ вступитъ на деревянный, барочный, низенькій мостъ черезъ р. Кострому. Перейдя на другой берегъ, поднявшись на взгорье—и, миновавъ одну изъ самыхъ красивыхъ башенъ монастыря—круглую надо войти въ ворота, построенныя къ прѣзду Императрицы Екатерины Великой;

Общи видъ сооруженій Ипатіевскаго монастыря.

Главка Троицкаго собора.

цомъ, прекрасною обработкою стѣпъ, широкою папертью, съ живописью въ закомарахъ и ярко-горящими золотыми главами, рядомъ—его звонница, далѣе Рождественская церковь, а вокругъ бѣлѣютъ жилые фли-

они очень простой, но изящной архитектуры четырехъ-скатной подпираютъ фронтонъ, въ которомъ помѣщенъ «Глазъ Божій». Ихъ арки, какъ будто нарочно особенно низки для того, чтобы потомъ лучше ощутить величїе и богатство монастырскихъ сооруженїи: среди березовой рощи находится отбняемый или утопающїи въ яркой зелени деревъ Троицкїи соборъ съ богатымъ крыль-

геля, архіерейскія палаты и четко выдѣляются лѣтомъ—среди зелени, а зимою—на бѣломъ снѣгу, мажорновыя стѣны палатъ бояръ Романовыхъ. Соборъ живописно окруженъ памятниками, поставленными на могилахъ. Вѣтви деревьевъ низко спускаются къ стѣнамъ храма, къ надгробнымъ монументамъ, лаская ихъ.

Монастырь расположенъ на правомъ берегу рѣки Костромы, въ разстояніи одной версты отъ впаденія ея въ Волгу. Однако, въ весеннее половодіе, Волга подходитъ вплотную къ стѣнамъ монастыря. Тогда обитель находится на островѣ, сообщеніе съ которымъ поддерживается только на лодкахъ.

Когда-то Волга протекала ближе къ монастырю. Очевидно, что монастырь тогда находился при самомъ впаденіи въ Волгу рѣки Костромы. Это мѣсто, поросшее вѣковыми деревьями представлялось настолько очаровательнымъ мурзѣ Чету, что онъ не только остановился здѣсь, для роздыха, но основалъ затѣмъ и обитель.

Конечно, никакихъ слѣдовъ отъ первоначальныхъ храмовъ и отъ деревянной ограды не сохранилось, тѣмъ болѣе, что въ царствованіе Θεодора Іоанновича (въ 1585—1590 годахъ) бояре Годуновы, (Дмитрій Ивановичъ и конюшій Борисъ Θεодоровичъ), устраивая монастырь по своему новому плану, соорудили на протяженіи 243 сажень, окружавшую четырехугольное пространство монастыря, каменную ограду съ шестью боевыми башнями съ амбразурами и переходами по внутренней сторонѣ соединявшей ихъ стѣны.

Изъ исторіи монастыря.

Троицкій соборъ Ипатіевскаго монастыря.

Но обширныя земельныя угодья «Преименитой Лавры» и владѣнія ея въ разныхъ мѣстахъ Россіи, драгоцѣнныя вклады церковныхъ предметовъ и принадлежностей монастырскаго обихода, выдѣляя обитель изъ ряда другихъ монастырей—не могли, однако, препятствовать паденію монастыря въ XVIII и XIX вѣкахъ. Между тѣмъ, до настоящаго времени, хотя и въ передѣланномъ видѣ, здѣсь уцѣлѣли многія изъ

сооруженій, свидѣтельствующихъ о прежнемъ благополучіи, содѣйствовавшемъ образованію этой блестящей страницы въ исторіи русскаго художественнаго творчества и мастерства.

Долгое время монастырь былъ почти заброшенъ; это состояніе вызвано было разными печальными событіями: пожаромъ, взрывъ пороха, бурей, наконецъ, ослабленнымъ надзоромъ настоятелей монастыря и отнятіемъ имуществъ отъ Лавры въ царствованіе Петра I и, особенно, Екатерины Второй.

Возрожденіемъ своего благоустройства монастырь обязанъ вниманію Николая Павловича, посѣдившаго монастырь въ 1839 году, замѣтившаго заброшенность многихъ его святынь и повелѣвшаго создать палаты, достойныя царскаго рода. Бышій здѣсь ранѣе простой архитектуры корпусъ, вполне соотвѣтствовавшій и его былому назначенію—служить кельями монаховъ—или, въ лучшемъ случаѣ, келарю, своимъ стариннымъ видомъ могъ бы вызывать не мало сопоставленій и воспоминаній о пребываніи здѣсь Михаила Ѳеодоровича Романова. Къ сожалѣнію, теперь, онъ замѣненъ инымъ, претендующимъ на пышный видъ, домомъ, съ небывалымъ (для монастыря) параднымъ «краснымъ крыльцомъ»,—что безусловно не соотвѣтствуетъ и исторической правдѣ. Новый домъ былъ построенъ не по типу монастырскихъ (даже наиболѣе красивыхъ) «палатъ», а въ характерѣ городскихъ зданій русскаго стиля XVII вѣка, (вродѣ палатъ бояръ Романовыхъ, на Варваркѣ въ Москвѣ). Поэтому, архитектура этого дома не связана совершенно съ общимъ видомъ монастыря и, во всякомъ

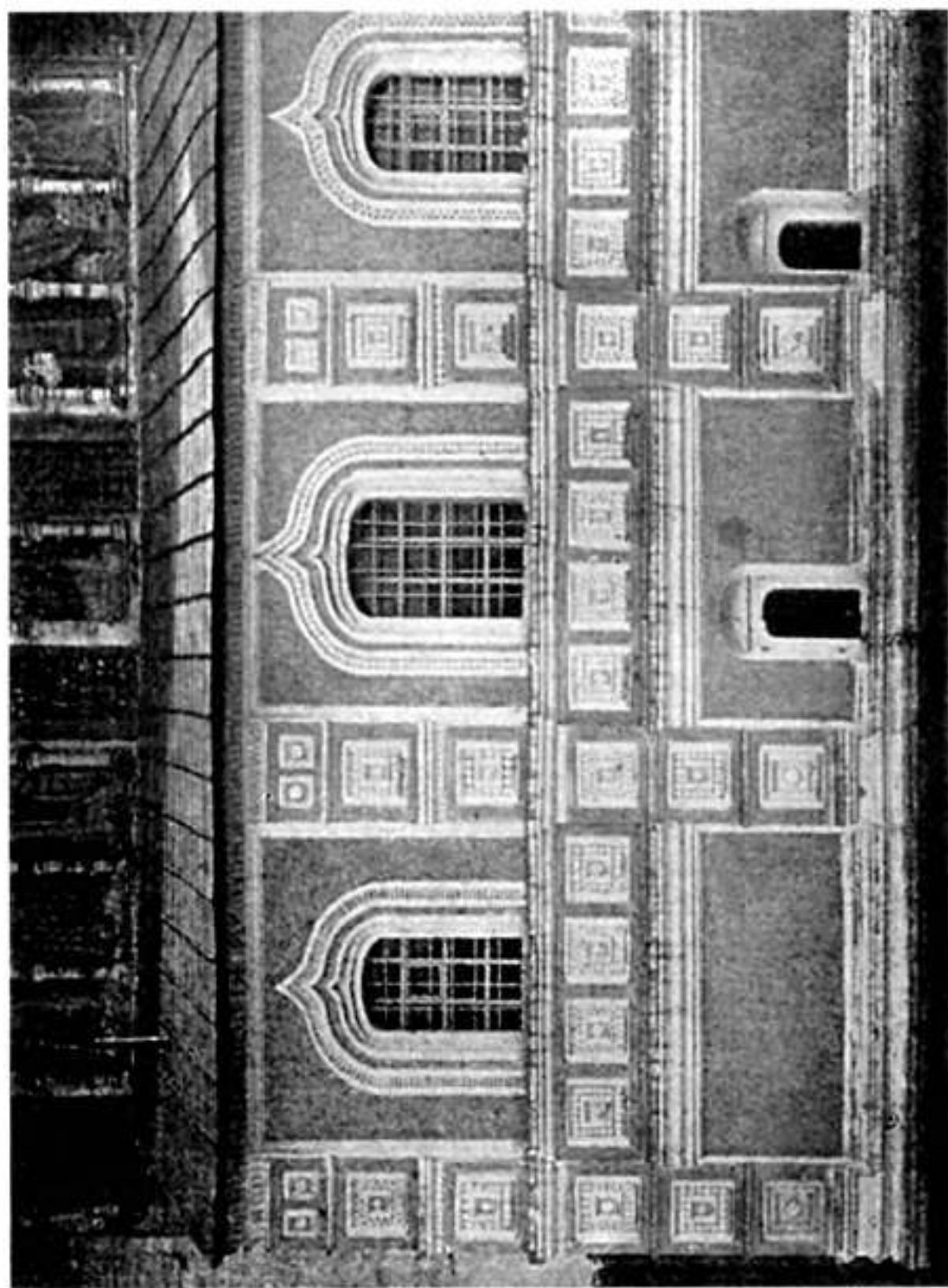

Абсиды Троицкаго собора.

случаѣ, лишена облика монастырской гражданской архитектуры *)).

Троицкій соборъ Троицкій соборный храмъ, построенный въ 1558 г. иждивеніемъ бояръ Годуновыхъ (Дмитрія Ивановича и Бориса Феодоровича), собственно говоря, былъ возсозданъ заново. Неизвѣстно, къ сожалѣнію, какимъ былъ храмъ въ своихъ первоначальныхъ формахъ. Отрывочныя свѣдѣнія позволяютъ лишь догадываться, что соборъ былъ сооруженъ въ обычной формѣ кубическихъ, пятиглавыхъ храмовъ, съ закомарами

*) Заканчивающая въ монастырѣ реставрація, подъ руководствомъ архитектора Д. В. Милѣва коснулась лишь Троицкаго храма и звоницы его.

Часть паперти Троицкого собора Ипатьевского монастыря.

и длинными пилястрами, дѣлившими всѣ четыре стѣны храма. Перекрытіе было посводное. Построенъ храмъ на подклѣткахъ. Внутренность его имѣла въ ширину 3, а въ длину всего 4 сажени. Соборъ и галерея крыты были нѣмецкимъ желѣзомъ. Послѣ катастрофы, постигшей соборъ въ 1649 году, въспомоществованіемъ царя Алексѣя Михайловича онъ былъ наново отстроенъ въ такомъ видѣ, какимъ мы его видимъ теперь, если не считать ремонта произведеннаго послѣ бури 15—16 мая 1835 года, сорвавшей всѣ покрытія куполовъ, стропила, главы, крыши и повредившей, отчасти, карнизы. Типъ соборнаго плана, пропорціи куба, и композиція абсидъ, приближаютъ соборъ къ Московскому прообразу. Почему-то этотъ новый Троицкій соборъ (1650—1652), построенный на мѣстѣ прежняго, разрушеннаго взрывомъ пороха, долго считался скомпинованнымъ по образцу Ярославскаго собора. «Однако никакой генетической связи», говоритъ Н. В. Покровскій, «въ композиціи этихъ двухъ храмовъ нѣтъ».

Въ нижнемъ этажѣ храма помѣщается придѣлъ во имя св. Лазаря, въ западной части его находятся усыпальницы. Алтарныя абсиды состоятъ изъ трехъ полукружій. Своды поддерживаются четырьмя столбами; два изъ нихъ скрыты за иконостасомъ. Въ правомъ предъалтаріи—діаконикъ, въ лѣвомъ—жертвенникъ. Въ сѣверной и южной папертяхъ устроены также придѣлы. Паперть охватываетъ храмъ съ трехъ сторонъ. Сѣверная сторона собора украшена арочнымъ пояскомъ на колоннахъ, вокругъ оконъ тесанные изъ кирпича наличники. Между полукружіями

Крыльцо Троицкаго собора.

алтаря находятся кирпичныя полуколонны. Крыльцо собора въ видѣ толстыхъ, пузатыхъ колонокъ съ перехватами, образующими шары, украшенные узорчатымъ пояскомъ. Столбы эти связаны арочками съ висячими замками, изъ бѣлаго камня. Покрытіе крыльца позднее, «ампирное» въ видѣ низкаго, приплюснутаго купола, увѣнчаннаго шпилемъ *).

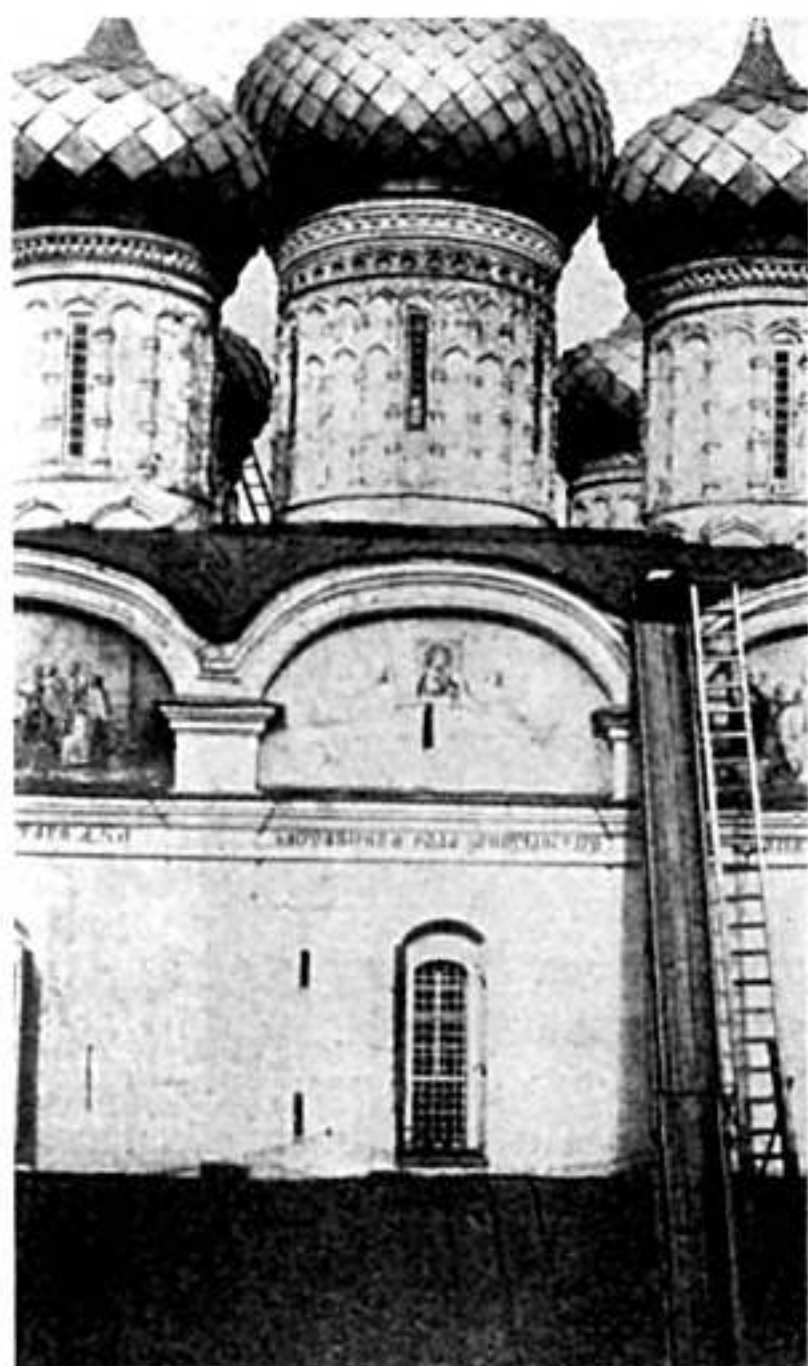
*) Конечно теперь должно быть возстановлено прежнее покрытіе крыльца, но въ вопросѣ о томъ какого типа надо придерживаться при возсозданіи крыльца ученые реставраторы сильно расходятся. Дѣло въ томъ, что, полагающееся не только по „канону“, но единственное конструктивное для одно-арочнаго соединенія крыльца

Закомары храма поставлены на низенькіе какъ бы отрубленные пилястры, заставляющіе предположить, что этотъ типъ члененія стѣнъ храма былъ внесенъ уже послѣ перестройки храма т. е. послѣ 1649 года. Быть можетъ прежде здѣсь не было и пояса изъ колонокъ на западномъ фасадѣ храма, а остальные стороны обработаны были выдающимися по всей ихъ длинѣ пилястрами.

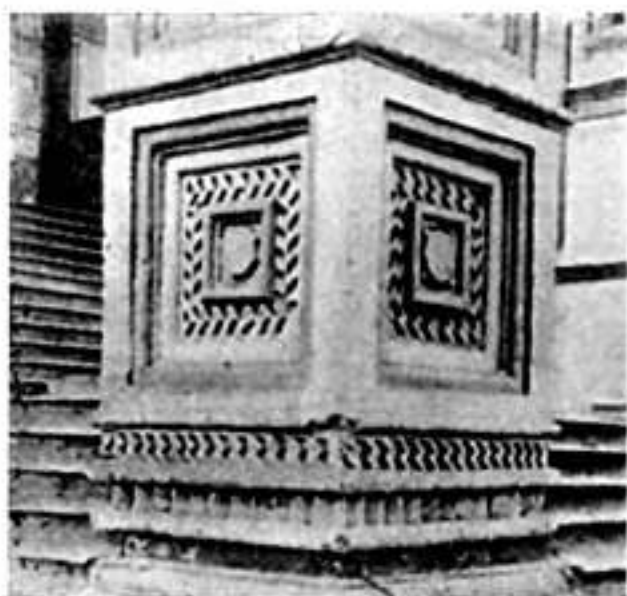
Закомары едва ли также были столь приплюснутыми. Но, такъ какъ покрытие храма сохранилось почти повсюдное (что очень рѣдко) — то приходится допускать неудачность новой композиціи этой части храма; несомнѣнно, при отсутствіи раздѣляющаго храмъ горизонтальнаго пояса закомары эти, опирающіяся на длинные выпуклые пилястры, были бы много стройнѣе, хотя, покрывающая внутреннюю поверхность ихъ, живопись и даетъ красивыя красочныя пятна. Покрытие собора (которое осталось и послѣ реставраціи) повсюдное, такъ какъ въ средней части крыша подымается все же на $\frac{1}{4}$ ската и лишь съ краевъ перекрываетъ и своды закомаръ. Закрытые

съ храмомъ—пирамидальное, т. е. шатровое покрытие, не можетъ быть скомпановано удачно (по своимъ незначительнымъ массамъ) съ очень тяжеловѣсными, готовыми нести гораздо большее сооруженіе, столбами крыльца. Но вызывающееся ихъ конструкціей двухскатное покрытие (которое можетъ быть сдѣлано достаточно высокимъ, т. е. такимъ, чтобы фронтонъ его превышалъ значительно нынѣшній низенькій)—не соотвѣтствуетъ „каноническимъ“ правиламъ русскаго зодчества.

Закомары и главы Троицкого собора.

крышей кокошники средняго барабана ясно указываютъ на то, что и теперешнее покрытие не вполне посводное и, что прежнее было значительно ниже къ серединѣ барабана.

Деталь столба крыльца.

Полъ въ церкви чугунный и настланъ въ 1811 г. Главы покрыты были еще (по Крживоблоцкому, въ 1861 году) бѣлымъ листовымъ желѣзомъ. Но конструкція куполовъ первоначально обновлена была уже въ тридцатыхъ годахъ *),

Соборныя врата, ведущія изъ паперти въ храмъ, (въ стилѣ XVII вѣка) любопытны откосами, съ отливами, сдѣланными на карнизѣ и аркѣ и съ тремя колоннами на каждой сторонѣ.

Соборныя врата.

Внутреннія двери въ церковь съ западной, сѣверной и южной сторонъ храма взяты, конечно, изъ разрушеннаго собора (1558 года) и очень интересны художественностью своего исполненія и иконографіей своего содержанія.

*) Нынѣ же оказалось, что на значительную глубину храмъ былъ засыпанъ землею, поэтому открыта была часть цоколя паперти; затѣмъ исправлены детали крыльца, замѣнено покрытие главъ новымъ. Трещины, оставшіеся въ сводахъ и стѣнахъ теперь задѣланы. Къ сожалѣнію, возстановленія въ исконномъ, простомъ видѣ того корпуса, въ которомъ жилъ Михаилъ Феодоровичъ реставрація 1912—1913 г. не предусматривала.

Двери отдѣланы изъ желѣза, но обиты латуною, лицевыя стороны ихъ раздѣлены на нѣсколько рамокъ, въ которыхъ помещены изображенія, отдѣланныя сусальнымъ золотомъ (подобно византійской инкрустаціи изъ золотыхъ пластинокъ).

Обработка входного портала.

Изъ трехъ дверей — на западной — въ двухъ верхнихъ частяхъ представлены Благовѣщеніе, архангелъ и Богоматерь, ниже пророки, далѣе «лѣстница Іакова» и кушина Моисея. Въ нижнихъ Омиросъ, Менандръ. На сѣверныхъ дверяхъ — изображенія св. Троицы, Аввакума и Сивиллы. На южныхъ дверяхъ — Благовѣщеніе и тутъ же Платонъ и Аполлонъ, — передъ костякомъ, лежащимъ въ гробѣ; здѣсь надпись: «Аполлонъ не

Южная дверь Троицкого собора.

Богъ, но жрецъ, но есть Богъ на небеси, и Ему снити на землю и воплотиться отъ Дѣвы чистыя...» Въ нижнемъ ряду снова—Сивилла. И хотя двери эти чрезвычайно красивы, но «ни со стороны технической, ни иконографической», говоритъ Н. В. Покровскій,

«они не представляютъ собою единственнаго явленія: такія двери мы видимъ и въ Успенскомъ соборѣ и въ Благовѣщенскомъ. Всѣ онѣ устроены одинаковымъ техническимъ способомъ, и всѣ вышли вѣроятно изъ московскихъ мастерскихъ XIII вѣка». Различіе Ипатьевскихъ дверей отъ прочихъ заключается лишь въ объемѣ и неодинаковости помѣщенія сюжетовъ.

Бъ Александровской слободѣ (Влад. губ.), въ Суздальской церкви Рождества Богородицы, т. н. «Корсунскія» двери въ Новгородской Св. Софїи — значительно отличны отъ разсматриваемыхъ дверей, но конечно всѣ двери находятся въ генетической зависимости отъ Византіи. Вѣдь византійцы дѣлали въ XI вѣкѣ лучшія двери даже для Италіи.

И въ Россіи былъ принятъ способъ украшенія дверей сходный съ византійскою инкрустаціею. Роль сусального золота въ Ипатіевскихъ дверяхъ соотвѣтствуетъ подобной же роли золотыхъ и серебряныхъ пластинокъ византійской инкрустаціи.

«Представляя, однако, немаловажный интересъ для исторіи развитія художественной техники, Ипатіевскія двери», говоритъ Н. В. Покровскій, «замѣчательны также и со стороны помѣщенныхъ на нихъ изображеній: не ускользнули отъ вниманія исполнителей и языческая литература и исторія; воспитанные на началахъ классическаго образованія, знакомые съ языческою литературою, философїей и искусствомъ мастера обращались къ этой области, предполагая и въ ней найти указанія на христіанство. Греческіе философы Платонъ, Сократъ, и другіе съ ихъ возвышенными идеальными понятіями давали почву для соглашенія между христіанствомъ и основами естественной религіи».

Эти входныя желѣзныя двери, обитыя мѣдными листами, вызолоченныя и росписанныя по золоту черной краской, (на каждой двери изображено по восьми праздниковъ и пророчествъ) съ украшеніемъ рамы между изображеніями растительнымъ орнамен-

Паперть Троицкаго собора.

томъ, взяты изъ стараго собора, и составляютъ такимъ образомъ вкладъ Дм. Ив. Годунова.

Стѣнопись Троицкаго собора. Черезъ 35 лѣтъ по сооруженіи храма, т. е. въ 1685 году, стѣны собора внутри были расписаны (въ алтарѣ церкви и въ галлерей) снизу до куполовъ фресковою живописью, достаточно сохранившеюся до нашихъ дней.

Покрывшая внутреннюю поверхность собора живопись, исполнена была костромскими иконописцами, но потомъ подновлена.

Въ 1894 году епископъ Виссаріонъ доносилъ Имп. Моск. Арх. О-ву о необходимости обновленія всей этой стѣнописи. По заключенію А. Н. Павлинова,

живопись признана была древней, но требующей лишь промывки или подправки лучших художков *).

Стѣнопись эта до нынѣшней реставраціи представлялась въ общемъ сохранною, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ была течь отъ неисправности крыши. Особенно пострадавшимъ было изображеніе Спасителя въ с.-з. куполѣ. При очисткѣ стѣнописи представилось нѣкоторое затрудненіе со стороны синихъ и ярко голубыхъ тоновъ.

Но живопись, покрывающая стѣны паперти и собора богата по своему содержанію: мы видимъ здѣсь и историческія лица, и событія Новаго и Вѣхаго Завѣта, и аллегоріи изъ книги Пѣснь пѣсней, и апокалипсическія видѣнія картины Страшнаго суда (на паперти).

«Изображенія царя Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича отличаются особенною свѣжестью и художественностью исполненія. Индивидуальныя особенности изображенныхъ и точное воспроизведеніе всѣхъ подробностей костюмовъ даютъ основаніе считать эти изображенія не произвольнымъ вымысломъ художника, а портретнымъ произведеніемъ, пусть даже условнымъ, благодаря иконописному приему. Представленіе изображеній царей въ храмѣ

*) Реставрація фресокъ предпринятая въ 1912 году къ юбилею 1913 года произведена была „Обществомъ Взаимопомощи русскихъ художниковъ“, подъ наблюденіемъ реставраціонной комиссіи и заключалась, собственно, въ этой промывкѣ и подправкѣ.

Хоры Троицкаго собора.

не рѣдко и въ церквахъ Кіева, Новгорода, Москвы;— они не имѣютъ, конечно, того значенія, какъ святыя, но служатъ напоминаніемъ о тѣхъ или другихъ историческихъ событіяхъ, связанныхъ съ даннымъ

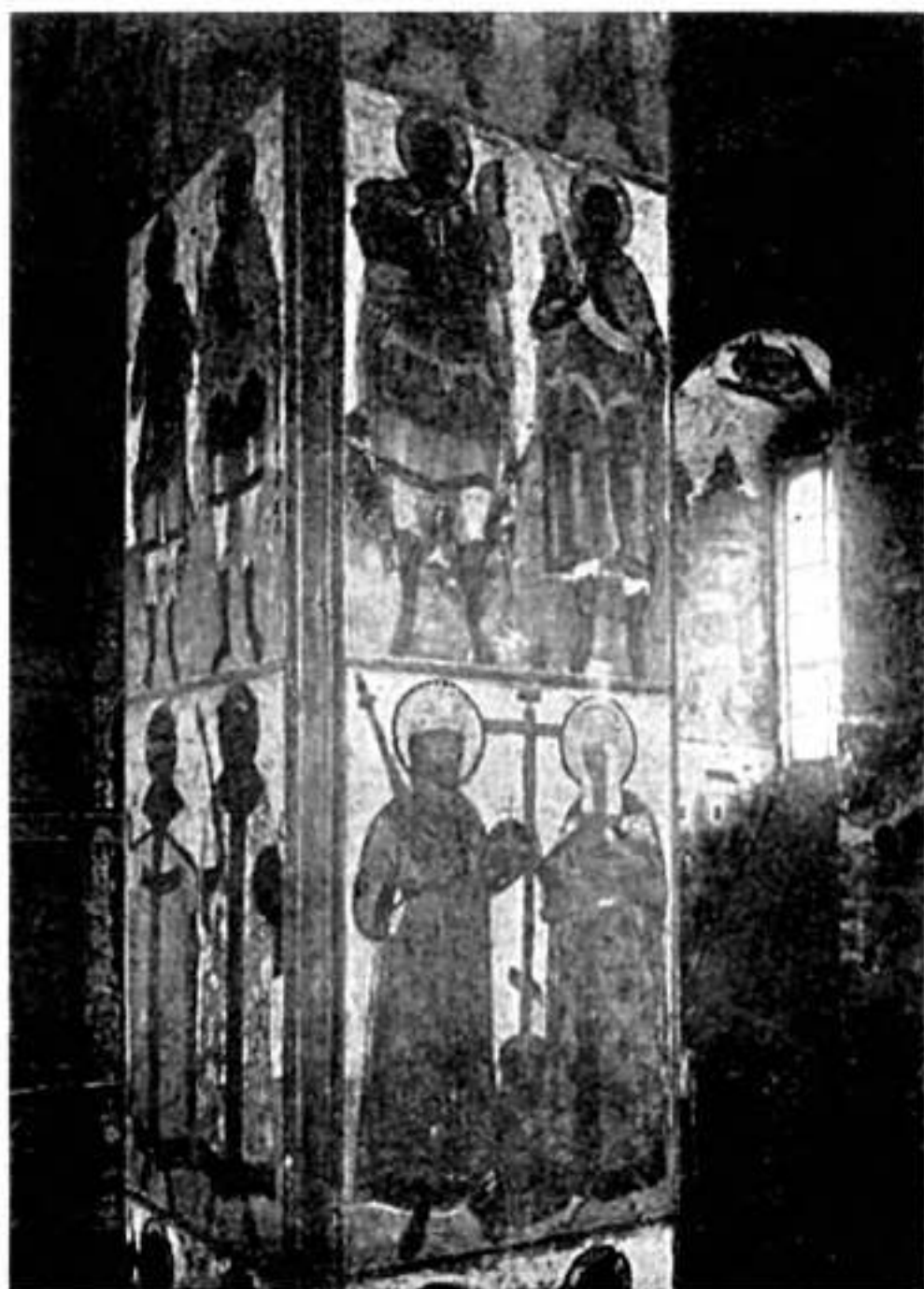
храмомъ. Обь изображеніяхъ такого рода поставленъ былъ даже вопросъ на столговомъ соборѣ Іоанномъ Грознымъ и былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ — подобныя изображенія допущены, такъ какъ ихъ типъ согласуется и съ основаніями древняго

Роспись на столбѣ Троицкаго собора.

преданія. Появленіе въ Троицкомъ соборѣ изображеній этихъ двухъ царей объясняется воспоминаніемъ обь избраніи здѣсь Михаила Θεодоровича на царство и о возсозданіи храма при Тишайшемъ царѣ».

Вся роспись (особенно въ храмѣ) необыкновенно красиваго исполненія. Какъ выяснено уже въ достаточной степени и какъ показываютъ записи на стѣ-

Роспись столба Троицкаго собора.

нахъ, въ клеймахъ, фрески Троицкаго собора принадлежатъ кисти лучшихъ мастеровъ-изографовъ, работавшихъ здѣсь въ 1658 году, во главѣ съ Гуриемъ Никитинымъ. Особенно красивымъ является

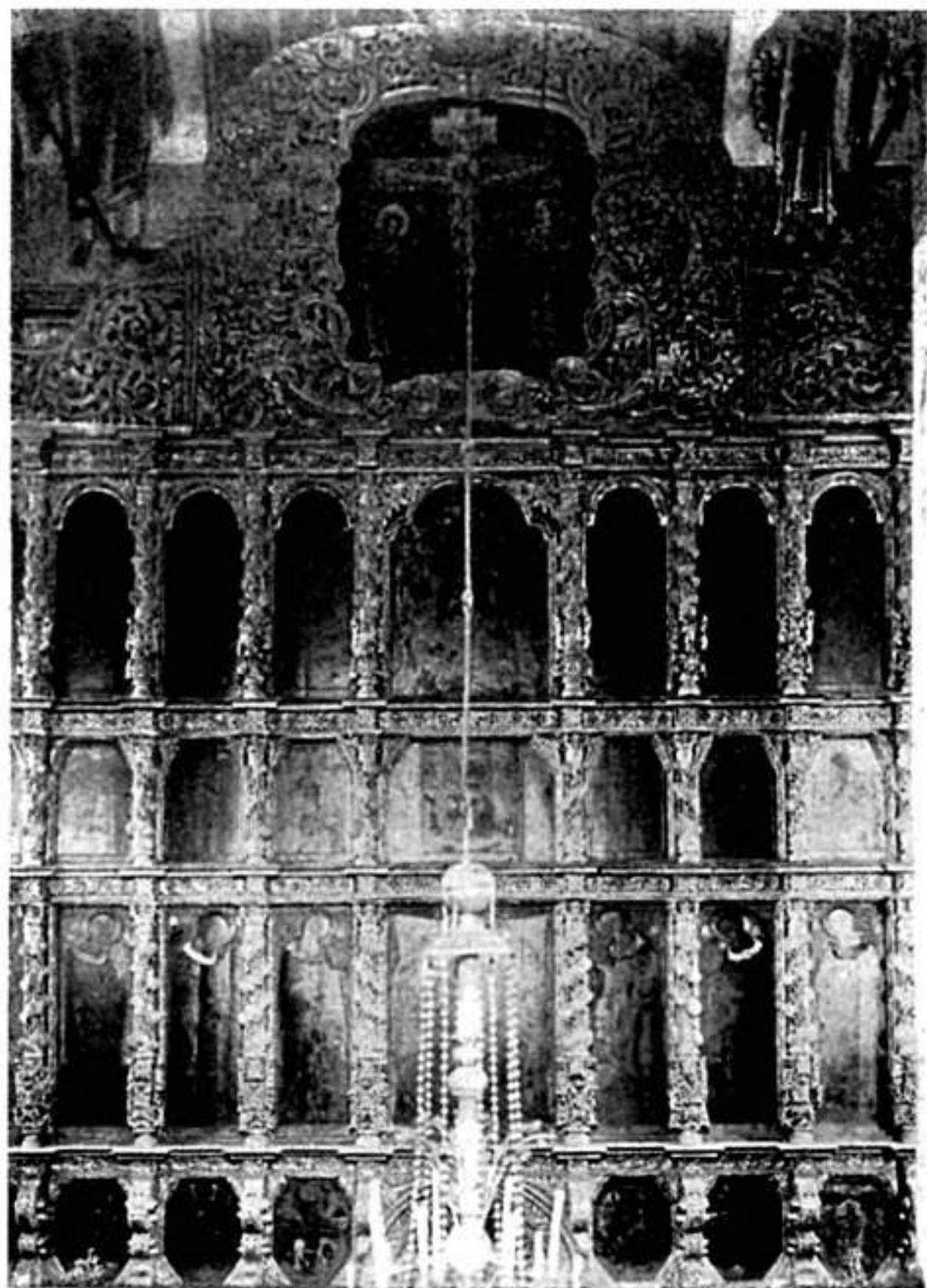

изображеніе фантастическихъ зданій, павильоновъ, кіосковъ, лѣстницъ, терасъ архитектуры итальянскаго барокко и прелестно трактуемой земли, скалъ или холмовъ, поросшихъ причудливыми травами и цвѣтами. Изъ отдѣльныхъ изображеній имѣютъ выдающееся значеніе богатѣйшею концепціею и экспрессіею фигуръ. «Страшный судъ», Распятіе Христова (хотя эти композиціи полны позаимствованій). Очаровательны изображенія ангеловъ и великолѣпныхъ характерностью представленія, разныхъ мучениковъ, святыхъ, воиновъ и праотцевъ, помѣщенныхъ на столбахъ собора. Въ придѣлахъ собора нѣтъ никакого фресковаго письма.

По Крживоблоцкому, стараніемъ Преосвященнаго Геннадія, въ соборѣ устроенъ былъ великолѣпный, пятиярусный иконостасъ. Вѣроятно это былъ не совре-
временный иконостасъ, такъ какъ другіе источники указываютъ на раннее происхожденіе его, относя къ XVII вѣку и приравнивая къ формамъ и къ образцамъ иконостаса Успенскаго кафедральнаго собора, бывшаго тамъ до пожара; впрочемъ есть указанія и на то, что иконостасъ устроенъ въ 1756 году при еп. Геннадіи и вызолоченъ въ 1758 году при Епископѣ Дамаскинѣ. Однако, данныя акта осмотра 1910 года относятъ иконостасъ къ началу XVIII вѣка, а распятіе надъ иконостасомъ съ рѣзьбою вокругъ него и еще къ болѣе позднему времени.

Въ актѣ осмотра 1910 года говорится: «Столярное дѣло въ иконостасѣ значительно пострадало: рѣзьба сильно обкрошилась, отдѣлилась, шатается, во многихъ мѣстахъ отпавшая рѣзьба подвѣшена бичевкой

*Иконостасъ
Троицкаго
собора.*

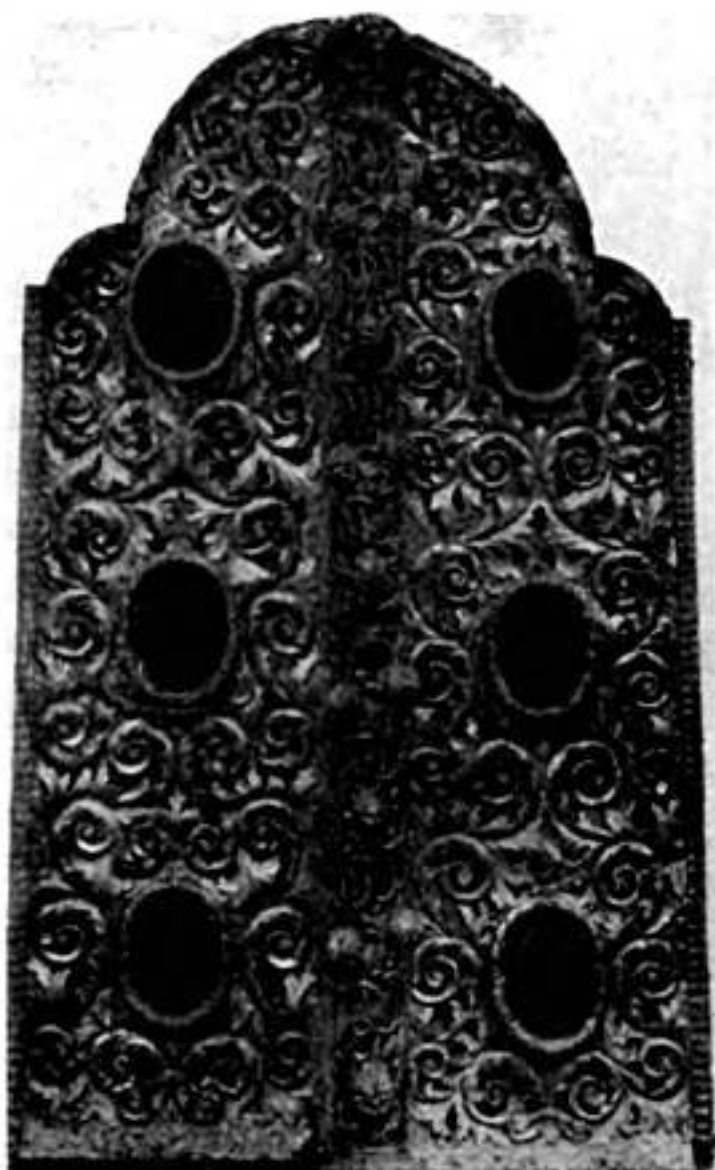

Иконостасъ Троицкаго собора.

или лентой и болтается при малѣйшемъ дуновѣніи; шатаются даже цѣлыя колонки въ первомъ ярусѣ.

Позолота мѣстами облупилась, сильнѣе въ верхнихъ ярусахъ, гдѣ имѣется большій доступъ лучей солнца. Для исправленія иконостаса, къ крайнему сожалѣнію, придется его разобрать и вновь перезолотить. Оставить одинъ ярусъ и перезолачивать другіе нельзя. Надо сдѣлать пробу, вставить ее на мѣсто и убѣдиться, что тонъ поправки не находится въ дисгармоніи съ чуднымъ мягкимъ тономъ всего иконостаса, чуждымъ кричащаго блеска и гармонирующимъ со стѣнной живописью и общимъ тономъ всего храма. Тоже надо замѣтить и относительно кіотовъ, такъ какъ они исполнены въ тонѣ и въ стилѣ иконостаса».

Царскія врата Иконостаса.

Деталь иконостаса.

На иконостасѣ изображены чудесныя виноградныя вѣтви и лозы, оплетающія колонки; орнаментация ихъ изъ сильно заостренныхъ аканѳовыхъ листьевъ; царскія врата состоятъ также изъ этого растительнаго орнамента. Въ иконостасѣ съ лѣвой стороны отъ царскихъ вратъ помѣщается, написанная Митрополитомъ Московскимъ, Тихвинская икона Божьей Матери, обложенная въ 1736 году такъ называемыми штилистовыми иконами; окладъ и риза (съ вѣнцами) иконы богато украшены. Осенью и зимой эта икона помѣщается въ тепломъ Рождественскомъ храмѣ. Въ предъалтарномъ иконостасѣ съ правой стороны отъ царскихъ вратъ за мѣстной иконой Спасителя находится икона Св. Троицы, — даръ боярина Дм. Ив. Годунова 1593 года. На ней вѣнецъ и цаты съ тремя подвѣсками каждая. Къ отдѣльнымъ ликамъ подвѣшены золотыя медали съ изображеніемъ Шведскаго короля Карла IX, съ золотыми при нихъ дощечками, на которыхъ вычеканено, что «медали» эти приложены царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ 14 февраля 1616 года. Икона эта (по ветхости кипарисовой доски) была переписана на другую доску (липовую) вѣроятно въ XVII вѣкѣ. На правомъ столбѣ (съ западной стороны) храма находится другая икона Св. Троицы, пожертвованная одновременно съ первою. Она была списана съ иконы, перенесенной въ 1380 году изъ Владиміра въ

*Иконы
Троицкаго
собора.*

Москву. На лѣвомъ столбѣ (съ южной стороны)—икона св. Дм. Солунскаго—даръ Дм. Годунова въ 1586 году. На томъ же столбѣ есть еще образъ Божьей Матери съ младенцемъ, и 14 дѣвѣями ан. Филиппа и св. Ипатія. Въ лѣвомъ придѣлѣ—въ честь Смоленской-Шуйской Божьей Матери, устроенномъ въ сѣверной галлерей собора въ 1879 году, красивая икона Успенской Божьей Матери съ чудесами.

Въ галлерей съ южной стороны ея, въ устроенномъ по царской грамотѣ отъ 1650 года, придѣлѣ Михаила Маленна икона—копія съ Θεодоровской, съ рѣзной кипарисной панатіей съ мощами и съ цатой и оглавіемъ, унизаннымъ крупнымъ жемчугомъ; этой иконою «по преданію» (не утвержденному, впрочемъ, документами) инокиня Марѣа Ивановна благословила на царствованіе своего сына. Икона сходна въ типѣ оклада съ тою, которая была подарена царемъ Михаиломъ Θεодоровичемъ и находится въ

Паникадило Троицкаго собора.

Стѣнопись Троицкаго собора.

Успенскомъ соборѣ. По даннымъ пр. Н. В. Покровскаго надпись на этой иконѣ свидѣтельствуесть о томъ, что икона написана въ 1614 году, а слѣдовательно, никоимъ образомъ не могла быть использована игуменьей Марьей Ивановной для благословленія ею своего сына. Надо прибавить, впрочемъ, что иконъ

Стѣнопись Троицкаго собора.

этого значенія въ Россіи нѣсколько, такъ въ Москвѣ, въ Новоспасскомъ монастырѣ также есть икона Феодоровской Богоматери, которою тоже «по преданію» былъ благословленъ на царство юный Михаилъ Феодоровичъ. Въ Ипатьевскомъ монастырѣ находится еще древній образъ Успенія, даръ Ив. Мих. Годунова 1567 года.

Наибольшую археологическую и художественную цѣнность, однако, представляетъ собою икона, находящаяся въ тепломъ храмѣ Рождества—едва ли не

древнѣйшая въ монастырѣ—это икона Божьей Матери, «Лечебницы». Она помѣщена въ тимпанѣ кіота.

Живопись ея, очевидно, греческая или т. н. итало-критская, а окладъ иконы можетъ быть отнесенъ даже къ XIV вѣку.

Къ концу XV или началу XVI вѣка относятся: большая икона преподобнаго Сергія Радонежскаго въ басменномъ окладѣ, въ житіяхъ, въ кіотѣ XVIII вѣка, на южной сторонѣ юго-западнаго пилона (Троицкаго собора), и малая икона Божьей Матери въ алтарѣ южнаго придѣла, съ изображеніемъ св. Апостола Филиппа. Къ концу XVI и началу XVII вѣка относятся вклады Годуновыхъ, икона Казанской Божьей Матери въ чудесномъ эмалевомъ уборѣ и другія малыя иконы, размѣщенные вокругъ мѣстной Тихвинской иконы въ кіотахъ за алтаремъ южнаго придѣла; большія иконы въ замѣчательныхъ басменныхъ чеканныхъ и эмалевыхъ уборахъ.

Интересна икона св. Дмитрія Солунскаго въ рельефныхъ изображеніяхъ его житія на окладѣ, Псково-Печерская икона съ греческой орнаментацией и многими иными.

Большая часть иконъ—замѣчательной сохранности, но нѣкоторыя требуютъ возстановленія утраченныхъ мѣстъ, снятія слоевъ олифы, расчистки, удаленія позднѣйшихъ записей, склепки потрескавшихся досокъ и т. д.

Въ общемъ Годуновыми было пожертвовано до девяноста иконъ, изъ которыхъ многія были и въ золотыхъ окладахъ.

Царское мѣсто въ Троицкомъ соборѣ.

Царское мѣсто въ стѣнахъ на престолѣ царя Михаила Ѳеодоровича, сдѣлано въ Троицкомъ соборѣ. Царское мѣсто, поставленное въ память восшествия на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича, сдѣлано изъ липы, съ рѣзными украшеніями; высота его 11 аршинъ; четыре рѣзныхъ льва—охраняющіе входъ въ это мѣсто—сдѣланы несомнѣнно ранѣе (при Іоаннѣ Грозномъ). Прислано оно было, «по преданію» царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 1613 году.

Послѣ взрыва въ соборѣ въ 1649 году «Царское мѣсто» было сохраняемо въ разобранномъ видѣ въ кладовой до 1767 года, когда по случаю посѣщенія Императрицею Екатериною, его снова поставили въ соборѣ. На память же о томъ, что здѣсь стояла императрица, съ лѣвой стороны царскаго мѣста укрѣпленъ былъ рѣзной вензель Екатерины II-й.

Царское мѣсто, послѣ разрушенія собора, сложенное въ кладовую, хранилось тамъ 117 лѣтъ. Непонятно это равнодушіе къ такому рѣдкому украшенію храма, продолжавшееся до посѣщенія Ипатіевскаго монастыря Екатериной II-й.

Царское мѣсто до сихъ поръ сохранило свою сѣнь, очень красивой рѣзбы; отъ самаго «мѣста» или трона, собственно, остались лишь упомянутые львы, находившіеся вѣроятно и прежде у подножія его; но львы не были подъ колоннами, такъ какъ они одностороннія, т. е. ихъ другая половина совершенно плоская, безъ рѣзбы и безъ полировки. Вѣроятно же всего они были помѣщены попарно, другъ къ другу задомъ, подъ перилами или боковыми стѣнками, оградившими тронъ. Стоящіе подъ сѣнью «бочка», ограждавшіе тронъ—времени Екатерины II-й, подходят скорѣе по стилю къ балдахину или къ сѣни надъ архи-

Левъ Царскаго мѣста.

ерейскимъ мѣ-
стомъ, а бочка
у послѣдняго
скорѣе подхо-
дятъ къ цар-
скому мѣсту,
но они не при-
надлежатъ по
работѣ и стилю
тому времени,
когда была
исполнена сѣнь.

Святительское архіерейское мѣсто находится у лѣваго столба, оно съ полукруглою кровлею, рѣзными подзорами и рѣзными святительскими регалиями. Надъ западною дверью устроены хоры; украшенія на нихъ штукатурныя. Около царскаго и архіерейскаго мѣста стоятъ двѣ хоругви—подаренныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Монастырская колокольня возведена вмѣсто первоначальной (1586—1590) въ 1603—1605 годахъ Дм. Ив. Годуновымъ; высота ея $17\frac{1}{2}$ сажень. Колокольня устроена съ тремя этажами арокъ, увѣнчана шатромъ и напоминаетъ собою звонницу Ростовскаго собора.

*Коло-
кольня
мона-
стырл.*

Какъ показала недавняя реставрація, существующій до нашихъ дней шатеръ не былъ древнимъ. Онъ, какъ въ футлярѣ, скрывалъ меньшій (1777 года, съ черепичнымъ покрытіемъ) старый шатеръ, былъ построенъ въ 1852 году и покрытъ бѣлымъ же-
лѣзомъ.

Звонница Ипатіевскаго монастыря.

Вся живопись, покрывающая стѣны этой колокольни, позднѣйшая и не только не представляетъ никакого художественнаго интереса, но даже должна быть убрана. Производящейся нынѣ реставраціей, кажется, это предусмѣтрѣно. Убрана будетъ также кирпичная кладка, которою заложили арки и нѣкоторые пролеты въ колокольнѣ.

Въ 1776 году колокольня была исправлена и повышена,—на ней устроенъ бой въ 1649 году. Въ шатровой башнѣ, возвышающейся надъ колокольнею, сохранялись остатки механизма древнихъ часовъ, сильно поврежденнаго, но отличающагося оригиналь-

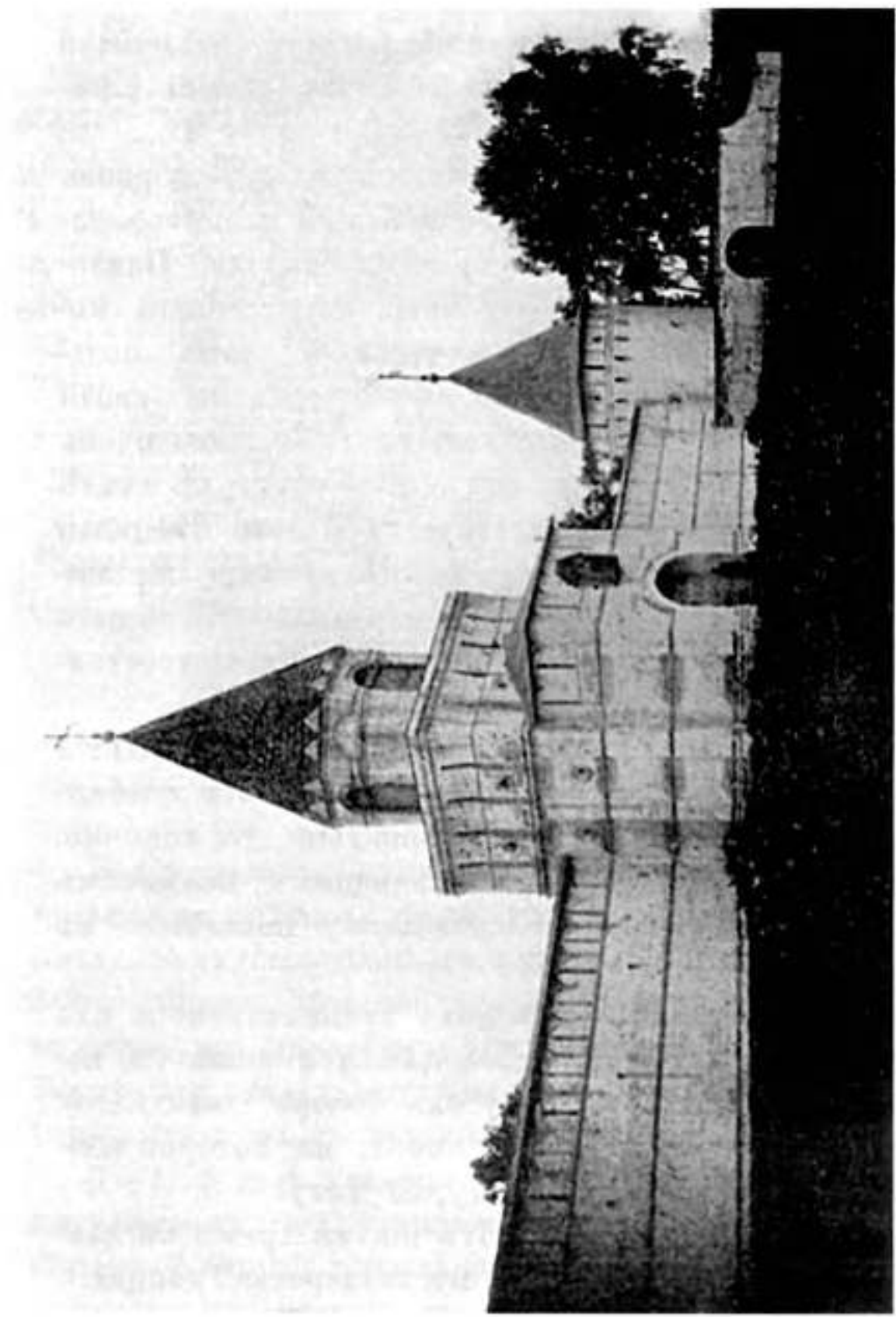
ностью. Повидимому Ипатіевскіе часы принадлежали къ тому же типу, что и часы на Новгородской Ефиміевой башнѣ.

Другой храмъ Ипатіевского монастыря—церковь *Церковь Рождества Богородицы, перестроенный изъ первоначальнаго (1760 — 1764)—во времена Николая Павловича, является теплымъ храмомъ Ипатіевского монастыря; теперешній Рождественскій храмъ поздней архитектуры мало привлекателенъ по своей вышности. Нѣкоторыя части его зодчества очень грубы, и въ общемъ своемъ quasi—русскомъ стилѣ храмъ не только не представляетъ художественнаго сооруженія, и слѣдовательно не имѣетъ такого же значенія—но положительно нарушаетъ цѣльность общаго вида монастыря, въ большей своей части состоящаго изъ старинныхъ построекъ.*

Храмъ, бывшій здѣсь до половины XIX столѣтія (до 1860—64 годовъ) если и не отличался особенными художественными особенностями, то, конечно, лучше бы сочетался съ окружающимъ пейзажемъ нежели созданный по Высочайшему повелѣнію въ 1864 году.

Изъ предметовъ, имѣющихъ художественное или историческое значеніе, здѣсь имѣются лишь тѣ, которые переносятъ на зиму изъ собора (холоднаго), и изъ нихъ самая древняя икона, на которой изображено небесное явленіе Мурзѣ Чету.

Ничего выдающагося нѣтъ ни въ храмѣ Св. Лазаря (подвальномъ, подъ южной галлереею Троицкаго собора), ни въ храмѣ Св. Хрисанфа и Даріи, находящемся на восточной сторонѣ обители, надъ Водя-

Стѣна и башни Ипатіевскаго монастыря.

Изъ прочихъ храмовъ монастыря двѣ церкви надъ Святыми и прежними Въѣздными воротами—выстроены были въ 1586 году усердіемъ Дм. Ив. и Бор. Θεод. Годуновыхъ, одна во имя Θεодора Стратилата, другая во имя Св. Ирины. Домовая церковь (архіерейская) построена была въ 1759 году. Каменная церковь во имя Іоанна Златоуста въ 1672 и 1673 годахъ; — подлѣ алтаря теплой Богородицкой церкви находится усыпальница Годуновыхъ.

Половина монастырской ограды устроена въ 1586—1590 годахъ Годуновыми и первоначально она состояла изъ стѣнъ, къ которымъ примыкали четыре башни. Вторая ограда (такъ называемая «Новый Городъ») устроена была въ 1642 и 1643 годахъ. Башни Годуновской ограды снабжены были пушками, девять изъ нихъ сохраняются и нынѣ при воротахъ и въ садикѣ при домѣ Михаила Θεодоровича; этими пушками пользовались весной 1608 года приверженцы Тушинскаго самозванца во главѣ съ воеводой Вельяминовымъ. Вблизи западной части ограды открытъ въ 1708 году подземный ходъ.

*Ограда
монасты-
ря, ея
башни и
ворота.*

Въ 1621 году оградная стѣна была надстроена, но безъ измѣненія прежняго плана.

Къ этой оградѣ по повелѣнію царя Михаила Θεодоровича пристроена была (въ 1642—3 годахъ) новая каменная ограда на четырехугольномъ пространствѣ въ 144 сажени съ двумя наугольными башнями и третьюю на серединѣ западной стѣны, называемою «Зеленою».

Башня носить названіе «Зеленой», потому, что была покрыта зеленою черепицею, тогда какъ осталь-

Круглая башня Ипатіевского монастыря.

ныя башни
были крыты
тесомъ, окра-
шеннымъ
красною кра-
скою. Она
построена
при воеводѣ
Костром-
скомъ князѣ
А. О. Деевѣ.
Башни раз-
личныхъ
формъ съ
высокими
верхами въ
1840 году
приняли оди-
наковыи
(кромѣ «Зе-
леной») ко-
нусообраз-
ный видъ и

были покрыты желѣзомъ; теперь всѣхъ башенъ
въ обители восемь. Кромѣ этой ограды длиной
въ 387 сажень, высотой 9 аршинъ со стороны
р. Костромы (т. е. съ востока и юга) устроена другая—
низкая (трехъ - аршинной высоты) ограда. Воротъ
для въѣзда было пять. Тѣ, которыя были въ
«Водяной» башнѣ — «Водяныя ворота» служили
лишь съ 1642 года по 1764 годъ «Святыми» воро-

тами *). Эти ворота подь храмомъ Хрисафа и Даринъ—называются «Водяными» потому, что черезъ нихъ всегда проходили въ обитель Высочайшія особы въ случаѣ прибытія ихъ сюда по водѣ, на парходѣ, съ Волги по рѣкѣ Костромѣ. Нынѣшнія «Святые» ворота съ сѣверной стороны, служатъ главными и открыты для всѣхъ; они состоятъ изъ двухъ арокъ, надъ первой изъ которыхъ изображенъ вензель Екатерины Великой, 14 мая 1767 года вступившей въ монастырь; надъ второй аркой (внутри) изображено «Всевидающее око».

Мона- Одноэтажный настоятельскій корпусъ построенъ
стырскія въ XVI вѣкѣ; двухъ-этажный корпусъ устроенъ въ
построй- 1728 году, онъ занятъ былъ сперва конторою, а съ
ки и келіи. 1746 года консисторіей, и передѣлкѣ подвергся въ
1850 году, причемъ также какъ архіерейскіе покои
(1850-хъ годовъ) и Рождественская церковь не согласуется съ характеромъ стариннаго зодчества монастыря. Удивительно было это настойчивое нежеланіе строителей приблизиться къ типу зодчества даннаго образца. Казалось бы такъ просто было: только скопировать находящееся рядомъ...

Кельи около Западныхъ воротъ построены въ 1732 году. Переходъ между соборами и кельями устроенъ въ 1777 году.

*) Прелестный Ваня Сусанинъ не могъ поэтому въ 1613 году стучаться кольцомъ именно въ эти ворота и умолять—«отоприте». Тѣмъ болѣе невѣрна подпись «Святые ворота»—подъ иллюстраціей, помѣщенной недавно во многихъ журналахъ и изображающей на самомъ дѣлѣ «Зеленую» башню.

Посреди
п л о щ а д и
п о с т а в л е н ъ
к а м е н н ы й
к р у г л ы й
с т о л б ъ, н а
ч е т в е р о
у г о л ь н о м ъ
п о с т а м е н т ѣ,
с ъ к а ж д о й
с т о р о н ы, к о
т о р а г о н а
м ѣ д н ы х ъ д о
с к а х ъ в ы р ѣ
з а н ы б ы л и
н а д п и с и о
з а м ѣ ч а т е л ь
н ы х ъ м о н а
с т ы р с к и х ъ
в к л а д а х ъ и о
с о б ы т і я х ъ,
с о в е р ш и в
ш и х с я в ъ
с т ѣ н а х ъ м о
н а с т ы р я.

Почему теперь эти надписи отсутствуют?

Изъ монастыря (позади Рождественскаго храма) калиточка въ стѣнѣ ведетъ на площадку, засаженную лианами. Сюда надо непременно придти, чтобы полюбоваться открывающимся здѣсь видомъ, полнымъ монастырскаго настроенія, навѣвающаго думы о прошломъ...

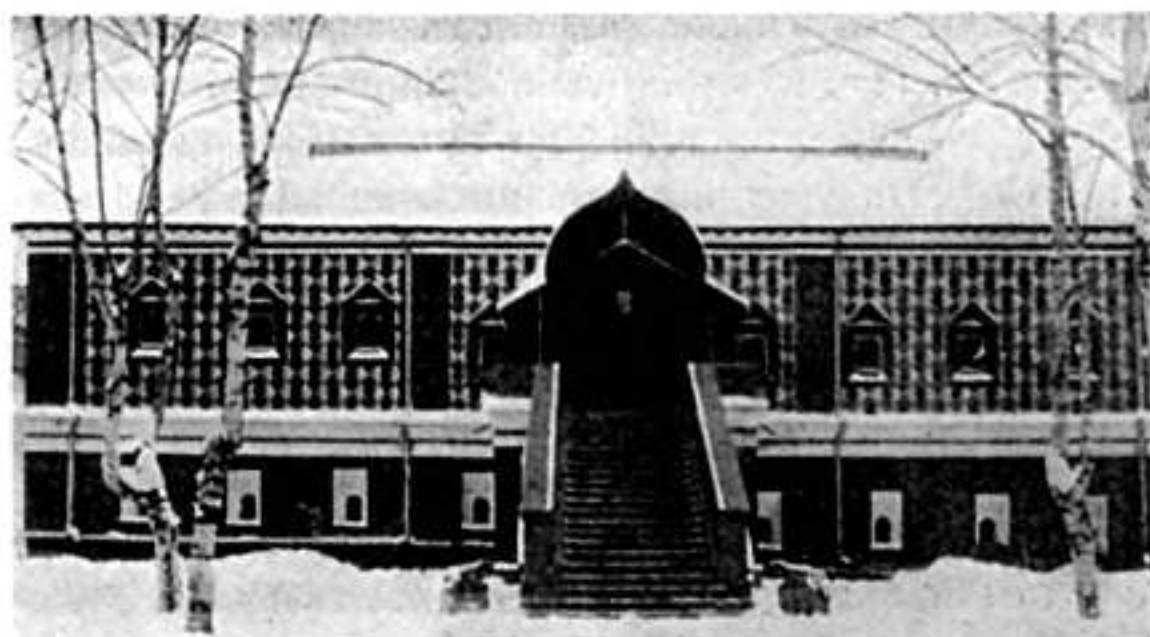
Зеленая башня Ипатіевскаго
монастыря.

Старыя келіи Іпатіевскаго монастыря.

По лѣвой сторонѣ отъ Святыхъ воротъ (къ востоку) находится архіерейскій домъ, а по правую сторону гладкій, простой, но симпатичной архитектуры двухъ-этажный корпусъ братскихъ келій, далѣе палаты Романовыхъ и къ югу отъ нихъ еще одинъ двухъ-этажный корпусъ; нѣкоторыя детали этихъ корпусовъ (особенно расположеннаго отъ Святыхъ воротъ направо) — сохраняютъ хорошій уютный видъ, маленькія оконца перваго этажа съ треугольнымъ фронтономъ и глубокой амбразурой — даютъ образецъ подлиннаго стариннаго зодчества.

Домъ боярѣ Романовыхъ. На мѣстѣ дома Михаила Ѳеодоровича, первоначально были почти такія же неизвѣстно (точно) когда устроенныя, «келарскія» келіи, съ 1598 года получившія названіе намѣстническихъ. Въ этихъ то кельяхъ Михаилъ Ѳеодоровичъ и проживалъ до 19 марта 1613 года. Извѣстно еще, что послѣдній (до того) въ

Домъ бояръ Романовыхъ.

нихъ ремонтъ произведенъ былъ въ 1586—1597 годахъ. Намѣстническія кельи состояли всего изъ 2 апартаментовъ въ двухъ этажахъ и, несомнѣнно, лишь очень незначительными признаками архитектуры отличались отъ остальныхъ монастырскихъ (жилыхъ) построекъ.

При этихъ кельяхъ было съ восточной стороны деревянное о двухъ площадкахъ крыльцо—15 аршинъ длиною и 7 аршинъ шириною, которое шло вдоль келій, а не перпендикулярно къ фасаду ихъ. Кельи были крыты несомнѣнно тесомъ. Въ каждомъ апартаментѣ было по 9 окошекъ (высотою 1 аршинъ, шириною 12 вершковъ).

Въ XVII вѣкѣ являясь уже кельями намѣстника, покои эти получили пристройку изъ нѣсколькихъ комнатъ (пять, шесть). Въ концѣ XVIII вѣка въ этомъ корпусѣ произведены были еще новыя передѣлки.

Часть комнатъ отошла тогда подъ квартиру префекта семинаріи. Но вскорѣ келіи принимаютъ названіе «царскихъ чертоговъ», дворца Михаила Ѳеодоровича, и послѣ этого уже никто въ нихъ не жилъ.

Оставаясь затѣмъ въ неприкосновенности келіи въ 1817 году грозили однако разрушеніемъ. Въ 1823 г. по распоряженію Епархіальнаго начальства произведены были поправки. Въ 1834 году на эти кельи обращено было вниманіе Императора Николая Павловича, посѣтившаго монастырь и повелѣвшаго возстановить эту знаменитую обитель. Но только въ 1841 г. послѣ продолжительной переписки съ разными учрежденіями приступлено было къ наружной и внутренней починкѣ ихъ на сумму 2.994 рубля, дополненную еще 3.461 руб.

Наконецъ, въ 1859 году Александръ II-й, посѣтившій въ 1837 году и въ 1858 году дворецъ Михаила Ѳеодоровича, рѣшилъ произвести «реставрацію» въ древнемъ его видѣ по плану архитектора Московской Дворцовой конторы Рихтера съ тѣмъ, чтобы кельи напоминали царскій дворецъ въ стилѣ XVII вѣка.

Когда въ 60-хъ годахъ задумана была реставрація этого дома, то рѣшено было взять за образецъ боярскаго сооруженія домъ Михаила Ѳеодоровича въ Москвѣ. Къ сожалѣнію это рѣшеніе осталось лишь въ проектѣ и на дѣлѣ между двумя названными зданіями не оказалось почти никакихъ общихъ чертъ. Памятникъ, такимъ образомъ, не имѣетъ никакого значенія для искусства, важенъ лишь для широкой публики соединенными съ нимъ историческими воспоминаніями. Эта своеобразно понятая «реставрація» была

закончена въ 1863 году. Въ настоящемъ видѣ дворецъ имѣеть 15¹/₂ сажень длины и 4 саж. ширины. Въ нижнемъ этажѣ его 2 комнаты съ особыми сѣнями. Вверху, на площадкѣ одномаршной лѣстницы (въ 17 ступеней, 3-хъ аршинной ширины)—двѣ узкія, одностворчатыя двери. Обѣ выходятъ въ сѣни, откуда на противоположной сторонѣ выходъ на галерею. Слѣва — входъ въ половину Михаила Теодоровича. Въ ней всего 2 комнаты, изъ которыхъ первая—отъ входа размѣрами 9 аршинъ длины, 6 аршинъ ширины. Здѣсь 2 печи изъ изразцовъ новой выдѣлки.

Кресло изъ дома бояръ Романовыхъ.

Направо — половина матери Марѣы Ивановны. *Предметы убранства.* Здѣсь 4 комнаты, и три печи; двѣ изъ нихъ изразцовыя. Во всѣхъ комнатахъ своды. Окна въ глубокихъ амбразурахъ. Позади дома идетъ галерея, по типу галерей XVI вѣка, когда онѣ проходили по всей длинѣ дома. Здѣсь же и лѣстница, сообщающая первый этажъ со вторымъ: иного сообщенія не было. Внутреннее убранство дома обнаруживаетъ въ реставраторѣ гораздо большую долю знанія вкуса—

Кресло въ домѣ бояръ
Романовыхъ.

что объясняется вѣроятно тѣмъ, что здѣсь же были остатки мебели и изразцовъ. Но большая часть печей, которыя находятся здѣсь, были сдѣланы вновь по уцѣлѣвшимъ образцамъ изразцовъ (и въ которые изразцы поставлены неправильно).

Мебель въ домѣ почти вся новая, сдѣланная по старинному типу (Чиппендель). Есть лишь 2 старыхъ (начала XVIII вѣка)

стула не имитацию представляющіе собою.

Изъ предметовъ, представляющихъ художественный интересъ, можно указать лишь на 2 родословныхъ рода Романовыхъ. Одна гравюра Елисаветинскаго времени (кіевская, приготовленная къ встрѣчѣ Государыни съ надписью на 4 языкахъ), другая Екатерининская. Не плохи и металлическія кресла начала XVIII вѣка (относительно не ранѣе этого времени).

Изъ религіозныхъ предметовъ здѣсь уцѣлѣлъ только одинъ деревянный складень съ изображеніемъ

Феодоровской Богоматери въ серединѣ. Образъ этотъ считается принадлежностью моленной Михаила Феодоровича. 1).

Недавно сюда привезена изъ Маркарьевскаго монастыря коляска, приписывавшаяся долгое время Михаилу Феодоровичу. Какъ показали, однако, новыя данныя, литеры I. M. на ея дверцахъ могутъ быть прочтены и какъ Гермонахъ Макарій. Такимъ

Кресло изъ дома бояръ Романовыхъ.

образомъ коляска можетъ быть съ тѣмъ же вѣроятіемъ приписана и Инокій Марѣѣ, но стиль коляски вынуждаетъ, къ сожалѣнію, признать, что она, также какъ желѣзныя кресла (несомнѣнно XVIII

*) Основанное недавно въ Костромѣ къ 300-лѣтнему юбилею царствованія Дома Романовыхъ Церковно-Археологическое Общество предполагаетъ въ этомъ домѣ устроить музей, значительно пополнивъ собраніе, уже здѣсь находящееся.

вѣка,—стиля барокко) не могла служить ни Инокѣ Марѣ, ни ея царственному сыну, ибо выполнена также въ присущемъ XVIII столѣтію характерѣ барочнаго стиля.

*Усыпаль-
ницы въ
Ипатіев-
скомъ мо-
настырѣ.*

Когда то въ Ипатіевскомъ монастырѣ было 3 древнихъ Годуновскихъ усыпальницы. Старѣйшія находились близъ алтаря Богородицкой церкви (въ одной было 22 могилы, въ другой 16). Здѣсь былъ погребень и Четъ, и его потомки. Тамъ же были погребены князья Вяземскіе, Мстиславскіе, Куракины, Щербатовы и дворяне мѣстныхъ родовъ.

Подъ Троицкимъ соборомъ находится третья, единственная сохранившаяся, усыпальница вельможъ XIV — XVI вѣка—потомковъ основателя Ипатіевского монастыря Захарія—Сабуровыхъ, Пѣшковыхъ, а съ XVI вѣка Годуновыхъ. Остальныя же усыпальницы уничтожены въ шестидесятихъ годахъ XVIII вѣка, при расширеніи (въ 1757 г.) Рождествобогородицкаго храма, когда гробницы были перекопаны и матеріалъ ихъ пошелъ подъ основаніе храма, а выкопанныя кости положены были въ одну общую могилу. Отъ прочихъ усыпальницъ остались лишь 2 колоды, открытыя во время земляныхъ работъ при перестройкѣ Богородицкой церкви въ 1864 году.

*Надгроб-
ные па-
мятники.*

На кладбищѣ вокругъ Троицкаго собора много интересныхъ памятниковъ.

Лучшіе изъ сохранившихся—конца XVIII и начала XIX вѣка; они въ стилѣ Empire; это все больше колонны, украшенныя урнами или задрапированными статуями въ грустныхъ позахъ склонившихся надъ могилами; есть иobelisks, украшенныя символами и эмблемами...

Ризница Ипатіевскаго монастыря заключаетъ въ *Ризница* себѣ такое богатое собраніе древностей, какое можно *Ипатіев-* встрѣтить лишь въ рѣдкихъ русскихъ монастыряхъ; *скаю мо-* съ расширеніемъ помѣщенія она могла бы стать *настыря.* замѣчательнымъ церковно-археологическимъ музеемъ. Взорамъ наблюдателя представляется здѣсь разнообразіе и роскошь художественныхъ формъ и высокое качество матеріала, и изумительная техника мастерства; «вмѣстѣ съ историческими преданіями всѣ сокровища ризницы могутъ вызвать исключительное вниманіе къ нашему прошлому».

Почти всѣ предметы, находящіеся въ ризницѣ, показываютъ художественность стариннаго производства съ его лучшей стороны. Конечно, наше старинное искусство не могло не имѣть и темныхъ сторонъ, но этотъ подборъ указываетъ на то, что очевидно здѣсь собраны были только лучшіе предметы, исполненные лучшими художниками и подаренные именитѣйшими боярами, а сравнительно худшіе предметы, вѣроятно, были уничтожаемы постепенно.

Ризница устроена противъ придѣла во имя св. Михаила Малеина и представляетъ какъ бы продолженіе его (къ западу) въ видѣ особой комнаты; такъ какъ она заключаетъ въ себѣ богатѣйшее собраніе древностей, замѣчательныхъ по достоинствамъ своей техники и цѣнностью матеріаловъ, то осмотръ ея долженъ быть чрезвычайно систематичнымъ.

Изъ хранящихся въ ризницѣ древнихъ иконъ *Иконы-* особенно замѣчательны рѣдкостные складни, *складни.* рѣзанные изъ кости, камня и дерева. Особенно красивы: двойной рѣзной складень изъ черной кости

Деисусъ (Ипатіевскій
монастырь).

съ серебряными полями, украшенными золотою сканью, и изображающій прелесть Божью; прелестны всѣ группы изображенія, рѣдкаго по формамъ и необычнаго по композиціи, склада, обложеннаго серебряной басмой. На одной изъ половинъ послѣдняго любовитное изображеніе собора Пресвятой Богородицы. Красивъ еще одинъ скла-

день двойной, круглый, тоже изъ черной кости. Прелестный складень съ изображеніемъ Рождества Христова; поля его выложены басмой, съ серебрянными сканпными вѣнчиками. На складѣ Николая Чудотворца красивая отѣлка изъ нитей мелкаго жемчуга. Есть складни въ формѣ креста, есть тройные складни (на кипарисовой доскѣ) съ изображеніемъ (скульптурнымъ) Спасителя, возсѣдающаго на престолѣ; есть складень съ изображеніемъ Страстной Божьей Матери, складень, пожертвованный въ Ипатіевскій монастырь Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ, рѣзанный изъ черной кости и обдѣланный въ серебро. На одной сторонѣ его Знаменская икона, по бокамъ символы Евангелистовъ, а на другой поло-

виѣ складня представлено нѣсколько фигуръ. Въ правомъ верхнемъ углу, въ кругу, изображеніе Пресвятой Дѣвы; правою рукою Она благословляетъ, а въ лѣвой держитъ храмъ (въ видѣ нѣсколькихъ колоннъ, съ куполообразною кровлею).

Всѣ эти фигуры и особенно одѣтыя въ ветхозавѣтныя одежды, полны суроваго паѳоса чрезвычайной экспрессіи движеній и, хотя онѣ мертвенны въ выраженіи лицъ, однако онѣ позволяютъ сравнить ихъ пластическія достоинства и выразительность съ лучшими примѣрами романскихъ скульптуръ XIII-XIV вѣка.

Складень изъ аспиднаго камня, изображающій Богоматерь съ Младенцемъ («О Тебѣ радуется»), окруженную ангелами, положительно — *chef d'oeuvre* скульптурнаго творчества. Этотъ складень подаренъ Д. И. Годуновымъ; «онъ изображаетъ на одной половинѣ Богоматерь и на другой Св. Троицу, Авраама и Сарру подъ дубомъ мамврійскимъ и является однимъ изъ самыхъ древнихъ, по формамъ изображенія Троицы, восходящимъ своимъ началомъ къ древнѣйшему періоду византійскихъ мозаикъ и миниатюръ». На серебряныхъ поляхъ этого изображенія начеканена вышеупомянутая надпись.

Въ этихъ складняхъ очень необычны бываютъ комбинаціи иконографическихъ группъ; особенно онѣ интересны въ складнѣ изъ кости, являющемся вкладомъ «по Иванѣ убіенномъ, царевичѣ». Любопытны, наконецъ, и складни деревянные.

Изъ иконъ надо отмѣтить: икону св. Александра Невскаго, изображеннаго въ монашескомъ одѣ-

яніи, двѣ иконы Владимірской Божьей Матери (одна изъ нихъ съ восемью святыми въ дробницахъ), украшенныя филигранью панагіарь; и нѣкоторыя изъ двадцати иконъ, пожертвованныхъ Годуповыми; красивы всѣ пять иконъ, подаренныя Алексѣемъ Михайловичемъ. Обращаютъ на себя вниманіе еще: малая (въ вершокъ) икона Божьей Матери, рѣзанная на аспидѣ, образъ муч. Агришины, на которомъ просвѣты

Три историческія реликвіи. чеканенные, а поля покрыты жемчугомъ. Крестъ деревянный, въ басемномъ окладѣ, по преданію принесенный процессією 1613 года Московскаго посольства въ Кострому, для предложенія царской короны Михаилу Θεодоровичу Романову; икона Θεодоровской Богаматери и рядомъ съ ними хранящійся желѣзный фонарь, на деревянной рукояткѣ, обложенный мѣдными бордюрами, съ шатровымъ верхомъ въ видѣ короны съ десятью зубцами, завершающимися главками. Всѣ эти три реликвіи полны историческаго значенія. Есть здѣсь и другой меньшій фонарь (подобный находится въ музеѣ и въ Николаевской, за Волгой, церкви), также очень красивый.

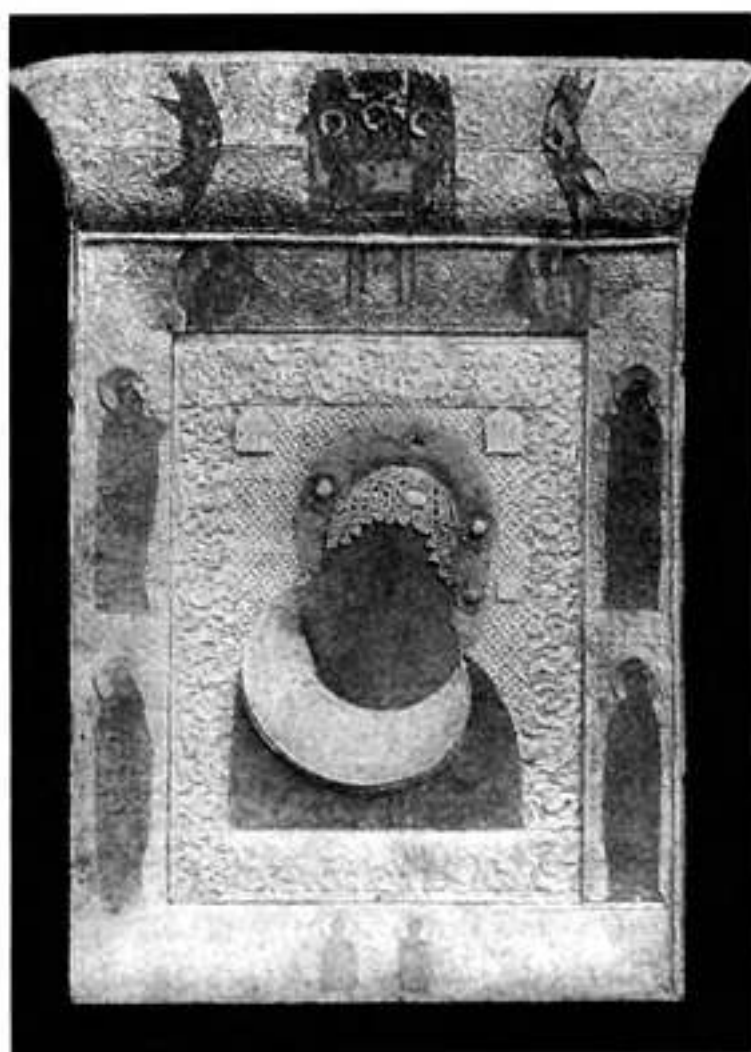
Напрестольные кресты. Изъ на престоольныхъ крестовъ надо отмѣтить пожертвованный при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, Игуменомъ Вассіаномъ, въ 1563 году крестъ съ изображеніемъ распятія XVII вѣка и такой же съ изображеніемъ Распятія красками по дереву; перламутровый рѣзной, а особенно красный, деревянный рѣзной крестъ; красивъ крестъ изъ черной кости, съ прекрасной рѣзьбою, сплошь покрывающей его. Интересенъ и крестъ изъ дерева, ажурный, съ греческими надписями.

Судя по надписямъ оба креста могутъ быть отнесены къ XVI вѣку, или, даже, къ болѣе раннему времени.

Вобщемъ, большинство крестовъ (всѣхъ 14) XVI—XVII вѣковъ изображаютъ въ чрезвычайно интересной и художественной манерѣ не только религиозные сюжеты, но и символическіе знаки (руки, ковчегъ, лампады) и представляютъ цѣнный матеріалъ для исторіи русской иконографіи и русскаго скульптурнаго творчества XVI—XVII вѣковъ.

Кресты заключаютъ въ себѣ, наконецъ, и разные священные предметы. Вотъ крестъ съ мощами Святого, а вотъ съ «неопалимою кушиною» (часть негораемаго куста, въ которомъ Моисею явился некогда Самъ Богъ). Здѣсь читаемъ надпись: «пѣна Чернаго моря», а вотъ эти кресты заключаютъ въ

Икона Успенія Божьей Матери.

Рѣзные кресты.

скаго челоуѣка, или приобрѣтены дорогой цѣною русскимъ паломникомъ во святыхъ мѣстахъ,—во всякомъ случаѣ, здѣсь обнаруживается непоколебимая и простосердечная вѣра въ историческую святыню, вѣра безъ критики и скептицизма, въ видѣ чувства глубокой пажности и благоговѣнія: эти кресты хранятъ и частицы одеждъ русскихъ святыхъ, даже ихъ ладанъ и частицы ихъ гроба».

Во всякомъ случаѣ для характеристики нравовъ, быта и вѣрованія нашихъ предковъ—все это очень интересный материалъ.

Изъ множества п а п а г і и въ ризницѣ обращаютъ на себя вниманіе по относительной древности и художественности слѣдующія: панагія съ сіяніемъ и

себѣ «часть гроба», или «одѣяло великомученика Пафнутія Боровскаго». Есть даже «песочекъ іорданскій»!

«Но какъ бы ни объяснять себѣ», говоритъ Н. В. Покровскій, «появленіи такихъ мощей и предметовъ—представляютъ ли они изобрѣтеніе заѣзжаго грека, эксплуатировавшаго простодушіе рус-

съ разными фигурами и изображеніемъ Св. Троицы, сканая, съ финифтью и съ образомъ Коронованія Божьей Матери; ювелирная, съ изображеніемъ Спаса на лазоревомъ фонѣ; серебряная съ уборкою изъ хрусталя; серебряныя съ голубыми стразами; звѣздовидная, съ изображеніемъ Св. Семейства на перламутрѣ—и многія другія, дающія огромное наслажденіе глазу художественностью своей тонкой ювелирной работы.

П а п а г і и н ы е к р е с т ы также очаровательны; они или усыпаны алмазами или сдѣланы изъ хрусталя аметистовъ или изъ стразъ.

Изъ хранящихся въ ризницѣ прекрасныхъ цѣбныхъ митръ по своей древности заслуживаютъ вниманія слѣдующія. Митра съ девятью образами Спасителя, Божьей Матери и данная патриархомъ Адрианомъ, архимандриту Галичскаго Заозерскаго монастыря Тарасію 22 февраля 1691 года, прелестно опушенная горностаемъ; митра обнизанная жемчугомъ, изумрудами и камнями, съ изображеніемъ Коронованія Божьей Матери и съ иконами изъ финифти; митра, шитая серебромъ, и обложенная жемчугомъ по голубому бархатному фону; митра низанная жемчугомъ по черному бархату.

Прелестны и двѣ эпитрахили, укашенные серебряными дробницами и цодаренныя Годуновыми въ 1587 году; всѣхъ архіерейскихъ митръ въ ризницѣ 14.

Изъ памятниковъ XVI—XVII вѣковъ въ ризницѣ особенно замѣчательны: напрестольное облаченіе изъ двухъ надгробныхъ покрововъ, сшитое въ 1592 году (государынею Ириною), два «воздуха», шитыхъ золо-

Воздухъ (Ипатьевская ризница).

томъ, серебромъ и жемчугомъ (1599 и 1602 годовъ) древніе шитые судари (или большой воздухъ) съ изображеніемъ Пресвятой Троицы, апостола Филиппа, великомученика Ипатія, преп. Сергія Радонежскаго, Св. Іоанна новго-

родскаго и Знаменія Пресвятой Богородицы. Особенно красивъ сударь (т. е. «большой воздухъ») съ изображеніемъ Іисуса Христа, лежащаго въ гробѣ, и съ парящими вверху херувимомъ и двумя ангелами, съ рипидами въ рукахъ.

Превосходны также: плащаница (1604 года), изображающая положеніе во Гробъ; чудесный сударь съ вышитыми по зеленой кромкѣ травами и серебромъ; сударь и также бархатные, пунцовые 3 «воздуха», дары Екатерины II (1769 года), шитая по ярко красному фону серебромъ, съ трапаремъ и кондакомъ, унизанная жемчугомъ пелена съ изображеніемъ Св. Троицы, и шестнадцати святыхъ,—даръ Д. И. Годунова 1593 года; плащаница, его же даръ, съ

изображеніемъ вышитымъ по голубой «землѣ» золотомъ и шелками; покровъ малиноваго бархата 1645 г.

Оплечье (Ипатьевск. ризница)

Изъ священныхъ одеждъ въ ризницѣ очень интересны

два саккоса изъ золотой парчи изъ т. н. «дородора» съ букетами, шитыми разными шелками и украшенные надписями изъ крупнаго жемчуга по оплечью, рукавамъ и по подолу. Всѣхъ саккосовъ въ ризницѣ хранится 34. Красивы также три древніе омофора по бѣлой серебряной землѣ съ жемчужными крестами, пять старинныхъ ризъ (фелонь) съ узорами и орнаментами по парѣ, изъ которыхъ одна съ бархатнымъ оплечьемъ, даръ Ксеніи Ивановны Годуновой (1645 года). Три епитрахили съ серебряными дробницами, низанныя жемчугомъ и шитыя золотомъ по бархату черному и зеленому, шесть древнѣйшихъ палицъ съ драгоценными украшеніями.

Прелестны Палицы «червчататаго» бархата, особенно красивая съ шитымъ на ней образомъ Пресвятой Троицы, и съ апостоламъ Петромъ и Павломъ. Всѣхъ палицъ въ ризницѣ шесть.

Въ общемъ всѣ эти воздухи, судари, покровы и саккосы, представляя изумительное по сочетаніямъ колористическое искусство, имѣютъ и громадное художественное значеніе.

Богослужбные сосуды, хранящіеся въ ризницѣ, особенно привлекательны своей художе-

ственностью. Здѣсь—массивный потиръ, съ чеканнымъ изображеніемъ четырехъ Евангелистовъ, украшенный жемчугомъ и драгоценными камнями; звѣздца, дискосъ, два блюда, ложка, коніе,—все дары Дм. Ив. Годунова, и его сына Влад. Дм.—1599 года; еще одинъ потиръ (серебряный) съ звѣздцею и ложцею, даръ 1603 года окольникьяго Ив. Ив. Годунова, украшенный витымъ орнаментомъ; потиръ ажурной работы, второй половины XVII вѣка, и наконецъ, два оловянныхъ потира, являющихся, «по преданію» даромъ царя Михаила Феодоровича. Есть еще ковчегъ (двухъ-этажный) съ девятью главами (1736 года), сосуды для содержанія Св. Мура, водосвятныя чашы, блюдо подъ панагію и крестъ; ладанница съ тринадцатью изображеніями бюстовъ въ стилѣ возрожденія, повидимому работы западныхъ художниковъ и паникадило—даръ конюшаго Б. Ф. Годунова 1592 года; диктіи и трикирїи, два кропила, даръ Ив. Андр. Годунова (передѣланы изъ подсвѣчника); серебряный ковшъ царя Михаила Феодоровича и его посохъ чернаго дерева, присланные на вѣчное храненіе въ Ипатіевскій монастырь изъ Оружейной Палаты по повелѣнію Императора Николая Павловича въ 1834 году; еще ковшъ, пожалованный Екатериной Великой въ 1765 году. Очень интересны двѣ свѣчи, изъ которыхъ одна украшена на всѣхъ граненыхъ сторонахъ ея священными изображеніями, помѣщенными на фонъ изъ разноцвѣтной фольги. Свѣчи эти, вѣроятно, южнорусскаго происхожденія.

Наиболѣе цѣнные сосуды, изъ всѣхъ хранящихся въ ризницѣ, пожертвованы боярами Годуновыми.

Потиры, крестъ и панагія. (Ризница
Ипатіевскаго монастыря)

Лучшій изъ нихъ подаренъ Дмитріемъ Ивановичемъ и его сыномъ Владиміромъ, это потиръ съ дискосомъ, лжицею, звѣздицею и копіемъ. На немъ особенно красивы изображенія Агнца Младенца, подлѣ котораго стоятъ ангелы съ ромбоидальными рипидами.

Изъ водосвятныхъ чашъ наибольшее художественное значеніе имѣетъ, пожертвованная Яковомъ Ѳеодоровичемъ Годуновымъ при царѣ Іоаниѣ Грозномъ; чаша 1584 года и чаша начала XVII вѣка,

Потиръ 1603 года
(ризница Ипатіевскаго монастыря)

лось только строфокамилово яйцо, въ серебряной оправѣ.

Лицевыя рукописи—Евангелія и псалтири, хранящіяся въ ризницѣ Ипатіевскаго монастыря, относятся, главнымъ образомъ, къ XV—XVII вѣкамъ и представляютъ чрезвычайный интересъ художественностью изображеній—миниатюръ, виньетокъ, концо-

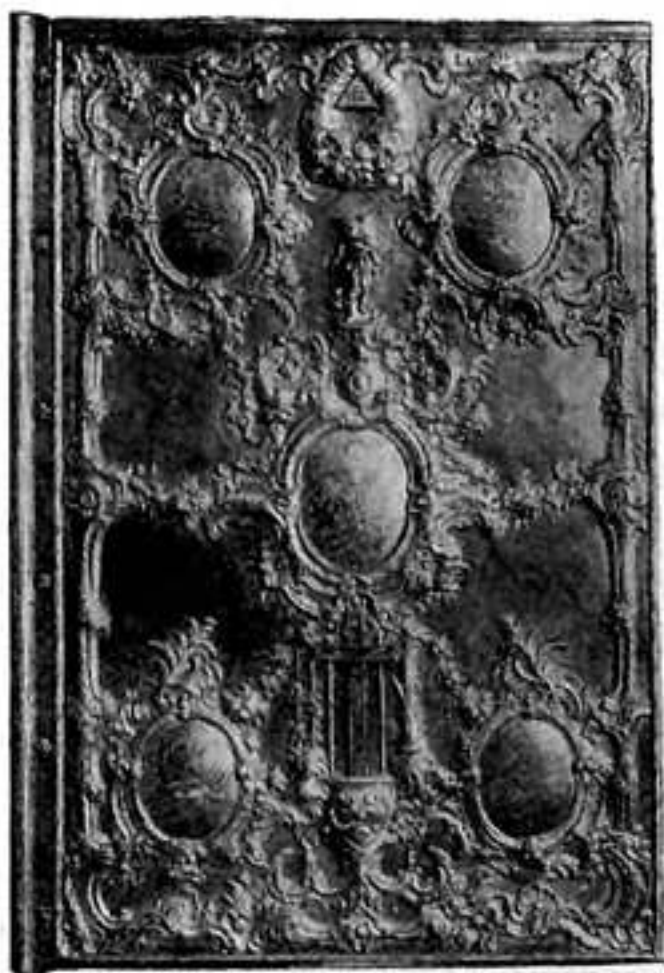
подаренныя Дми-
тріемъ Ивановичемъ Годуновымъ также очень интересные.

Хороши панихидныя блюда, и любопытны поставныя свѣчи (четырёхгранныя, сдѣланныя изъ досокъ). Обращаетъ на себя вниманіе еще мѣдное паникадило съ нѣсколькими ярусами свѣчниковъ и надписью 1659 года, чрезвычайно сходное съ паникадилами Новгородскаго Софійскаго собора. Отъ другого паникадила здѣсь сохрани-

вокъ, заглавныхъ буквъ и, наконецъ, шрифтомъ, (особенно, написанныя полу-уставомъ). Древнѣйшее, написанное при царѣ Василіѣ Васильевичѣ, размѣромъ въ четверть листа, — 1436 года. Всѣхъ Евангелій въ ризницѣ: писанныхъ 9 и печатанныхъ 29.

Но лучшее изъ старыхъ Евангелій — написано, вѣроятно, около 1607 года (не позднѣе) и подарено было въ Ипатіевскій монастырь окольниковымъ Ив. Ив. Годуновымъ, о чемъ и свидѣтельствуется надпись на его серебряномъ окладѣ, помѣщенномъ теперь на другомъ Евангеліи, 1682 года. Вся рукопись написана прекраснымъ полу-уставомъ и украшена прелестными голубыми раззолоченными заставками, помѣщенными передъ каждымъ изъ четырехъ Евангелистовъ.

Въ Евангеліи, размѣромъ въ дѣсть листа, множество миниатюръ, изображающихъ обычные сюжеты

Окладъ Евангелія Елизаветинскаго времени.

и четырехъ Евангелистовъ. Большой интересъ представляютъ, особенно, миниатюры, сопровождающія текстъ. Лучшая изображаетъ родословное дерево, съ медальонными изображеніями, увитыми плющемъ. Для болѣе яснаго опредѣленія значенія Богоматери миниатюристъ изобразилъ во чревѣ ея, во весь ростъ, Младенца Иисуса. Въ яркихъ краскахъ изображено здѣсь и Рождество Христово. Другое Евангеліе, 1605 года, вкладъ Д. И. Годунова, украшено миниатюрами, помѣщенными на поляхъ его рукописи и изображающими евангельскія событія. Любопытно, помимо исполненія рѣдкое изображеніе Христа, въ видѣ Добраго Пастыря съ овечкою — пережитокъ древне-христіанскаго искусства! Но съ художественной стороны миниатюры эти менѣе интересны: лики святыхъ сдѣланы тушью, контуры и драпировки одеждъ на фигурахъ неправильны и не тщательны; однако краски чрезвычайно свѣжи и ярки. Третье Евангеліе, 1681 года, тоже съ миниатюрами на поляхъ; двѣ изъ нихъ особенно замѣчательны оригинальностью трактовки сюжета; миниатюристъ представилъ здѣсь двухъ лицъ, стоящихъ другъ противъ друга и въ глазахъ у нихъ—у одного сучекъ, у другого цѣлое бревно. Буквализмъ въ пониманіи словъ Евангелія, нерѣдко встрѣчающійся въ изображеніяхъ XVI вѣка (напр. въ трактовкѣ Христа въ обыкновенной шапкѣ,) находитъ себѣ объясненіе въ подражаніи нашихъ художниковъ образцамъ западной гравюры, напримѣръ, иллюстраціямъ библіи Пискатара. Въ ризницѣ хранятся еще три рукописныхъ Евангелія 1561-4 годовъ, 1588 года, и

безъ даты, но не позднѣе XVI вѣка.

Три Ипатіевскія лицевыя Псалтири (въ дѣсть, на александрійскомъ листѣ) — представляютъ собою три разныя редакціи одного изданія.

Первая псалтирь XVI вѣка — полна однообразныхъ миниатюръ, изображающихъ преимущественно одного и того же царя Давида; вторая 1591 года, даръ Д. И. Годунова, заключаетъ въ себѣ 576 миниатюръ въ листъ, и имѣетъ не менѣе выдающееся

художественное значеніе. «Списателемъ» ея былъ иѣкій Софроній, одинъ изъ лучшихъ придворныхъ писцовъ; въ миниатюрахъ этой псалтири виденъ громадный навыкъ художника въ своемъ дѣлѣ.

Миниатюры, исполненныя въ листъ и въ половину листа, отличаются замѣчательною редакціею и разнообразіемъ сюжетовъ. Перелистывая Псалтирь, мы увидимъ всю евангельскую исторію въ лицахъ. Здѣсь много подробностей, характеризующихъ художественныя возрѣнія нашихъ предковъ, много

Заглавный листъ Годуновской Псалтири (ризница Ипатіевскаго монастыря).

Миниатюра Евангелія 1603 года
(ризница Ипатіевскаго монастыря).

заимствованіи изъ
вишней природы,
много стремленія
къ воспроизведе-
нію разныхъ част-
ностей, взятыхъ
изъ «бестіарі-
евъ». Все это
характеризуетъ
степень начитан-
ности русскаго ху-
дожника, даетъ
ключъ къ разрѣше-
нію вопроса объ
отношеніи русска-
го искусства къ
античному, визан-
тійскому и къ за-
падному.

Относительно
послѣдней рукопи-
си можно замѣтить
еще, что сравненіе
ея съ рукописями,

въ громадномъ количествѣ дошедшихъ до насъ отъ этого
времени въ томъ числѣ съ знаменитой Царственной
лѣтописью—укажетъ намъ, что и она изготовлена
была въ Москвѣ, придворною школою писцовъ. Сход-
ство миниатюръ полное, композиціи— также хороши, но
типы лицъ, и нѣкоторыя изображенія не выдер-
жанны, угловаты и незаконченны. Содержаніе чрезвы-

чайно разнообразно, повсюду видна большая начитанность и не буквальное повторение текста, а его «толкование».

Другая псалтирь, 1594 года, пожертвована также Д. И. Годуновымъ. Она сходна въ своихъ миниатюрныхъ изображеніяхъ съ тѣми псалтирями, которыя были написаны для монастырей Кирилло-Бѣлозерскаго, Троице-Сергіевскаго (1600 года) и другихъ. Съ этой стороны особенно цѣненъ первый въ этомъ родѣ типъ псалтиря 1397 года, хранящійся въ музеѣ общества Любителей Древностей Письменности въ Петербургѣ.

Третья псалтирь XVI вѣка написана прекраснымъ уставомъ. Миниатюры ея однообразны и сухи. Чаще всего онѣ изображаютъ царя Давида, но нѣкоторыя, стоящія внѣ текста, представляютъ выдающійся интересъ. Особенно красива идиллическая таблица, изображающая Давида въ образѣ пастуха, одѣтаго въ длинную тунику и плащъ, возсѣдающаго среди гористаго ландшафта на камнѣ, и играющаго на гусляхъ. Возлѣ него на деревьяхъ сидятъ птицы, передъ нимъ стадо и всѣ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ слушаютъ его игру.

«Изображеніе этой сцены», говоритъ Н. В. Покровскій «ведетъ свое начало изъ глубокой древности, и если не по стилю, то по замыслу, она напоминаетъ то направленіе въ искусствѣ когда сложилась еще извѣстная иллюстрація Парижской псалтири X вѣка. Эхо отдаленной старины проглядываетъ здѣсь не только въ идиллической простотѣ, но и въ натуралистическомъ трактованіи сюжета и въ

Миниатюра Годуновской Псалтири 1594 года (ризница Ипатьевского монастыря)

даетъ царь Давидъ въ коронѣ и въ далматикѣ, съ раскрытою книгою псалтиря въ рукахъ, а возлѣ него— Серафимъ и семь группъ музыкантовъ, причемъ каждой группѣ данъ особый музыкальный инструментъ: гусли, трубы, кимвалы, тарелки, бряцающіе скрипки вродѣ гитары, и большіе смычковые инструменты вродѣ віолончелей.

Вся сцена скомпанована чудесно, съ огромною поэтической тенденціей, но не безъ наивности въ соотношеніи размѣровъ людей, сидящихъ на первомъ мѣстѣ и стоящихъ на заднемъ планѣ.

Послѣднюю категорію древнихъ памятниковъ, хранящихся въ ризницѣ, представляютъ документы; еще недавно количество ихъ было очень велико, и нѣкоторые имѣли громадное значеніе и для исторіи Россіи и особенно для исторіи рода Романовыхъ. Здѣсь былъ найденъ и Ипатьевскій списокъ лѣтописи, относящейся исторіографами къ XV—XVI вѣку!

ансамбль сцены, и въ характерѣ орфической поэзии».

Красива еще миниатюра съ изображеніемъ палаты съ тремя маковицами. Среди нихъ на возвышенномъ тронѣ, съ подножіемъ, возсѣ-

Но многихъ изъ этихъ рукописей больше ужь нѣтъ, а существующія здѣсь, не представляя широкаго историческаго значенія, во всякомъ случаѣ художественнаго не имѣютъ. Впрочемъ, грамота Екатерины II, подтверждающая права потомковъ Сусанина и особенно грамота царя Алексѣя Михайловича (1650 года) не лишены извѣстной красоты въ ихъ выполненіи.

Богоявленскій мужской монастырь, основанъ былъ «на посадѣ» въ половинѣ XV вѣка старцемъ Никитою, ученикомъ Сергія Радонежскаго, Послѣ пожара 1847 года онъ былъ возстановленъ (изъ состоянія полнаго разрушенія) игуменей Крестовоздвиженскаго монастыря, въ 1863 году преобразованъ въ женскую обитель, и отстроенъ заново.

Богоявленскій монастырь.

Богоявленскій соборъ монастыря построенъ въ 1565 году но, теперь, сохранившійся въ сущности почти цѣликомъ въ прежнемъ своемъ видѣ, онъ такъ застроенъ въ 1864—69 годахъ съ южной стороны—придѣломъ, а съ сѣверной—увѣчаннмъ грандіозными куполами, безстильнымъ (даже дурного стиля) храмомъ, что древнія части собора совсѣмъ почти не видны.

Соборъ построенъ былъ по образцу Московскаго Успенскаго собора. На камнѣ, вѣланномъ въ западную наружную стѣну, высѣчена надпись, гласящая о томъ, что храмъ построенъ былъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Изъ дѣлъ Императорской Археологической Комиссіи явствуютъ любопытныя данныя о соборѣ монастыря, указывающія на то, что въ 1860

году соборъ считали построеннымъ не въ 1599 году, а во времена царствованія Михаила Феодоровича, и даже при Алексѣѣ Михайловичѣ. Галерея, окружавшая храмъ съ трехъ сторонъ была снесена еще въ 1848—62 годахъ, а кладка стѣнъ ея была изъ кирпича 20—22 фунтоваго вѣса!

Но теперь еще можно любоваться красивыми барабанами пяти куполовъ, очертаніями закомаръ, полными широкаго размаха, и внушительными массами трехъ, сильно выпуклыхъ абсидъ *).

«Съ нѣкоторою вѣроятностью», говоритъ Н. В. Покровскій «въ Костромѣ, тѣмъ же Гурію Никитину и Силѣ Савину могутъ быть приписаны и настѣнные росписи Богоявленскаго монастыря». И. В. Баженовъ въ своемъ подробномъ описаніи этого монастыря говоритъ объ этомъ, какъ о вполне достоверномъ фактѣ, ссылаясь на свѣдѣнія рукописи профессора П. С. Казанскаго, хранящейся въ архивѣ монастыря. «Въ Маѣ и Сентябрѣ 1672 года иждивеніемъ бояръ Петра и Михаила Салтыковыхъ внутреннія стѣны собора и своды усыпальницы расписаны по тогдашнему искусству греческимъ письмомъ, сохранившимся дондѣ въ храмѣ, а въ Сентябрѣ слѣдующаго года расписаны были и паперти и своды». Пожаръ 1847 года повредилъ несомнѣнно большую часть этихъ стѣнописей, и затѣмъ они оставались

*) Къ сожалѣнію въ нижней части послѣднихъ, для увеличенія доступа свѣта въ помѣщеніе гробницъ, вырѣзаны были недавно безобразныя распалубки, имѣющія видъ ямъ.

Соборъ Богоявленскаго монастыря.

въ полномъ пренебреженіи до конца 60-хъ годовъ, когда ихъ промылъ и «подновилъ» художникъ Сафоновъ.

Въ средней алтарной части помѣщается изображеніе «О Тебѣ радуется»; здѣсь, среди причудливыхъ изображеній и деревьевъ фона находится пятиглавый храмъ; въ жертвенникѣ «Се Агнецъ Божій»; въ

Салтыковская церковь.

діаконикѣ Деисусъ и св. апостолы. На столбахъ единоличныя изображенія святыхъ. Панели абсидь алтаря росписаны очень характерными для фресокъ храмовъ XVII вѣка полотенцами, амбразуры оконъ покрыты орнаментами.

Въ общемъ въ фрескахъ видно нѣкоторое воздѣйствіе «царской школы» иконописцевъ, которое чувствуется даже несмотря на реставрацію Сафонова.

Чрезвычайно прискорбно, что изъ древняго храма образована нынѣ, въ сущности, алтарная часть; вѣдь, внутри храма стѣны сохранили всю древнюю роспись, правда нѣсколько подновленную и вышедшую изъ

Колокольня Богоявленскаго собора.

контуровъ рѣзца прежнихъ сюжетовъ, но удержавшую всѣ общія формы*).

Ограда монастыря—устроена была въ 1642—1648

*) Сафоновымъ были, главнымъ образомъ, «промыты», лишь фрески, находившіяся на небольшой высотѣ. Недавно прекрасныя фрески к у пола (нетронутыя Сафоновымъ) были возстановлены подъ наблюдениемъ Д. В. Милѣва, въ ихъ первоначальномъ видѣ. Благодаря

Жилой корпусъ Богоявленскаго монастыря.

годахъ и передѣлана въ 1781, 1816 и 1833 годахъ. Общее протяженіе ея довольно велико. Царь Алексѣй Михайловичъ пожертвовалъ на эту ограду 7 пушекъ, сохраняющихся и до нынѣ. Теперь ограда въ большей своей части нѣсколько разрушена и представляетъ печальный видъ, а одна изъ башенъ до неузнаваемости перестроена въ quasi-русскомъ стилѣ.

Изъ старинныхъ монастырскихъ сооружений кромѣ части стѣнъ уцѣлѣлъ до нашего времени (правда, испорченный достройками) корпусъ жилого предназначенія. Двухъ-этажный флигель этотъ представляетъ единственный въ Костромѣ примѣръ

этой работъ, Кострома получила еще одинъ представляющій значительную цѣнность и едва ли не старѣйшій памятникъ древне-русской стѣнописи.

Водосвятная чаша и крестъ
(ризница Богоявленскаго монастыря)

стариннаго гражданскаго зданія въ русскомъ стилѣ.

Фасадъ его украшенъ наличниками оконъ довольно хорошей архитектуры.

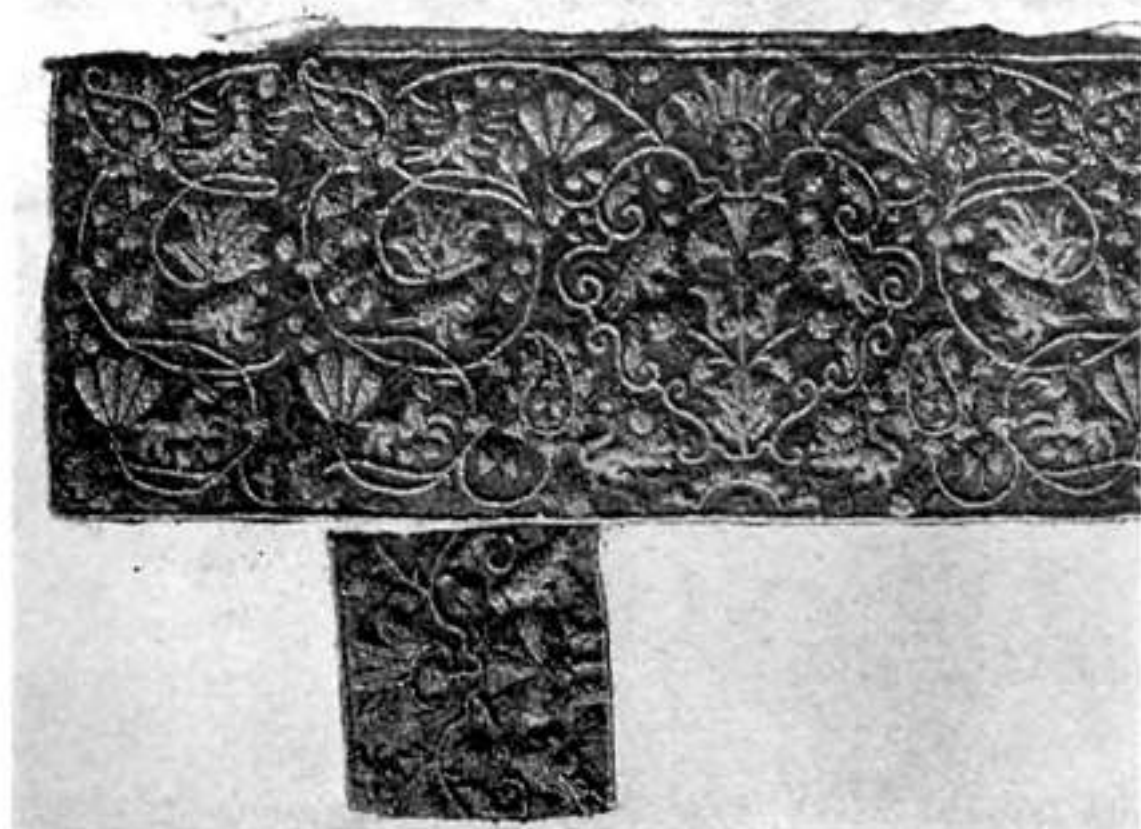
Въ 1780 году, по учрежденіи въ Костромѣ наместничества, всѣ монастырскія зданія были обращены въ присутственныя мѣста. Въ 1809 году послѣднія выведены были изъ монастыря, а въ 1814 году въ немъ помѣщена была духовная семинарія.

Часть эпитрахили и оплечье
(ризна Богдавленскаго монастыря)

Подъ Богоявленскимъ храмомъ находятся усыпальницы, здѣсь гробницы князей Салтыковыхъ, но ничего выдающагося въ художественномъ отношеніи они не представляютъ. Любопытны лишь надписи (шрифты) и покрывала (дробницы).

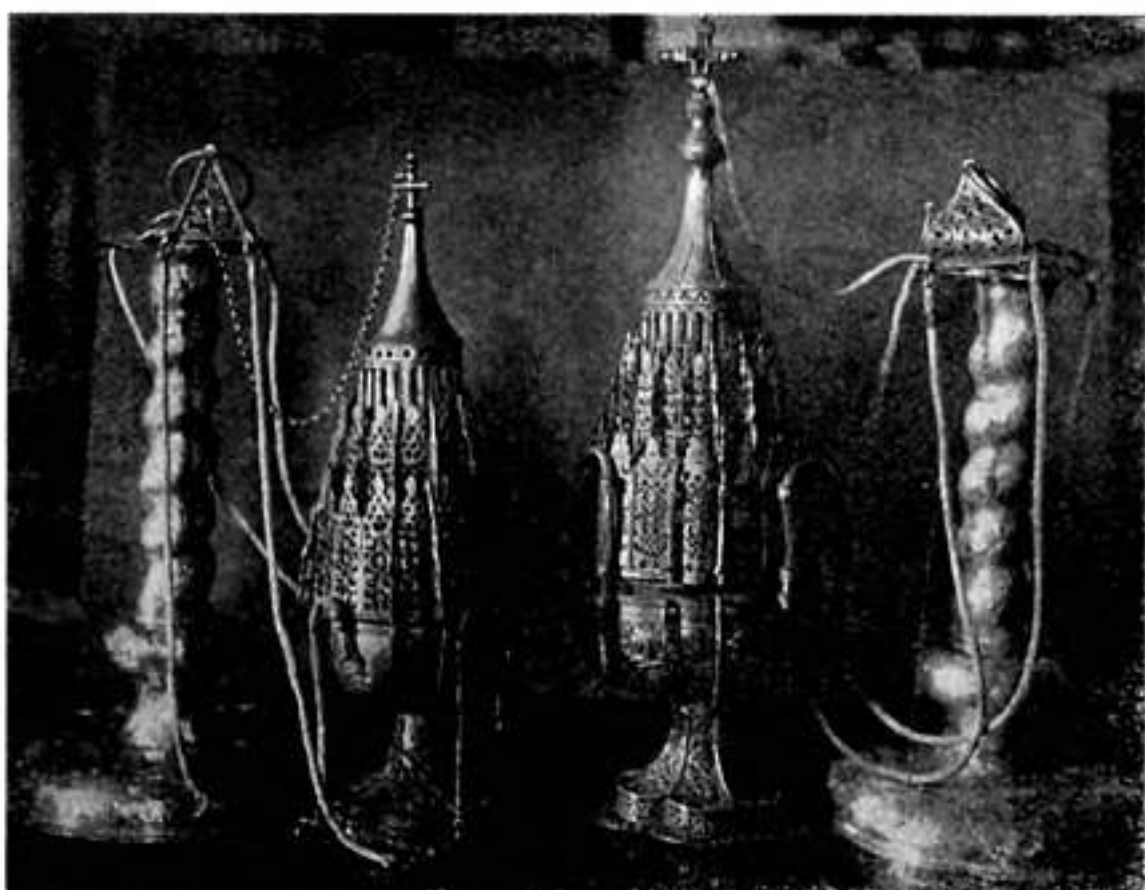
Салтыков- Въ этомъ же монастырѣ другой храмъ, Нико-
ская цер- лаевскій, построенный Е. М. Салтыковой (рожден-
ковь. ной графиней Шереметевой) надъ прахомъ ея су-
пруга Генераль-Маіора И. И. Салтыкова.

Оплечье (ризница Богоявленскаго монастыря).

Церковь построена не въ стилѣ такъ называемаго нарышкинскаго барокко, какъ принято называть этотъ оттѣнокъ московскаго церковнаго зодчества начала XVIII вѣка, а въ Петровскомъ оттѣнкѣ Петербургскаго барокко (типъ Трезини). Красивые оконные и дверные наличники у входовъ обработаны особенно богато. Въ разорванные фронтоны оконъ перваго этажа вставлены гербы Салтыковыхъ—орлы, держащіе мечъ.

Второй этажъ обработанъ проще, хотя также очень красиво. Церковь увѣнчана прелестнымъ куполомъ, заканчивающимся подобіемъ короны. Окраска церкви мутно-розовая съ бѣлымъ, гармонируетъ

Кадила 1641 года (Богоявленскаго монастыря).

вполнѣ съ синимъ куполомъ, усыпаннымъ крупными золотыми звѣздами *).

Ризница Въ богатѣйшей ризницѣ Богоявленскаго монастыря, мало уступающей, по художественности хра-
скаго мо- нящихся здѣсь предметовъ, ризницѣ Ипатіевскаго
настыря. —

*) Къ сожалѣнію, безъ вѣдома Императорской Археологической Комиссіи къ этой церкви лѣтомъ 1912 года былъ пристроенъ, правда въ стилѣ храма, но нарушившій значительно его общую композицію (крестоваго плана) и гармонію массъ—тамбуръ, вызванный необходимостью устройства парового отопленія.

Окладъ Евангелія 1630 года (ризница
Богоявленскаго монастыря).

монастыря, находятся и замѣчательныя историческія рѣдкости.

Особенно красивы и цѣнны три сосуда—даръ Салтыковыхъ, двѣ кадильницы, (филигранной работы), верхнія части которыхъ скомпанованы какъ верхи многоглавыхъ храмовъ; двѣ водосвятныя

Южный фасадъ церкви Воскресенія на Дебрѣ.

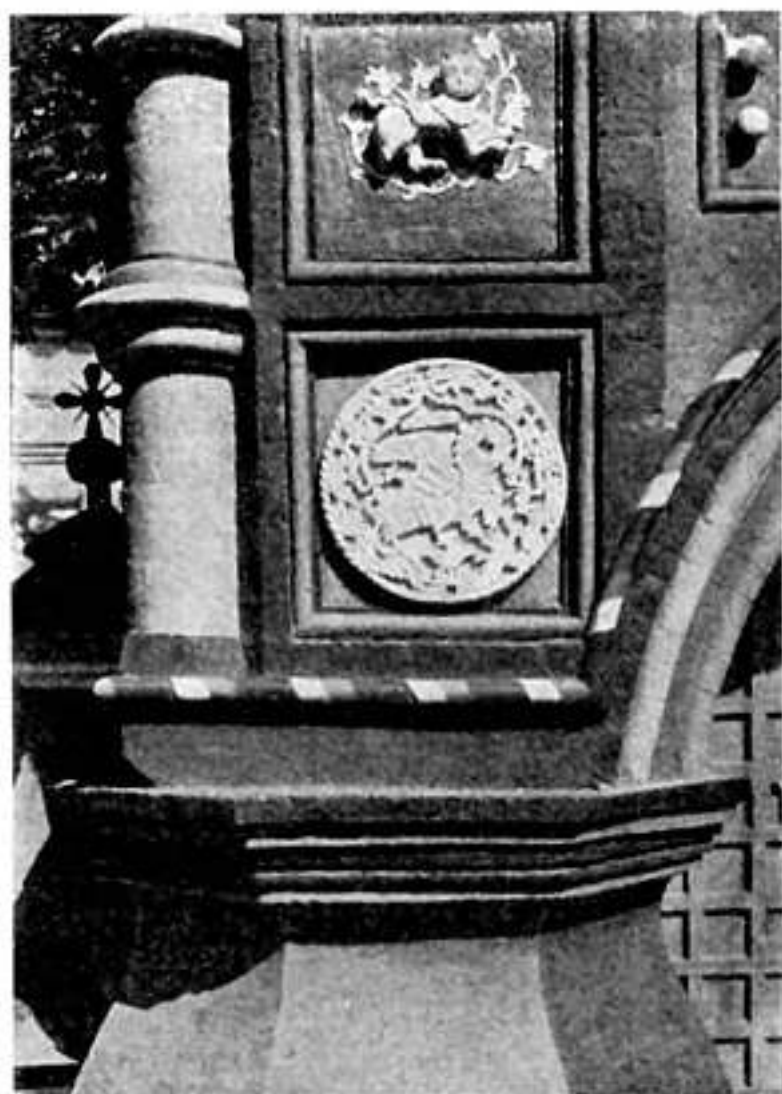

чаши, два блюда, два оплечья, сплошь вышитыя жемчугомъ, (пожертвованы въ 1613 году княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ). Кромѣ этого, здѣсь много прелестныхъ ризъ съ оплечьями (фелони). Изъ богослужебныхъ книгъ интересны Евангелія, (всѣхъ 17); особенно красиво Евангеліе 1630 года, подарокъ князя Волконскаго и 1635 года, подарокъ царя Михаила Ѳеодоровича. Есть еще много синодиковъ, и иныхъ богослужебныхъ книгъ, относящихся даже къ XV—XVI вѣкамъ!

О возникновеніи церкви Воскресенія *Церковь Христова на Нижней Дебрѣ *)* существуетъ *Воскрес-* интересное преданіе, по которому деньги на построе- *ніе на Деб-* ніе храма были получены случайно: когда вмѣсто *рѣ.* товара (красокъ) выписаннаго изъ Англїи купцомъ Исаковымъ послѣдній получилъ боченокъ чистаго золота онъ отдалъ его на благотворительное дѣло, т. е. на построеніе храма.

На мѣстѣ существующей церкви прежде была деревянная постройка (XIV вѣка), сооруженная въ густомъ лѣсу (Нижняя Дебря) Княземъ Василиемъ Ярославичемъ (1248—1276), охотившимся въ этихъ

*) Въ изданіяхъ Императорской Академіи Художествъ (вып. III и VII) и въ иныхъ трудахъ церковь эта именуется—Воскресенье „на Дебряхъ“, что едва ли правильно, такъ какъ въ Костромѣ есть 2 Дебри—верхняя и нижняя, а ц. Воскресенія находится на Нижней Дебрѣ; сопоставленіе же этого слова съ „пропастями“ едва-ли возможно...

Деталь Св. Вратъ.

мѣстахъ. О существованіи этой церкви есть данныя восходящія къ 1628 году.

Сооруженная въ 1652 году К. Г. Исаковымъ нынѣшняя Воскресенская церковь построена была въ обычномъ для того времени архитектурномъ типѣ «на подклѣтѣ», съ тремя русскими крыльцами и галереями, окружающими ее съ трехъ сторонъ.

Наружныя стѣны храма и его абсидь украшены

Деталь Св. Вратъ.

были росписнымъ «шахматнымъ полемъ» и «клеймами», изображающими кувшины и рустики. Стѣны и углы храма украшены были гладкими кирпичными колоннами (по 8 на восточной и сѣверной стѣнахъ и по 10 на западной и южной). Выше карниза на стѣнахъ помѣщены были по 3 арки—закомары, съ живописными (нынѣ плохими—поздней работы) изображеніями. Между этими закомарами находится нынѣ орнаментальная роспись, еще худшая, тоже поздняя.

Орнаментика главного входа (или «Святыхъ Вратъ») въ храмовую паперть весьма характерна, расположенными на ней символическими рельефными фигурами: изображеніями львовъ, единороговъ, сирень, пеликана («птица - неясить»), раздирающаго свою грудь, чтобы насытить ею птенцовъ и т. п. Замѣчательна и лѣстница главного входа, перекрытая арками съ висячими замками.

Въ храмѣ своды—коробовые, въ видѣ неполной полуциркульной дуги. Окна съ дугообразными перемычками. Надъ ними кокошники; къ церкви примыкаютъ пять абсидъ, изъ которыхъ двѣ папертныхъ.

Въ планѣ церкви 4 пилона, отодвинутыхъ къ восточной стѣнѣ. Такая постановка пилоновъ указываетъ на результатъ передѣлокъ церкви, вызванныхъ необходимою увеличеніемъ алтарной части и постановкою иконостаса передъ столбами.

Наружная разбивка бокового фасада не соответствуетъ вполне внутреннему распредѣленію пилоновъ, но всѣ эти несимметричности храма замаскированы. Восточная сторона церкви покоится на алтарныхъ сводахъ. Кокошники, видные на чердакѣ, въ основаніи главного барабана, указываютъ на то, что покрытіе церкви позднѣйшее, и прежде оно было инымъ. Позднимъ является и покрытіе придѣла. Перекрытіе нѣкоторыхъ шатровъ также позднее, такъ какъ ихъ кровля упирается въ кокошники.

Паперть по первоначальному фасаду своему представляла рядъ открытыхъ, раздѣленныхъ столбами,

Южная часть главного входа въ церковь Воскресенія
на Дебрѣ.

Съверная сторона главнаго входа въ ц. Воскресенія.

арокъ съ гирьками. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія, однако, арки эти были заложены, и въ нихъ устроили некрасивыя четырехъ-угольныя окна; такимъ образомъ, исчезъ и характеръ кувшинообразныхъ столбовъ заложенныхъ кладкой. Подвѣсныя гирьки на аркахъ стали почти совсѣмъ невидными, замѣтны теперь лишь съ наружной стороны паперти. Въ главной входной аркѣ, для устройства дверей гирьки эти были совсѣмъ отсѣчены! Въ первоначальномъ видѣ (открыто) ихъ сохранилось лишь семь.

Фасадъ входныхъ портиковъ также искаженъ тѣмъ, что верхнія закомарочки (кокошники) ихъ удалены (скрыты), а на ихъ мѣстѣ сдѣлана, (приэтомъ безъ

Св. Врата церкви Воскресения на Дебрѣ.

всякой надобности), желѣзная крыша. Возможно, что такую задѣлкою стѣнъ паперти и галереи хотѣли предохранить паперть и ея фрески отъ заносовъ снѣга, и отоплить эту галерею, которая съ увеличеніемъ количества молящихся, могла служить для непомѣстившихся въ храмъ; мы видимъ, напримѣръ, что фрески на внутренней сторонѣ папертныхъ наружныхъ стѣнъ, были замѣнены масляною живописью. Арки были задѣланы наглухо. Всѣ эти передѣлки несомнѣнно испортили общій архитектурный видъ церкви *).

*Святые
врата.*

Святые Врата, самостоятельное сооруженіе съ большою проѣздною аркою, и малою проходною; западное крыло церкви соединено съ нимъ проѣздомъ. Шатры на вратахъ несомнѣнно были когда-то покрыты черепицею; нынѣ они обиты желѣзомъ раскрашеннымъ въ шашку. Столбы этихъ Вратъ сильно кувшинообразные, но однако они производятъ пріятное впечатлѣніе, курьезностью своихъ пропорцій. На двухъ большихъ круглыхъ плитахъ, украшающихъ Врата, представлены легендарныя птицы, окруженныя растительнымъ орнаментомъ, заключеннымъ въ кольцо изъ жгута; на малыхъ плитахъ помѣщены

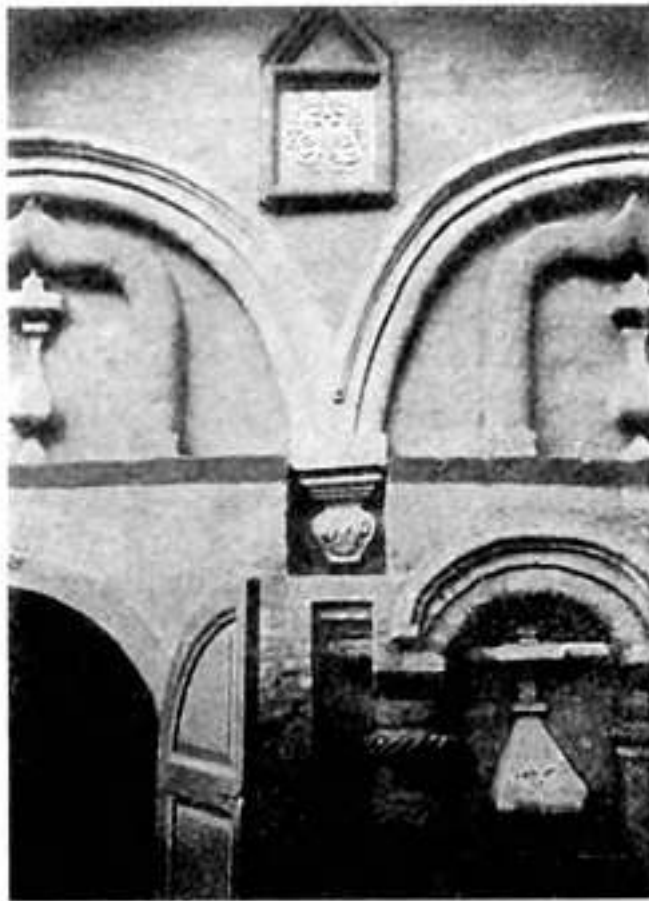
*) Однако проф. Н. В. Покровскій не согласенъ ни съ этимъ предположеніемъ И. В. Баженова, считая его недостаточно мотивированнымъ и нарушающимъ даже цѣльность архитектурнаго типа церкви, ни съ ясными доводами, проистекающими изъ отчетливыхъ чертежей Даля, Леонова, Горностаева и Сулова въ «Памятникахъ древняго русскаго зодчества».

Часть главнаго входа въ церковь Воскресенія на Дебрѣ.

другія изображенія; детали покрыты также орнаментами растительнаго характера. Вообще вся детализировка архитектуры Вратъ полна большой живописности замысла и нѣжности выполненія.

Прелестны и каменные шатры, покрывающіе входныя крыльца церкви, особенно зимою, когда снѣгъ ляжетъ на грани пирамидокъ и подчеркнетъ собою ребра каменной конструкціи шатра.

Деталь главного входа.

Гладкая поверхность стѣнъ покрыта разноцвѣтными треугольниками, соединенными по силѣ красокъ въ квадраты въ видѣ шахматовъ, треугольниковъ и рустиковъ. Время раскраски неизвѣстно, историческихъ указаній о ней также не имѣется, но такъ какъ строитель церкви купецъ Исаковъ, торговалъ именно красками, то вполне возможно, что такая цвѣтистая раскраска

церкви и сдѣлана была съ самаго начала постройки; однако существующее нынѣ выполненіе этого приѣма раскраски едва ли прежнее и во всякомъ случаѣ излишне пестрое: раскраска церкви въ видѣ шахматнаго поля изъ треугольниковъ бѣлаго, чернаго, краснаго, синяго, зеленаго, сѣраго и коричневаго цвѣтовъ, и въ видѣ вазъ, кувшиновъ и рустиковъ—мало пріятныхъ, мутныхъ, плохо подобранныхъ тоновъ; но самый приѣмъ подобной раскраски вполне допустимъ и даетъ церкви прелестный своею фантастичностью общій видъ.

Роспись храма въ закомарахъ и между ними (орнаментальная вязь), портитъ то художественное

впечатлѣніе которое получается при разсмотрѣніи храма.

Но Воскресенская церковь принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ Костромскихъ церквей не только благодаря своимъ архитектурнымъ достоинствамъ, но и благодаря живописнымъ фрескамъ въ паперти и рѣдкимъ царскимъ вратамъ въ придѣлахъ.

Деталь абсидъ ц. Воскресенія.

Древняя колокольня церкви разрушена была въ 1801 году, при постройкѣ рядомъ съ церковью Воскресенія въ 1802 году новаго теплаго храма съ колокольнею. Это сооруженіе ничего интереснаго не представляетъ и можно только пожалѣть, что постройкою новой церкви вызванъ былъ такой непростительный вандализмъ.

Сохранность церкви Воскресенія на Дебрѣ далеко не образцовая, но во всякомъ случаѣ много лучшая нежели иныхъ памятниковъ русской старины Костромы.

Ограда церкви почти вся позднѣйшая (1878 года). Только съ западной и сѣверной стороны сохранился

Входъ въ церковь Воскресенія

старинный видъ ея, хотя кувшинообразные столбы ея вбродно измѣнены въ своихъ пропорціяхъ, а нѣкоторыя желѣзныя рѣшетки позднѣйшія.

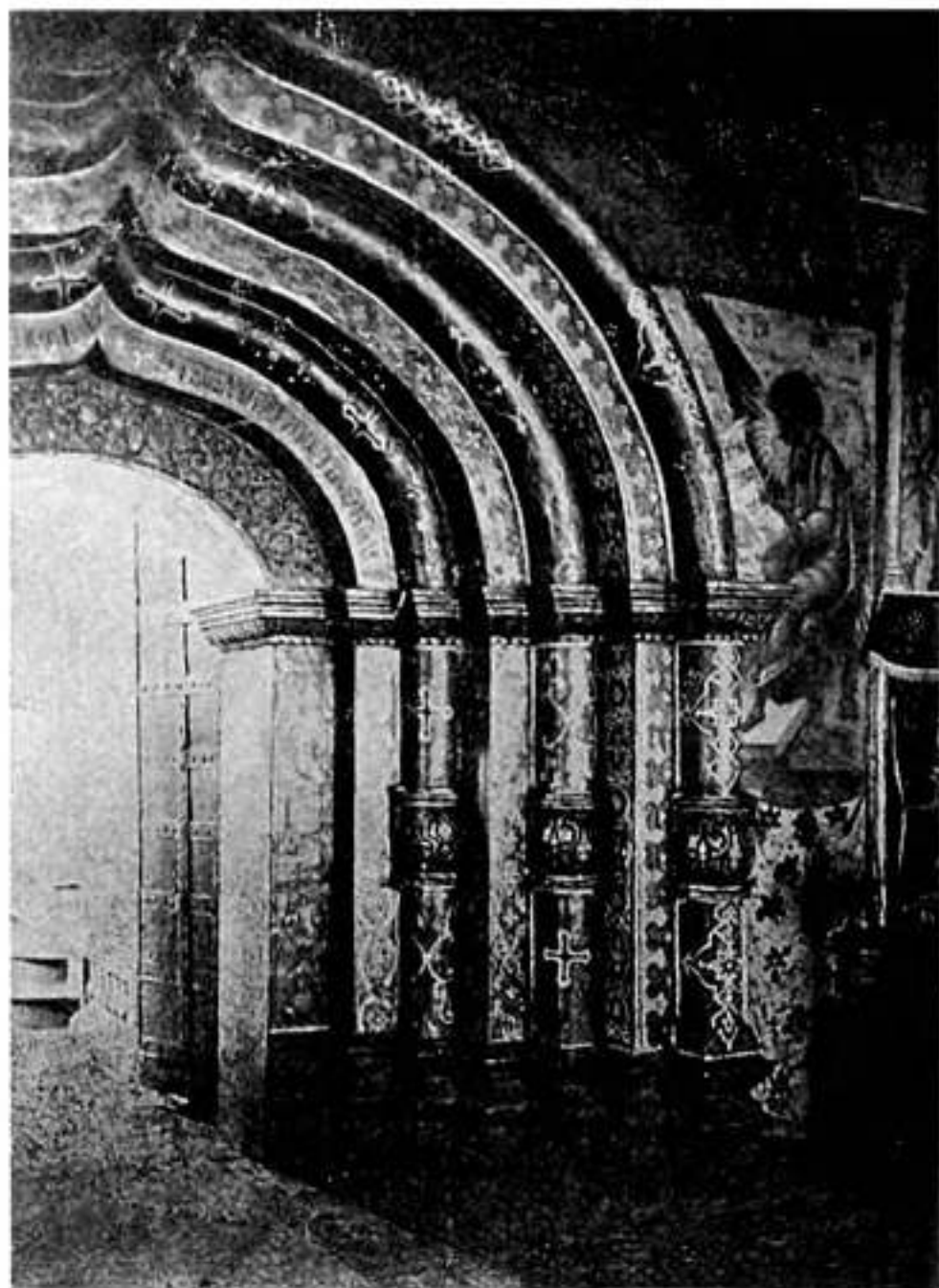
Откосы входныхъ порталовъ украшены семью отливами, тремя колоннами и тремя брусьями на каждой сторонѣ. Такой же отдѣлки порталы вратъ—съ южной стороны храма и съ сѣверной (входъ въ Трехсвятительскій придѣлъ).

Запоромъ дверей служитъ до сихъ поръ, при двухъ желѣзныхъ задвижкахъ, древняя поперечная желѣзная толстая веревка, съ боковымъ замкомъ, продѣваемая въ два желѣзныхъ кольца.

Въ галереяхъ хорошо, но не всюду одинаково, сохранилась исполненная въ 50-хъ годахъ XVII сто-

лѣтїя настѣнная фресковая живопись, на которой ясно видны графы, составляющія одну изъ техническихъ примѣтъ старой фресковой живописи.

Портальъ южной паперти церкви Воскресенїа на Дабрѣ.

Деталь стѣнописи въ паперти церкви Воскресенія на Дебрѣ.

На лѣвой сторонѣ отъ входной двери—Новгородское изображеніе Св. Софьи и очень большая картина изъ Откровенія о торжествѣ Побѣдителя Иисуса Христа надъ адомъ (записаннаго въ XIX—XX главахъ Апокалипсиса), причемъ діаволь (въ правомъ углу, внизу)—написанъ скованнымъ желѣзною цѣпью на шеѣ, а семиглавый драконъ поверженнымъ въ бездну на тысячу лѣтъ.

Стѣнопись церкви Воскресенія на Дебрѣ.

На правой же сторонѣ отъ входа въ большомъ алебастровомъ клеймѣ—изображено явленіе величественнаго съ солнцеобразнымъ лицомъ и столпообразными ногами ангела съ раскрытою книгой, подаваемою имъ ап. Іоанну на Патмосѣ.

И далѣе особенно замѣчательное изображеніе изъ Апокалипсиса—видѣніе коней: рыжаго, съ всадникомъ, держащимъ большой мечъ въ рукѣ, вороного съ всадникомъ, держащимъ въ рукѣ мѣрило (вѣсы) и блѣднаго съ всадникомъ, которому имя Смерть. Внизу адъ въ видѣ страшной пасти и груды людей умертвленныхъ. Рядомъ—звѣрь съ семью головами увѣнчанными коронами.

На южной сторонѣ паперти помѣщено—Сотвореніе міра,—дни творенія, (особо седьмой день), и главнѣйшія событія изъ жизни первобытныхъ людей; здѣсь же находятся изображенія праотцевъ Авраама, Исаака, и Іакова *).

*) Прелестна наивностью изображенія композиція «Лоно Авраамово», съ условнымъ представленіемъ семи рѣкъ и душъ праведныхъ въ нѣдрахъ Авраамовыхъ, Исааковыхъ и Іаковыхъ. Но также представляютъ вы-

Деталь стѣнописи въ паперти церкви Воскресенія на Дебрѣ.

Деталь стѣнописи въ паперти церкви Воскресенія на Дабрѣ.

Интересны также пелены, съ цвѣтными узорами, написанные подъ изображеніями двухъ ангеловъ, по сторонамъ входной двери, записывающихъ входящихъ въ церковь.

Ближе къ южной двери «Недреманное око» (въ клеймѣ)—съ изображеніемъ Іисуса Христа, «плавающего на одрѣ» съ предстоящими подлѣ него Богомате-

дающійся интересъ и инья композиціи: «Видѣніе храма Божія», «Ковчега Завѣта», «Жены, облеченной въ солнце, съ луною подъ ногами, и вѣнцомъ изъ 12 звѣздъ на главѣ», и другія, прекраснаго стиля, середины XVII вѣка.

Икона Спасителя въ паперти
церкви Воскресенія.

рю и ангелами у Его ногъ съ орудіями крестныхъ страданій, а вверху—съ рипидами.

Въ концѣ южной стѣны любопытна, писанная просто на кирпичахъ, икона Знаменія Божьей Матери, и, рядомъ, въ кіотѣ, огромный темный ликъ Спаса, производящій взглядомъ своихъ очей и нов-

городскимъ пріемомъ письма—очень сильное, почти потрясающее впечатлѣніе.

Особенно красивы т о н а живописныхъ изображеній. Тогда какъ во всѣхъ остальныхъ храмахъ Костромы, художники ограничивались, подобно ярославскимъ товарищамъ своимъ, голубыми, желтыми и коричневыми красками здѣсь примѣнена была совсѣмъ иная гамма красокъ.

Изъ предметовъ старины въ Воскресенской церкви надо указать на престолъ и на 12 иконъ въ

басменныхъ окладахъ, находящихся въ алтарѣ. Въ алтарѣ придѣла Трехъ Святителей интересенъ образъ Трехъ святителей и икона Феодоровской Богоматери. Въ ризницѣ—старинная икона XVII вѣка съ надписью: «благоразумный разбойникъ, свѣтъ не вечерній».

Изъ предметовъ ризницы церкви особенно интересны два напрестольные креста (1645 и 1682 года), 4 потира (на поддонѣ одного изъ нихъ «1552 Воскресеніе»), 2 ковчега, кадило съ чеканными цвѣточками, воздухъ и иные предметы.

Въ ризницѣ два напрестольные осмиконечные креста съ надписями (1682 года) и красивые потиры. *)

Изъ иконъ ризницы—Знаменія Пресвятой Богородицы въ окладѣ очень красивой, хотя и поздней работы (XVII вѣка). Особенно красивы вѣнцы вокругъ главы Христа и Богоматери; здѣсь надо отмѣтить своеобразную трактовку положенія Христа относительно Богоматери.

Другая икона Божьей Матери—также замѣчательна своимъ древнимъ окладомъ чеканной работы.

*) Интересно куда исчезла люстра, висѣвшая передъ вратами иконостаса Трехсвятительскаго придѣла, видная на фотографіи В. Н. Кларка, снятой лѣтъ 10 тому назадъ, и изданной въ „Вѣстникъ археологіи“ (1909 г.)? Прежняя люстра въ видѣ чуднаго стариннаго стекляннаго фонаря стиля Louis XVI, замѣнена теперь плохимъ современнымъ бронзовымъ паникадиломъ.

Царскія врата Екатерининскаго
придѣла.

Надъ пимбомъ корона (вѣнецъ); оглавіе Богоматери и верхняя часть цаты изъ жемчуга и камней.

Въ правомъ придѣлѣ (144 верш. длины, 72 верш. ширины) Св. Екатерины соединенномъ аркою съ

алтаремъ, изображенъ на фрескахъ акафистъ въ честь Божіей Матери, а въ алтарѣ Сынъ ея и лики угодниковъ.

*Придѣлы
церкви
Воскресе-*

Иконостасъ этого придѣла XVII вѣка особенно замѣчателенъ древними рѣзными, царскими вратами XVI—XVII вѣковъ съ басмой и того же времени басменнымъ образомъ св. Екатерины, съ цатаю и вѣнцомъ.

*нія и ихъ
иконо-
стасы.*

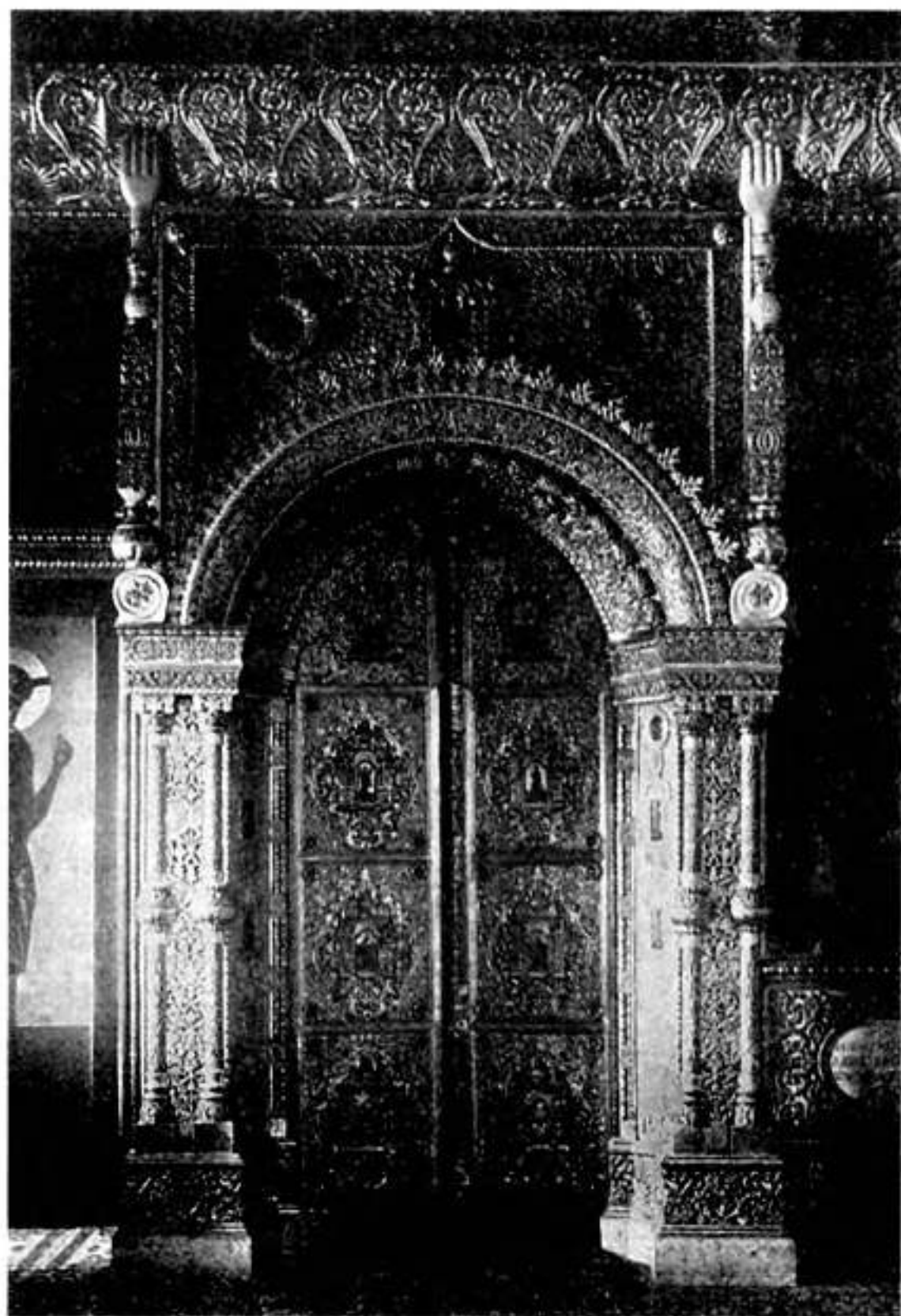
Другой—Трехсвятительскій (лѣвый) придѣльный храмъ освященъ былъ на два года ранѣе церкви Воскресенія, т. е. въ 1650 году (12 іюня).

Роспись въ этомъ придѣлѣ позднѣе была возобновлена. Снаружи онъ расчлененъ пилястрами, а на верху полуколоннами съ карнизомъ и кокошниками надъ нимъ. Въ серединѣ верхнихъ частей устроено окно, а въ боковыхъ—кіоты для образовъ. Надъ четырехъскатной крышею придѣла возвышается свѣтовой барабанъ съ главою.

Стѣны придѣла раскрашены, между колоннами помѣщены «клейма», окруженныя (неудачнымъ нынѣ) орнаментомъ. Нѣкоторыя полуколонны, кромѣ ихъ общей окраски, украшены вьющимся орнаментомъ, растительнаго характера. Валики и другія профили карнизовъ, кокошники и оконные наличники расписаны наискось жгутами.

Въ этомъ лѣвомъ придѣлѣ (длиною 224 вершка) находится также чудесный иконостасъ первой половины XVII вѣка, превосходной мелкой рѣзбы въ пять ярусовъ съ тяблами и рѣзными колоннами разнообразной формы.

Во второмъ ярусѣ продолженіемъ колонокъ пер-

Царскія врата иконостаса Трехсвятительскаго придѣла.

ваго яруса являются двѣ руки, держащія широкіи карнизъ,—среднюю часть тябла (коруны) и два боковые края того же тябла. Иконостасъ покрытъ мелкими орнаментальными узорами, украшенными позолотою, серебрениемъ, причемъ разноцвѣтныя краски-фона (фольга) дѣлають прекрасную рѣзьбу еще болѣе очаровательной.

И здѣсь замѣчательны также царскія врата, сходныя нѣсколько съ царскими вратами новаго придѣла Іоанно-Предтеченской церкви въ Толчковѣ; онѣ рѣзные, и состоятъ изъ створовъ. Каждый створъ устроенъ въ видѣ четырехъ, помѣщающихся одинъ надъ другимъ квадратовъ, въ которыхъ находятся рѣзные пятиглавыя церкви. Иконостасъ этотъ былъ реставрированъ, и не плохо, въ 1875 году.

Здѣсь же помѣщается надъ сѣверными вратами рѣдная икона «Единородный Сыне», и въ алтарѣ икона Θεодоровской Божьей Матери съ Дѣвѣями. На алтарной сторонѣ иконостасной стѣны сохранилась надпись вязью объ освященіи храма «по душѣ Кирилла Исакова».

Троицкая церковь построена была въ *Троицкая церковь.*
1645—1650 г. на средства купца Иларіона Постникова.

Своды этой церкви коробовые и покоятся на двухъ столбахъ. Алтарь ея состоитъ изъ трехъ абсидъ, раздѣленныхъ двумя поперечными стѣнами. Входъ въ паперть черезъ нижнюю часть колокольни въ видѣ арокъ съ висячими гирьками. Углы этого храма, обыкновенно непріятно-острые, смягчены круглыми колонками. Между полукружіями алтаря по-

Троицкая церковь
(по фотографии 80-х годов).

ставлены такія-же колонки. По карнизу уложены зеленыя кафли съ изображеніемъ двуглаваго орла, группы всадниковъ, (нѣкоторыя изображенія закрашены!); барабаны главокъ сквозные съ украшеніями въ видѣ колонокъ и арочекъ, высѣченныя изъ камня.

Троицкая церковь одна изъ самыхъ красивыхъ и своеобразныхъ церквей не

только Костромы но и всего Сѣвернаго Поволжья, по своему необычайно эластичному переходу отъ храма къ покрытію, получающемуся благодаря мягченности угловъ, и своеобразію деталей: бусъ, украшающихъ кокошники, колонокъ абсидъ и т. п. Кромѣ трехъ рядовъ кокошниковъ, униженныхъ прекрасно вышол-

Порталь сѣверной двери
Троицкой церкви.

Деталь фасада Троицкой церкви.

Церковь окрашена въ лимонный цвѣтъ, выдѣляющіи, какъ золотая парча, бѣлыя кружева, высѣченныя изъ камня и кирпича деталей: бусъ, зубчиковъ, сухариковъ, колонокъ и производитъ чарующее впечатлѣніе.

Недавно поставлена вокругъ церкви ограда; ко-

нными кирпичными бусами, церковь украшена еще прелестными оконными наличниками (съ каждой стороны по 3 окна и обрамленія всѣхъ оконъ трактованы различно), порталами входныхъ дверей и небольшими, но чрезвычайно удачно скомпонованными главами съ плоскими куполами. Колокольня — шатровая, обычнаго силуэта, но также прекрасныхъ пропорцій и четкихъ, мягкихъ деталей; шатеръ ея покрытъ черепицею.

нечно, она плохого стиля и выполненія; прежде церковь стояла свободно на открытой площадкѣ.

Мѣстная икона Святой Троицы очень древняя. Къ сожалѣнію ее покрываетъ позднѣйшая риза. Икона Θεодоровской Божьей матери съ дѣянїями (XVII вѣка), прекраснаго письма; этого же времени иконы Николая Чудотворца, Неопалимая Купина (на клиросѣ), Сошествїя Св. Духа и Тихвинской Богоматери, находящїяся въ правомъ придѣлѣ.

Неподалеку отъ Ипатіевскаго монастыря—въ Ипатіевской слободкѣ—находится церковь Іоанна Б о г о с л о в а, основанная въ 1681 году (о чемъ говоритъ сохранившаяся на стѣнахъ храма надпись).

*Церковь
Іоанна
Богослова
въ Ипатіевской
слободѣ.*

Церковь одноэтажная, съ красивыми наличниками оконъ, особенно тѣхъ, которыя находятся на трехъ абсидахъ, раздѣленныхъ колонками; поверху стѣнъ—закомары; храмъ увѣнчиваютъ пять главъ. Колокольня церкви шатровая. Въ общемъ типъ зодчества чрезвычайно установившїйся въ Костромѣ и имѣющїй здѣсь до десяти образцовъ.

Похожа на эту церковь и Успенская, находящаяся неподалеку въ Андреевской слободѣ и церковь Козьмы и Даміана, у рѣки Костромы и церковь Николаевская на Набережной Волги и церковь Николаевская за Волгою и иныя. Все это—или зодчество второй половины XVII вѣка или установившихся по традиціи, но запоздалыхъ, прїемовъ даже первой половины XVIII вѣка. Каменные шатры ихъ очень милы, оконца, прорѣзанные въ нихъ пропорціональны, группировка главокъ прїятна.

Ворота церкви Іоанна Богослова въ Іпатіевской
слободѣ.

Иоанно - Богословская церковь отличается отъ иныхъ великолѣпнымъ боковымъ входомъ, состоящимъ изъ 3 арокъ *).

Прелестна обработка портала входныхъ дверей, изъ колонокъ, прерываемыхъ посрединѣ бусами и гранеными наличниками, украшенными мелкими шашечками.

Особенно хороша церковная ограда **), состоящая изъ круглыхъ столбовъ, покрытыхъ полукруглыми шляпками, и изъ чудесныхъ, соединяющихъ эти столбы кованной работы, рѣшетокъ; уютны всѣ калиточки и ворота этой ограды.

Храмъ очень богатъ находящимися въ немъ сокровищами. Поздней работы иконостасъ заключаетъ въ себѣ однако чудесныя старинныя царскія врата, верхъ которыхъ имѣетъ видъ чешуйчатой

Часть колокольни церкви
Иоанна Богослова.

*) Къ сожалѣнiю въ 1901 году безъ вѣдома Императ. Археолог. Комиссiи церковь эта значительно испорчена пристройкою теплаго храма, — кричащей архитектуры.

**) Къ сожалѣнiю, не со всѣхъ сторонъ, а лишь съ одной; на другихъ сторонахъ рѣшеточки поставлены въ

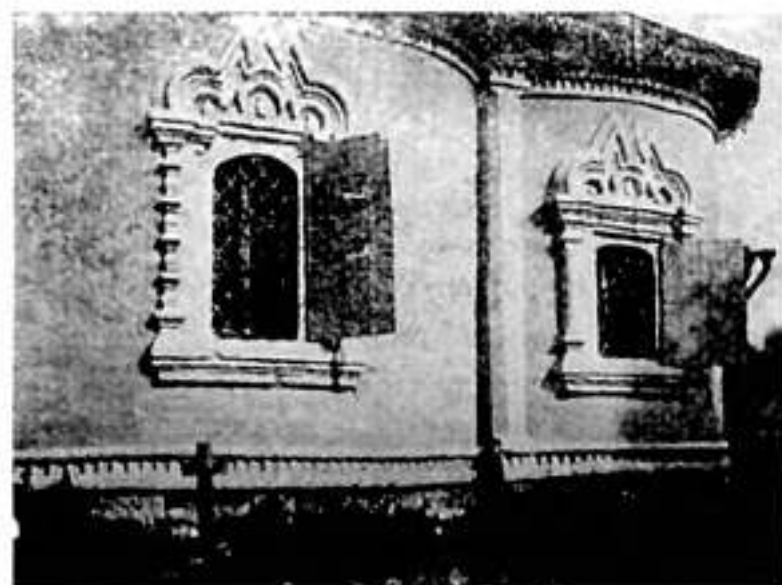
Южная паперть церкви Іоанна
Богослова.

башни, оканчи-
вающейся ме-
таллическимъ
изображеніемъ
Святого Духа
въ сіяніи. Ха-
рактеръ стіля
вратъ типично
барочный; за-
навѣсъ, изобра-
женный тоже
на вратахъ, дер-
жатъ два ан-
гела, внизу
вратъ Агнецъ.

Прекрасныя иконы помѣщены и на столбахъ (въ старыхъ кіотахъ, рѣзной работы). Особенно хороша на правомъ столбѣ икона «О Тебѣ радуется» съ необычайно красивымъ живописнымъ фономъ, на которомъ изображены фантастическія померанцевыя деревья, лѣстницы и террасы (совсѣмъ итальянскій пейзажъ!) райскаго сада. Чудесна процессія царей внизу иконы, причемъ вся эта нижняя часть ея выполнена не въ стилѣ обычныхъ иконографическихъ и каноническихъ пріемовъ, а съ привнесеніемъ бытового элемента, верхъ же иконы (костюмы, шапки) явно католицизированный.

недавнее время и, конечно, онѣ совсѣмъ не въ стилѣ старинныхъ.

Вся церковь покрыта стѣнописью, написанной въ 1735 году, но подновленной и значительно, притомъ, испорченной въ 1884 — 85 годахъ. Фрески интересны, однако, если не колористически,

Абсиды церкви Иоанна Богослова.

то сюжетно. На фонѣ итальянизированнаго пейзажа, изображающаго виллы, холмы, поросшіе кипарисами, гроты и аллеи изъ виноградныхъ лозъ выступаютъ бѣлые стройные кони, видѣются фантастическіе замки, средневѣковыя укрѣпленія съ башнями, — все сюжеты, написанные на шими изографами, но позаимствованные ими изъ современныхъ гравюръ.

Впрочемъ, есть много сюжетовъ по стилю русскихъ, и народныхъ, что особенно придаетъ фантастичность изображеніямъ, сплошь покрывающимъ стѣны лѣтняго храма; и здѣсь мы находимъ апокалипсическіе сюжеты, вотъ конь блѣдный, рыжій и черный, вотъ Страшный судъ...

Любопытно, что фресковая композиція «О Тебѣ радуется» перенесена съ своего обычнаго мѣста (алтарь) и написана на входной стѣнѣ.

Всѣ фрески плохо обновлены. Краски испорчены,

Стѣнопись церкви Иоанна Богослова.

Киѡтъ церкви Іоанна Богослова.

по сюжетъ фресокъ удѣлѣлъ и, потому, значеніе ихъ все же остается большимъ.

Запись объ иконописцахъ, исполнявшихъ въ 1735 году эти работы даетъ намъ нѣсколько неизвѣстныхъ именъ и указываетъ, во всякомъ случаѣ что храмъ росписывали мѣстные изографы, при участіи духовныхъ лицъ, поддерживавшихъ старыя тра-

диціи московской школы второй половины XVII вѣка, но вводившихъ уже и много новшествъ.

Изъ иконъ, кромѣ упомянутой, въ кіотѣ на правомъ столбѣ (съ внутренней стороны) надо отмѣтить и замѣчательную икону Іоанна Предтечи съ Дѣяніями и икону Дмитрія Солунскаго.

Прекрасны также кронштейны, поддерживающіе лампы у иконостаса *).

За Волгой находятся еще церкви, интересныя своею архитектурою и, особенно, фресками, покрывающими ихъ стѣны. Не надо отказывать себѣ въ томъ, чтобы осмотрѣть ихъ. Затраченное время вознаградится во всякомъ случаѣ съ избыткомъ чудеснымъ видомъ на Кострому, открывающимся отсюда.

Сходная съ Іоанно-Богословской церковью (въ Ипатьевской слободѣ) или съ церковью Успенія (въ Андреевской слободѣ — 1748 года) — церковь Спаса Преображенія «за Волгою», была построена въ 1685—8 годахъ. Преображенская церковь — пятиглавая, ея наличники оконъ съ полуколонками и карнизами въ видѣ валиковъ. Стѣны ея были украшены изразцами, теперь частью закрашенными. Входъ въ храмъ — черезъ колокольню. Есть, впрочемъ, входъ и

*Церковь
Спаса «за
Волгою».*

*) По словамъ мѣстнаго священника, они найдены недавно въ подвалѣ. Показываетъ ли это, что было время когда ихъ считали мало достойными украшать храмъ, или, что были люди, пренебрегавшіе такимъ художественнымъ сокровищемъ: ихъ время знало лучшія! Вѣрнѣе всего, однако, что это была эпоха, когда просто не умѣли цѣнить наши древности.

Царскія врата въ церкви Іоанна
Богослова.

*Стѣ-
нопись
церкви
Спаса.*

Вся внутренняя поверхность храма покрыта старинными фресками желто-коричневыхъ (съ сѣрымъ и голубымъ) тоновъ. Нѣтъ записи о времени ея написанія. Но съ вѣроятностью, фрески можно отнести къ XVII вѣку и допустить, что въ числѣ мастеровъ были нѣкоторые намъ уже знакомые.

Въ сводѣ алтаря находится изображеніе композиціи «О Тебѣ радуется». На стѣнѣ выше царскихъ

прямо въ холодный (лѣтній) храмъ (съ сѣвера); здѣсь же находится и вырубленная на камнѣ древняя запись о построеніи храма.

Недавно еще въ церкви былъ старинный иконостасъ XVII вѣка; теперешній — 1876 года, но тябла царскихъ вратъ (и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ) не передѣланы. Въ ряду Деисуса всѣ старинныя иконы съ металлическими вѣнчиками и цатами.

Деталь иконы «О Тебѣ Радуется»,

вратъ — Софія-Премудрость Божія. Въ діаконикѣ Иисусъ Христосъ и Апостолы. Въ сводахъ средняго храма повторена четыре раза одна композиція на апокалипсическую тему: трехкупольный храмъ, въ которомъ стоятъ три ангела со скипетрами: «Это тѣ ангелы, которые стоятъ на че-

тырехъ углахъ земли и держатъ четыре вѣтра земли».

Въ «Плодахъ Страданій Христовыхъ» интересенъ крестъ съ распятымъ на немъ Христомъ; крестъ этотъ «процвѣлъ», т. е. одна его вѣтвь (вышедшая изъ верхняго конца), образуетъ букетъ, изъ котораго выступаетъ рука съ ключемъ и открываетъ Райскія двери; «выступающая изъ Десной вѣтви рука возлагаетъ вѣнецъ на церковь Божию, представленную въ видѣ пятиглаваго храма московской архитектуры».

Изображенія подобнаго приѣма, какъ на примѣръ Христось, смертью своею побѣдившій смерть или дьяволь—появились у насъ не ранѣе XVII вѣка и, несомнѣнно, навѣяны западно-европейскою иконографією. «Въ музеѣ Клюни, въ Парижѣ, есть подобная картина XV вѣка. Отличіе нашего изображенія отъ Парижскаго лишь въ томъ, говоритъ Н. В. Покровскій, «что художникъ переработалъ композицію и даже живописный стиль и приблизилъ ихъ къ иконописному. Необычныя иконографическія формы онъ замѣнилъ для всѣхъ понятными и, слѣдуя обычаю дидактическаго направленія, ввелъ въ композицію объяснительныя данныя».

Въ техникѣ внутренней росписи замѣтна чрезвычайная свѣжесть колеровъ и глубина синяго тона (въ фонахъ). Прелестный рисунокъ травы, скалъ, растеній,—того же приѣма какъ и въ фрескахъ Ипатіевскаго Троицкаго Собора; бронзовые тона вяжутся съ голубыми и сѣрыми, и архитектурныя нагроможденія: сѣни, троны церкви, шатры, переходы въ стилѣ ранняго барокко — дополняютъ богатство фигурнаго содержанія фресокъ.

Стѣны храма росписаны цвѣтнымъ шашечнымъ полемъ; подъ карнизомъ пропущенъ поясъ изъ квадратныхъ изображеній звѣрей, птицъ и т. п. По четыре закомары съ каждой стороны храма составляютъ переходъ стѣны къ ея покрытію.

Въ колоритѣ наружной росписи церкви надо отмѣтить вообще нѣкоторое излишество и чрезмѣрное разнообразіе колеровъ.

Красивъ наружный порталъ церкви (въ помеще-

ни колокольни), съ колонками и нанизанными на нихъ бусами, (не круглыми, а расчлененными).

Въ Спасской церкви есть еще интересный царскій напрестольный крестъ (княгини Кашинской).

За Волгою находится и Николаевская церковь, *Заволжскія церкви.*
построенная въ концѣ XVII вѣка, и позднѣе (въ 1771 году) расширенная. Въ ней хранится прекрасный выносной фонарь.

Ильинская (Преображенская) церковь на Городищѣ (1683 года), поставлена на мѣстѣ древняго города прежней Костромы и вмѣстѣ съ окружающею ее оградою очень живописна. Отсюда открывается чудный видъ на Кострому и на Волгу.

Часовня въ стилѣ Empire въ Селищѣ—очень красивый храмъ крестоваго плана, классическихъ формъ, украшенный портикомъ съ четырьмя дорическими колоннами, и покрытый куполомъ.

По дорогѣ къ этимъ заволжскимъ церквамъ надо еще полюбоваться (тѣмъ болѣе, что можетъ быть дни его сочтены) прелестнымъ домикомъ въ русскомъ стилѣ XVIII вѣка (домъ № 24) находящимся на главной улицѣ Спасской слободы. Балконъ на тонкихъ колоннахъ, перекрытый фронтончикомъ съ покрывающею его нишу живописью, полонъ своеобразнаго очарованія.

Въ двухъ верстахъ отъ Костромы у Святого озера стоятъ двѣ часовни: одна, поставленная неизвѣстно когда (въ концѣ XVII в.?) на мѣстѣ битвы съ татарами, при нашествіи ихъ на Кострому, въ 1241 г., а другая на мѣстѣ битвы костромичей съ поляками. Обѣ почти сходнаго типа зодчества и, быть можетъ,

Двѣ часовни у Святого озера.

Часовня въ Селищѣ.

одного времени постройки. Во всякомъ случаѣ, несложный характеръ ихъ архитектуры, достаточно, однако, монументальный, производитъ пріятное впечатлѣніе, окруженные зеленью кустарника и природоужнаго бурьяна, онѣ создаютъ обликъ, навѣвающій гораздо лучше всякихъ современныхъ монументовъ воспоминанія о далекомъ прошломъ. Особенно симпатична одна часовня, четверикъ которой покрытъ какъ шапкою огромнымъ пирамидальнымъ шатромъ.

*Сергѣев-
ская цер-
ковь.*

Сергѣевская церковь (1742 г.) при позднѣйшей распланировкѣ города оказалась въ серединѣ квартала, и вотъ, теперь, чтобы пройти къ ней, надо войти въ калиточку, близъ старенькаго деревяннаго домика по Царевскому переулку (Заводской ул.),

миновать чьи-то чужіе дворики и выйти на обширную площадку, окруженную сѣрыми заборами. Церковь выглядываетъ изъ зелени деревьевъ прелестною группою мохнатыхъ куполовъ своихъ главокъ и бѣлыми стѣнами, украшенными очень красивыми оконными наличниками. Внутри цер-

Сергіевская церковь.

ковь росписана фресками, по стариннымъ графьямъ.

О времени этихъ фресокъ есть указанія въ записи вязью на стѣнѣ церкви: роспись сдѣлана была лѣтомъ 1742 года.

Любопытно, такимъ образомъ, что хотя роспись эта относится къ половинѣ XVIII столѣтія, но она написана еще по традиціямъ росписи конца XVII вѣка, т. е. исполнена по сырому грунту, въ строгомъ стилѣ. Однако изображенія уже мелковаты, не отличаются особой прелестью красокъ, и это выдаетъ ихъ позднѣйшее происхожденіе.

Общій типъ росписи: въ куполѣ—Созданіе міра, въ четырехъ частяхъ сводовъ, съ восточной стороны Св. Троица, Рай и Церковь, съ западной стороны Живой крестъ или Плоды Страданій Христовыхъ—лучшее въ ряду костромскихъ изображеній этого рода; съ сѣверной стороны Сошествіе Св. Духа, съ южной стороны Преображеніе и Благовѣщеніе. Изъ старинныхъ иконъ этой церкви любопытна икона Богородицы «Умиленіе»—XVII вѣка и Царевича Дмитрія (въ басмѣ).

Христорождественская церковь.

На Царевской улицѣ, также въ глубинѣ двора, въ отдаленіи отъ ограды, на обширной площадкѣ окруженной маленькими домиками, вросшими до половины въ землю, а зимой закрытыми до карниза крышъ снѣгомъ, находится Христорождественская церковь 1685 года, являющая собой, любопытный образецъ церковной архитектуры, получившей во времена увлеченій классической архитектурой, пристройку дорического портика. Однако, соединеніе элементовъ русской архитектуры и античной, дали здѣсь прелестный ensemble. Дорическія колонны, подпирающія узкій портикъ, кажется, несутъ на себѣ колокольню. Хороши также и всѣ перекрытія храма.

Въ этой церкви находится очень много предметовъ имѣющихъ громадную художественную цѣнность. Построена она, по свѣдѣніямъ Императорской Археологической Комиссіи въ 1692 г., а по свѣдѣніямъ проф. Н. В. Покровскаго въ 1685 г. *).

*) Очевидна неточность датированія этимъ годомъ и церкви не Христорождественской, (что на р. Сулѣ), а

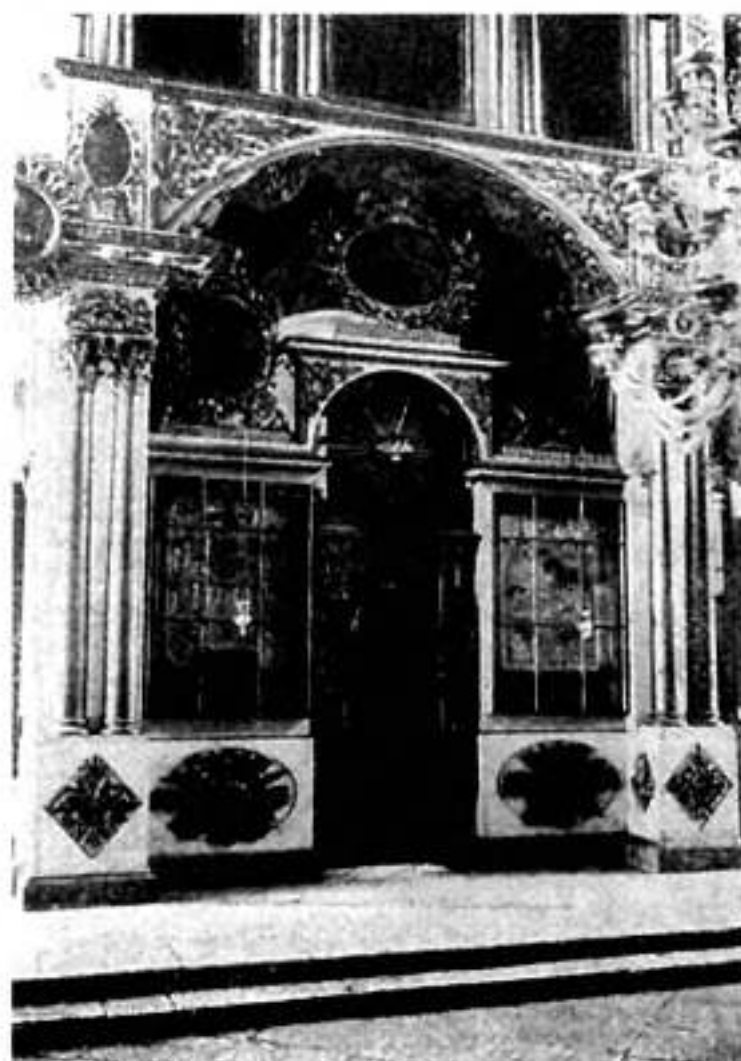

Церковь состоитъ изъ зимней и лѣтней. Въ первой прекрасный иконостасъ въ стилѣ Empire. Очень пріятны его колонки, подпирающія вмѣсто капителей букеты растений и цвѣтовъ; чудесны царскія врата, замѣчательное паникадило XVIII вѣка съ серебрянными и золотыми украшеніями и съ синею сердцевиною. Прелестны подвѣски его въ видѣ букетовъ съ цвѣтами и гирляндами. Подобная люстра находится въ Троицкомъ соборѣ Ипа-

Церковь Рождества Христова
(что на р. Сулѣ).

иной, такъ какъ подпись приложеннаго къ описанію снимка, изображающаго не церковь на р. Сулѣ (№ 35, стр. 98), не соотвѣтствуетъ изображенію. Такое же несоотвѣтствіе есть и въ отношеніи церкви Іоанна Богослова на Каткиной горѣ (рис. 31—32), она принята за ту, которая находится, на самомъ дѣлѣ, въ Ипатьевской слободѣ и соотвѣтственно этому сдѣланы неправильно подписи подъ репродукціями стр. 93 и 94. Помѣщенный же на стр. 100 „Извѣстій“—снимокъ церкви на Каткиной горѣ (№ 38)—правильнъ.

Иконостасъ лѣтней церкви
Рождества Христова.

твѣвскаго монастыря.

Изъ иконъ выдающееся художественное значеніе имѣетъ икона Іоанна Предтечи, съ Дѣянїями, представляющими большую живописную цѣнность. Замѣчательны въ теплой церкви: ликъ Спасителя (подобный Спасу церкви Воскресенїя Христова) очень большого размѣра, коричневаго тона, съ чудными, глубокаго

взгляда, глазами, икона Параскевы Пятницы съ Дѣянїями въ русской обстановкѣ (архитектура) икона Св. Геннадїя (XVII в.), на которой фонъ изображаетъ прелестный архитектурный пейзажъ Геннадїевскаго монастыря, иконы Св. Екатерины и Варвары XVIII вѣка.

Но икона Іоанна Предтечи, правда, съ подновленными, но замѣчательнаго содержанїя и выполненїя

Дѣянїями и съ подписью «1714 писалъ Костромитянинъ Василїй Никитинъ» — производитъ потрясающее своею художественностью впечатлѣніе. Василїй Никитинъ — извѣстный уже намъ иконописецъ. Неоднократно, начиная съ 1659 года онъ былъ вызываемъ въ Москву и участвовалъ вмѣстѣ съ Г. Никитинымъ въ росписи Ипатіевскаго монастыря.

«Танецъ Саломей»,
(въ Дѣянїяхъ иконы Іоанна Предтечи)

Особенно красиво Дѣянїе, изображающее танецъ Саломей. Также интересна икона Преображенїя прекраснаго письма XVII вѣка, которая едва ли не была написана самимъ Гуриемъ Никитинымъ.

Выдающееся значенїе для исторїи и искусства эпохи имѣетъ изображенїе видѣнїя Квашнѣ Θεодо-

Деталь иконы Іоанна Предтечи
(изъ Дѣяній).

ровской иконы Божьей Матери, помещенное въ полукругіи фронтона кіота, стоящаго у наружной лѣвой стѣны храма, близъ иконостаса.

Царскія врата Христорождественской церкви XVIII вѣка изображаютъ—при св. Матѣѣ древо Іессея и древо познанія добра

и зла, при св. Маркѣ — Воскресеніе Христово и мертвыхъ, при св. Лукѣ — Рождество Христово и Распятіе, при св. Іоаннѣ — добраго Пастыря съ овечкой • и Крещеніе Іисуса Христа.

Христорождественская церковь, совокупностью всѣхъ находящихся здѣсь предметовъ, имѣющихъ большой художественный интересъ,—представляетъ собою типъ такого живого музея, который лучше

Видѣніе Θεодоровской иконы боярину Квашнѣ.

всякаго иного, пусть системитически подобраннаго собранія древностей, не только сможетъ убѣдить въ очарованіи и силѣ красоты русскаго искусства, но и дать неизъяснимое наслажденіе всею оживленною бытомъ и вѣрою прелестью «старинки».

Богоотцовская церковь на Московской (Мшанской) улицѣ, поздней постройки (1769 года) и также, какъ церковь Іоанна Предтечи близъ площади—построена уже не въ русскомъ стилѣ. Крыши церкви получаютъ изгибъ, характерный для барокко покрытие колокольни — купольное, со шпилемъ.

Въ Іоанно-Предтеченской церкви, правда, есть еще наличники оконъ абсидъ — русскаго стиля, но въ Богоотцовой всѣ детали барочныя. Ея врата строгихъ пропорцій, видимо еще болѣе поздней архитектуры.

*Богоот-
цовская
церковь.*

*Иконо-
стасы
церкви.*

Люстра въ Христорождествен-
ской церкви.

Но Богоот-
цовская церковь
интересна, глав-
нымъ образомъ,
заключающими-
ся въ ней ста-
ринными худо-
жественными
предметами.

Иконостасы
церкви: бароч-
ный и классиче-
скіе (двухъ ея
придѣловъ Бо-
гоотецъ Іоакима
и Анны и Си-
меона Столпни-
ка),—чудесныхъ
формъ и выпол-
ненія. Иконо-

стасъ праваго придѣла наиболѣе строгаго типа съ от-
личными царскими вратами, украшенными скромными
орнаментальными деталями. Здѣсь же и Феодоровская
икона Божьей Матери—въ ризѣ и съ чудеснымъ сере-
брянымъ, филигранной работы, нимбомъ, положен-
нымъ на цвѣтную фольгу. Икона написана Гуріемъ
Никитинымъ въ 1659 г.; подробная надпись о томъ
свидѣтельствуесть о достовѣрности этихъ данныхъ.

Церковь Вознесенья должна быть отмѣ-
чена по красотѣ компановки ея главъ, купола ко-
торыхъ до половины выложены изъ камня.

Въ Михаило - Архангельской церкви (1745 г.) сохранилась исправленная фресковая живопись, исполненная въ 1785 году какъ видно изъ записи на стѣнахъ: «а писали въ ней господина Куломзина дворовые человѣки, а подмазчикомъ былъ Андрей Котохинъ»... И написали прекрасно, вдохновенно, колоритно! «А зачато писать въ лѣто 1748 года, покончена 1785 тщаніемъ всѣхъ приходскихъ людей»... читаемъ дальше. Какая трогательность стремленія всѣхъ прихожанъ къ украшенію своего храма. Иконографическіе сюжеты взяты изъ рукописи объ Архистратигѣ Михаилѣ, чудѣ въ Хонехъ; любопытна, особенно, фреска, на которой изображенъ «Нарѣикъ (нартексъ) Дохіарскаго собора»!

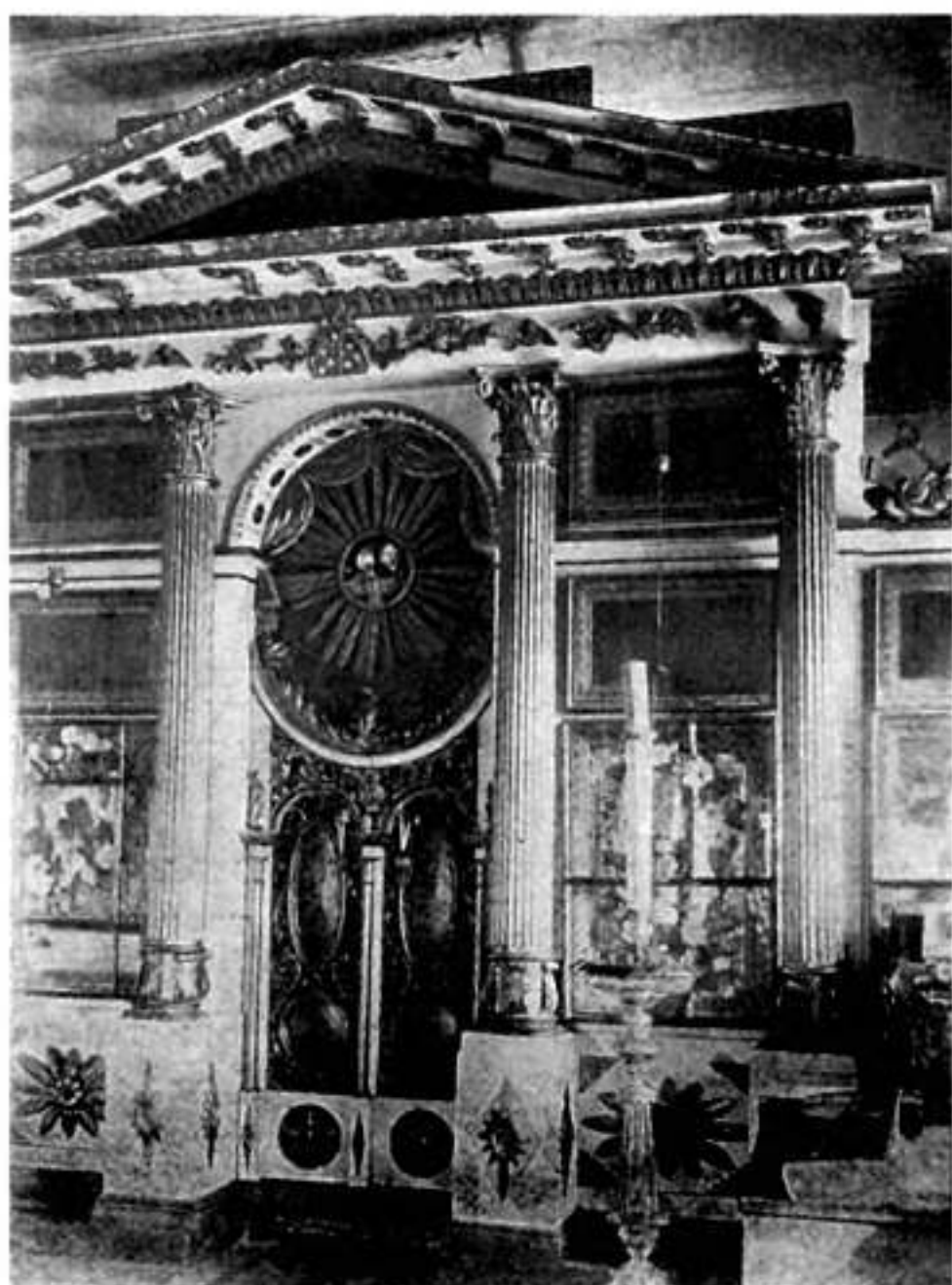
Въ общемъ, фрески Михаило - Архангельской церкви — позднѣйшія изъ всѣхъ стѣнописей Костромы. Здѣсь опредѣляется уже вполне стремленіе къ фряжской живописи.

Въ этой церкви надо отмѣтить еще три любопытные корсунскіе креста.

Въ нижней церкви Петропавловскаго храма (1737 года) любопытна икона Св. Николая Чудотворца,

Ворота Богоотцовской церкви.

Иконостасъ Богоотцовой церкви
(праваго придѣла).

а въ верхней церкви на престольный крестъ въ серебряномъ окладѣ.

Распятый Иисусъ Христосъ изображенъ на немъ прекрасною живописью; надпись на окладѣ свидѣ-

тельствуетъ о 1686 годѣ, и о томъ, что крестъ сдѣланъ подаишемъ изографа Гурія Никитица. Очевидно, живопись на крестѣ написана имъ.

Въ церкви Іоанна Богослова на Каткиной горѣ (1686 года) мало интересной своею подновленной виѣшней архитектурой, находится пріятный пропорціями своими иконостасъ XVIII вѣка:—всѣ иконы на немъ этого же времени, прелестны и царскія врата, съ рѣзными барельефными изображеніями Сошествія Св. Духа; рѣзьба выполнена очень сочно. Интересна здѣсь и икона Іоанна Богослова XVII вѣка.

Въ Анастасіинскомъ монастырѣ (у Большихъ Мучныхъ линий)—двѣ церкви: Срѣтенская съ прелестной низенькой, выглядывающей изъ-за монастырской стѣны, колоколенкой, шатроваго типа (упрощеннаго) и другая, поздняя, начала XIX вѣка въ классическомъ типѣ. Въ алтарѣ обѣихъ церквей много иконъ XVII вѣка.

Въ церкви Бориса и Глѣба хорошая икона 1730 года, въ Ильинской церкви иконы Еммануила, XVII

Деталь наддвернаго
украшенія.

Толгская икона.

(1749 г.) и Георгіевской (1772 года), обработанной позже классическимъ порталомъ изъ четырехъ колоннъ, подпирающихъ портикъ, съ вырѣзаннымъ дугой тимпаномъ. И здѣсь соединеніе русскихъ архитектурныхъ формъ шатровой колоколенки, мохнатыхъ на длиненькихъ, узкихъ шейкахъ, посаженныхъ широкихъ главокъ одной церкви—съ «ампирными» формами другой, образуетъ прелестное соединеніе *).

*) Очень жалко, что Георгіевская церковь такъ грубо покрашена въ приторно-зеленый цвѣтъ.

вѣка, пророка Ильи въ ризѣ съ привѣснымъ крестикомъ (такъ называемый корсунчикъ) святой Улиты съ Дѣвнїями, и другія; въ церкви Всѣхъ Святыхъ (1757 года)—икона Іоанна Предтечи «съ Дѣвнїями» конца XVII вѣка; въ церкви Покровской (1742 года)—любопытна икона Петра и Павла).

На главной площади города прелестна группа изъ двухъ церквей Воскресенской

Икона Феодоровской Божьей Матери въ
Богоотцовской церкви.

Вознесенская церковь.

Очень живописна положеніемъ, хотя не безынтересна и архитектурою своею, особенно очертаніемъ куполовъ, небольшая церковь Успенія, близъ рѣки Волги. Ея яркоссіе купола, золотыя главки и причудливыя формы образуютъ очень живописный и уютный видъ.

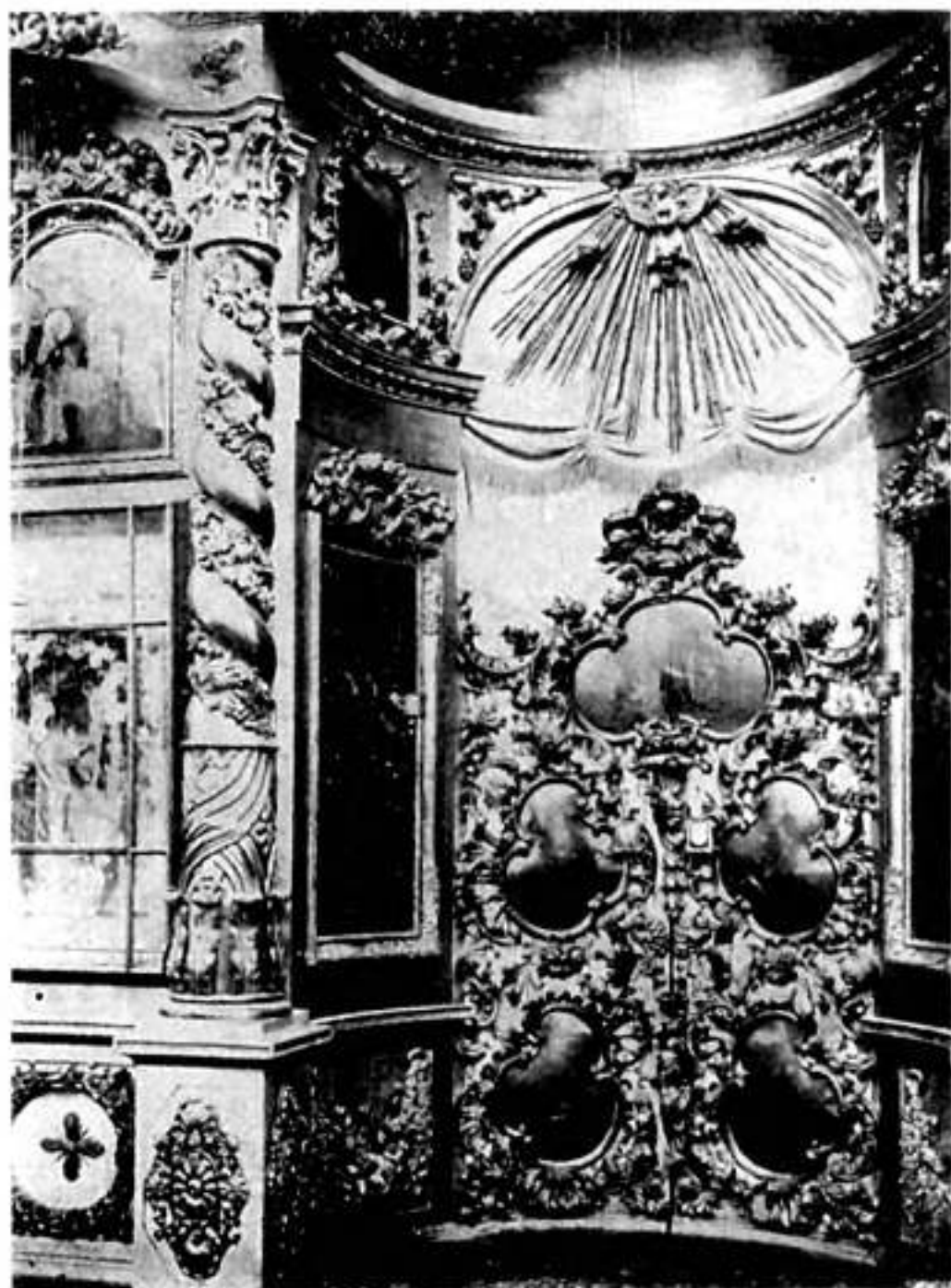
Въ Воскресенской церкви надо отмѣтить иконы Іоанна Предтечи, половины XVII вѣка, въ Георгіевской—иконы, взятые изъ прежней, деревянной церкви относящіяся къ XVII вѣку и написанныя въ значительно болѣе строгомъ стилѣ, чѣмъ напримѣръ Московскія, этого же времени. «Вѣроятно, это произведеніе мѣстныхъ иконописцевъ, и въ XVII вѣкѣ еще,

Срѣтенская церковь Анастасинскаго Монастыря.

Ворота ограды Анастасинскаго
монастыря.

Царскія врата
Иконостаса Богоотцовской церкви.

придерживающихся строгих иконописных преданий отдаленной старины», говорит проф. Н. В. Покровский.

Наконец, прелестна и стоит обозрѣнія Покровская церковь (близъ улицы того же наименованія) въ классическомъ стилѣ, съ прекрасно выисканными портиками и деталями;

полна красоты Алексѣевская церковь (на улицѣ того же наименованія)—одна изъ самыхъ живописныхъ (хотя и позднихъ, 1759 года) церквей Костромы.

Построенная въ стилѣ Людовика XVI не безъ провинціализма въ формахъ его, церковь украшена прекраснымъ, особенныхъ формъ и композиціи, входомъ, съ лѣстницею, которая окружаетъ круглую колокольню, чудесныхъ пропорцій. Поверху ея идетъ рѣшетка милаго рисунка. Церковь обрамляютъ темныя

Церковь Успенія въ Андреевской слободѣ.

Церковь Воскресенія Христова «на площадкѣ».

ели, образуящія хорошіи фонъ для бѣлыхъ массъ храма.

Слѣдуетъ зайти и внутрь этой церкви. Обозрѣватель увидитъ здѣсь прелестное Евангеліе 1735 года, съ богатымъ окладомъ, многими гравюрами и на престольный крестъ въ чеканномъ окладѣ съ надписью (1652 года). Всѣ иконографическія изображенія на крестѣ сдѣланы красками, а крестъ украшенъ жемчугомъ.

Церковь Христа Спасителя въ Гостинномъ ряду (Спасъ «въ Рядахъ») 1766 года—какъ сооруженіе мало интересно, но колокольня ея, вѣроятно начала XIX столѣтія, прелестной архитектуры, пріятныхъ пропорцій и увѣнчана богато обработаннымъ куполомъ; — она поставлена на портикъ, служащій входомъ въ ряды. Такимъ образомъ колокольня какъ бы вырастаетъ изъ аркатуры гостиннаго двора.

Еще любунытыѣ Преображенская церковь, что «на Подвязьѣ» на Мшанской улицѣ, въ провинціальномъ отѣнкѣ стили Людовика XVI; колокольня ея украшена вѣнками, гирляндами и розетками, игриво, на провинціальный вкусъ покрашенными, и обработана помощью хорошихъ колоннъ, карнизовъ съ

Покровская церковь.

богатыми поясами изъ триглицфовъ и метошь. Вѣроятно отѣлка церкви производилась въ 1806 году.

Церкви Іоанно-Златоустовская (1751 года), Стефана Сурожскаго (1780 года) и Константина и Елены (1798 года) менѣе интересны.

Еще болѣе позднія церкви—Власіевская (1805), Борисоглѣбская (1800), Рождественская, у Черной рѣчки (1810) и Воздвиженская, близъ Запрудни (1805) почти лишены художественно — архитектурнаго интереса.

Алексѣвская церковь близъ Запрудни.

У ОПИСАНІЕ
ПАМЯТНИКОВЪ КЛАССИЧЕСКОЙ
АРХИТЕКТУРЫ.

Въ обзоръ памятниковъ Костромской художественной старины несомѣнно должны быть, наконецъ, включены и тѣ, которые построены въ эпоху такъ называемаго классицизма. Въ періодъ увлеченія этимъ стилемъ создано было на Руси вообще не мало красиваго, но особую цѣнность постройки этого времени приобрѣтаютъ благодаря той типичности, которая придана была талантливейшими зодчими этого времени нѣкоторымъ гражданскимъ сооруженіямъ, быть можетъ, по предназначенію своему, нынѣ ставшимъ уже анахронизмомъ, но не рѣдко по формамъ своимъ дающимъ вдохновеніе и богатый матеріалъ и для современной композиціи. Каланчи, дворянскія собранія, театры, гауптвахты, гимназіи и казармы вотъ типы еще не такъ давно минувшаго

строительства, но, однако, уже полные обаянія эпохи и характеризующіе вкусы людей прежнихъ поколѣній.

Съ эстетической точки зрѣнія, представляя всегда несомнѣнный интересъ своимъ благородствомъ, внушительностью пропорцій или простотой деталей, постройки эти изобличаютъ, не мало своеобразнаго (національнаго) пониманія общихъ европейскихъ формъ. Поэтому они должны быть цѣнны и для поднятія нашего національнаго самосознанія. Провинціальныя типы строительства особенно важны для характеристики угасшаго быта. Наконецъ полныя курьезовъ и гротесковъ своихъ формъ и деталей, образующихъ этотъ милый провинціализмъ, они цѣнны и для изыскателя индивидуальнаго; а для всякаго художественно заинтересованнаго любителя — привлекательны своею живописною образностью.

Въ зодчествѣ Костромы особенно рельефно проявили себя эти новыя классическія теченія.

Дѣло въ томъ, что въ развитіи города два важнѣйшихъ момента совпадаютъ или съ вѣкомъ наибольшаго расцвѣта русскаго зодчества въ XVII вѣкѣ («золотой вѣкъ») или уже съ развитіемъ классическихъ формъ (начало XIX вѣка).

Въ теченіе перваго періода—построены были всѣ лучшія церкви, соборы, и монастыри; во время втораго, послѣ учрежденія намѣстничества,—всѣ лучшія гражданскія сооруженія, правительственныя учрежденія и особняки.

До XVIII вѣка въ исторіи развитія художественнаго творчества въ Костромѣ исключительное и рѣшающее значеніе имѣло избраніе здѣсь на царство Михаила Ѳеодоровича, помнившего въ послѣдствіи о гихой Ипатьевской обители, давшей ему убѣжище а, можетъ быть, и спасеніе, и присылавшаго сюда дары и поддерживавшаго храмы Костромы; царь Алексѣй Михайловичъ также никогда не забывалъ о Костромѣ; строили и поддерживали художественные памятники также именитые бояре, потомки Мурзы Чета—Годуновы, Салтыковы и другіе.

Строительство въ эпоху преобладанія стиля барокко выразилось въ Костромѣ въ видѣ прекрасныхъ образцовъ этого архитектурнаго теченія. Салтыковская церковь, позже Богоявленскій соборъ (построенный при заботливой дѣятельности протоіерея Метелкина), его колокольня, ограда съ воротами и калиточками, все плодъ творчества мѣстныхъ зодчихъ—самоучекъ, вродѣ мѣщанина Степана Воротилова, вотъ тѣ немногія, но чудныя барочныя сооруженія XVIII вѣка, которыми можетъ гордиться Кострома.

Позже, церковное строительство теряетъ пышный оттѣнокъ своихъ формъ и пріобрѣтаетъ болѣе скромный характеръ. Алексѣевская церковь, Преображенская (въ Подвязьѣ), Покровская и другія подобныя имъ построены уже въ спокойномъ стилѣ Людовика XVI, являющимся переходнымъ къ пришедшему на смѣну классицизму.

Этотъ стиль запечатлѣнъ также на нѣкоторыхъ

церквахъ Костромы: портикъ церкви Воскресенья на «Площадкѣ», портикъ Христоужественской церкви, часовня въ Селищахъ, двѣ часовни у Гостиного Двора (близъ лѣстницъ),—вотъ милые образцы архитектуры классическаго характера.

Правительственное строительство. Но съ реформированіемъ государства, въ развитіи художественнаго строительства Костромы, имѣютъ значеніе уже не только отдѣльныя лица, но и правительственныя предначертанія.

Учрежденіе намѣстничества (въ Костромѣ въ 1778 году) и связанная съ введеніемъ его потребность въ спеціальныхъ постройкахъ, гдѣ могли бы помѣщаться канцеляріи (до этого времени ютившіяся въ старинномъ корпусѣ Богоявленскаго монастыря) вызвали сооруженіе новыхъ, грандіозныхъ по тому времени, корпусовъ зданій губернскихъ присутственных мѣстъ, губернаторскаго дома и учебныхъ заведеній.

Не только частновладѣльческое, но и казенное строительство, до конца XVIII столѣтія было здѣсь настолько незначительно, что, когда Императрица Екатерина прибыла въ 1767 году въ Кострому, ей негдѣ было остановиться, и она ночевала на своей галерѣ.

Костромскіе губернаторы-строители. Между тѣмъ въ эти годы существовалъ еще (до пожара 1773 года, уничтожившаго почти всѣ деревянные постройки въ Кремлѣ) и воеводскій домъ и лучшія сооруженія и особняки именитыхъ людей XVIII вѣка, но всѣ они были деревянные, очень ветхи и не соответствовали новымъ потребностямъ.

Генераль-Губернаторъ Алексѣй Петровичъ Мель-

Павловская улица въ 80-ыхъ годахъ XIX столѣтія.

гуновъ, «мужъ блистательныхъ качествъ» очень заботившійся о томъ, чтобы строительство принимало художественный характеръ, оставилъ не мало слѣдовъ своего попеченія о современномъ ему зодчествѣ въ Ярославлѣ и Костромѣ.

Костромскіе губернаторы Островскій, Кочетовъ и Баумгартенъ—всѣ, руководствуясь даваемыми имъ предписаніями объ украшеніи и застройкѣ городовъ, стремились къ осуществленію только дѣйствительно красивыхъ проэктвъ. Такую же роль игралъ и общій для Владимірской и Костромской губерній генераль-губернаторъ Графъ Воронцовъ, «ученѣйшій мужъ своего времени».

Все увеличивающіеся обороты коммерціи и повысившіеся требованія публики вызвали и построеніе Гостинныхъ дворовъ.

Дворяне (Шиповы, Лопухины) и купеческія фамиліи (особенно Дурыгины, Углечаниновы, Мичури-

Домъ Дѣтскаго Приюта.

ны, Солодовниковы) не мало способствовали также развитію художественнаго гражданскаго строительства Костромы въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій. Въ это время были уже цѣлыя улицы особняковъ: (Павловская ул.—дома Дурыгиныхъ), Волжская набережная (дома Третьяковыхъ и Солодовниковыхъ),—не прерываемыхъ никакими иными постройками.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, архитектура казенная, но образцовая, строго контролируемая во многихъ инстанціяхъ Петербурга и исправлявшаяся авторитетнѣйшими зодчими (для Костромы Висконти, Шарлеманемъ и др), а съ другой, архитектура частно! владѣльческая, самодѣльная, но полная уюта, милыхъ и наивныхъ пропорцій и не лишенная живописной красоты и создали въ ту пору не мало прелестныхъ памятниковъ зодчества. Но кто же были авторы

этихъ всѣхъ несомнѣнно художественныхъ сооруженийъ свидѣтельствующихъ о недюжинномъ дарованіи строителей.?

Каковы имена этихъ талантливыхъ художниковъ— *Лучшіе* зодчихъ? Насколько труднымъ является распознаваніе *зодчіе.* строителейъ церквей въ XVII вѣкѣ и (тѣмъ болѣе раньше) не упоминавшихся обыкновенно на ряду со всѣми записанными на камнѣ именами изографовъ-радѣтелей и даже лицъ, иждивеніемъ которыхъ сооружался храмъ,—настолько въ концѣ XVIII столѣтія представляется возможнымъ опредѣленіе зодчихъ, украшавшихъ городъ.

Въ канцеляріяхъ губернскаго Правленія числились уже въ то время архитекторы; многія дѣла и проекты подписаны бывали ими.

И мы знаемъ, что съ конца XVIII столѣтія, при намѣстничествѣ, въ Костромѣ числились на службѣ зодчіе: Баженовъ (Дмитрій), фонъ-Клеръ и другіе.

Но, были ли дарованія этихъ зодчихъ не велики, или имъ не довелось еще быть строителями зданій, осуществленныхъ въ началѣ XIX столѣтія — или они числились съ 1790 годовъ, не дожили въ Костромѣ до 20 годовъ XIX столѣтія, но въ спискахъ лицъ сооружавшихъ лучшія зданія Костромы мы не встрѣтимъ именъ этихъ официальныхъ служакъ—строителей. Впрочемъ, быть можетъ, имъ принадлежатъ постройки конца XVIII столѣтія (частновладѣльческія зданія), быть можетъ ихъ таланту обяына Кострома тѣмъ, что она обладаетъ такими прекрасными особняками какъ дома Солодов-

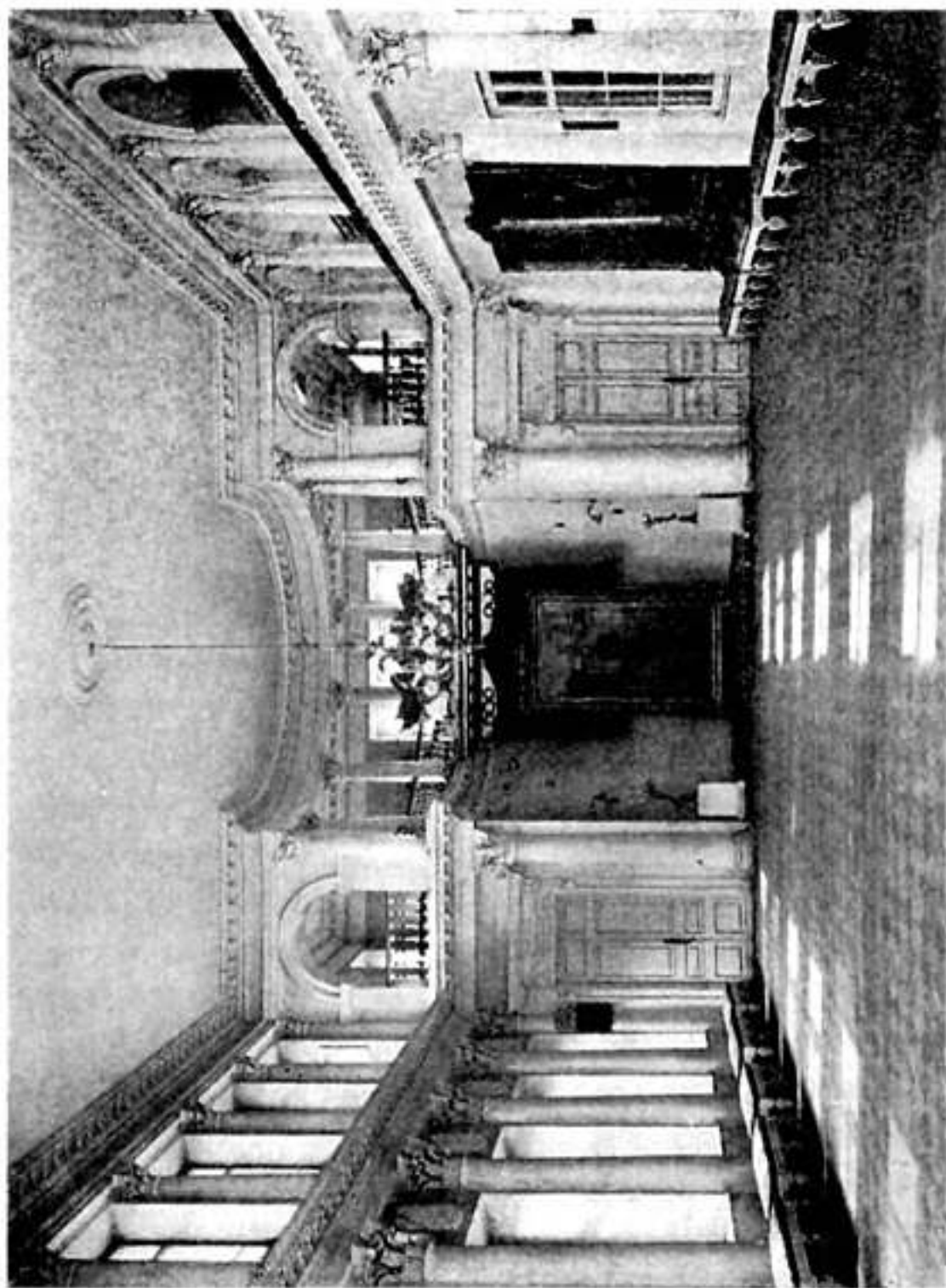

Домъ б. Мичуриныхъ на Павловской улицѣ.

никовыхъ, Третьяковыхъ, Мыльникова (на набережной) построенныхъ въ стилѣ Людовика XVI?

Однако всѣ крупнѣйшія постройки Костромы особенно чистаго классицизма, и относящіяся къ 20—30 годамъ XIX столѣтія воздвигнуты были не ими.

Архитекторъ *Метлинъ.* Архитекторъ Николай Метлинъ, разрабатывавшій по порученію губернаторовъ всѣ проэктны для зданій Присутственныхъ мѣстъ, не только Костромы, но и Плеса, и Юрьевца, и Кинешмы, очевидно явился и авторомъ ихъ. Подписанные имъ проэктны его хранятся въ архивѣ Губернскаго Правленія. Ему же можно приписать и сооруженіе Гостиннаго двора, или во всякомъ случаѣ, нѣкоторыхъ «рядовъ» его. За нимъ слѣдовалъ зодчій Фурсовъ, отличный мастеръ, работавшій главнымъ образомъ въ 20—30 годахъ. Архитекторъ Уткинъ передѣлывалъ кое-что, а

Большой залъ Дворянскаго Собранія.

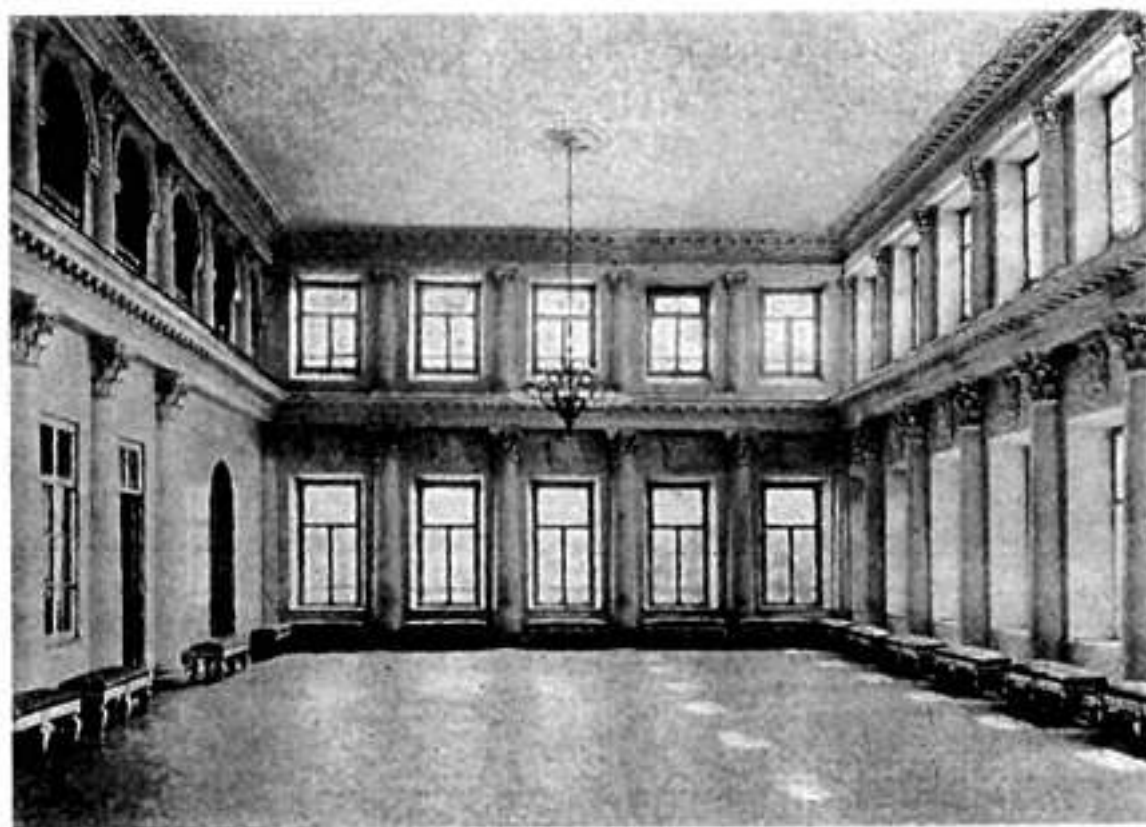
можетъ быть, строить и самъ; хотя, судя по его проекту перестройки Губернскаго Правленія (архитектора Метлина) онъ какъ и Ефимовъ (причастный къ этому дурному, къ счастью не удавшемуся замыслу) былъ едва ли столь первокласснымъ мастеромъ, какъ его предшественники.

*Архитекторъ
Фурсовъ.*

Но, во всякомъ случаѣ, лучшимъ зодчимъ достоверно построившимъ самыя красивыя гражданскія постройки Костромы, является Фурсовъ, «по преданію» сосланный въ Кострому. Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ вообще Кострома являлась мѣстомъ ссылки особенно для поляковъ, а если принять во вниманіе фамилію зодчаго (нѣмецкаго характера—Fursoff), то возможно, что онъ былъ ссыльнымъ изъ западныхъ губерній. И вотъ этотъ ссыльный зодчій, подобно Витбергу, украсившему Вятку чудеснымъ соборомъ и не однимъ «особнякомъ», способствовалъ созданію лучшей въ провинціи площади. Сусанинская площадь, окруженная пожарной каланчей, Гауптвахтою, домомъ б. Борцова, и «рядами»—одна изъ наиболѣе цѣльныхъ, скомпонованностью своею, площадей Россіи.

Позже въ 30—40 годахъ становится снова труднѣе установить имена авторовъ построекъ.

Строитель Дома Дворянскаго собранія (1839 года) не упомянуть во всѣхъ панегирическихъ описаніяхъ открытія этого прекраснаго зданія. Перечислены были не разъ имена всѣхъ членовъ строительной Комисіи, воздана была честь и предсѣдателю Купріянову, и членамъ Шипову, Лопухину, быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ способствовавшимъ скорѣйшему

Большой залъ Дома Дворянства.

или болѣе художественному выполненію работы, (своимъ вкусомъ и энергіей)—но кто былъ авторъ этой талантливой передѣлки изъ купеческаго дома подобнаго зала, ставшаго однимъ изъ лучшихъ залъ въ Россіи, такъ и неизвѣстно!

Упоминается въ отчетахъ лишь о томъ, что приглашенный архитекторъ былъ старъ, боленъ и, не задолго до окончанія постройки, умеръ.

Былъ ли это тотъ же талантливый, уже состарившійся зодчій, Фурсовъ (годъ смерти его неизвѣстенъ) или новый (сказано—«приглашенный») неизвѣстно, но очевидно, что это былъ мастеръ первоклассный.

Большой Гостинный дворъ и Мучные ряды.

Старѣйшимъ изъ классическихъ сооруженийъ Костромы надо считать Гостинные дворы. Но не всѣ они одновременно были воздвигнуты, а въ Костромѣ ихъ нѣсколько.

Гостинные дворы.

Безусловно наиболѣе ранній Дворъ—(относящійся еще къ концу XVIII столѣтія)—такъ называемыя «Большія Мучныя линіи», дѣло о построеніи которыхъ относится еще къ 1791 году. Въ архивѣ Городской Управы, изъ бумагъ за № 9001 мы узнаемъ, что, по соображенію съ Е. И. В. повелѣніемъ предпринято построеніе, при Губернаторѣ Н. Н. Кочетовѣ, Гостиннаго двора. Постройка продолжалась съ 1791 по 1799 годъ. Эти ряды и имѣютъ наиболѣе старыи видъ. Столбы ихъ сильно расширяются книзу (для большей устойчивости). Такого же типа и «железные» и «пряничныя» и «квасныя» линіи, идущія позади Гостиннаго Двора. Но сооруженіе ихъ относится уже къ 1804 году, и достовѣрно, что онѣ были

Часть Гостиннаго двора и колокольня
церкви Спаса «въ Рядахъ».

воздвигнуты по проэктору архитектора Метлина (есть подпись на проэктѣ)

Подъ наблюденіемъ предсѣдателя губернскаго строительнаго комитета Фурсова (въ 1835 году) возведены были наиболѣе поздніе изъ рядовъ («Табачный» рядъ). Архитектурно, пожалуй, онъ наиболѣе красивъ. Его арки, чередующіяся съ колон-

Портикъ зданія Губернскихъ
Присутственныхъ мѣстъ.

надами, очень стройны; изящны и карнизные пояски изъ капелекъ, а всѣ пропорціи выисканы очень любовно. Этотъ рядъ является продолженіемъ (съ одной стороны) зданія бывшего магистрата, тоже пріятной композиціи, состоящей изъ двухъ арокъ, и прелестныхъ, разъединяющихъ ихъ, столбовъ съ прорѣзанными въ нихъ окнами: удѣлѣли и красивыя ворота бывшего магистрата и не изъ части ли

Гауптвахта и пожарная Каланча.

его, перестроенной недавно—въ quasi-русскомъ стилѣ сдѣланъ и домъ Городской Управы? *).

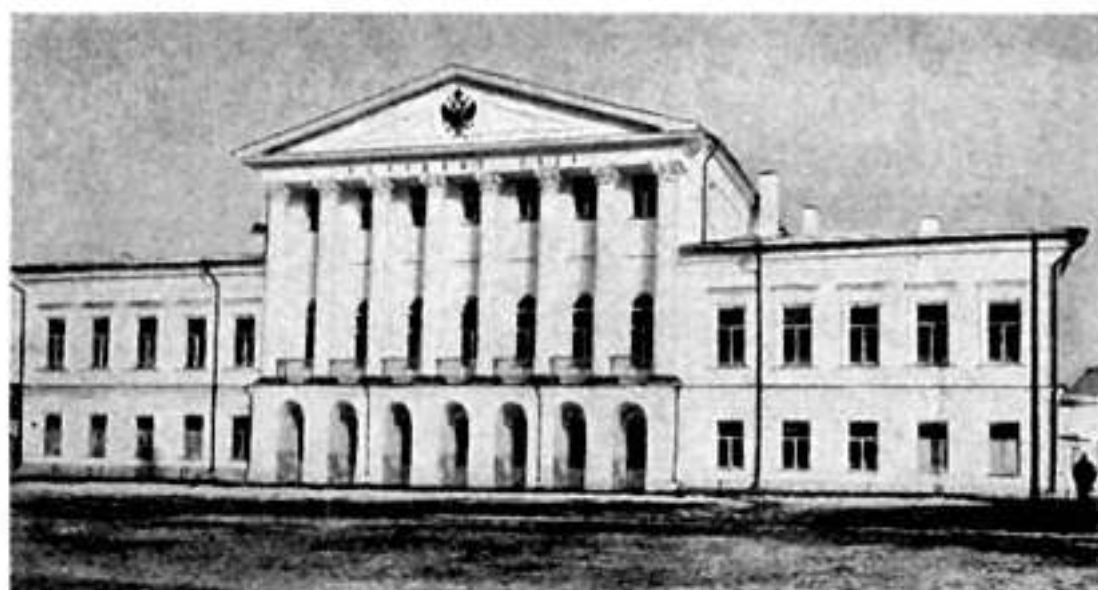
Гостинный Дворъ и, стоящій противъ него, корпусъ Мучныхъ линий, образуютъ между собою «плацъ». Обѣ эти постройки одного архитектурнаго приѣма и расположены вполне симметрично. Ряды невысокихъ арокъ посрединѣ переходятъ въ портики, съ треугольными фронтонами очень хорошихъ пропорцій.

*) Съ другой стороны эти ряды испорчены пристройкою ужасающей архитектуры часовни „кирпичнаго“ стиля. При этомъ надо отмѣтить, что рисунокъ кирпичной кладки покрашенъ по штукатуркѣ!

Портикъ зданія Каланчи.

Внутри гостиннаго двора милой архитектуры деревянные ряды, съ іоническими и тосканскими колоннами. Раскрашенные пестро, наискось, въ шашку яркихъ цвѣтовъ и полосъ двери и стѣны красочныхъ лавочекъ напоминають намъ о тѣхъ первоисточникахъ, которые дали быть можетъ образеръ и для раскраски церкви Воскресенія на Дебрѣ. Пестрые товары, матеріи, груды кустарныхъ издѣлій, игрушекъ создаютъ здѣсь полный своеобразнаго колорита хаосъ и посѣтителю Костромы, не мѣшаетъ заглянуть сюда, дабы ощутить вполне весь удержавшійся характеръ національнаго быта, такъ хорошо передаваемый на полотнахъ художникомъ Ку-

Домъ Борщова (нынѣ Окружнаго Суда).

стодіевымъ. Къ сводамъ корридоровъ подвѣшены громадныя тяжелыя восьмиугольныя иконы, окруженныя лампадами, съ горящимъ въ нихъ трепетнымъ пламенемъ.

Позади Гостиннаго двора идетъ рядъ низенькихъ арокъ, заканчивающійся по краямъ двумя, увѣчанными куполами, часовнями, пріятной архитектуры. Ихъ живописное положеніе у лѣстницъ, спускающихся еще ниже къ набережной Волги придаетъ имъ особую прелесть. Находящаяся на лѣвой сторонѣ часовня Успенскаго собора видѣе съ площади; съ правой стороны рядовъ часовня Николаевскаго монастыря.

На спускѣ, ведущемъ съ «плаца» къ Волгѣ слѣва находится еще «рядъ», поздней архитектуры, а отъ него идетъ еще одинъ, вдоль берега, потомъ расдваивающійся и спускающійся къ Волгѣ. Такимъ

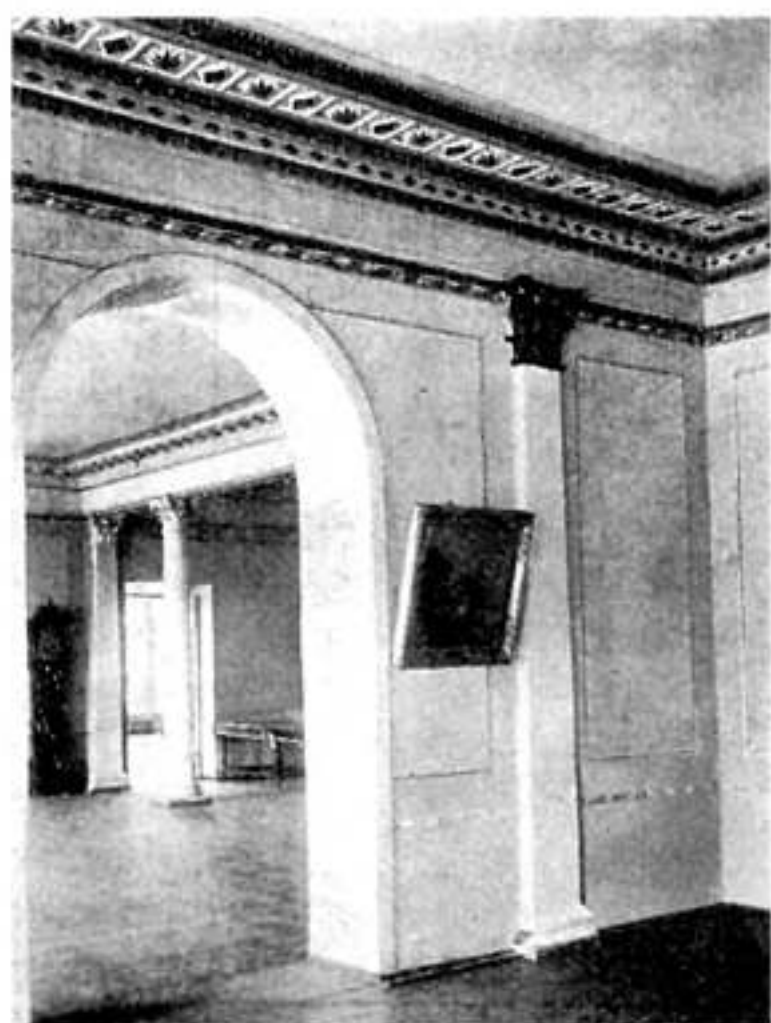
Фасадъ дома Дворянства.

образомъ здѣсь цѣлый городокъ рядовъ и арки разной архитектуры придаютъ особенный видъ этому мѣсту. Прелестна окраска рядовъ послѣднихъ двухъ крыльевъ: голубая съ бѣлымъ.

*Присут-
ственные
мѣста.*

Постройка зданія «губернскихъ присутственныхъ мѣсть» въ Костромѣ, не явилась случайнымъ явленіемъ въ строительствѣ провинціи. Въ это время, почти всюду, по Высочайшему повелѣнію на средства (огромныя по тому времени) отпускаемыя казною (20.000 въ годъ на губернію) были воздвигаемы дома губернаторовъ, казначейства, гаунтвахты и т. п. зданія.

Еще въ 1779 году Генералъ-Губернаторомъ Мельгуновымъ, предложено было 15 декабря 1778 года, «дать знать, въ связи съ распоряженіемъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы

Малый залъ Дворянскаго
Собранія.

Екатерины II-й, о степени необходимости построе-
нія въ губернскихъ и областныхъ городахъ при-
сутственныхъ мѣстъ» — и сообщено «объ отпускѣ
на сей предметъ по 20.000 рублей въ годъ, въ
теченіе пяти лѣтъ». Запрошенъ былъ и Костром-
ской губернаторъ о томъ, какія требовались соору-
женія въ Костромѣ.

Присутственныя мѣста до тѣхъ поръ помѣща-
лись въ корпусѣ Богоявленскаго монастыря, и оче-

Лѣстница Дворянскаго Собранія.

только въ Костромѣ, но и въ другихъ городахъ Костромской губерніи.

При губернаторѣ Кочетовѣ въ 1800 году начались уже нѣкоторыя изъ этихъ построекъ и изъ Петербурга слѣдовали запросы о высылкѣ отчетовъ—какія изъ построекъ начаты и продолжаются, какія начаты, но за неимѣніемъ средствъ приостановлены, какія намѣчены къ осуществленію и какія суммы потребуются въ будущемъ. Очевидно, въ столицѣ

видно дѣломъ первѣйшей необходимости являлось сооруженіе здѣсь именно зданій присутственныхъ мѣстъ.

Предположенъ былъ къ постройкѣ и губернаторскій домъ, а 16 іюля 1798 года по предписанію губернатора Островскаго — составлены были всѣ проэекты необходимыхъ сооружений и не

очень слѣдили и интересовались судьбой строительства въ провинціи.

По планамъ, сдѣланнымъ Метлинскимъ и построены были присутственные мѣста въ Кинешмѣ, Шлесѣ, (существующія до нынѣ и заброшенные за упраздненіемъ этого города) и въ Юрьевцѣ.

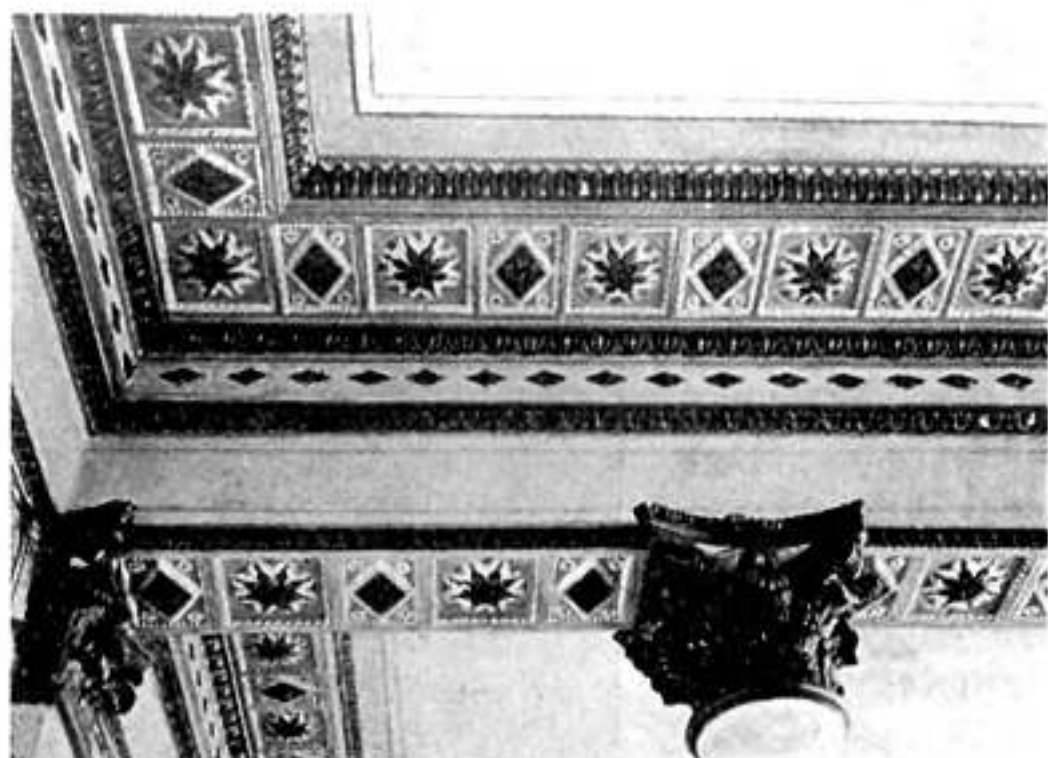
Спроектированъ былъ и вице-губернаторскій домъ(?). Всѣ проекты предварительно были представлены Губернаторомъ Кочетовымъ на благоусмотрѣніе Правительствующаго Сената (16 ноября 1799 года).

Постройка зданій присутственныхъ мѣстъ начата была только въ 1807 году, закончилась въ 1809 году, и обошлась въ 55.000 руб. ассигнаціями; построенныя въ 1787 году присутственные мѣста въ Кинешмѣ обошлись въ 60.000 рублей. Въ этомъ же году закончена была и постройка зданій въ Юрьевцѣ, обошедшаяся въ 26.000 рублей.

Однако въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія (по смерти

Деталь лѣстницы.

Деталь плафона малаго зала.

Метлина?)—найнены были въ планѣ построеннаго зданія присутственныхъ мѣсть и въкоторыя недостатки и по разсмотрѣннн Костромскимъ губернскимъ архитекторомъ Ласкимъ проекта перестройки Уткина (и Григорьева) въ 1831 году, онъ утверждается въ Петербургѣ архитекторомъ Р. Висconti и Ефимовымъ.

Къ счастью этотъ утвержденный проектъ перестройки, заключавшійся въ сломкѣ мѣшавшей сдѣлать удобный подъѣздъ колоннады портика—не былъ осуществленъ и мы можемъ любоваться до нынѣ прекраснымъ внушительнымъ фасадомъ зданія начала XIX столѣтiя. Въ 1833 году всѣ присутствен-

ныя мѣста были введены сюда вновь по случаю окончанія ремонта зданія. Перестройка коснулась зданія лишь со двора; очевидно, зданіе было построено первоначально не безъ недостатковъ въ планѣ, но исправленіе ихъ за счетъ колоннады фасада, являлось уже намѣреніемъ, предвѣщавшимъ близящееся паденіе вкусовъ.

Фасадъ зданія въ нынѣшнемъ видѣ представляетъ мощный фронтонъ, покоящійся на 4-хъ колоннахъ, поставленныхъ на столь высокіе пьедесталы, что въ нихъ устроены арки для прохода пѣшеходовъ, вверху въ полукругломъ вырѣзѣ тимпана, помѣщенъ орелъ съ Павловскимъ четырехчастнымъ гербомъ Костромы; красиво, расположенное внизу полуциркульное окно; вся композиція зданія полна внушительности; стѣны его хорошо (недавно) окрашены въ желтый и бѣлый колера.

Въ концѣ первой четверти XIX вѣка строительство Костромы начинаетъ принимать болѣе казенный характеръ. Духъ Екатерининскаго зодчества, которымъ былъ еще полонъ Гваренгіевъ фасадъ

Дверь большого зала
дома Дворянства.

Барельефъ памятника Сусанину.

присутственныхъ мѣсть (сочная колоннада, мощныя пропорціи)—уступаетъ мѣсто порѣ засушеннаго классицизма. Нѣмецъ-губернаторъ Карлъ Ивановичъ Баумгартенъ, избравъ себѣ архитекторомъ Фурсова (изъ нѣмцевъ?) ведетъ быстро, точно и строго дѣловито предложенныя къ осуществленію постройки. Но, къ счастью, въ Костромѣ этотъ пошибъ поздней «аракчеевщины» не далъ такихъ сухихъ результатовъ, какихъ можно было бы ожидать. Очевидно, талантъ зодчихъ еще превозмогалъ; традиціи ихъ были сильны, и архитекторы помнили еще завѣты своихъ учителей. Поэтому постройки ихъ еще художественны, пріятны въ пропорціяхъ и образцовы въ выполненіи.

Гаупт-вахта.

«Гауптвахта» въ Костромѣ едва ли не самая красивая изъ всѣхъ, существующихъ въ Россіи (послѣ

сломки Сиявинской въ Петербургѣ). Гауптвахта была построена распоряженіемъ губернатора Баумгартена, губернскимъ архитекторомъ Фурсовымъ, составившимъ 2 октября 1823 года проэктъ ея, и сопроводившимъ его любопытною помѣткою «по приказанію Вашего Превосходительства, сочиненный плацъ, фасады, профиль и смѣта на потребное количество разнаго названія матеріаловъ и работъ на построение вновь каменнаго зданія для помѣщенія въ немъ зданія гауптвахты, вмѣсто вѣтхой деревянной».

Но осуществленіе составленнаго проекта при устанавливающейся уже тогда волокитѣ (миновали времена Екатерининскаго подъема и размаха) и канцелярщинѣ — потребовалось нѣсколькихъ лѣтъ и лишь въ 1823 году начинается постройка, закончившаяся въ 1825 году. Стоимость зданій выразилась въ 29,370 рублѣхъ.

Любопытно, что самый проэктъ былъ разрѣшенъ, но съ условіемъ «отмѣнить лепную работу сверху аттика, ибо отъ сего въ красотѣ зданія не

Ворота дома Конвойной команды.

Чайная на Волжской набережной
(д. Викентьевой)

послѣдуетъ
измѣненія». Какимъ оче-
виднымъ яв-
ляется уже
это умень-
шеніе эсте-
тически
требованій
«Николаев-
щины» и «ка-
зенщины»!

Много ха-
рактернаго
выясняетъ и
дѣло о пост-

ройкѣ этой гауптвахты. На торги не явился никто, кромѣ кунца Клипинина. На устройство фонарей, троттуаровъ и столбовъ приходилось каждый разъ испрашивать незначительныя суммы (въ нѣсколько сотъ рублей) чрезъ канцелярію многихъ учреждений, что вызывало большую задержку. Новая «платформа» была устроена по Высочайше утвержденному образцу. Каждый столбъ, рисунокъ фонаря, барьера— все требовало или утвержденія начальствомъ или дѣлалось по неизбѣжному Высочайше подтвержденному образцу. Все проходило черезъ строжайшій контроль, но одновременно не исключало и возможности къ злоупотребленіямъ. Комната «Кригсъ-рехта», для полковника Карла фонъ-Толя была отдѣлана съ особымъ тщаніемъ. Далѣе, въ бумагахъ читаемъ: «на

Гостинница «Старый Дворъ» (до перестройки).

сдѣланіе будокъ и ремонта кордсгардин, состоящей при шлахтбаумѣ» ассигновано 27 руб. 28 коп.

Въ настоящемъ своемъ видѣ гауптвахта представляетъ одно изъ самыхъ красивыхъ зданій Костромы, украшающихъ ее не менѣе нежели иныя старыя церкви.

Порталъ изъ шести дорическихъ колоннъ, выдвинутый немного впередъ, защищаетъ нишу, украшенную по фризу пѣжной лѣпкой, прекраснаго рисунка и выполненія. По бокамъ ея на крыльяхъ фасада помѣщена тоже лѣпная арматура. Капители колоннъ напоминаютъ капители Павловскаго манежа въ Петербургѣ: онѣ съ узкими шейками, въ которыя проглядываютъ канцелюры, т. е. на колонну какъ бы

Деталь особняка.

сохранились. «Платье-форма» окружена полосатыми столбами и барьеромъ, тутъ-же будка, все это придаетъ общему виду, выдержанность, полную характерности для этой эпохи.

Пожарная каланча. Дѣла о постройкѣ каланчи утеряны. Отсутствие ихъ и въ архивѣ Губернскаго Правленія и въ архивѣ Городской Думы, гдѣ имъ надлежало бы быть, не дало мнѣ возможности установить точный годъ этой постройки, но видимо авторъ ея, тотъ же Фурсовъ,

надѣтъ футляръ. Арматуры на высокомъ парпетѣ и бѣтъ, отчего, конечно, фасадъ очень много проигрываетъ. По бокамъ зданія стоятъ на пьедесталахъ два фонаря, чуднойковки. Самыхъ фонарей и бѣтъ--ихъ не уберегли, но пьедесталы и кронштейны

которому въ 1823 году во всякомъ случаѣ, какъ это явствуетъ изъ сохранившихся бумагъ поручено было составить проэктъ каланчи, при томъ же губернаторѣ Карлѣ фонѣ - Баумгартенѣ, очень радѣвшемъ объ украшеніи города.

Уже въ 1824 году городское управленіе, черезъ казначейство взыскивало съ уѣздныхъ городовъ, положенные на нихъ по 1.000 рублей, на построеніе каланчи, и, очевидно, съ 1825 года началась постройка ея при городскомъ головѣ Петрѣ Дурьгинѣ.

Первоначально былъ построенъ лишь средній (въ теперешнемъ общемъ фасадѣ) корпусъ—т. е. квадратное въ планѣ зданіе, украшенное прелестнымъ портикомъ и съ надстроеннымъ на немъ барабаномъ, на которомъ возвышается каланча. Послѣдняя въ 80-хъ годахъ была испорчена измѣненіемъ вышки (каменный верхъ закрыть желѣзнымъ навѣсомъ). Съ боковъ пристроено было депо для пожарныхъ машинъ, значительно измѣнившее общую композицію зданія. (Сохранились проэктъ этой достройки). Но средній портикъ и стоящій на немъ четверугольный барабанъ съ переходомъ къ каланчѣ, отѣненной по угламъ нишами—очень красивы. Прелестны вѣнки съ развѣвающимися лентами около круглыхъ оконъ второго этажа фасада. Отлично выполнены всѣ детали, капители съ гирляндами и карнизы. Нѣкоторыми признаками зданіе производитъ скорѣе впечатлѣніе стиля Людовика XVI, нежели классицизма 30-хъ годовъ.

Въ этомъ отношеніи общій обликъ постройки

даетъ ошибочное представленіе о большей давности построенія каланчи по сравненію съ гауптвахтой.

Во время торжества открытія памятника Сусанину—«пожарная каланча и гауптвахта иллюминированы были строителемъ ихъ Фурсовымъ» рассказываетъ Вознесенскій. Надо пожелать, чтобы и теперь по поводу празднествъ во время пребыванія въ Костромѣ Государя также иллюминировали эти зданія, т. е. «спустя съ верху каланчи къ гауптвахтѣ и къ гостинному двору по гирляндѣ изъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ фонариковъ».

Домъ 6. Борцова. Изъ общественныхъ зданій надо отмѣтить еще находящійся на той же Сусанинской площади красивый съ высокой іонической колоннадою бывшій домъ генераль-лейтенанта Борцова, а впоследствии купца Первухина, у котораго онъ и былъ купленъ для помѣщенія въ немъ Окружного суда. Здѣсь останавливался Государь Николай Павловичъ въ 1839 году. Очевидно, построенный ранѣе на набережной—губернаторскій домъ пришелъ къ этому времени въ столь ветхое состояніе, что въ немъ не могъ уже остановиться Государь, и было приказано перевести въ него гимназію, а въ зданіи послѣдней устроить помѣщеніе для губернатора. Такъ это остается и по нынѣ. И въ обоихъ этихъ домахъ внутри сохранились красивыя чугунныя лѣстницы и нѣкоторыя старинныя детали.

Домъ Дворянства. Домъ дворянства, перестроенный въ 1839 году изъ купеческаго особняка Дурыгина, не очень привлекателенъ своимъ наружнымъ видомъ, но, войдя въ его вестибюль, обозрѣватель сразу можетъ почув-

ствовать, что красота отдѣлки его interior'овъ далеко не обычная.

Отдѣленная отъ входныхъ дверей двумя стѣнами изъ аркатуръ, лѣстница, поставлена на колонны. Прелестнаго рисунка чугунная рѣшетка ея раззолоченныхъ перилъ чередуется со столбами, на которыхъ изображены женскія головы. Наверху—Малый залъ и Екатерининскій, отдѣланные въ классикѣ, прекрасные своею общею композиціею и даже детализировкою. Очень тщательна и пѣжна обработка всѣхъ карнизовъ, капителей, кронштейновъ, но наибольшее впечатлѣніе производитъ большой залъ. Уже самая композиція его совершенно необычнаго типа. Два яруса Коринѣскихъ полу-колоннъ, идущихъ вдоль боковыхъ стѣнъ у торцовой стѣны, отходятъ отъ нея и образуютъ здѣсь ротонду—нишу. Пріятной пропорціи этихъ колоннадъ соотвѣтствуетъ вполне и деликатное выполненіе всѣхъ деталей, умѣщенныхъ между окнами перваго яруса и особенно распределенныхъ здѣсь гербовъ уѣздныхъ городовъ, прекрасной лѣпки; къ сожалѣнію въ большомъ залѣ всѣ люстры позднѣйшія и даже непріятныя, несоотвѣтствіемъ своего дешеваго выполненія съ хорошей архитектурою зала. Прекрасная чугунная рѣшетка и плиты лѣстницы и площадки, отливки бывшаго знаменитаго завода Шипова, въ свое время украсившаго многія зданія Костромы. Издѣлія его видны еще и въ Городской Думѣ (лѣстница площадки), и въ домѣ губернатора и въ гимназій и на полахъ многихъ церквей (въ ротондѣ собора). Еще лучше—рѣшетка, изготовленная этимъ же заводомъ, находится

*Чугунная
лѣстницы
и
рѣшетки.*

теперь на набережной Волги, противъ женской гимназій. Гирлянды вѣнковъ украшаютъ ажурный переносъ ея. Зимой эти черныя гирлянды выдѣляются прекрасно на фонѣ снѣга. *)

Памятникъ Ивану Сусанину. Но кромѣ отличныхъ чугунныхъ рѣшетокъ, половыхъ плитъ и фонарей съ богатѣйшими кронштейнами у зданія гауптвахты, въ Костромѣ есть значительно болѣе выдающійся памятникъ изъ металла (не мѣстнаго издѣлія),—памятникъ Ивану Сусанину, отлитый по проѣкту (1839 году) Демуть-Малиновскаго и освященный въ 1851 году.

Дѣло о постановкѣ памятника, украшающаго нынѣ Сусанинскую площадь и составляющаго на ней такой центръ отъ котораго расходятся всѣ улицы, и который окружаютъ всѣ лучшія постройки, начато еще собственно въ 1833 году. Композиція его и относится къ тому періоду творчества Демуть-Малиновскаго, когда онъ находился уже подъ вліяніемъ національныхъ тенденцій и въ творчествѣ своемъ не лишенъ былъ даже ложнаго паѳоса. Этимъ паѳосомъ дышетъ и фигура колѣнопреклоненнаго Сусанина, поставленнаго на черезмѣрно широкой и массивной, по отношенію къ тонкой и элегантной тосканской колоннѣ, пьедесталѣ. На колоннѣ вверху бюстъ царя, Михаила Ѳеодоровича въ шапкѣ Мономаха, изображеннаго отрокомъ. На пьедесталѣ надписи и барельефъ, представляющій убіеніе Сусанина поляками. Ис-

*) Очень жалко, что эта рѣшетка остается здѣсь никѣмъ не замѣчаемая. Ей—мѣсто у сквера, близъ памятника, гдѣ, кстати,—очень убогая ограда.

полненіе барельефа нѣсколько грубоватое и не лишено ложныхъ тенденцій въ выработкѣ костюмовъ и лицъ.

Вокругъ самаго памятника сохранилась прекрасная рѣшетка, украшенная арматурами изъ доспѣховъ и распластанными Николаевскими орлами. По угламъ, что особенно рѣдко, во всей сохранности, стоятъ четыре фонаря, современныхъ памятнику. Къ сожалѣнію, рѣшетка сквера недавно, и, кстати сказать, совершенно не нужно здѣсь устроеннаго,—очень плоха; сюда было-бы умѣстнѣе перенести рѣшетку, погибающую на Верхне-Набережной улицѣ.

Особняки когда-то зажиточныхъ Костромичей во *Особняки.* многихъ случаяхъ, не служатъ уже больше своимъ прежнимъ обитателямъ. Нѣкоторые изъ нихъ населены бѣднѣйшими жителями; такіе дома разбиты на мелкія квартиры или передѣланы и отданы на растерзаніе подъ разныя канцеляріи—другіе пустуютъ, третьи окончательно погублены занимающими ихъ трактирами, чайными,—или казармами и богадѣльнями. И очень немногія еще видятъ въ прекрасныхъ своихъ стѣнахъ, украшенныхъ богатыми лѣнными украшеніями, людей, ихъ достойныхъ. Но и послѣдніе цѣнятъ не всегда и не въ достаточной степени красоту своего имущества, и негодуютъ на то, что ихъ судьба не позволяетъ имъ, какъ менѣе богатымъ, перебраться, «туда,—въ Москву»!

И дѣйствительно, наиболѣе богатые купеческія фамиліи не живутъ теперь въ своихъ старинныхъ домикахъ, такихъ уютныхъ, такихъ теплыхъ, стройныхъ и украшенныхъ богатѣйшей отдѣлкою карни-

зовъ и монументальной красотою печей... Они гнушаются этими, не соответствующимъ современному комфорту, пропорціями оконъ, не любятъ этихъ узкихъ залъ, холодныхъ лѣстницъ, громоздкихъ кафельныхъ лежанокъ...

*Ванда-
лизмъ.*

И покрашены теперь клеевой краской чудныя старинныя обои: унизанныя какъ бисеромъ букетами цвѣтовъ, или отѣненныя ленточками, ручной акварельной работы; замазаны печи, равноцѣбныя лучшимъ памятникамъ своего времени и во многомъ превышающія послѣдніе. Старинныя Interieur'ы, достойныя изображенія ихъ на аквареляхъ нашихъ лучшихъ interieur'истовъ передѣланы теперь подъ пивныя, квасныя и булочныя; угловыя ротонды домовъ, украшенныя колоннами—залѣвлены; стройныя колоннады портиковъ, перерѣзаны вывѣсками, а нынѣ и совсѣмъ снесены, или такъ надстроены и перестроены, что—и не узнать былыхъ формъ!

Несмотря на это, въ Костромѣ есть еще очень много хорошихъ особняковъ, барскихъ, купеческихъ, мѣщанскихъ; много и простыхъ, но милыхъ, деревянныхъ домиковъ, принадлежащихъ мелкимъ чиновникамъ или лавочникамъ.

Многіе изъ Костромскихъ особняковъ полны образцовой красоты выполненія, хорошихъ пропорцій. Нѣкоторые любопытны оригинальными приѣмами своего плана и, наконецъ, есть курьезныя смѣшеніемъ стилей или излишнимъ использованіемъ ихъ; послѣдніе представляютъ забавныя комбинаціи формъ, и странныя нагроможденія орнаментовъ.

Наконецъ, есть такія детали построекъ, которыя

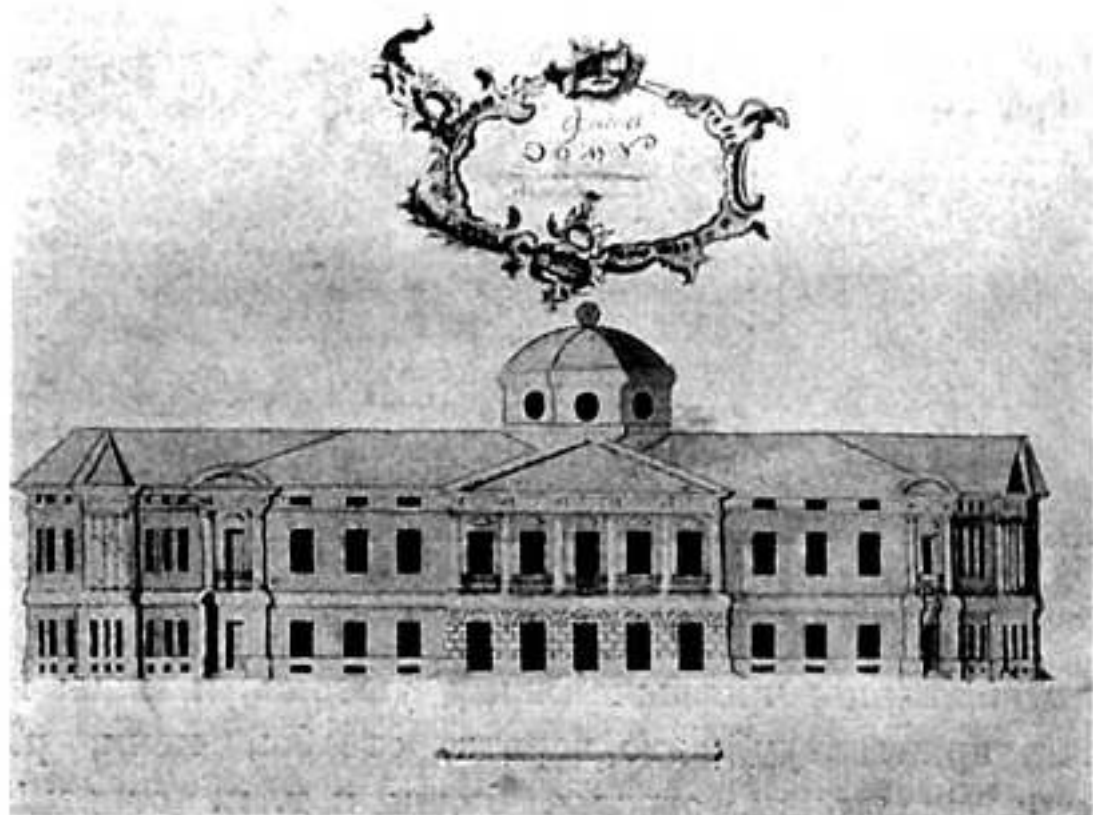
Проектъ дома Дворянства въ Костромѣ.

примѣчательны чрезвычайнымъ уютомъ, и милы по своей архитектурѣ: это ворота, столбы, печи, рѣшетки, калиточки, ограды, будки и т. п. строения, уже давно исчезнувшія въ столицахъ, но дожившія до насъ случайно лишь въ такой глухой и обаятельной «провинціи»,—какою является Кострома.

Нашъ обзоръ будетъ неполнымъ, если мы не коснемся хотя бы упоминаніемъ и этихъ, конечно, не образцовыхъ, но столь случайно, по нашимъ временамъ, уцѣлѣвшихъ сооружений и ихъ деталей.

Изъ наиболѣе раннихъ домовъ-особняковъ богатыхъ купцовъ надо упомянуть о домѣ Мичуриной (нынѣ Акцизное Управление) на Павловской улицѣ. Двухъ-этажный, прекрасно скомпонованный, раздѣленный пилястрами, фасадъ дома украшенъ прелестными гирляндами, типичными для Екатерининскаго классицизма. Пропорція оконъ выискана съ большимъ чувствомъ и, въ сущности, совсѣмъ простой композиціи отдѣлка дома, придаетъ ему однако много

*Домъ
б. Мичу-
риной.*

Проектъ д. Дворянства въ Костромѣ.

красиваго рельефа и архитектурной внушительности т. е. много «тѣла», а это какъ разъ тѣ данныя, отсутствіемъ которыхъ, такъ страдаетъ современное зодчество. Рядомъ съ нимъ стоящей (на другомъ углу Павловской и Златоустовской улицъ) домъ Солодовниковой, отданъ теперь также подъ «Управленіе» (Межевое). Нынѣшніе владѣтели довольствуются лишь частью нижняго этажа, передѣлавъ остальную подъ водолечебницу, устройство которой вызвало сломку (въ первомъ этажѣ) старинныхъ чудныхъ печей, для установки новыхъ, специальныхъ. На фасадѣ этого дома Солодовникова середина вызвана пилястрами, проходящими черезъ оба этажа; между ними поверху положены необычайно просто, но элегантно, большіе розасы.

Домъ Солодовниковой.

На Павловской же улицѣ помещается и Театръ. Теперешняя архитектура его не представляетъ ничего выдающагося; лишь по нѣкоторымъ признакамъ можно догадываться о его прежнихъ формахъ *): въ

Домъ Акатова на Русиной улицѣ.

фойэ видны и до-нынѣ колонны съ любопытными арками, уснащенными висячими замками, а въ зрительномъ залѣ барьеры ложъ украшены прекраснымъ орнаментомъ изъ переплетающихся лентъ и гирляндъ цвѣтовъ. Вызванная бѣлой окраской, хотя бы на томъ же свѣтло-зеленомъ фонѣ, орнаментація эта была бы еще красивѣе. Она несомнѣнно давняя, такъ какъ рисунокъ ея отличный.

На набережной у Волги есть еще два дома того же

*Особняки
на набережной
Волги.*

*) См. Альбомъ 1855 года, въ собраніи Костромской ученой Архивной Комиссіи.

Домъ Соборнаго причта.

ромъ такія же, стilia Людовика XVI, вѣнки, какъ и на домѣ б. Мичуриной.

На этой же Нижней Набережной улицѣ есть еще красивые дома Крупнова (Шигорина?) съ любопытными деталями въ видѣ вѣнковъ, съ отходящими отъ нихъ орнаментальными лирами и очень красиво взятыми пропорціями этажей и боковыхъ частей дома. Во дворѣ любопытны старинные амбары съ колоннами, идущіе въ глубину двора отъ воротъ.

Ко времени этого же ранняго классицизма надо отнести домъ Акатова на углу Русинной и Борисоглѣбскаго переулка съ столь характернымъ для Костромы полукружіемъ, украшеннымъ колоннадой. Всѣ детали этого дома своеобразно выкрашены въ черный цвѣтъ.

*Домъ
Пріюта.*

Еще красивѣе подобное же полукружіе дома Дѣтскаго пріюта на углу Мшанской улицы (Московской) и Пятницкаго переулка. Здѣсь строже стиль, междуколонныя разстоянія выисканы еще лучше, капители выѣвлены еще эlegantнѣе.

Екатерининскаго времени. Это—домъ Мыльниковъ, украшенный прекрасными деталями квадратами и орнаментами, стilia Людовика XVI, домъ Третьяковыхъ на кото-

Домъ Акатовыхъ
(на Мшанской улицѣ)

Больше, но не столь стройно полукружіе дома Соборнаго причта, на углу Набережной и Ильинской улицъ (у пристани) и еще менѣе стройно одно полукружіе дома «Стараго двора» — гостиницы, недавно перестроенной, но въ угловой своей части сохранившей всѣ прежнія пропорціи и детали.

Длиныя, узкія полукруглыя окна, и наличники *«Старый Дворъ»*. ихъ, перехваченные замками съ орнаментомъ, да высокій парапетъ вотъ и все, что вноситъ въ этотъ домъ отличіе отъ другихъ подобныхъ ему въ Костромѣ. Конечно, «Старый Дворъ» менѣе интересенъ, нежели домъ Акатова или даже Приютскій.

Значительно красивѣе и своеобразнѣе по силѣ своего выраженія два дома на Мшанской улицѣ.

Одинъ — тоже Акатова, — небольшой, украшенный *Домъ Ака-* колоннами, образующими между капителями свѣ- *това на* телочку, а между пьедесталами своими подваль- *Мшанской* ный этажъ. Оконца послѣдняго, затиснутыя этими *улицѣ*. базами, ушедшія почти въ землю, даютъ много настроенія: кажется, что вотъ въ такомъ, именно, домикѣ могли жить тѣ «три сестры» Чехова, которыя

Домъ Богоявленской
(на Мшанской улицѣ)

такъ стремились «въ Москву». Весь домикъ, съ балкономъ отъ него отходящимъ, съ вѣтвями дерева, свѣшивающимися надъ нимъ, съ старенькой калиточкою и мерт-

венно блѣдною окраскою, ночью, освѣщенный яркимъ, бѣлымъ электрическимъ свѣтомъ, когда вокругъ—зелена искрящагося свѣга и лишь черныя окна глядятъ какъ глазныя впадины черепа—производитъ потрясающее впечатлѣніе, которое еще болѣе увеличивается, когда въ окнѣ мелькнетъ сквозь кружевную занавѣску пламя заженной лампы, или за стекломъ, покрытымъ фантастическимъ узоромъ инея, пройдетъ грустная и одинокая фигура...

Домъ Богоявленской.

Не менѣе потрясаетъ, жуткостью своего настроенія, домикъ Богоявленской на той же улицѣ. Весь фасадъ его не производитъ даже особеннаго впечатлѣнія. Лишь четыре колонки разнообразятъ плоское тѣло домика и даютъ ему пріятныя члененія. Но когда Вы увидите за балюстрадою изъ старинныхъ балясинъ, въ цокольномъ этажѣ, ушедшемъ въ землю на три аршина и отдѣленномъ этой стѣнкой съ

балюстрадой отъ троттуара—окна и живущихъ тамъ, тоже за кружевными занавѣсками, людей, а на окнѣ пестрыя игрушки и горшечки съ геранью и геліотропомъ — вы остановитесь невольно и заглянете въ эти оконца и призадумаетесь надъ судьбою этихъ людей. Мечта отнесетъ васъ далеко, далеко отъ нихъ въ шумную столицу, къ ярко освѣщеннымъ магазиннымъ окнамъ, къ блеску вестибюлей и бельэтажныхъ залъ парадныхъ улицъ—и даже, занесенныя снѣгомъ жалкія избушки какой-нибудь деревни, пронесшейся въ окнѣ желѣзнодорожнаго вагона, не производятъ на васъ такого впечатлѣнія, какъ эта пародія на комфортъ, какъ это стремленіе не отстать отъ культуры въ условіяхъ захолустной жизни...

На Русиной улицѣ домъ Королева—полная противоположность двумъ описаннымъ; здѣсь запечатлѣна вся важность купеческаго благополучія. Даже цокольный этажъ дома поднять высоко надъ троттуаромъ, а окна бельэтажа кажутся на высотѣ третьяго. Богатѣйшей обработкѣ оконъ орнаментами, ложно-готическаго характера, и особенно стрѣльчатыми розасами, соотвѣтствуютъ и массивныя вы-

Домъ Королева
(на Русиной улицѣ)

На Русиной улицѣ домъ Королева—полная про-

*Домъ
Королева.*

Домъ близъ Московской заставы.

сокія ворота по бокамъ дома. Далѣе, по краямъ, два флигеля. Все полно благополучія и сытости. Во дворѣ, — амбары, набитые всякою живностью, запертыя на крѣпкіе замки желѣзныя двери...

Прочіе дома и особняки. Нѣсколько не плохихъ домиковъ разбросано и по другимъ улицамъ Костромы. На Вознесенскомъ переулкѣ маленькій домъ Дѣтскаго убѣжища имени Акатова съ полуциркульнымъ окномъ во весь фасадъ, украшенный по краямъ двумя іоническими колоннами; на Заводской улицѣ три дома, расположенные недалеко другъ отъ друга, всѣ мрачные, съ высокими старинными крышами, окруженные сибирскими, съ широкими верхушками, елями и съ неизмѣнною стаей воронъ, черною тучею срывающихся съ голыхъ, высохшихъ вѣтокъ тополей и лиць; это

дома: Инвалиднаго убѣжища поручика Минина, Мощева и Богдѣльни Акатова, на углу Сергѣевской улицы; на этой же улицѣ домъ Конвойной команды съ хорошими воротами; на Лавровской улицѣ домъ Бѣляева съ колоннадой перваго этажа.

Домъ Солодовниковой.
(на Нижне-Набережной ул.)

На улицѣ, ведущей отъ плаца къ Волгѣ (по правой сторонѣ) два интересные дома, похожіе нѣсколько другъ на друга. Одинъ съ розасами между пилястръ, другой (домъ Викентьевой, чайная Кудряшова), ближе къ Московской заставѣ на углу Верхне-Набережной. Послѣдній особенно интересенъ скульптурными, тонкой работы, вставками между оконъ и любопытенъ третьимъ этажемъ, вдвинутымъ въ фризъ между раскрѣповками антаблементна.

На Верхне-Набережной улицѣ любопытенъ домъ

Домъ Сунгурова на Русиной улицѣ.

Солодовниковой съ жуткимъ балкономъ (красива рѣшетка на желѣзныхъ крошфейнахъ) и мощной колоннадой портика.

Къ домамъ интереснымъ по обработкѣ или украшеніями нельзя не отнести еще домъ № 44 (Новой Мануфактуры) на Мшанской улицѣ, съ угломъ, убранымъ пилястриками, домъ Сунгурова на Русиной улицѣ (библіотека) съ хорошо обработанными боковыми частями и, помѣщенными въ нихъ, входными дверями. Налѣпленные во второмъ этажѣ его детали портятъ строгость вида; хорошъ и домъ Кузнецова на Никитской улицѣ.

Деревянный «ампиръ». «Деревянный ампиръ» представленъ въ Костромѣ тоже любопытными образцами. Домъ Городского училища на Покровской улицѣ одноэтажный, съ

Домъ Солодовниковой (Межевое Управление)
(на Павловской улицѣ).

прекрасной пропорціональной колоннадой и мощнымъ портикомъ, домъ Ширскаго на Русиной улицѣ, съ серединой фасада, отгѣненной поставленными по краямъ его двумя пилястрами и узорчатыми изъ дерева рѣзан-

Домъ Янцевой
(розовый «ампирный» домикъ)

Домъ училища слѣпыхъ.

ными ампириными деталями, помѣщенными въ полукружіяхъ надъ окнами перваго этажа, домъ Скалозубова на Мшанской улицѣ, въ саду, съ любопытными балконами, домъ Архангельскаго на Сѣнной площади, съ хорошими ампириными наличниками оконъ перваго этажа и любопытными антресолями,

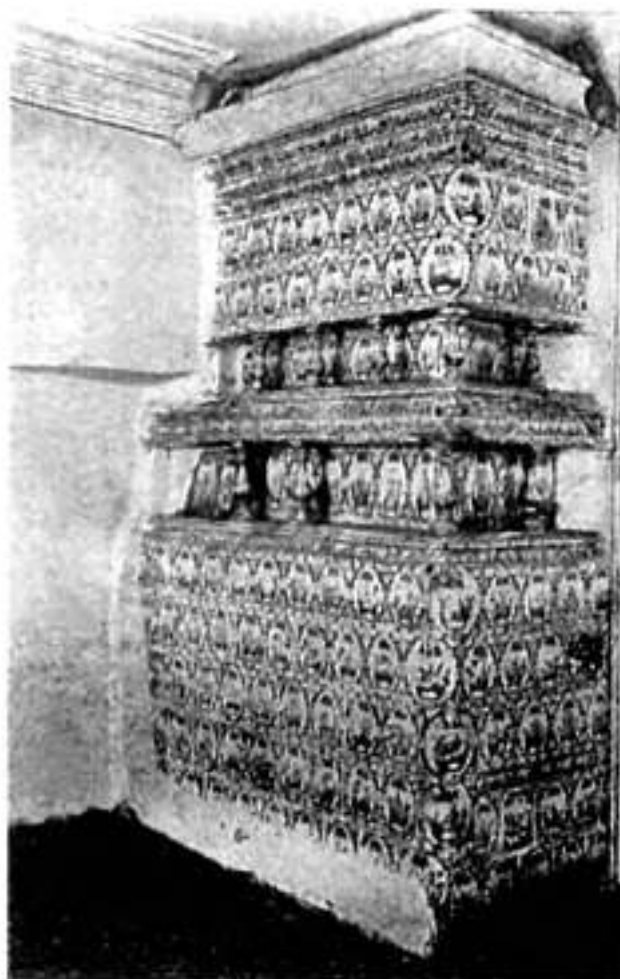

Домъ Сергіевскаго причта.

Московская застава
(до ея застройки магазинами
въ 1913 году).

и домъ причта Сергіевской улицы близъ Сергіев-*«Провин-*
ской церкви. Къ числу характерныхъ, курьезныхъ *циализ-*
оригинальстью и «провинціализмомъ» своей архитек- *мы».*
туры, надо отнести одинъ домикъ — какъ сказоч-
ная избушка, какъ пирогъ именинный или какъ пря-
никъ росписной архангельскій—покрытый орнамен-
тикою! Онъ находится въ фабричномъ районѣ. Тутъ
набѣлены и вѣнки и орнаменты и розасы и всѣ

Печь въ домѣ б. Мичуриной.
(нынѣ казармы)

Дворянскаго Собранія, украшенные львами, положенными на пьедесталы. Подобныя же ворота въ Борисоглѣбскомъ переулкѣ близъ Всѣхсвятской церкви.

Московская застава. Но изъ всѣхъ воротъ Костромы наибольшей интересъ представлялиobeliski, Московской заставы. *)

*) Осенью 1912 года эту послѣднюю изъ сохранившихся заставъ (Ярославскую—въ концѣ Павловской улицы,

детали стиля Людовика XVI и ампира, и faux-gothique'a; также курьезны наличники фасада близъ дома Солодовниковой на Верхне-Набережной улицѣ, положенные на розовый гладкій фонъ стѣнъ, обрамленныхъ рустовкою. Изъ отдѣльныхъ небольшихъ строеній—хороши ворота дома Аристовъ, Скрипина, дома Женскаго Городскаго училища на Никитской улицѣ почтоваго дома (съ орлами и почтовой арматурой), ворота Богоотцовской церкви,

Прекрасные пирамидальные столбы, увѣнчанные орлами развѣвающимися гордо свои крылья, подходили къ стѣнѣ помощью смѣлыхъ арокъ, расчлененныхъ на части. Пропорціи всей композиціи были очень хорошо выисканы, строги и только состояніе памятника, первымъ встрѣчавшаго Императоровъ и Высочайшихъ

Деталь печи въ домѣ Мичуриной
(нынѣ казармы)

особь—взывало къ необходимости ремонта.

Обелиски были, вѣроятно, построены не къ прїѣзду Николая Павловича (судя по характеру орловъ), но

снесли уже давно) за ненадобностью, испортили застройкою лавченокъ, ужаснаго „кирпичнаго“ стиля. Вандализмъ сдѣланъ въ стремленіи увеличить доходность этого мѣста, дающаго теперь уже 1,600 рублей въ годъ.

Печь въ д. б. Мичуриной.
(нынѣ казармы)

не могли быть поставлены и позже (къ приѣзду Александра II)—ибо архитектурная концепція ихъ слишкомъ была бы хороша для этого, знаменующаго собой уже упадочность въ архитектурѣ, времени. Вѣрнѣе они воздвигнуты еще къ ожидавшемуся приѣзду Александра Павловича.

Но какъ бы то ни было, памятникъ почти

погибъ и теперь жалкое впечатлѣніе производятъ затиснутые среди новоотстроенныхъ мелочныхъ (доходныхъ?) лавченокъ обмазанные бетономъ, обелиски.

Печи.

Во многихъ изъ описанныхъ выше домовъ есть прекрасныя печи.

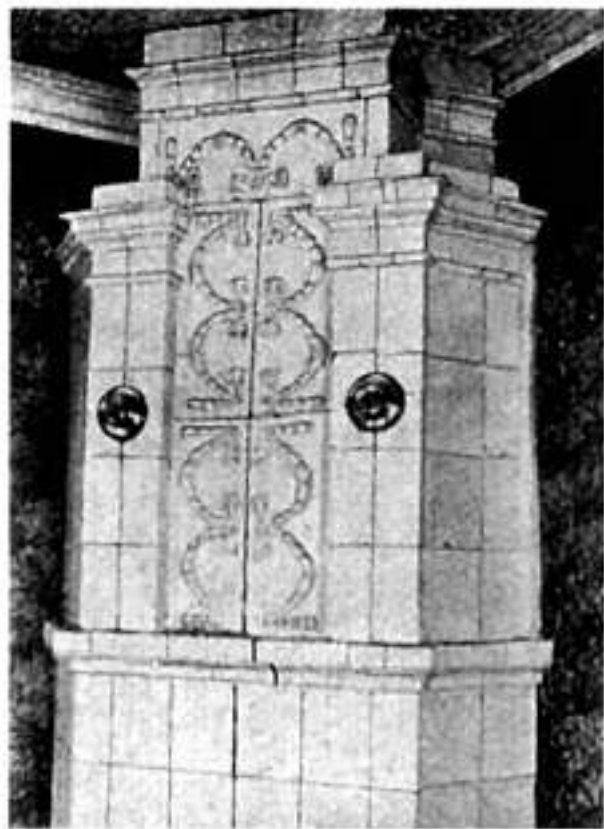
Въ домѣ, принадлежавшемъ Мичуриной (нынѣ—казармы) есть печи, половины XVII вѣка, изъ кафлей

изображающихъ разные сюжеты и съ колонками надъ лежанкой.

Тамъ же восхитительная печь въ стилѣ «ампиръ» въ видѣ пьедестала, на которомъ поставлена ваза.

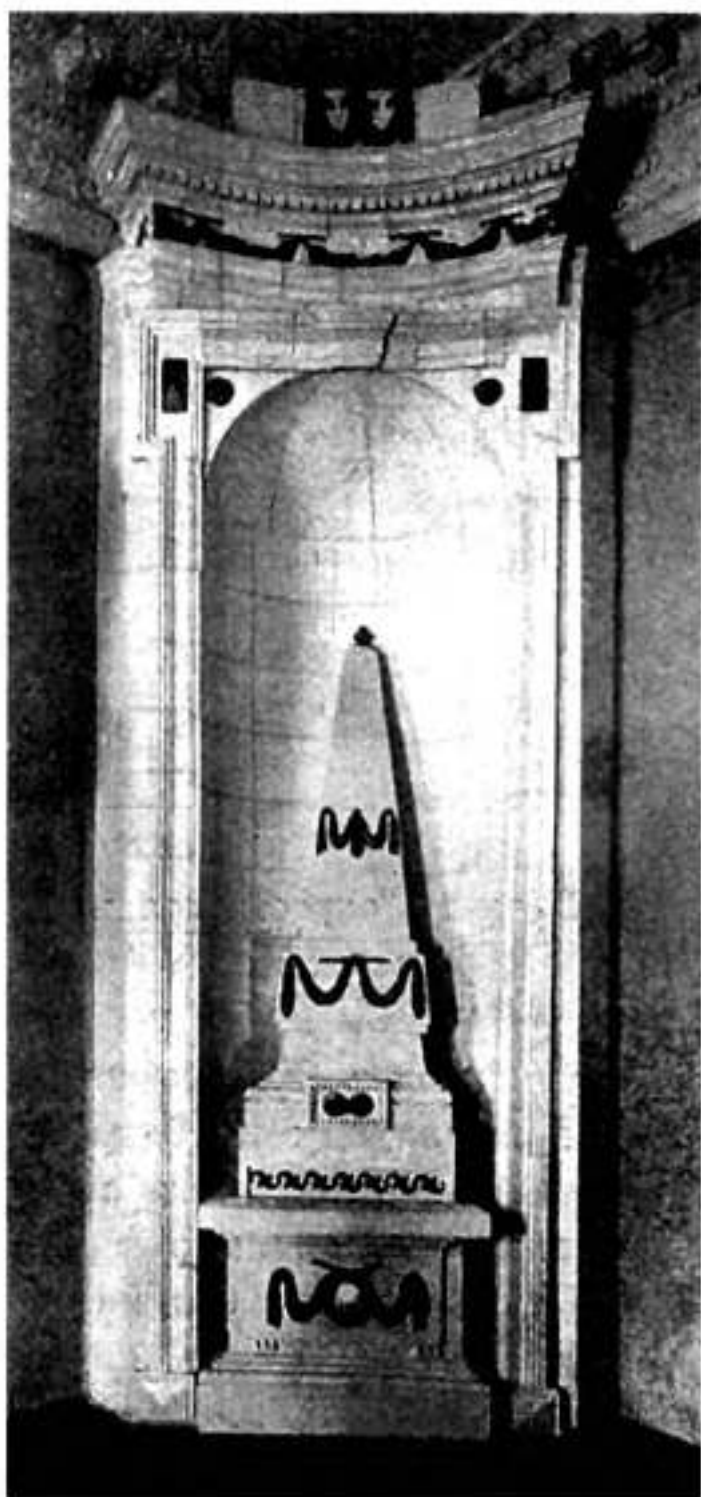
Но еще лучше печи ея же бывшего дома (нынѣ, Акцизнаго Управленія) — во второмъ этажѣ, — здѣсь, въ угловомъ кабинетѣ (осмотрѣть любезно разрѣшаютъ, и этимъ слѣдуетъ безусловно воспользоваться (замѣ-

Печь въ окрестностяхъ
Костромы

чательная печь въ видѣ обелиска изъ бѣлыхъ кафелей, украшенныхъ зелеными гирляндами и вѣнками. Пирамида стоитъ на пьедесталѣ, украшенномъ гирляндами. Вся композиція печи удивительно мощная своею архитектурою; двѣ печи въ большомъ залѣ иного типа. Онѣ гладкія. Лишь карнизъ и цоколь придаютъ рельефъ и игру композиціи. Но зато печи росписаны (на каждой кафлѣ части общаго рисунка) орнаментомъ лилово-синяго цвѣта, изображающимъ занавѣски вѣнки и гирлянды.

Не менѣе интересны и печи дома Солодовниковой. Здѣсь одна угловая печь изображаетъ колонну, па

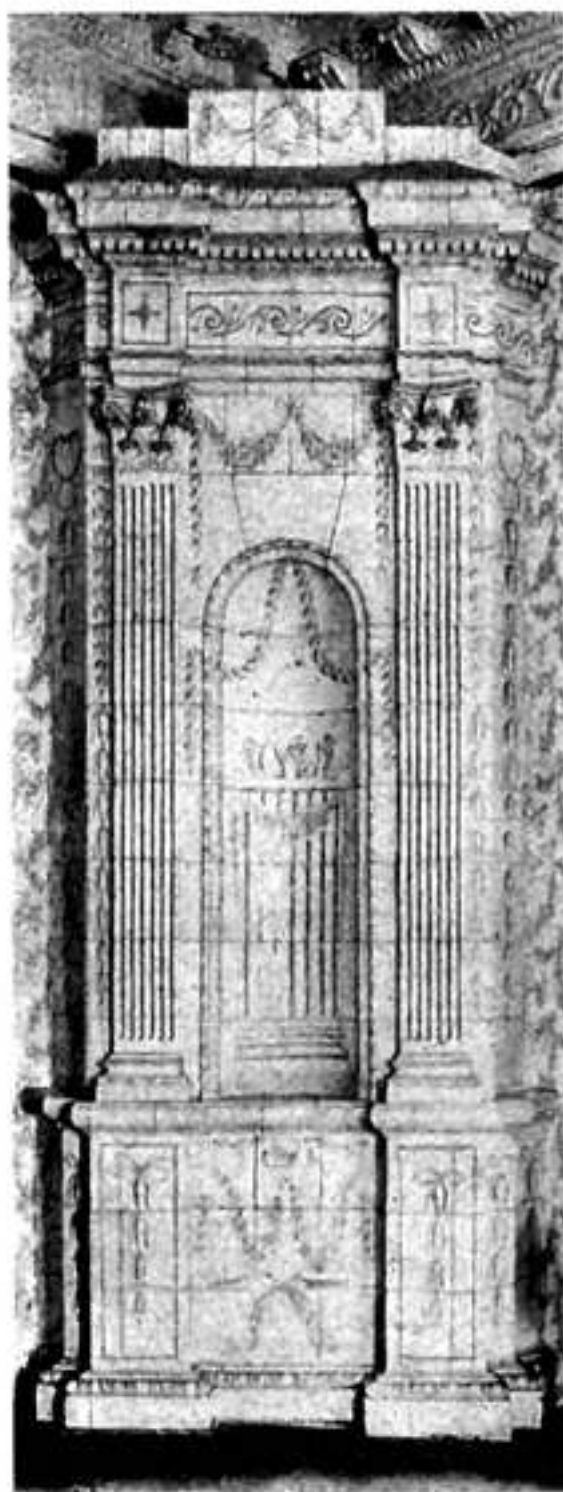
Печь въ домѣ б. Мичуриной
(на Павловской улицѣ)

которую поставлена маленькая ваза, а самый стержень ее убранъ гирляндами чудесно выполненныхъ розъ. Печи другихъ комнатъ изображаютъ росписанные, въ лиловомъ тонѣ, орнаментальные узоры (рога изобилія).

Несомнѣнно, что еще во многихъ домикахъ Костромы, можно найти и печи и иные детали, очень красивыя и съ рѣдкою любовью выполненныя. Но кто о нихъ знаетъ, и кто ихъ цѣнитъ? Къ описанному меня привелъ лишь случай. Ни старожилы, ни историки мѣстной старины, ихъ не знали. Скоро уничтожатъ, вѣроятно, и эти печи.

А мѣсто имъ хотя бы въ музеѣ барона Штиглица! Красива оригинальностью своею и дверь въ ресторанъ «Кострома». Полукружіе разграфленное цвѣтными стеклышками такъ подошло бы для декораціи въ какой-либо пьесѣ Гоголя или даже Грибоѣдова!

Изъ надгробныхъ памятниковъ ранняго времени, выдающееся значеніе представляютъ, конечно, всѣ гробницы Богоявленскаго монастыря. Историческая подлинность, знаменитость лицъ, надъ прахомъ которыхъ они поставлены, наконецъ, подчасъ графическая цѣнность надписей и узоровъ, представляетъ, конечно не малый интересъ. Но съ точки зрѣнія насъ занимающей, гробницы эти имѣютъ меньшее значеніе, хотя посѣтившій ихъ послѣ обзора цѣнностей

Печь въ домѣ б. Мичуриной
(на Павловской улицѣ)

Печь въ домѣ
Солодовниковой,
(на Павловской улицѣ)

Богоявленскаго собора, потеряетъ на этотъ осмотръ не много времени.

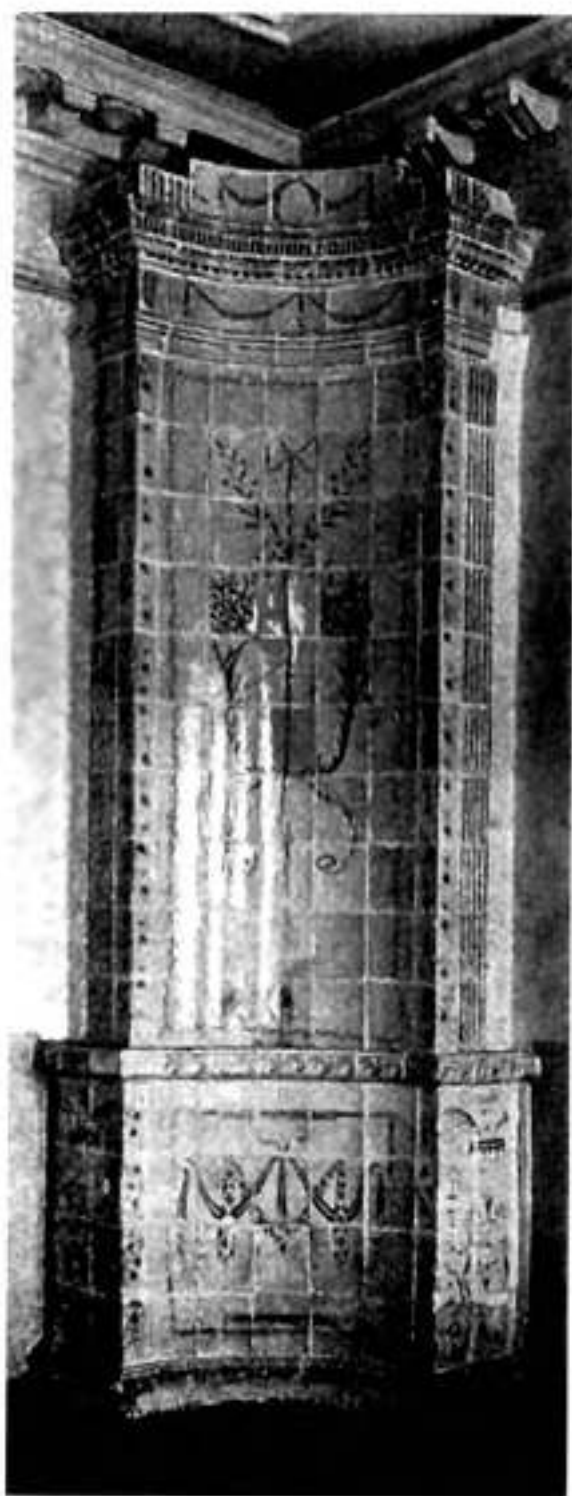
Изъ гробницъ Ипатьевского монастыря, мало сохранившихся въ цѣлости и въ прежнемъ своемъ обликѣ, лучшія—совсѣмъ простые, гладкіе параллелепипеды, на которыхъ положены гробницы, къ сожалѣнію безъ украшавшихъ ихъ серебряныхъ орнаментовъ, содранныхъ «на украшеніе иконостасовъ и иконъ»... Къ постройкамъ начала XIX столѣтія, имѣющимъ художественное значеніе, необходимо присовокупить и надгробные памятники, плиты и гробницы въ церквахъ. Къ послѣднимъ относится особенно красивая гробница въ подвалѣ церкви на бывшемъ Монастырскомъ кладбищѣ. Богатая обработка скульптурной работы, необычная композиція, застав-

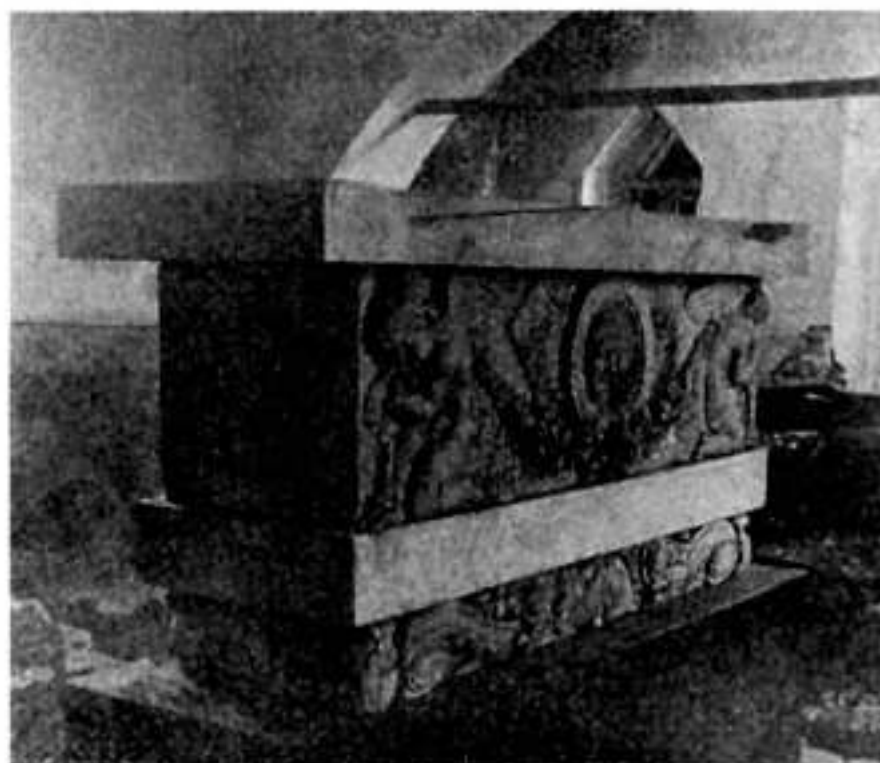
ляетъ предположить, что мастеръ ея былъ, если не выдающійся, то первоклассный. На гробницѣ изображены во фризѣ постамента по краямъ два ангела съ факелами, держащіе гирлянды розъ, сходящихся по серединѣ у медальона съ изображеніемъ Спасителя. Прелесть экспрессіи, ласковыя лица ангеловъ, кроткій ликъ Спасителя, чудесное выполненіе цвѣтовъ и всѣхъ деталей, указываетъ на раннюю эпоху скульптурнаго мастерства.

Надгробными памятниками особенно богато кладбище Лазаревское и Крестовоздвиженское, хотя нѣсколько хорошихъ образцовъ есть и на Платіевскомъ кладбищѣ.

Въ большинствѣ случаевъ это колонны (гладкія или канеллированныя) обелиски, увѣнчанныя шарами или пирами-

Печь въ домѣ
Солодовниковой
(на Павловской улицѣ)

Гробница въ церкви Лазаревскаго кладбища.

дальные съ высѣченными на ихъ боковыхъ стѣнахъ эмблемами смерти и иными символами, напоминающими о бренности земного существованія... Есть два-три памятника и въ видѣ фигуръ, не лишенныхъ пафоса или иной экспрессіи; ничего выдающагося, однако, въ художественномъ смыслѣ, они не представляютъ.

Гробницы, памятники. Тѣмъ не менѣе разсмотрѣніе этихъ остатковъ скульптурнаго творчества эпохи расцвѣта ваянія (т. е. конца XVIII и начала XIX вѣковъ) съ архитектурной точки зрѣнія можетъ оказаться несомнѣнно и значительно болѣе выгоднымъ для этихъ памятниковъ, обелисковъ и плитъ.

Представляя собою въ большинствѣ случаевъ примѣры прекрасно выисканнаго силуэта, — надгробныя

творчества, какими простыми средствами достигались не разъ тѣ благородные эффекты и пріятныя формы, красоту которыхъ мы понемногу лишь теперь начинаемъ сознать.

Ученый генеалогъ найдетъ для себя здѣсь еще больше матеріала, нежели изслѣдователь художественныхъ произведеній. На кладбищахъ Ипатіевскаго монастыря, Крестовоздвиженскомъ и Лазаревскомъ похоронены были не только члены многихъ славныхъ княжескихъ родовъ, какъ: Мстиславскихъ, Лобаново-Ростовскихъ, Куракиныхъ и другихъ—причемъ даже если извѣстность или древнее происхожденіе иныхъ были и не столь велики, какъ доблести и звучность фамиліи Салтыковыхъ, похороненныхъ въ Богоявленскомъ монастырѣ, то художественное достоинство монументовъ какихъ-либо, кому извѣстныхъ нынѣ?—дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ Ашишковыхъ (1793), коллежскихъ регистраторовъ, надворныхъ совѣтниковъ и «кавалеровъ» разныхъ орденовъ—значительно большее.

Однако многіе изъ этихъ *Chef d'oeuvr'овъ* скульптуры находятся теперь въ очень плачевномъ со-

Надгробный памятникъ.

стояниі. Лишенные ухода, забытые потомками, заросшіе кустарникомъ шиповника, накренившіеся на бокъ и даже совсѣмъ упавшіе въ изумрудную сочную зелень травы, памятники эти приближаются быстро къ полному разрушенію, стремясь слиться съ землею, которая похоронила тѣхъ, имена которыхъ они поставлены были увѣковѣчивать.

Монументы не переживаютъ тѣхъ въ честь кого они поставлены; но они не только должны бы были служить тому, чтобы не допускать такого забвенія, но и сами заслуживали бы сохраненія. Ученые генеалоги, любители художествъ, историки искусствъ должны поспѣшить и сюда для того, чтобы совмѣстнымъ трудомъ какъ-нибудь предотвратить гибель и этихъ памятниковъ старины. Быть можетъ на кладбищахъ многочисленныхъ провинціальныхъ городовъ Россіи такихъ не мало, но не забудемъ, что въ Костромѣ эпоха классицизма проявила себя особенно богато, оставивъ здѣсь въ назиданіе потомству прекрасные памятники зодчества, а потому не естественно ли будетъ и въ этихъ монументахъ предположить повинною руку лучшаго мастера своего времени?

Изображенія св. Параскевы-Пятницы
(изъ собранія Музея)

VI. РОМАНОВСКІЙ МУЗЕЙ.

Обзоръ памятниковъ художественной старины будетъ не полнымъ если въ него не ввести описанія тѣхъ, которые находятся въ собраніи мѣстной Ученой Архивной Комиссіи (находившемся до 1912 года въ залахъ перваго этажа дома Дворянства) и составляющемъ ея Музей и собраніе Романовскаго отдѣла этого музея.

Съ 1913 года всѣ эти коллекціи переносятся въ специально построенное и освященное (3-го января

1913 года) здание, находящееся, рядомъ съ домомъ Дворянства на Павловской улицѣ, выстроенное въ quasi—русскомъ стилѣ, съ огромнымъ балкономъ, покоящимся на массивныхъ столбахъ и съ тяжелыми шатрами, украшающими середину и боковыя, слишкомъ узкія, крылья зданія. Обширные залы музея вмѣщаютъ въ себѣ теперь свободно всѣ эти предметы, пополняемые усердіемъ членовъ комиссіи, и, особенно, хранителемъ музея. И. А. Рязановскимъ. Въ музеѣ при обзорѣ памятниковъ старины и, вообще, предметовъ, имѣющихъ художественное значеніе, особенное вниманіе слѣдуетъ остановить на предметахъ церковной старины, составляющихъ, конечно, главную цѣнность собранія *).

Предметы резьбы изъ дерева. Иконы:

Параскевы Пятницы, XVI вѣка, представляющая фигуру святой въ одеждѣ, росписанной не масляными красками, а temper'ой; икона той же святой—XVIII вѣка въ нишѣ кіота, съ вѣнчающими ее короною и двумя ангелами парящими надъ нею; въ композиціи есть черты украинскаго барокко; таже святая, болѣе ранней эпохи (XVII вѣка). Глава Іоанна Крестителя (XVII вѣка?) на блюдѣ, очень красива по своей экспрессіи. Композиція «Страшный

*) Музей богатъ и предметами имѣющими иной интересъ, напримѣръ, археологическій; такъ, обширны коллекціи доисторическихъ предметовъ, но въ нашу программу разсмотрѣніе подобныхъ не входитъ.

Судъ», замѣчательна выполненіемъ въ рѣзбѣ изъ дерева.

Фигуры ангеловъ XVII—XVIII вѣковъ также рѣзныя изъ дерева. Очень интересны: деревянное изображеніе Спасителя, сидящаго въ темницѣ и рѣзной иконостасъ XVII—XVIII вѣковъ. Есть прелестные экземпляры царскихъ вратъ XVI—XVII в., особенно хороши части—колонки, увитыя виноградными гроздьями и всѣ, своеобразно расцвѣченныя царскія врата XVII вѣка. Есть отличный образецъ царскихъ вратъ въ стилѣ Людовика XVI! Хороши деревянные подсвѣчники XVIII вѣка. Рѣзной кіотъ: верхъ барокко, и полонъ католическаго вліянія въ группировкѣ фигуръ, а низъ—русскій подлинникъ—здѣсь изображены православные священники.

Красива рѣзная люстра Empire (усадебнаго типа).

Изъ предметовъ желѣзнойковки отмѣтимъ прекрасный процессіональный фонарь XVII вѣка, паникадила (XVIII в.), лампы и фонари. Любопытны и вѣнцы (свадебные) XVIII вѣка съ финифтью.

Изъ живописныхъ образовъ отмѣтимъ икону Св. Христофора съ собачьей головой XVII вѣка (реставрированную), икону Господа Вседержителя, удивительной композиціи; икону Гурія (XVII в.), Ирины (XVII в.) Николы Можайскаго (очень ветхая), икону Саломеи (фрескового типа), и Спаса (Новгородскаго типа)—подражаніе древнему письму.

Есть прелестная икона, шитая жемчугомъ, XVII—XVIII вѣковъ. Прекрасны образцы кружевъ, особенно

интересенъ кусокъ, изображающій коляску, съ ъдущими на ней дамами.

Въ собраніи много предметовъ, представляющихъ художественно-этнографическій интересъ. Коллекція черемисскихъ костюмовъ, единственная въ своемъ родѣ.

Много музыкальныхъ инструментовъ, изъ собранія Виноградова; много образцовъ шитья времени царя Алексѣя Михайловича и другихъ эпохъ. Очень красивъ вырѣзанный изъ бересты портретъ Голенищева-Кутузова и предметы, плетеные изъ бересты.

Въ Романовскомъ отдѣлѣ, сейчасъ усиленно пополняемомъ, обращаютъ на себя вниманіе: грамоты (съ чудными виньетками) времени царя Михаила Ѳеодоровича, и вообще времени царей до содѣрствія. Грамоты эти отличной сохранности и имѣютъ даже печати, (пожертвованіе г-на Зузина).

Немногіе изъ предметовъ, имѣющіе отношеніе къ Дому Романовыхъ, представляютъ художественный интересъ: акварели XVIII в., изображающія виды Ипатіевского Монастыря, судя по типу,—въ 1613 году, бюсты, портреты, картины, напимѣръ огромный холстъ: Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича (работы половины прошлаго столѣтія)—но въ смыслѣ художественномъ послѣдній оригиналъ мало примѣчателенъ.

Здѣсь находятся еще дарохранительницы, оловянные священные сосуды, диски, звѣздицы, проскомидійныя блюда, лжицы, ковши, дароносицы, покровицы и воздухи, священныя облаченія, фелони, орари, платы, пелены, епитрахили, кресты напре-

стольные, кресты тѣльные, тябловыя, образа, складни,—все болѣе или менѣе интересные предметы для характеристики мѣстнаго художественнаго мастерства.

Къ сожалѣнію, средства музея очень невелики, между тѣмъ интереснѣйшаго, но очень быстро погибающаго матеріала въ Костромскомъ краѣ чрезвычайно много. Вѣдь, въ предѣлы Костромской губерніи входятъ и уѣзды такой своеобразной религіозной общественной и бытовой жизни какъ Варнавинскій (сосѣдній съ наиболѣе заповѣднымъ въ старовѣрческомъ быту—Семеновскимъ, Нижегородской губерніи)! Издѣлія церковнаго обряда, бытового уклада (скатерти, бисерныя картины, игрушки, лубки, мебель и т. д.) какъ и рѣдчайшіе предметы старообрядческаго вѣрованія были бы чрезвычайно интересны для музея Костромщины, именно постольку и интереснаго, поскольку онъ отражалъ бы художественную жизнь этого края (такого художественнаго значенія—музей въ Твери). И въ этомъ смыслѣ все, что имѣетъ отношеніе къ укладу и быту скитовъ (модели и изображенія церквей, скитовъ и моленъ, могилъ и крестовъ)—являлось бы наиболѣе интереснымъ для Костромскаго музея, получающаго нынѣ столь обширное помѣщеніе и субсидіи.

Но не только укладъ церковной или общественной, столь сохранившійся здѣсь донинѣ, и всѣ предметы народнаго, городского быта, безусловно удержавшаго до нашихъ дней не мало типичныхъ черточекъ, заслуживали бы изученія и коллекціонерскаго ихъ представленія. Несомнѣнно, всѣ тѣ пред-

меты обихода, которыми еще и сейчас полны лавочки и въ базарный день ларьки Костромскіе, (во время ярмарки особенно),—заслужили бы подобраннаго собранія. Пройдутъ года, и то, что въ наше время являлось незамѣтнымъ, грядущія поколѣнія будутъ разсматривать съ величайшимъ интересомъ.

Такъ, мы уже и сейчасъ находимъ въ частныхъ домахъ Костромы не мало «музейнаго» матеріала, уцѣлѣвшаго лишь благодаря отсталости и захолустному положенію города.

VII. ОБЗОРЪ ПАМЯТНИКОВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТАРИНЫ.

(«Прогулки по Костромѣ»).

Осмотрѣть главнѣйшіе памятники художественной старины Костромы могутъ даже лица, останавливающіяся здѣсь всего на нѣсколько часовъ (пароходной стоянки).

Уже приближаясь къ Костромѣ, по Волгѣ, отъ Ярославля, можно видѣть общій видъ Ипатіевскаго монастыря (30—31), расположеннаго на лѣвомъ берегу при впаденіи рѣки Костромы въ Волгу, и утопающаго въ зелени деревьевъ.

Вскорѣ, на этой же сторонѣ, на взгорьѣ, показывается и городъ, растянувшійся вдоль берега.

Увидя общій видъ его съ палубы парохода, уже во время обыкновенно долгаго причаливанія, можно ориентироваться вполне въ планѣ города. Три наиболѣе примѣчательные пункта для осмотра, находятся: 1) на востокѣ, въ крайней точкѣ города—Ипатіевскій монастырь (31); 2) въ центрѣ, тутъ же у пристани—соборы (1—2) и Сусанинская площадь, не-

Видъ Ипатіевскаго монастыря.

подалеку; и 3) въ другой крайней точкѣ города, на западѣ,—церковь Воскресенія на Дебрѣ (78).

Краткій порядокъ осмотра. Поднявшись на небольшой холмъ по Ильинской улицѣ, увидя слѣва бульваръ, засаженный на валу бывшего земляного кремля, и, свернувъ противъ розоваго «амширнаго» домика (2) налѣво, въ первый переулочекъ—войдемъ въ первыя же ворота соборной ограды.

Передъ нами Богоявленскій соборъ (3), а за нимъ выглядываютъ золотые купола и Успенскаго собора (4). Такимъ образомъ, до соборовъ всего нѣсколько минутъ пути отъ парходной пристани. Охвативъ взглядомъ очень гармоничныя абсиды собора и, отсюда же, полюбовавшись колокольнею (3), (далѣе она будетъ въ сильномъ ракурсѣ), можно направиться къ Успенскому собору. Здѣсь красивъ ан-

Видъ на Соборы съ Волги.

самблъ лѣстницъ колокольни, ротонды собора и Триумфальныхъ (6) воротъ, виднѣющихся въ концѣ аллеи отходящей отъ этой ротонды.

Миная абсиды (съ сѣверной (!) стороны храма) дойдемъ до калиточки (5), выйдя черезъ которую на площадку полюбуемся чудеснымъ видомъ на Волгу и Заволжье.

Въ Успенскомъ соборѣ, миная подновленные фрески паперти, осмотримъ иконы Θεодоровской Божьей Матери (налѣво отъ царскихъ вратъ — чудотворную XIII вѣка, маленькую — надъ сѣверными вратами иконостаса, подаренную царемъ Михаиломъ Θεодоровичемъ) и другія достопримѣчательности, нами описанныя и, выйдя черезъ Святыя ворота изъ соборной ограды направимся налѣво, мимо строящагося памятника (7) 300-лѣтня царствованія Дома Романовыхъ (по проекту академика Адамсона), къ Гостиному двору (9). Близъ угла его сходятся

линии «Табачная» и «Желѣзная» (54). Очень красивъ Табачный рядъ (8), и далѣе—Масляный рядъ (39).

Вдоль Табачнаго ряда, состоящаго изъ колоннъ и арокъ, выйдемъ къ Георгіевской церкви съ фасадомъ въ видѣ «амширнаго» портика (12) и къ церкви Воскресенія, «что на Площадкѣ» (13). Рядомъ съ нею направо—видно прекрасное зданіе Губернскихъ Присутственныхъ мѣстъ, украшенное мощнымъ портикомъ (14) и, далѣе, Сусанинская площадь съ памятникомъ Ивану Сусанину (15) въ центрѣ ея. Площадь окружаютъ всѣ наиболѣе интересныя изъ описанныхъ нами гражданскихъ сооруженій, періода классицизма: направо—Окружной судъ (16), далѣе, Гауптвахта (17), каланча (18) и, направо, два корпуса Гостиннаго двора. Отъ Сусанинской площади радіально расходятся главныя улицы города.

По Богоявленской (бывшей Костромской) улицѣ пойдемъ до конца и, вначалѣ Власіевской, свернемъ въ ворота ограды изъ старинныхъ стѣнъ.

Въ Богоявленскомъ монастырѣ (19) надо осмотрѣть алтарную часть собора и Николаевскую, Салтыковскую церковь (20).

Выйдя изъ воротъ и, направившись далѣе, свернемъ направо за уголъ стѣнъ, чтобы полюбоваться Троицкой церковью (21).

Отъ нея по Вознесенскому переулку и по Московской (Мшанской) улицѣ (на извозчикѣ) спустя 30 — 40 минутъ, переѣхавъ черезъ рѣку Кострому, можно доѣхать до Ипатіевскаго монастыря (30).

Здѣсь (входъ въ «Святые ворота») осмотримъ сначала Соборъ (30), крыльцо, паперть, фрески ея

Видъ на Кострому съ Богоявленской колокольни.

стѣны покрывающія, порталъ, фрески собора, Царское мѣсто, иконостасъ, паникадило, далѣе колокольню и домъ Романовыхъ (31). Отъ Ипатіевскаго монастыря можно пойти по Верхне-Набережной улицѣ до Пятницкаго переулка и, свернувъ по нему, осмотрѣть Богоотцовскую церковь (38), а пройдя далѣе, на Царевской—Христорождественскую церковь (45). На обратномъ пути отъ Сусанинской площади пойдѣмъ по Русиной улицѣ (особняки Сунгурова (69), Королева (70), Акатова (71) и, свернувъ по Борисоглѣбскому переулку, или у дома Губернатора (76) по Всѣхсвятской и Дворянской улицамъ, спустимся къ Нижне-Дебринской улицѣ, пройдя два квартала которой, дойдѣмъ до церкви Воскресенія (78). Обратимъ вниманіе на Св. Врата, наружную обработку храма, фрески паперти, Спасъ Нерукотворенный въ южномъ крылѣ ея, придѣлъ Трехъ Святителей, придѣлъ святой

Екатерины (оба съ замѣчательными, царскими вратами XVII вѣка). Обратнo на пристань лучше пройти по Нижне-Набережной улицѣ. Здѣсь увидимъ нѣсколько любопытныхъ старыхъ особняковъ (79, 80, 81, 81).

Весь осмотръ потребуетъ едва ли больше трехъ часовъ (а на извозчикѣ еще меньше): на проѣздъ и осмотръ Ипатіевскаго монастыря $1\frac{1}{2}$ —2 часа, туда и обратно, если остается время до отхода парохода—можно осмотрѣть и церковь Воскресенія на Дебрѣ—(не болѣе часа).

Однодневный порядокъ осмотра. Лица, имѣющія въ своемъ распоряженіи цѣлый день, слѣдуютъ, собственно, по тому же маршруту, но могутъ использовать время 1) на болѣе подробный осмотръ достопримѣчательностей в н у т р и храмовъ 2) на осмотръ расположенныхъ нѣсколько въ сторону отъ первой линіи маршрута,—церквей и особняковъ.

Отойдя отъ пристани и, пройдя мимо особняка съ характерной для Костромы коллoнадою, въ видѣ полукружія, въ началѣ Ильинской улицы, и противъ «розоваго домика», свернувъ къ соборамъ (3—6), осмотримъ ихъ. Не забудемъ придѣлать Θεодора Стратилата въ Успенскомъ соборѣ. Далѣе, пройдя мимо Гостинныхъ дворовъ (часовни, близъ лѣстницъ) (8—9) и, выйдя на площадь, зайдемъ въ ворота Гостиннаго Двора, противъ зданія Присутственныхъ мѣстъ (14). Полюбуемся княщей здѣсь, минувшей уже въ другихъ городахъ Россіи, жизнью, сохранившей много характерныхъ сторонъ.

Далѣе, черезъ Сусанинскую площадь, пройдемъ къ

Сусанинская площадь.

Богоявленскому монастырю (19—20) (осмотримъ и ризницы и гробницы его), а потомъ къ Троицкой церкви (21) (осмотримъ ее и внутри) и отъ послѣдней направимся не сразу къ «Ипатію» (30—31), а по Троицкой улицѣ далѣе, къ Сергіевской и, свернувъ по послѣдней—увидимъ интересный домъ Конвоя (22), далѣе на углу Заводской—Сергіевскую церковь (23), входъ въ нее черезъ калитку стараго деревяннаго домика (24), на этой же улицѣ еще три старинныхъ дома-особняка (25—26—27). Далѣе направимся по Царевскому переулку, мимо церкви Спаса «въ Подвязьѣ» (28), къ Московской улицѣ и уже затѣмъ къ «Ипатію» (30—31) (подробный осмотръ ризницы монастыря).

Послѣ Ипатіевского монастыря посѣдимъ непре-

мѣнно церковь Іоанна Богослова «въ Слободкѣ» (32) (фрески, иконы, прекрасная ограда).

На обратномъ пути, отъ Московской улицы свернемъ по Спасской на Верхне-Набережную и на послѣдней полюбуемся живописною Успенскою церковью (35). Здѣсь же любопытны дома Солодовниковой (34) и хорошая рѣшетка (36) у сквера; на углу Пятницкаго переулка свернемъ и дойдемъ до Богоотцовской церкви (37). Осмотримъ ее подробно (иконостасы, иконы); неподалеку, на Мшанской улицѣ интересные дома (38): Глазной лечебницы (39), Дѣтскаго приюта (40) и Богоявленской (41); затѣмъ, увидимъ и Петропавловскую церковь (42) и близъ Анастасіинскаго монастыря (43—44) перейдемъ на Царевскую улицу гдѣ посѣтимъ непременно здѣсь же близъ площади, во дворѣ находящуюся, Христо-рожденственскую церковь (45); надо осмотрѣть всѣ ея, замѣчательной художественной цѣнности предметы: иконостасъ, паникадило, иконы, «Видѣніе Квашнѣ»—въ лѣвомъ кіотѣ. Повернувъ обратно, мимо Большихъ Мучныхъ рядовъ (46) спустимся къ Волгѣ. Увидимъ сначала Іоанна Предтеченскую церковь (47), затѣмъ интересный особнякъ (48), и еще ниже на «Спускѣ» домъ (49) Викентьевой, за нимъ церковь Архангельскую и, перейдя на другую сторону улицы, вернемся на площадь. По дорогѣ увидимъ—Малые Мучные ряды (52) и еще аркатуры рядовъ (55) и двѣ прелестныя часовни (53, 54). Противъ этой послѣдней линіи церковь Спаса «въ Рядахъ» (56). Отъ Сусанинской площади направимся ранѣе къ дому Дворянства (57) на Павловской улицѣ, гдѣ осмотримъ

Базарная площадь.

(непремѣнно) залы Собранія и по этой же улицѣ Театръ (58) и бывшіе купеческіе особняки (ихъ печи) (59—60). Пройдя по Павловской улицѣ до Сѣнной (деревянный особнякъ (61) и по ней до Алексѣевской, полюбуемся Алексѣевской церковью (63), и дойдя до казармъ (64) (печи) вернемся къ Сусанинской площади, по Златоустовской улицѣ, къ Златоустовской церкви, (99). Отъ нея, направившись по Русинной (Кинешемской) улицѣ осмотримъ особняки, находящіеся здѣсь (66, 69, 70, 71, 72) и, свернувъ по Козмодемьянской улицѣ на Никольскій переулокъ, увидимъ домъ училища (68); дойдемъ отъ угла Покровской, по этой послѣдней улицѣ, до Жоховскаго переулка и, на углу ихъ красивый домъ училища (73)—деревянный ампиръ. Далѣе, Покровская церковь (74) и вернемся отсюда на Русину улицу и по Дворянской, мимо зданія Гимназіи (75)—къ Храму Воскресенія на Дебрѣ (78).

*Подроб-
ный
осмотръ.*

Наконецъ, лица, остающіяся до другого дня т. е. до слѣдующаго парохода (того же общества)—охватываютъ еще болѣе обширный районъ.

Осматривая болѣе подробно все ризницы и примѣчательности храмовъ эти лица могутъ также посѣтить мѣстные музеи, осмотрѣть ихъ собранія (въ д. Дворянства) и Романовскаго музея (100), нѣкоторые особняки и полюбоваться печами дома б. Мичуриной, Солодовниковой, въ казармахъ (64). Особенно красивы печи въ домѣ г-жи Солодовниковой (Межевое Управленіе) (60) и въ д. Акцизнаго Управленія (59). Послѣдніе два дома на Павловской улицѣ. По Покровской улицѣ передъ посѣщеніемъ церкви Воскресенія на Дебрѣ и до Покровской церкви осмотрѣть надо инныя изъ описанныхъ церквей (77, 92, 91, 29, 82, 93, 99, 97, 42, 47, 50) и, главное, съѣздить на другую сторону Волги (Селище, Городище) въ такъ называемую Спасо-Никольскую Слободу, гдѣ можно получить большое наслажденіе при осмотрѣ фресокъ Спасской церкви (85), и хранящагося въ Никольской церкви (86) фонаря.

Такая прогулка съ осмотромъ часовни въ Селищѣ (отсюда чудесный видъ на всю Кострому) и Ильинской церкви (87) чрезвычайно живописно расположенной—займетъ 3—4 часа времени, и въ хорошій лѣтній день,—вечеръ, отданный на посѣщеніе этой стороны Волги можетъ дать никогда незабываемыя впечатлѣнія.

Вотъ, вкратцѣ перечень сооруженій, требующихъ для осмотра цѣлый день. Съ утра (лучше пораньше): Соборы (Богоявленскій, Успенскій (3—4) Гостинные Дворы (8, 9, 10, 11, 46, 52, 53, 54, 55, 56),

Видъ на Кострому отъ церкви Воскресенія.

Сусанинская площадь, Памятникъ (15), Гауптвахта (17) Каланча (18), Окружный Судъ (16), домъ Губерн. Присутственныхъ мѣстъ (14), ц. Воскресенія «на Площадкѣ», (13) Богоявленскій монастырь (19—20), Троицкая церковь (21), Сергіевская церковь (23), Спасъ «въ Подвязьѣ» (28), Ипатіевскій монастырь (30—31), Иоанно-Богословская церковь (32), Верхне-Набережная ул., Богоотцовская церковь (37), особняки (38, 40, 41), Христорождественская церковь (45). Послѣ полудня—Дворянское собраніе (57), музей (100), особняки Павловской улицы (58, 59), особняки Русиной улицы (66, 72), церковь Воскресенія на Дебрѣ (73), Нижне-Набережная улица, Выставка, и, если еще есть время (въ іюнѣ, іюлѣ) на лодкѣ—Спасо-Никольская слобода, на другой сторонѣ Волги, и ея церкви (85—87).

Для посѣщенія и осмотра Костромы ранней вес-

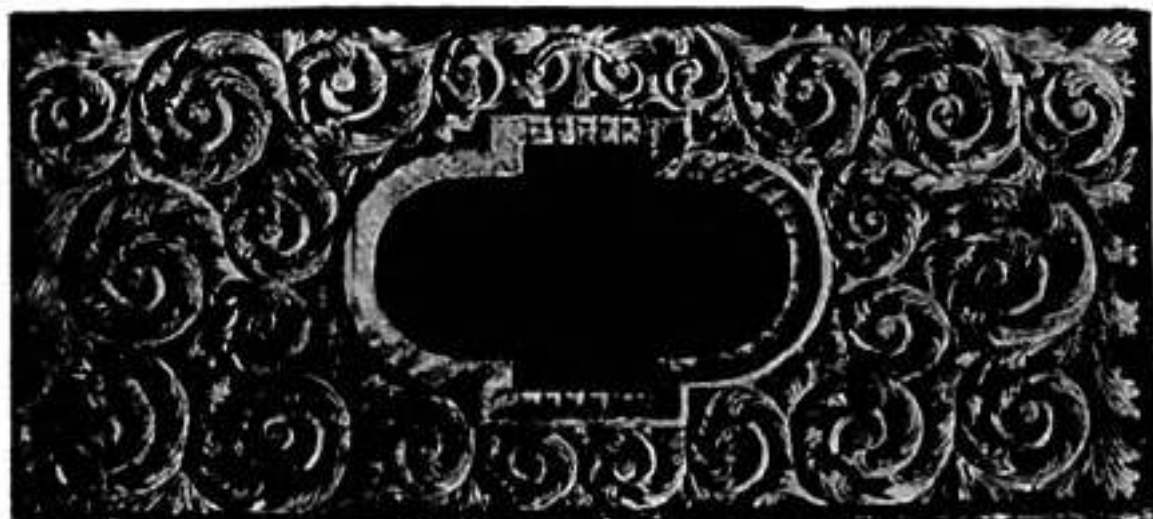
ною, потребуется больше времени, такъ какъ разливъ р. Костромы затянетъ проѣздъ въ Ипатіевскій монастырь (паромъ).

Лучшее время для пріѣзда и осмотра Костромы съ 15 мая по 15 августа.

Зимой Кострома очень красива, но осмотръ церквей въ это время затруднителенъ, такъ какъ большинство старинныхъ церквей Костромы «лѣтнія», т. е. холодныя, не отапливаемыя, и подробно осматривать ризницы, фрески и иконы въ запертыхъ храмахъ, при морозной температурѣ невыносимо трудно. Особенно трудно это въ храмѣ Воскресенія на Дебрѣ, оба придѣла котораго и паперти охлаждаются чрезвычайно. Холодно и въ Христорождественской и въ Богоотцовской церквахъ.

Окончивъ осмотръ церквей и зданій, пріятно отдаться мечтамъ о прошломъ, дать отдыхъ глазамъ, остановивъ взглядъ на чудесныхъ заволжскихъ даляхъ. Тогда надо посидѣть на краю бульвара, близъ собора (88) или на Всѣхсвятской улицѣ, (89) близъ старинныхъ пушекъ, перенесенныхъ сюда съ валовъ уничтоженнаго земляного кремля.

VIII. ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Выйдя на набережную Волги и, оглянувшись отсюда на Кострому, чтобы охватить взглядомъ ея общій обликъ, види́ющійся между обелисками заставы, затиснутыми теперь новыми магазинами, вспомнимъ о томъ, какъ много художественности заключено въ этихъ украшенныхъ золотыми и синими главками церквахъ и насколько обильно орошена была вся эта земля стремленіемъ къ красотѣ, если на ней возникло столько образцовъ прекраснаго, что даже по прошествіи столѣтій мы все еще можемъ любоваться ими!

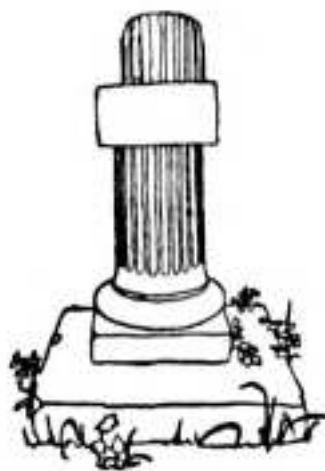
Но за послѣдніе десятки лѣтъ костромичи не только не могли, хотя бы отдаленно, подойти къ созданію чего либо приблизительно равноцѣннаго старому, но, потерявъ потребность красоты, разрушили не мало своихъ собственныхъ образцовъ, сокровищъ и даже святынь!

Вотъ ужасные, кирпичные, казенные «Винные склады», а вотъ, неподалеку, похожій на нихъ архитектурными массами и деталями Дворянскій

Пансіонъ, въ которомъ юношество воспитываетъ свои вкусы (на какихъ образцахъ! въ какомъ «фабричномъ» зданіи!), а, вотъ, на набережной — электрическая станція, рабочая чайная, Народный домъ и новыя лавки, приносящія 1600 руб. въ годъ дохода, въ погонѣ за которымъ погубленъ историческій и художественный памятникъ старины — Московская застава!

Правда, значеніе памятниковъ старины недавней едва ли сознано вообще въ нашей провинціи (да давно ли и въ столицѣ?). Быть можетъ многіе удивятся, увидя въ этой книгѣ въ качествѣ рекомендуемыхъ къ обзорѣнію такія постройки, къ которымъ интеллигенты и даже мѣстные ученые и изслѣдователи относились всегда пренебрежительно! Правда, въ Костромѣ есть несравненно болѣе цѣнные памятники древности (церковные) — но развѣ они могутъ относительно уменьшать значеніе и этихъ образцовъ «ампира», гражданского строи-

тельства, имѣющаго уже столѣтнюю давность, — а въ бѣгѣ времени, — далеко ли — и большую? Наконецъ, послѣдніе образцы художественнаго строительства имѣютъ и свои преимущества. Ибо, если церкви Костромы неизмѣримо цѣннѣе, и пусть! красивѣе, —

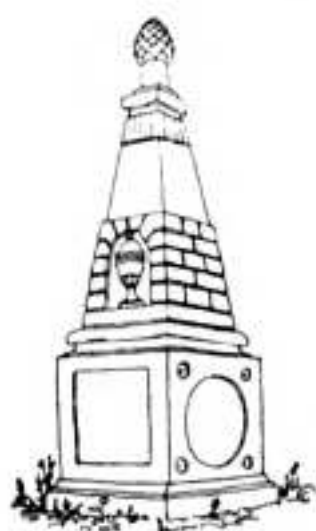
то, вѣдь, зато, подобныхъ (и лучшихъ) въ Россіи, слава Богу, еще такъ немало! — А изъ примѣровъ гражданскаго строительства, (какъ гауптвахта или каланча), не только нельзя указать на лучшіе, но и на равноцѣнные имъ (даже въ столицѣ); пожарная каланча въ Костромѣ, Гауптвахта, залъ Дворянскаго Собранія — могутъ быть причислены къ единственнымъ по красотѣ типамъ

гражданскаго строительства Россіи, выработавшагося въ продолженіе не только XVIII но и XIX столѣтій. Наконецъ, важны и тѣ зданія, въ которыхъ останавливались государи Россіи. Домъ Борцова, въ которомъ жилъ Императоръ Николай Павловичъ, домъ бывшій Шипова, гдѣ жили Великіе

Князья — это постройки начала XIX вѣка и они должны быть также оберегаемы и сохранены.

А признавая, вообще, значеніе строительства и

этой «классической» эпохи въ зодчествѣ, становится яснымъ, что имѣютъ значеніе не только упомянутыя двѣ-три постройки, но для каждаго а, для жителя Костромы особенно, и всѣ виды строительства этого періода.

Чрезвычайно интересными будутъ для интересующагося художественнымъ строительствомъ,

вообще, и застроенныя ворота —obelisks и печи фантастическаго облика, и неизъяснимой прелести убранство залъ Дворянскаго Собранія, и иконостасы строгихъ линий; все это станетъ не менѣе дорогимъ, чѣмъ филигранный узоръ на иконѣ XVI вѣка, чѣмъ рѣзьба иконостаса XVII вѣка, чѣмъ простота бѣлой глади стѣнъ и башенъ Ипатіевской обители или узоръ украшеній, которыми, какъ парча перламутромъ, затканъ фонъ стѣнъ Троицкой церкви...

Но пусть безъ восхищенія и любви къ своему же имуществу, но хотя бы изъ соображеній практическихъ, оберегаютъ костромичи матеріаль, который можетъ привлечь (особенно въ будущемъ) посѣти-

телей и дасть имъ высокое наслажденіе. Что дѣлать! Отданы будутъ подъ канцеляріи и казармы, подъ чайныя и пивныя, лучшіе особняки и милые домики,—но пусть ихъ не разрушать совсѣмъ и не стремятся изъ Костромы сдѣлать культурный городъ, который бы не уступилъ Нижнему, Харькову и т. п.

Кострома сейчасъ еще привлекательнѣе Ярославля и даже Пскова потому, что въ ней нѣтъ трамвая, но она была бы еще цѣльнѣе, если бы не было здѣсь мельницъ — крупорушекъ, «Новыхъ Мануфактуръ», да электрическихъ станцій!

Представить себѣ только!—если бы, какимъ-то чудомъ, весь обликъ Костромы удержался до нашихъ дней такимъ, какимъ онъ былъ 100—200 лѣтъ тому назадъ, съ его бытомъ, предметами обихода, религіей—вѣдь это былъ бы цѣльный городъ музей, смотрѣть который съѣзжались бы со всего свѣта.

И вотъ чѣмъ болѣе этого характернаго будетъ въ Костромѣ,—этихъ будокъ часового, домиковъ со свѣтелочкой, триумфальныхъobeliskовъ, старинныхъ

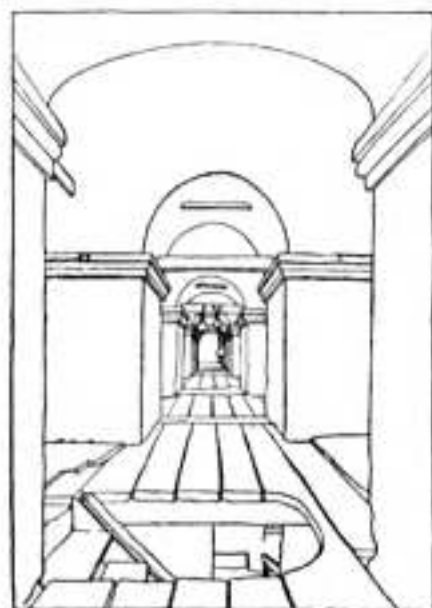
вывѣсокъ, фонарей, оградъ, иконостасовъ, лѣстницъ, амбаровъ и часовень—тѣмъ крѣпче будетъ аромать историческаго облика и быта и тѣмъ дороже будетъ Кострома каждому любящему красивую старину роднаго края, который искренне поблагодарить и костромичей за такое обереганіе интересовъ русскаго достоянія. Ибо имъ ввѣрена судьбой та красота, которой они лишь обладаютъ, но которая при-

надлежитъ всей Россіи. Они отвѣтственны передъ всѣми русскими и передъ всѣмъ культурнымъ художественнымъ міромъ за тѣ сокровища, которыя судьба благословила ихъ лицезрѣть ежедневно: входя ли въ храмъ, чтобы помолиться передъ иконой, писанной Гуриемъ Никитинымъ, войдя ли подъ своды, сплошь росписанные лучшими иконописцами Россіи, увидя ли на вечернѣ, озаренный свѣтомъ пламени, иконостасъ волшебной красоты и рѣзанный искусной рукой, получая ли освѣщеніе крестомъ на престольномъ сѣдой древности, зайдя ли подъ аркады казеннаго учрежденія по-

стройки одухотвореннаго мастера, быть можетъ, всю жизнь стремившагося познать идеалы художественнаго строительства и законы гармоническихъ пропорцій архитектуры, или, наконецъ, танцуя въ бѣлоколонномъ залѣ, воздвигнутомъ зодчимъ, имя котораго даже не сохранили намъ время и поколѣнія...

Памятью о нихъ, этихъ безвѣстно исчезнувшихъ зодчихъ, милыхъ, наивныхъ и осѣненныхъ свыше изографовъ, памятью рѣзчикахъ старательныхъ, всѣхъ тѣхъ, радѣ-

ніемъ которыхъ воздвигнуты восхищающія насъ и понынѣ пробуждающія вновь вѣру и волнующія всей теплотой древней жизни и религіи—храмы, колокольни и башни, памятью о боярахъ, пекшихся о памятникахъ родной земли, наконецъ, памятью о томъ, кто былъ избранъ здѣсь на царство всей Россіей и такъ заботливо, трогательно и

долго еще потомъ до конца своей жизни думалъ о Костромѣ, завѣщавъ и Наслѣднику своему, радѣть

о родной землѣ и присылалъ сюда цаты, рясны и крестики натѣльные, иконы чудотворныя и ковши золоченые, памятью о немъ—пусть будетъ освящена старина Костромская и станетъ теперь, послѣ 300-лѣтней давности, еще дороже сердцу каждаго русскаго обозрѣвателя чудодѣйственной старины, а душѣ к о с т р о м и ч а, особенно.

IX. БИБЛІОГРАФІЯ.

- Актъ Осмотра Троицкаго собора Ипатіевскаго монастыря, проф. архит. А. Н. Померанцевымъ, акад. арх. П. П. Покрышкинымъ и худ. М. О. Чириковымъ, 5—8 мая 1910 г. Извѣст. Имп. Арх. Коммисіи, (Вопросы Реставраціи) вып. 39. Спб. 1911 г.
- Алмазовъ, П. А. свящ. Краткій путеводитель по г. Костромѣ. Кострома. 1909 г.
- «Альбомъ видамъ ландшафтамъ, посадовъ и селеній Костр. губ. (98 лист.) изд. губернскимъ предв. двор. Мироновымъ въ 1855 г.
- Андрониковъ, П. Императоръ Александръ II въ Костромской сторонѣ. Кострома. 1859 г.
- Андрониковъ, П. Костромской Богоявленскій монастырь. «Костромскія Губ. Вѣдомости». 1859 г. №№ 26, 28 и 29.
- Андрониковъ, П. Матеріалы для исторіи Костромскихъ — Успенскаго Собора и Кресто-
- воздвиженскаго женскаго монастыря, бывшаго при томъ соборѣ. «Костромскія Губ. Вѣдомости». 1856 г. № 5.
- Андрониковъ, П. Матеріалы для исторіи Костромы. «Костромскія Губ. Вѣдомости». 1855 г. № № 44 — 45. (прилож.).
- Арсеньевъ, Яковъ, протоіерей. Описаніе Костромскаго Успенскаго Собора. Отечественныя записки. 1820 г. № 2, стр. 163—194.
- Аѳанасій (Дроздовъ), архим. Историческое извѣстіе о Костромскомъ второклассномъ Богоявленскомъ монастырѣ съ XV по XIX вѣк. Спб. 1837 г.
- Баженовъ, Ив. Вас. Костромской Богоявленскій - Анастасинъ монастырь. «Костромскія Епарх. Вѣдомости» 1894 и 1895 г.г. и отд. изд. Кострома. 1895 г.
- Баженовъ, Ив. Вас. Воскресенская, что на

- Дебрѣ, церковь въ Костромѣ. «Костромскія Епарх. Вѣдомости» 1902 г., № 3—4 и отдѣльно: Кострома. 1902 г. и Москва 1902 г.
- Баженовъ, Ив. Вас.** Костромскія городскія церкви и монастыри. «Костромскія Епарх. Вѣдомости». 1899 — 1900 г.г.
- Баженовъ, И.** Костромской Ипатіевскій монастырь. Кострома. 1909 г.
- Баженовъ, И.** Костромской кремль. «Костромская старина». вып. VI. Кострома. 1906 г. стр. 90—116.
- Борисовъ, В.** Догадка о происхожденіи названія г. Костромы. «Владимірскія Губ. Вѣдомости». 1851 г. № 12, стр. 81—82. «Костромскія Губ. Вѣдомости» 1862 г., № 43. «Волга» 1863 г. № 3, стр. 19.
- Бѣляевъ, Гоаннъ,** протоіерей. Статистическое описаніе соборовъ и церквей Костромской губерніи. Спб. 1863 г.
- В. Р.** Памятникъ Ивану Сусанину и келіи Михаила Θεодоровича Романова въ Ипатіевскомъ монастырѣ, въ Костромѣ. «Московскія Вѣдомости» 1850 г. № 103.
- Васьковъ, Иванъ.** Собраніе историческихъ извѣстій, относящихся до Костромы. Москва. 1792 г.
- Вознесенскій, Е. П.** свящ. Воспоминанія о путешествіяхъ Высочайшихъ особъ, благополучно царствующаго Императорскаго Дома Романовыхъ въ предѣлахъ Костромской губерніи, въ XVII, XVIII и текущемъ столѣтіяхъ. Кострома. 1859 г.
- Государыня Императрица Екатерина II** въ Костромской сторонѣ. «Костромскія Губ. Вѣдомости». 1855 г. № 18 (прил.).
- Діевъ, М.** Генераль-Губернаторы для Костромской стороны въ отношеніяхъ: нравственномъ, строительномъ и образовательномъ въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой. «Костромскія Губ. Вѣдомости». 1857 г. №№ 21—25.

- Діевъ, М. Историческое описаніе Костромскаго Ипатіевскаго монастыря. Москва. 1858 г.
- Діевъ, М. Какой народъ въ древнія времена неселялъ Костромскую сторону и что извѣстно объ этомъ народѣ. «Костромскія Губ. Вѣдомости» 1861 г. №№ 48—50.—«Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ». 1865 г. № 4, стр. 167—178.
- Древности церквей и монастырей Костромской губерніи. «Костромскія Губ. Вѣдомости» 1842 г., № 32, стр. 94—99 и № 33, стр. 100—105.—«Сѣверная Пчела». 1842 г. №№ 131—132.
- Журналъ о Высочайшемъ путешествіи Ея Императорскаго Величества Императрицы Екатерины II отъ Ярославля до Костромы 1767 г. «Костромскія Губ. Вѣдомости». 1838 г., №№ 6, 8 и 9 (прил.).
- Ивановъ, А. В. Гор. Кострома въ общей исторіи Россійскаго Государства. «Костромскія Губ. Вѣдомости». 1854 г. № 8, стр. 47—49.
- Извѣстія IV областного историко - археологическаго съѣзда въ городѣ Костромѣ. №№ 1—10. Кострома. 1909 г.
- Изъ Костромы. Хроника и открытіе дома Дворянскаго Собранія. «Московскія Вѣдомости». 1834 г., № 23 и 1839 г., № 13.
- Ипатіевскій первоклассный монастырь. «Костромскія Губ. Вѣдомости». 1847 г., № 3 (не оф. ч.)
- Историческія записки о Костромѣ. Кострома. 1864 г.
- Историческія свѣдѣнія о бывшемъ въ Костромѣ Богоявленскомъ монастырѣ. «Костромскія Губ. Вѣдомости». 1855 г., № 46 (прил.).
- Госифъ, архим. Свѣдѣнія о возобновеніи Костромскаго Богоявленскаго Анастасіинна женскаго монастыря. «Странникъ». 1880 г. №№ 4—7.
- Казанскій, П. С. Историко-статистическое описаніе Костромскаго Ипатіевскаго монастыря. Кострома. 1870 г.
- Козловскій, кн. Александръ.—Взглядъ

- на исторію Костромы. Москва. 1840 г.
- К о л ы ч е в ъ, Н.** Заѣтка о кладбище въ гор. Костромѣ. «Костромскія Губ. Вѣдомости». 1865 г. № 35.
- К о л ы ч е в ъ, Н.** Соборъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ. «Иллюстрація». 1861 г., № 164.
- К о л ы ч е в ъ, Н.** Успенскій соборъ въ Костромѣ. «Иллюстрація». 1861 г., № 151.
- К о р о б и ц ы н ъ, Н. И.** «Историческая заѣтка о памятникѣ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и поселянину Ивану Сусанину». «Костромская Старина». Вып. 4-ый. Кострома. 1897 г. стр. 197—210.
- Г.** Кострома по описанію Щекатова. «Костромскія Губ. Вѣдомости». 1854 г., № 27, стр. 199—201; № 28, стр. 209—211.
- К о с т р о м и ч ъ.** Объ Ипатіевскомъ монастырѣ Костромской губерніи. «Производство и Промышленность». 1859 г. № 35.
- Костромская губернія.** «Извѣстія Имп. Археологической Комисіи», Вып. 31-ый. Спб. 1909 г. стр. 67—309.
- Костромская Старина,** изд. Костромской Губернской ученой архивной Комиссіей. Кострома. Вып. 1-ый, — 1890 г., 2-ой—1892 г., 3-ий — 1894 г., 4-ый — 1897 г., 5-ый—1901 г., 6-ой—1906 г.
- Костромской Богоявленскій монастырь.** «Костромскія Губ. Вѣдомости». 1859 г. №№ 26 и 28.
- К р ж и в о б л о ц к і й, Я.** Города и другія населенныя мѣстности Костромской губерніи. «Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ» 1860 г., № 10.
- К р ж и в о б л о ц к і й, Я.** Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Костромская губернія. Спб. 1861 г.
- Каталогъ выставки IV Областного Историко-Археологическаго Съѣзда въ г. Костромѣ въ 1909 г.** Кострома. 1909 г.
- Каталогъ музея Костромской губернской ученой архивной комисіи.** Кострома. 1909 г.
- Каталогъ музея Рома-**

- новскаго отдѣла Костромской губернской ученой архивной комиссіи. Кострома. 1909 г.
- Леонава.** Древнія ворота при церкви Воскресенія Христова въ Костромѣ «Зодчій». 1877 г., стр. 113.
- Лукомскій, В. К.** Историко-археологическій съѣздъ въ Костромѣ. «Старые годы.» 1909 г. Июнь — Сентябрь, стр. 486—488.
- Лукомскій Г. К.** Барокко и классицизмъ въ архитектурѣ Костромы «Старые годы». 1913. Январь, стр. 21—41.
- Лукомскій Г. К.** «Объ архитектурныхъ памятникахъ Костромы и ихъ художественномъ значеніи. «Зодчій». 1913. № 17, стр. 191—200.
- Макарий, Преосвящ.** Епис. О вкладыахъ царей и князей въ Ипатіевскій монастырь и о колоколахъ его. «Извѣстія Спб. Археол. О-ва». 1861 г., т. III.
- Масловъ, С.** «Изъ Твери до Костромы». Москва. 1859 г., (отд. отт. «Москов. Вѣдомост.» 1859 г. №№ 205, 211, 218 и 231).
- Матеріалы для исторіи Костромскихъ Успенскаго Собора и при немъ бывшаго Крестовоздвиженскаго монастыря.** «Костромскія Губ. Вѣдомости». 1856 г. № 5. (ч. неоф.)
- Миловидовъ, И.** Очеркъ исторіи Костромы съ древнѣйшихъ временъ до царствованія Михаила Ѳеодоровича. Кострома. 1886 г.
- Миловидовъ, И.** Матеріалы для исторіи Костромы.
- Миловидовъ, И.** Содержаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ Ипатіевскаго монастыря. Вып. I—II. 1887—1888 г.г.
- Мужской Богоявленскій монастырь.** «Костромскія Губ. Вѣдомости». 1847 г. № 1.
- Н. К. (Колычевъ).** Церковь Воскресенія Христова на Дебрѣ, въ Костромѣ. «Иллюстрація». 1861 г. № 155.
- Нѣсколько данныхъ для исторіи гор. Костромы.** «Костромскія губ. вѣдомости» 1855 г., №№ 21, 23, 25, 44 и 45.
- Нѣсколько словъ объ увеселеніяхъ въ Ко-**

- стромѣ. «Костромскія губ. вѣдомости» 1853 г., № 1, стр. 1-2; 1854 г., № 51, стр. 381-382.
- Нѣскольکو словъ о Костромѣ. «Костромскія губ. вѣдомости» 1844 г., № 48, стр. 672-673.
- Объ освященіи въ городѣ Костромѣ древняго Богоявленскаго собора въ Богоявленскомъ Анастасіинскомъ дѣвичьемъ монастырѣ 28 дек. 1869 г. «Костромскія губ. вѣдомости» 1870 г., № 3.
- О Костромскомъ кремлѣ или старомъ городѣ Костромѣ. «Костромскія губ. вѣдомости» 1838 г., № 45, стр. 98-100; № 46, стр. 101-104; № 47, стр. 105-106; № 48, стр. 111-114. — «Журналъ Мин. Внутрен. Дѣлъ» 1838 г., № 6, стр. 299-324.
- О началѣ Ипатіевскаго монастыря. «Костромскія губ. вѣдомости» 1855 г., № 49 (прил.).
- Описаніе комнаты въ палатахъ Михаила Ѳеодоровича Романова, въ Костромѣ въ Троицѣ - Ипатіевскомъ монастырѣ. «Иллюстриро-
- ванная Газета» 1866 г., № 12.
- Описаніе Костромско-го Успенскаго собора. Москва. 1837 г.
- Описаніе Костромы «Производство и Промышленность» 1859 г., № 5.
- О происхожденіи города Костромы и его названіи. «Костромскія губ. вѣдомости» 1855 г., № 22.
- Островскій П. протоіерей. Историко-статистическое описаніе Костромскаго первокласснаго кафедральнаго Ипатіевскаго монастыря. Кострома 1870 г.
- Островскій, П. протоіерей. Историческія записки о Костромѣ и ея Святынь, благочестно - чтимой въ Императорскомъ домѣ Романовыхъ. Кострома 1864 г.
- Островскій, П. протоіерей. Историческое описаніе Костромскаго Успенскаго кафедральнаго собора. Москва. 1855 г.
- О тайникѣ въ Костромскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, открытомъ въ 1864 г. «Костром-

- скія губ. вѣдомости» 1864 г.
- Открытие въ Костромѣ 14 Марта 1851 г. памятника Царю Михаилу Ѳеодоровичу и поселянину Ивану Сусанину. «Костромскія губ. вѣдомости» 1851 г., № 12, стр. 87-92.
- Открытие памятника въ Костромѣ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и поселянину Ивану Сусанину 14 Марта 1851 г., «Сѣверная Пчела» 1851 г., № 80.
- Павель (Подлинскій), еписк. Костромской. Описание Костромского Ипатіевскаго монастыря. Москва. 1842 г.
- Павель, еписк. Костромской. Костромской Крестовоздвижескій монастырь Москва. 1835 г.
- Палаты боярь Романовыхъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ. «Живописное Обзорѣніе» 1883 г., № 23 (прил.).
- Памятная книжка Костромской губерніи на 1862 г. Кострома 1862 г. Историческія свѣдѣнія о постепенномъ заселеніи края (стр. 217-218).
- Историческое свѣдѣніе о Костромской старинѣ (стр. 218-241 и 252-286).
- Памятники древняго русскаго зодчества. Издан. Импер. Академ. Художествъ. Вып. VII. 1901 года. Церковь Воскресенія на Дебрѣ (планъ, фасадъ, разрѣзь и описаніе). Рис. фасада И. Горностаева, планъ и разрѣзь В. Суслова.
- Памятники древняго русскаго зодчества. Изд. Император. Акад. Художествъ. Вып. IV. 1912 г. Сѣверный придѣлъ церкви Воскресенія на Дебрѣ въ Костромѣ по рис. Ѳ. Г. Рихтера и Святыя ворота при церкви Воскресенія по обмѣрамъ Даля и Леонова. табл. 3-4.
- Памятникъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и поселянину Ивану Сусанину въ Костромѣ. «Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія» 1852 г., № 1, стр. 15.
- Первыя два десятилѣтія XVII в. для Костромской стороны. «Ко-

- стромскія губ. вѣдомости» 1854 г. № 44, стр. 319-323; № 45, стр. 327-329-331; № 46, стр. 335-339; № 47, стр. 342-345 и 1855 г. №№ 2, 4-9 (прил.).
- Петровъ, П. Н.** Кострома. Исторія и замѣчательности города. Сборникъ «Для немногихъ». Спб. 1873 г.
- Петровъ, П. Н.** Листки на выдержку изъ портфеля пишущаго. Спб. 1875 г. Археологія. Древности Костромы. Палаты бояръ Романовыхъ.
- П—в а.** Кострома. (Исторія и замѣчательности города). «Всемирная Иллюстрація» 1871 г., № 175, стр. 302-303.
- П. I. С.** Стѣнная живопись Костромского Успенскаго кафедральнаго собора. Кострома 1908 г.
- Покровскій, Н. В.** Памятники церковной старины въ Костромѣ. «Вѣстникъ Археологій и Исторіи», вып. XIX. Спб. 1909 г. и отд. изданіе.
- Покровскій, Н. В.** Обсѣдованіе «Страшнаго суда», по памятникамъ византійскимъ и русскимъ. Одесса. 1887 г.
- Покровскій, Н. В.** Стѣнные росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ. «Труды (VII) Археол. съѣзда.» Москва 1890 г., стр. 300-302.
- Покровскій, В. Н.** Объ одной псалтыри Ипатіевскаго монастыря. «Христ. Чтеніе» 1883 г. № 11-12.
- Покровскій, Н. В.** Древности Костромского Ипатіевскаго монастыря. «Вѣстн. Археол. и Исторіи». Вып. IV, стр. 1-33. Спб. 1885 г.
- Посѣщеніе** Костромской стороны сначала московскимъ Митрополитомъ Платономъ, послѣ того Императоромъ Павломъ I. «Костромскія губ. вѣдомости». 1855 годъ. № 27 (прил.).
- Посѣщеніе** Костромы 15 Августа 1858 г. Г. Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, Г. Императрицею Марією Александровною и Ея Императорскимъ Высочествомъ Марією Александровною. «Костромскія губ.

- вѣдомости». 1858 года. № 33-34.
- Потаповъ, В.** Палаты Царя Михаила Ѳеодоровича Романова въ Ипатіевскомъ монастырѣ въ Костромѣ. «Московскія Вѣдомости» 1838 г. № 74.
- П.** Открытіе памятника Царю Михаилу Ѳеодоровичу и Ивану Сусанину. «Московскія Вѣдомости». 1851 года, № 36.
- Пребываніе Государя Наслѣдника, нынѣ благополучно царствующаго Г. Императора Александра Николаевича въ Костромской сторонѣ въ 1837 г.** «Костромскія губ. вѣдомости» 1855 года, № 20 (прил.).
- Преображенскій, І.** Краткія свѣдѣнія о монастыряхъ и церквахъ, бывшихъ въ г. Костромѣ въ началѣ XVII в. «Костромская старина». Вып. 5-й. Кострома 1901 г., стр. 465—476.
- Путешествіе царственной семьи по Костромской губерніи въ 1881 году.** Кострома 1881 г.
- Роговъ, П.** Описаніе Костромской губерніи въ историческомъ и географическомъ отношеніяхъ. Спб. 1871 г.
- Розановъ, А.** Нѣчто о городѣ Костромѣ. «Сѣверная Пчела» 1851 годъ, № 257.
- Рудаковъ, В.** Историко-археологическій съѣздъ въ Костромѣ. «Историческій Вѣстникъ» 1909 г., кн. 8-я, стр. 1012—1036.
- Рудаковъ, В.** Кострома. (Исторія). «Энциклопедическій Словарь» Бронгауза - Ефрона. Пт. 31. Спб. 1895 г., стр. 406-407.
- Савваитовъ, П.** Описаніе Семигробной Успенской пустыни и упраздненнаго Костромского Николаевского монастыря. Спб. 1856 г.
- Самаряновъ, В. А.** Алфавитный списокъ церквей Костромской епархіи. Кострома. 1879 г.
- Самаряновъ, В.** Палаты бояръ Романовыхъ или дворецъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича въ Костромскомъ Ипаті-

- евскомъ монастырѣ. Рязань. 1892 г.
- Свищѣинъ, П. Объ Ипатіевскомъ монастырѣ. «Отечествен. Записки» 1819 г.
- Свѣдѣнія о библиотекѣ Ипатіевскаго монастыря въ XVII вѣкѣ. «Чтенія въ Импер. Общ. Истор. и древн. Россійскихъ.» 1848 г. № 8.
- Сырцовъ, І. Я. прот. Городъ Кострома въ его прошломъ и настоящемъ. Кострома. 1909 г.
- Тиммъ, Василій. Рисунокъ и описаніе памятника въ Костромѣ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и крестьянину Ивану Сусанину. «Русскій Художественный Листокъ» 1851 г., № 14.
- Травьянскій, М. О новомъ г. Костромѣ. «Журналь Мин. Внутрен. Дѣлъ.» 1842 г., № 5-12, стр. 1-11.
- Троицкіи, П. С. Костромской край. «Справочная книжка Костромской губерніи на 1909 г.». Кострома. 1909 г.
- Труды Ярославскаго Археологическаго Съѣзда. т. I, стр. 300 (о росписи церкви Воскресенія на Дебрѣ).
- Успенскій кафедральный соборъ. «Костромскія губ. вѣдомости» 1846 г., № 59.
- Фотографическіе снимки съ вещей Ипатіевскаго монастыря. «Памятники Общества Любителей древней письменности.» 1878—1879 г.
- Царственные посѣтители Костромской стороны, между 1817—1834 годами. «Костромскія губ. вѣдомости» 1855 г., № 19 (прил.).
- Церковь Воскресенія въ Костромѣ. «Воскресный Досугъ» 1870 г. № 12.
- Шамуринъ, Ю. и Бѣловъ, В. Казань, Нижній-Новгородъ и Кострома. Изд. Т-ва «Образованіе» М. 1913 г.
- Шляковъ. «Путевыя замѣтки о памятникахъ древне-русскаго зодчества». Ярославль. 1887 г.
- Яцковская, С. Костромской Ипатіевскій монастырь, колыбель Дома Романовыхъ. Москва. 1896 г.

ПЕРЕЧЕНЬ и ОБЪЯСНЕНИЕ
И Л Л Ю С Т Р А Ц И Й

Фототипія.

Гравированный портретъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова изъ I-го Шлезвигскаго изданія Олеарія 1647 года; по Ровинскому наиболѣе достовѣрный оригиналъ.

Репродукциі въ текстѣ.

стр.

3. «Похороны Костромы» Народная Картинка.
4. Часовня въ 2-хъ верст. отъ Костромы, близъ Святого озера, по преданію на мѣстѣ гибели татаръ, при нашествіи ихъ на Кострому въ 1241 г. По фот. В. Н. Кларка.
5. Часовня въ 2-хъ верстахъ отъ Костромы у Святого озера на мѣстѣ битвы костромичей съ поляками въ 1609 г. По фот. В. Н. Кларка.
7. Видъ Ипатіевскаго монастыря, съ рисунка художника Чернецова, (1824 г), переснятаго по фот. С. В. Чехонина.
8. Видъ Ипатіевскаго монастыря со стороны рѣки Костромы фот. В. Н. Кларка.
11. Видъ Ипатіевскаго монастыря. По фот. Императорск. Археологическ. Коммиссіи

стр.

13. Видъ части монастырскихъ архіерейскихъ корпусовъ и угловой восточной башни. По фот. Императорск. Археологическ. Коммисіи.
15. Прибытіе московскаго посольства въ Ипатіевскій монастырь къ царю Михаилу Ѳеодоровичу Романову, съ лицевого изображенія рукописной книги: «Объ избраніи на Російской престолъ царя Михаила Ѳеодоровича» хранящейся въ Оружейной палатѣ; это же «Избраніе» имѣется на гравюрѣ Скотникова (академ. И. А. Х.),—переложенной на литографію Шелковниковымъ (въ Москвѣ). Подробная подпись подъ оригиналомъ этой иллюстраціи въ изданіи времени царя Алексѣя Михайловича слѣдующая: «Великой Государыне иноке Марфе Ивановне и Великому Государю благородному Михаилу Ѳеодоровичу архіепископъ Ѳеодоритъ со освещеннымъ соборно и бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ Шереметевъ съ товарищи и со множествомъ народа моленіе творять внѣ Ипацкаго монастыря.

«Великій государь Благородный Михаилъ Ѳеодоровичъ отъ архіепископа Ѳеодорита принявъ благословеніе и посохъ «пожаловалъ архіепископа и бояръ ко своей государственной рукѣ».

Изъ «Книги объ избраніи на царство Великого Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича» изданной Коммиссіею печатаніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ Главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Москва. 1856. Синод. Типогр. Стр. V, VI, VII, VIII, съ рукописи, храня-

стр.

щейся въ Московск. Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ (№ 10), написанной полуустовомъ $1\frac{1}{2}$ XVI стол. на александр. бумагѣ въ листовомъ форматѣ (57 листовъ переплет. въ малиновый бархатъ.)

16. Икона Владимірской Божіей Матери, принесенная изъ Москвы вмѣстѣ съ процессіей, объявившей Михаилу Ѳеодоровичу Романову объ избраніи его царемъ; хранится въ ризницѣ Троицкаго собора, Ипатіевскаго монастыря По фот. С. В. Чехонина.
17. Процессіональный выносной фонарь, того же происхожденія, хранится въ ризницѣ Троицкаго собора Ипатіевскаго монастыря. По фот. И. Ѳ. Борщевскаго.
19. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и царь Алексѣй Михайловичъ, съ фрески на столбѣ Троицкаго собора Ипатіевскаго монастыря. По фот. С. В. Чехонина.
21. Общій видъ Костромы съ акварели неизвѣстнаго художн. 1851 г. Собств. А. Е. Бурцева.
23. Общій видъ на Успенскій и Богоявленскій соборы. По фот. Императорск. Археологическ. Коммиссіи.
27. Видъ дома бояръ Романовыхъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ. По фот. И. Ѳ. Борщевскаго. Снято въ 80-хъ годахъ минувш. столѣтія, когда дворъ монастыря не былъ еще засаженъ деревьями, закрывающими въ настоящее время этотъ домъ.
30. Видъ на часть Сусанинской площади съ пожарной каланчи. По срединѣ—домъ Генераль-

стр.

- Лейтенанта Борцова (нынѣ Окружной судъ), въ которомъ останавливался Императоръ Николай Павловичъ. По фот. Императорск. Археологическ. Коммисіи.
31. Памятникъ поселянину Ивану Сусанину и царю Михаилу Ѳеодоровичу Романову; построень по проэку ректора Императорск. Акад. Худож. Демуть-Малиновскаго къ 1839 году. По фот. Императорск. Археологическ. Коммисіи.
32. Предметы изъ собранія Романовскаго Музея.
36. Видъ на Кострому со стороны Спасо-Никольской Слободы и Городища. По фот. Императорск. Археологическ. Коммисіи.
38. Крестъ на Кресто-Воздвиженскомъ кладбищѣ. По фот. А. Л. Шиловскаго.
39. Круглая башня Ипатіевскаго монастыря. По фот. В. Н. Кларка.
41. Калиточка ограды ц. Іоанна Богослова. По фот. С. В. Чехонина.
42. Домъ Акатовыхъ на Мшанской улицѣ. По фот. А. Н. Павловича.
43. Клеймо Св. Вратъ ц. Воскресенія (птица-неясыть). По фот. В. Н. Кларка.
44. Богоявленскій соборъ зимою. По фот. А. Н. Павловича.
45. Будочка. По фот. А. Н. Павловича.
46. Сѣверный порталъ Троицкой церква. По фот. Чистякова.
47. «Старый дворъ» и уничтоженные столбы у постоялаго двора. По фот. Д. В. Милѣва.

стр.

48. Часть колоннады «Табачного ряда». По фот. А. Н. Павловича.
49. Деталь стѣны (съ хорами) Большого зала Дворянск. собранія. По фот. Чистякова.
50. Деталь иконы (Гурія Никитина) «устроенной иждивеніемъ Галицкаго Канцеляриста Петр. Ив. Гаврилова 10 марта 1659 г.».
51. Ипатіевскій монастырь весною, со стороны города. По фот. В. Н. Кларка. (собств. Костромск. Учен. Архив. Коммисіи).
52. «Триумфальныя ворота со стороны площади. По фот. Н. Е. Макаренко.
54. Соборы и постройки 1760—80 гг. (б. Кремль) со стороны Волги. По фот. Императорск. Археологическ. Коммисіи.
55. Великій Князь Василій Ярославовичъ «Квашня» Деталь фрески «Видѣніе Иконы В. Кн. Квашнѣ» въ кіотѣ Христорожественской (холодной) церкви. По фот. С. В. Чехонина.
56. Θεодоровская икона Божіей Матери (XIII в.) въ Успенскомъ соборѣ (окладъ позднѣйшій). По фот. С. В. Чехонина, другой окладъ на той же иконѣ см. репродукцію стр. 131. По фот. А. Шмидта.
58. Клеймо Св. Вратъ ц. Воскресенія на Дебрѣ (птица «Алконостъ»). По фот. В. Н. Кларка.
59. Оплечье (фелонь) даръ кн. Пожарскаго. Ризница Богоявленкаго монастыря. По фот. И. Θ. Борщевскаго.
60. Деталь золоченаго иконостаса Трехсвятитель-

стр.

- скаго придѣла ц. Воскресенія на Дебрѣ. По фот. И. Ѳ. Борщевскаго.
61. Деталь фрески въ паперти ц. Воскресенія на Дебрѣ. По фот. В. Н. Кларка.
62. Рѣзныя детали иконостаса конца XVII в. (нач. XVIII?) Троицкаго собора Ипат. мон. По фот. Чистякова и Захарова.
63. Стѣна Ипатіевскаго монастыря. По фот. С. В. Чехонина.
64. Входное крыльцо Троицкаго собора. По фот. В. Н. Кларка.
65. Абсиды (на Сѣверѣ!) Успенскаго Собора. По фот. А. Н. Павловича.
66. Общій видъ. ц. Воскресенія на Дебрѣ зимою. По фот. С. В. Чехонина.
67. Западный порталъ Троицкаго собора. По фот. И. Ѳ. Борщевскаго.
68. Деталь портала ц. Воскресенія. По фот. И. Ѳ. Борщевскаго.
69. Сѣверный фасадъ ц. Воскресенія. По фот. И. Ѳ. Борщевскаго.
70. Входъ въ ц. Воскресенія. Арки заложены и окна въ кладкѣ позднѣйшія. По фот. С. В. Чехонина.
71. Сѣверное крыльцо ц. Воскресенія. Не испорчено передѣлками. По фот. И. Ѳ. Борщевскаго.
72. Южный фасадъ ц. Воскресенія. По фот. И. Ѳ. Борщевскаго.
73. Деталь Входа. По фот. С. В. Чехонина.
74. Святыя врата. По фот. С. В. Чехонина.

стр.

75. Южн. фасадъ Троицкой ц. (до установки ограды). По фот. И. Ѳ. Борщевскаго.
77. Абсиды Троицкой ц. (до нынѣшней перекраски). По фот. Императорск. Археологическ. Коммисіи.
78. Колокольня Іоанна Богословской ц. По фот. В. С. Биркенберга.
79. Ильинская ц. По фот. В. С. Биркенберга.
80. Деталь иконостаса (средняго) ц. Богоотецъ Іоакимъ и Анна. По фот. С. В. Чехонина.
81. Порталь Гауптвахты. По фот. Георгія Лукомскаго.
82. Видъ на Каланчу изъ галлерей Гостиннаго Двора. (Офортъ передаетъ изображеніе въ обратномъ расположеніи). По офорту А. Л. Шилловскаго.
83. Деталь дома Дѣтскаго Приюта. По фот. А. Н. Павловича.
84. Деталь Печи въ Костромской губерніи. По фот. В. Н. Кларка.
85. Деталь дома Сунгурова на Русиной улицѣ. По фот. А. Н. Павловича.
86. Ворота дома Дворянства. По фот. А. Л. Шилловскаго.
87. Деталь стѣнописи Троицкаго собора. По фот. Чистякова и Захарова.
88. Деталь стѣнописи Троицкаго собора. По фот. В. Н. Кларка.
89. Деталь стѣнописи Троицкаго собора. По фот. С. В. Чехонина.
90. Деталь стѣнописи Троицкаго собора. По акварели. В. С. Биркенберга.

- стр.
91. Деталь стѣнописи паперти ц. Воскресенія. По фот. В. Н. Кларка.
- 94—101. Детали стѣнописи Троицкаго собора. (Никита Воинъ, Енохъ и др.) По фот. Захарова, Чистякова и Императорск. Археологическ. Коммисіи.
102. «Недреманное око» деталь стѣнописи въ паперти ц. Воскресенія. По фот. А. Шмидта.
103. Деталь стѣнописи въ паперти ц. Воскресенія. «Лно Авраамово». По фот. В. Н. Кларка.
105. Икона Іоанна Предтечи съ «Дѣянїями». По фот. С. В. Чехонина.
107. Деталь царскихъ вратъ придѣла Симеона Столпника Богоотцовой церкви, По фот. С. В. Чехонина.
108. Деталь иконостаса Троицкаго собора. По фот. Чистякова и Захарова.
109. Царское мѣсто въ Троицкомъ соборѣ. По фот. В. Н. Кларка.
110. Деталь царскихъ вратъ Трехсвятительскаго прихода ц. Воскресенія. По фот. И. Ѳ. Борщевского.
111. Ликъ Спасителя иконы въ паперти ц. Воскресенія. По фот. С. В. Чехонина.
112. Икона Θεодоровской Божіей Матери 1659 г. (письмо Гурія Никитина) въ Богоотцовой церкви. Съ иконы снятъ окладъ, видный на изображеніи этой же иконы на стр. 50 и 269. По фот. С. В. Чехонина.
113. Икона Знаменія Пресвятой Богородицы въ ц. Воскресенія на Дебрѣ. По фот. А. Шмидта.

стр.

114. **Θеодоровская икона Божіей Матери, которою былъ благословленъ, по преданію, Михаилъ Θеодоровичъ на царство. Хранится не въ Успенскомъ соборѣ, какъ о томъ неоднократно и ошибочно сообщалось въ многочисленныхъ репродукціяхъ журналовъ въ 1913 году, а въ ризницѣ Троицкаго собора. Воспроизведеніе же, помѣщаемое обыкновенно въ журналахъ, изображаетъ на самомъ дѣлѣ чудотворную икону XIII вѣка (см. рис. на стр. 56, 131 и 133.**
115. **Заглавный листъ рукописной Псалтири. По фот. А. Шмидта.**
116. **Миніатюра изъ Псалтири. По фот. В. Н. Кларка.**
117. **Аналой въ ц. Воскресенія на Дебрѣ. По фот. И. Θ. Борщевского.**
118. **Ладаницы (1684 г.) и кадило (1658 г.) въ ризницѣ Богоявленскаго монастыря. По фот. И.Θ. Борщевского.**
119. **Царскія врата Христорожественской церкви. По фот. С. В. Чехонина.**
121. **Царскія врата придѣла Симеона Столпника Богоотцовской церкви. По фот. С. В. Чехонина.**
124. **Успенскій соборъ и часть колокольни Богоявленскаго собора. По фот. В. Н. Кларка.**
131. **Икона Θеодоровской Божіей Матери (XIII в.), въ Успенскомъ соборѣ. По фот. А. Шмидта.**
133. **Ликъ Богоматери и Младенца Иисуса иконы Θеодоровской Божьей Матери (XIII в.). Снимокъ сдѣланъ съ иконы, когда слюдяной покровъ былъ снятъ съ ликовъ. По фот. В. Н. Кларка.**

стр.

137. Абсиды Богоявленскаго собора. По фот. А. Н. Павловича.
138. Колокольня Богоявленскаго собора. По фот. В. С. Биркенберга.
141. Калиточка ограды соборовъ. По фот. А. Н. Павлова.
143. Общій видъ строеній Ипатіевскаго монастыря. По фот. И. Θ. Борщевскаго (80-хъ годовъ), когда площадь передъ соборомъ еще не была засажена деревьями.
144. Главка придѣла близъ абсидъ Троицкаго собора. По фот. В. С. Бирбенберга.
146. Троицкій соборъ. По фот. Н. В. Кларка.
148. Абсиды Троицкаго собора. По фот. Θ. В. Чехонина.
149. Паперть Троицкаго собора. По фот. И. Θ. Борщевскаго.
151. Крыльцо Троицкаго собора. По фот. В. Н. Кларка.
153. Главы и закомары Троицкаго собора. По фот. Императорск. Археологическ. Комиссіи.
154. Деталь столба крыльца Троицкаго собора. По фот. Н. В. Кларка.
155. Деталь обработки откосовъ входнаго портала Троицкаго собора. По фот. И. Θ. Борщевскаго.
156. Деталь обработки портала южной двери Троицкаго собора, По фот. И. Θ. Борщевскаго.
158. Паперть Троицкаго собора съ запада. По фот. В. Н. Кларка.
160. Хоры Троицкаго собора. По фот. В. Н. Кларка.
161. Роспись на столбѣ (воины) Троицкаго собора. По фот. Чистякова и Захарова.

стр.

162. Роспись на столбѣ Троицкаго собора (Цари войны, пророки). По фот. Чистякова и Захарова.
163. Иконостасъ (XVII—XVIII в.) Троицкаго собора. По фот. Императорск. Археологическ. Комиссиі.
165. Царскія врата иконостаса. По фот. В. С. Биркенберга.
166. Деталь иконостаса. По фот. Чистякова и Захарова.
167. Паникадило и деталь иконостаса Троицкаго Собора. По фот. В. Н. Кларка.
168. Стѣнопись Троицкаго Собора. По фот. Чистякова и Захарова.
169. Ангель на стѣнописи Троицкаго Собора. По фот. Чистякова и Захарова.
171. Царское мѣсто въ Троицкомъ Соборѣ. По фот. П. О. Борщевскаго.
173. Деталь царскаго мѣста. (Подножья-львы XVI ст.). По фот. А. Н. Павловича.
174. Звоница (Годуновская) Ипатіевскаго монастыря. По фот. В. Н. Кларка.
176. Стѣны и башни Ипатіевскаго монастыря. По фот. П. О. Борщевскаго.
178. Круглая башня Ипатіевскаго монастыря. По фот. В. Н. Кларка.
179. Башня Ипатіевскаго монастыря по фот. В. Н. Кларка.
181. Зеленая башня. По фот. В. Н. Кларка.
182. Кельи монастыря. По фот. В. Н. Кларка.
183. Домъ бояръ Ромоновыхъ. По фот. Чистякова.
185. Металлическое кресло (XVIII в.?) въ домѣ бояръ Романовыхъ. По фот. А. Н. Павловича.

стр.

186. Кресло въ домѣ бояръ Романовыхъ (французское XVIII ст.?). По фот. Н. Е. Макаренко.
187. Кресло Голландское (имитация). По фот. Н. Е. Макаренко.
190. Деталь иконы Деисуса. Троицкаго собора. По фот. Чистякова и Захарова.
193. Икона Божіей Матери именуемая «Умиленіе» въ древнемъ кіотѣ, Троицкаго собора. И живопись и сканая работа древнія. По фот. А. Шмидта.
194. Два рѣзныхъ креста: одинъ черный кости, съ церковно-славянскими подписями, другой ажурный изъ дерева съ греческими надписями. Ризница Ипатьевского монастыря. По фот. А. Шмидта.
196. Воздухъ шитой на червчатой камкѣ золотомъ шелками и жемчугомъ, По угламъ сударя Серафимы. По фот. А. Шмидта.
197. Оплечье (фелони) въ ризницѣ Ипатьевского монастыря. По фот. Импер. Археолог. Института.
199. Потиръ 1599 года и 1603 года, крестъ (1563 г.) и Панагія (XVI в.) въ ризницѣ Ипатьевского монастыря. По фот. И. Θ. Борщевского.
200. Потиръ 1607 года въ ризницѣ Ипатьевского монастыря. По фот. И. Θ. Борщевского.
201. Окладъ Евангелія Елизаветинскаго времени. Ризница Ипатьевского монастыря. По фот. А. Н. Павловича.
203. Заглавный листъ Годуновской псалтири. Ризница Ипатьевского монастыря. По фот. С. В. Чехонина.
204. Миниатюра красками и золотомъ изъ рукописнаго Евангелія, пожертвованнаго въ 1603 году

стр.

въ Ипатіевскій монастырь Ив. Ив. Годуновымъ.
По фот. А. Шмидта.

206. Миниатюра, Годуновской псалтири 1594 г.,
ризица Ипат. мон. По фот. В. Н. Кларка.
209. Соборъ Богоявленскаго монастыря. По фот.
А. Н. Павловича.
210. Салтыковская церковь Богоявленскаго мона-
стыря. По фот. Импер. Археологическ. Комиссiи.
211. Перестроенная въ 80-хъ годахъ колокольня
Богоявленскаго монастыря. По фот. И. Ѳ. Бор-
щевскаго.
212. Древній корпусъ (XVII ст.) Богоявленскаго мо-
настыря. По фот. Импер. Археол. Комиссiи.
213. Водосвятная чаша и архимандричiй крестъ
ризицы Богоявленскаго монастыря. По фот.
И. Ѳ. Борщевскаго.
214. Часть эпитрахили и оплечье (даръ кн. По-
жарскаго) въ ризицѣ Богоявленскаго монастыря.
По фот. И. Ѳ. Борщевскаго.
215. Оплечье, шитое жемчугомъ 1613 года (даръ
кн. Пожарскаго) въ ризицѣ Богоявленскаго мо-
настыря. По фот. И. Ѳ. Борщевскаго.
216. Кадила 1641 и 1766 годовъ (даръ кн. Пожар-
скаго) въ ризицѣ Богоявленскаго монастыря.
По фот. И. Ѳ. Борщевскаго.
217. Окладъ Евангелiя 1630 года въ ризицѣ Бого-
явленскаго монастыря. По фот. И. Ѳ. Борщевскаго.
218. Южный фасадъ ц. Воскресенiя на Дебрѣ. По
фот. С. В. Чехонина.
220. Деталь Св. Вратъ. По фот. В. Н. Кларка.
221. Деталь Св. Вратъ. По фот. В. Н. Кларка.

стр.

223. Боковой видъ входа въ ц. Воскресенія. По фот. С. В. Чехонина.
224. Сѣверная сторона главнаго входа въ ц. Воскресенія. По фот. В. Н. Кларка.
225. Св. Врата церкви Воскресенія. По фот. И. Ѳ. Борщевского.
227. Деталь входа ц. Воскресенія (южн. фасадъ). По фот. И. Ѳ. Борщевскадо.
228. Деталь входа ц. Воскресенія. По фот. В. Н. Кларка.
229. Деталь абсидъ ц. Воскресенія (роспись). По фот. В. Н. Кларка.
230. Входъ въ церковь Воскресенія на Дебрѣ. По фот. А. Н. Павловича.
231. Порталь южный паперти ц. Воскресенія на Дебрѣ. По фот. И. Ѳ. Борщевского.
232. Деталь стѣнописи въ паперти ц. Воскресенія на Дебрѣ. По фот. И. Ѳ. Борщевского.
234. Деталь стѣнописи въ паперти ц. Воскресенія на Дебрѣ. По фот. В. Н. Кларка.
235. Деталь стѣнописи въ паперти церкви Воскресенія на Дебрѣ. По фот. В. Н. Кларка.
236. Икона Спасителя въ ц. Воскресенія. По фот. С. В. Чехонина.
238. Царскія Врата Екатерининскаго придѣла ц. Воскресенія. По фот. В. Н. Кларка (собств. Костромск. Ученой Архивн. Комиссіи).
240. Царскія Врата Трехсвятительскаго придѣла ц. Воскресенія. По фот. И. Ѳ. Борщевского.
242. Троицкая церковь. По фот. И. Ѳ. Борщевского.

стр.

243. Порталь сѣвернаго входа въ Троицкую церковь. По фот. Импер. Археологич. Комиссіи.
244. Деталь фасада Троицкой церкви. По фот. Импер. Археологич. Комиссіи.
246. Ворота ц. Іоанна Богослова. По фот. В. С. Биркенберга.
245. Четверикъ колокольни ц. Іоанна Богослова. По фот. В. С. Биркенберга.
248. Южная паперть (испорченная достройкою) ц. Іоанна Богослова. По фот. В. С. Биркенберга.
249. Абсиды церкви Іоанна Богослова. По фот. В. С. Биркенберга.
250. Кіотъ церкви Іоанна Богослова. По фот. Импер. Археологич. Комиссіи.
252. Царскія врата церкви Іоанна Богослова. По фот. С. В. Чехонина.
253. Деталь иконы «О Тебѣ радуется»—представляющая интересъ не только съ историко-художественной, но и съ бытовой стороны. Низъ иконы допускалось заполнять сюжетами вольными, внѣ установленныхъ правилъ. Въ данномъ случаѣ изображена процессія царей въ современныхъ одѣяніяхъ. По фот. С. В. Чехонина.
256. Часовня въ Селищѣ. По фот. А. Л. Шиловскаго.
257. Сергіевская церковь. По фот. В. С. Биркенберга.
259. Христорожественская церковь, «что на рѣкѣ Сулѣ». По фот. Георгія Лукомскаго.
260. Иконостасъ (лѣтней) Христорожественской церкви. По фот. С. В. Чехонина.

стр.

261. «Танецъ Саломеи» изъ Дѣяній иконы Іоанна Предтечи. По фот. С. В. Чехонина.
262. Дѣяніе изъ иконы Іоанна Предтечи. По фот. С. В. Чехонина.
263. Видѣніе иконы Ѣеодоровской Божіей Матери Великому Князю Квашинѣ въ полукружїи кіота, справа отъ иконостаса. По фот. С. В. Чехонина.
264. Люстра въ Христорождественской церкви. По фот. С. В. Чехонина.
265. Ворота Богоотцовской церкви. По фот. А. Л. Шиловскаго.
266. Иконостасъ Богоотцовской церкви, (правый придѣлъ). По фот. С. В. Чехонина.
267. Деталь наддвернаго украшенія Богоотцовской (холодной) церкви. По фот. С. В. Чехонина.
268. Толгская икона Вожіей Матери въ Богоотцовской церкви. По фот. С. В. Чехонина.
269. Икона Ѣеодоровской Божіей Матери. Пис. Гурій Никитицъ въ 1659 году (въ окладѣ). По фот. С. В. Чехонина.
270. Вознесенская церковь у набережной Волги. По фот. В. С. Биркенберга.
271. Срѣтенская (?) церковь Анастасїинскаго монастыря. По даннымъ Имп. Арх. Комиссїи церковь во имя Креста Воздвиженія (?). (См. рис. 190 стр. 295, 32-го «Вып. Изв. Имп. Арх. Комиссїи» 1909 года). По фот. В. Н. Кларка (собств. Костр. Учен. архив. Комиссїи).
271. Ворота ограды Анастасїинскаго монастыря. По фот. А. Л. Шиловскаго.

стр.

272. Царскія врата иконостаса (лѣтней) Богоотцовской церкви. По фот. С. В. Чехонина.
273. Ц. Успенія въ Андреевской слободѣ. По фот. В. С. Биркенберга.
274. Ц. Георгія и Воскресенія Христова «что на Площадкѣ». По фот. Георгія Лукомскаго.
275. Покровская церковь. По фот. В. С. Биркенберга.
276. Алексѣевская церковь. По фот. В. С. Биркенберга.
281. Павловская улица. По фот. Импер. Археол. Комиссiи.
282. Домъ Дѣтскаго приюта. По фот. В. Н. Кларка.
284. Домъ б. Мичурина на Павловской улицѣ. По фот. Георгія Лукомскаго.
285. Большой (бѣлый) залъ дома Дворянскаго Собранiя. По фот. Чистякова.
286. Большой залъ дома Дворянства. По фот. Чистякова.
288. Большой Гостинный дворъ и Мучные ряды. По фот. Георгія Лукомскаго.
289. Часть Гостиного двора и колокольня ц. Спаса («въ Рядахъ»). По фот. А. Л. Шиловскаго.
290. Портикъ зданiя Губернск. Присутств. мѣсть. По фот. Георгія Лукомскаго.
291. Видъ на Гауптвахту и каланчу. По фот. Н. Е. Макаренко.
292. Портикъ зданiя каланчи. По фот. А. Л. Шиловскаго.
293. Домъ б. Борщова (Окружный Судъ). По фот. Чистякова.

стр.

294. Фасадъ дома Дворянства. По фот. А. Л. Шиловскаго.
295. Малый (Екатерининскій) залъ д. Дворянства. По фот. Чистякова.
296. Лѣстница Дворянскаго собранія. По фот. Чистякова.
297. Деталь лѣстницы. По фот. Чистякова.
298. Деталь плафона малаго зала. По фот. Чистякова.
299. Двери большого зала Дворянскаго собранія. По фот. Чистякова.
300. Барельефъ на памятникѣ Сусанину. Демуть-Малиновскаго. По фот. В. Н. Кларка.
301. Ворота дома Конвойной команды. По фот. В. Н. Кларка.
302. Чайная (д. Викентьевой) на набережной Волги. По фот. В. Н. Кларка.
303. Колоннада гостинницы «Старый дворъ». Во время перестройки. По фот. В. Ф. Левинсонъ-Лессингъ.
304. Деталь особняка. По фот. А. Л. Шиловскаго.
311. Проектъ дома Дворянства въ Костромѣ. По фот. принадлежащей Костр. учен. Архивн. Комисси.
312. Проектъ дома Дворянства въ Костромѣ. По фот. принадлежащей Костр. учен. Арх. Комисси.
313. Домъ Акатова на Русиной улицѣ. По фот. В. Ф. Левинсонъ-Лессингъ.
314. Домъ Соборнаго причта. По фот. Георгія Лукомскаго.

стр.

315. Домъ Акатовыхъ на Мшанской ул. По фот. В. Н. Кларка.
316. Домъ Богоявленской на Мшанской ул. По фот. А. Л. Шиловскаго.
317. Домъ Королева на Русиной ул. По фот. А. Л. Шиловскаго.
318. Домъ у спуска отъ Базарной площади къ Волгѣ. По фот. Чистякова.
319. Домъ Солодовниковой на Нижне-Набережной ул. По фот. А. Н. Павловича.
320. Домъ Сунгуровой на Русиной ул. По фот. А. Л. Шиловскаго.
321. Домъ Солодовниковой на Павловской улицѣ. По фот. А. Л. Шиловскаго.
321. Домъ Янцевой на Ильинской ул. По фот. В. Ф. Левинсонъ-Лессингъ.
322. Домъ училища слѣпыхъ. По фот. В. Н. Кларка.
322. Домъ Сергѣевского причта. По фот. В. Н. Кларка.
323. Обелиски Московской заставы (до застройки ихъ въ 1913 г.). По фот. А. Л. Шиловскаго.
324. Печь въ д. б. Мичуриной. По фот. В. Н. Кларка.
325. Печь въ д. б. Мичуриной. По фот. В. Н. Кларка.
326. Печь въ д. б. Мичуриной. По фот. В. Н. Кларка.
327. Печь въ уѣздномъ городѣ Костромской губ. По фот. В. Н. Кларка.
328. Печь въ д. б. Мичуриной (Акцизное управление). По фот. А. Н. Павловича.

стр.

329. Печь въ д. б. Мичуриной (Акцизное управ.).
По фот. А. Н. Павловича.
330. Печь въ д. Солодовниковой (Межевое упр.).
По фот. А. Н. Павловича.
331. Печь въ д. Солодовниковой (Межевое упр.).
По фот. А. Н. Павловича.
332. Гробница въ церкви Лазаревского кладбища.
По фот. А. Л. Шиловскаго.
333. Надгробный памятникъ на кладбищѣ въ Ко-
стромѣ. По фот. А. Л. Шиловскаго.
335. Группа изъ собранія Музея. По фот. К. К.
Була.
342. Видъ на Ипатіевскій монастырь съ Волги. По
фот. Импер. Арх. Коммиссіи.
343. Видъ на соборы съ Волги. По фот. Импер.
Археол. Коммиссіи.
345. Видъ на Кострому съ Богоявл. колокольни.
По фот. Импер. Археол. Коммиссіи.
347. Сусанинская площадь. По фот. Импер. Археол.
Коммиссіи.
349. Базарная площадь по фот. Импер. Археол.
Коммиссіи.
351. Видъ на Кострому съ Колокольни ц. Воскресе-
нія на Дебрѣ.

Заставки и концовки.

стр.

- III. Видъ на гостинный Дворъ и Сусаинскую площадь. По рис. А. Л. Шиловскаго.
- VII. Входное крыльцо въ Успенскій соборъ и «Триумфальныя ворота». По рис. А. Л. Шиловскаго.
- IX. На звоницѣ Ипатіевскаго монастыря. по рис. А. Л. Шиловскаго.
1. Деталь иконостаса конца XVII ст. Троицкаго собора Ипатіевскаго монастыря. По фот. С. В. Чехонина.
33. Гербъ Костромы. Съ рис. И. Я. Билибина.
35. Деталь иконостаса конца XVII ст. Троицкаго собора По фот. С. В. Чехонина.
53. Деталь иконостаса конца XVII ст. Троицкаго собора. По фот. С. В. Чехонина.
123. См. стр. 1.
276. см. стр. 53:
340. Гербъ Костромы — Екатерининская ладья. Съ ориг. принадлежащаго Костр. уч. Арх. Коммисіи.
341. См. стр. 35.
352. См. стр. 33.
353. См. стр. 123.
354. Ипатіевскій монастырь. Троицкій соборъ и кладбище. По рис. А. Л. Шиловскаго.
354. Надгробный памятникъ надъ могилою д. с. с. Ашишкова. (1793 г.) на кладбищѣ Ипатіевскаго монастыря. По рис. А. Л. Шиловскаго.

стр.

355. Ворота Ильинской церкви въ городищѣ. По рис. А. Л. Шиловскаго.
355. Памятникъ на кладбищѣ въ Селищѣ. По рис. А. Л. Шиловскаго.
356. Памятникъ на кладбищѣ Ипатіевскаго монастыря. По рис. А. Л. Шиловскаго.
356. Ворота ограды Ильинской церкви въ городищѣ. По рис. А. Л. Шиловскаго.
357. Деталь церкви въ Селищѣ. По рис. А. Л. Шиловскаго.
358. Деталь ограды церкви въ Селищѣ. По рис. А. Л. Шиловскаго.
358. Памятникъ на Крестовоздвиженскомъ кладбищѣ. По рис. А. Л. Шиловскаго.
359. На звонницѣ Ипатіевскаго монастыря. По рис. А. Л. Шиловскаго.
359. Часовня въ рядахъ. По рис. А. Л. Шиловскаго.
360. Памятникъ на Лазаревскомъ кладбищѣ. По рис. А. Л. Шиловскаго.
390. Надгробный памятникъ. См. рис. стр. 356.
398. Памятникъ на Ипатіевскоиъ кладбищѣ. По рис. А. Л. Шиловскаго.
393. Аркада «Табачнаго ряда» по рис. А. Л. Шиловскаго.
402. Крестъ на Воздвиженскомъ кладбищѣ. По рис. А. Л. Шиловскаго.

Рисунокъ обложки, корешка и титульнаго листа художника В. Я. Билибина.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
Предисловіе отъ составителя книги.	I—X
I. Историческій очеркъ Костромы	1—33
Текстъ В. К. Лукомскаго.	
II. Художественный обликъ Костромы	34—51
Текстъ Георгія Лукомскаго.	
III. Исторія художественнаго развитія и художественное значеніе Костромы.	52—122
Текстъ Георгія Лукомскаго.	

Строительство первыхъ вѣковъ существованія города. Стр. 53—54; остатки этого строительства и искаженія ихъ, стр. 55; развитіе Костромы въ послѣдующія эпохи, стр. 57—58; расцвѣтъ художественности въ Костромѣ въ XVII вѣкѣ стр. 59—60; развитіе искусствъ и ремеслъ, стр. 61—62; краткій хронологическій об-

зорь построекъ; Успенскій соборъ, стр. 63; Ипатіевскій монастырь, стр. 63—64; соборъ Богоявленскаго монастыря, стр. 65; ц. Воскресенія на Дебрѣ, стр. 65; объ окраскѣ церквей, стр. 67—68; признаки и характерныя черты мѣстнаго строительства: крыльца, паперти, стр. 69—73; Троицкая церковь, стр. 74—75; церкви позднѣйшаго времени, стр. 77—78; сооруженія эпохи барокко, стр. 79—Богоявленскій соборъ и иныя церкви, стр. 80; классическія теченія въ зодчествѣ, стр. 80—81; каланча, гауптвахта и другія постройки, стр. 83—84; печи, стр. 84; памятники, стр. 85; внутреннее убранство церквей, стѣнопись стр. 86; Костромская школа фрескистовъ, стр. 87; исторія развитія стѣнописи въ Костромѣ и ея основы, стр. 88—92; фрески Троицкаго собора и Ипатіевскаго монастыря, ихъ авторы, стр. 93—102; фрески ц. Воскресенія, стр. 103; фрески иныхъ церквей, стр. 104—105; Костромскіе храмы—живые музеи, стр. 106—107; предметы обихода; церковная утварь стр. 108; иконостасы, стр. 109; иконы, стр. 110—114; богатства ризницъ стр. 115—121; музеи—стр. 122.

IV. Описаніе памятниковъ художественной старины. . . 123—275

Текстъ Георгія Лукомскаго.

Успенскій соборъ стр. 123; придѣлъ Θεодора Стратилата, стр. 127; стѣнопись собора, стр. 129; Иконостасъ и его иконы, стр. 131; ризница

и ея иконы, стр. 132; Богоявенскій соборъ, стр. 136; его колокольня, стр. 137; Триумфальныя ворота стр. 139; ограда стр. 140; Ипатіевскій монастръ, стр. 142; исторія его, стр. 145; Троицкій соборъ, стр. 148; порталы, врата и двери, стр. 154; стѣнопись собора, стр. 158; иконостасъ собора, стр. 163; иконы Троицкаго собора, стр. 166; Царское мѣсто, стр. 172; колокольня монастыря, стр. 173; церковь Рождества Богородицы, стр. 175; ограда, башни и ворота ея, стр. 177; постройки монастыря (келіи) стр. 180; домъ бояръ Романовыхъ, стр. 182; предметы убранства его, стр. 185; усыпальницы и надгробные памятники монастыря, стр. 188; ризница монастыря, стр. 189; иконы-складни, стр. 189; иконы, стр. 191; историческія реликвіи, стр. 192; напрестольные кресты стр. 192; панагіи, стр. 194, панагійные кресты, стр. 195; митры, стр. 195; епитрахили, стр. 195; священныя одежды, стр. 197; богослужебныя сосуды, стр. 197; лицевыя рукописи, стр. 200; евангелія стр. 201; псалтири, стр. 203; миниатюры, стр. 206. Богоявленскій монстырь, стр. 207; соборъ и постройка его, стр. 211—214; Салтыковская церковь, стр. 214; ризница Богоявленскаго монастыря, стр. 216. Церковь Воскресенія Христова на Дебрѣ, стр. 219; ея конструкція, покраска и искаженія, стр. 221—224; Святыя врата, 226; стѣнопись въ паперти, стр. 230—233; ризница церкви, стр. 237; придѣлы церкви и ихъ иконостасы, стр. 239, Троицкая

церковь, стр. 241; церковь Иоанна Богослова, стр. 245; стѣнопись ея стр. 248; церковь Спаса Преображенія за Волгой, стр. 251; Николаевская церковь, стр. 255; Ильинская церковь, стр. 255. Часовня въ Селищѣ, стр. 255; Двѣ часовни стр. 256; Сергіевская церковь, стр. 257; Христорождественская церковь, стр. 258; Иконы ея стр. 260; Богоотцовская церковь стр. 264; иконостасы ея, стр. 265; Михаило-Архангельская церковь, стр. 266; Анастасіинскій монастырь, стр. 270; церковь Бориса и Глѣба, стр. 270; церкви Воскресенья и Георгіевская стр. 271; церковь Успенія стр. 272; церкви стила Louis XVI стр. 273; церковь Спасителя въ Гостинномъ Дворѣ, стр. 274; церковь Преображенія, стр. 275; прочія церкви конца XVIII и начала XIX столѣтія. стр. 277.

V. Описаніе памятниковъ классической архитектуры 276—334.

Текстъ Георгія Лукомскаго

Расцвѣтъ классическихъ теченій со времени учрежденія намѣстничества, стр. 280; Костромскіе губернаторы — руковод. художеств. строительства, стр. 281; лучшіе зодчіе, стр. 283; архитекторъ Метлинъ, стр. 284; архитекторъ Фурсовъ, и иные, стр. 286; старѣйшее классическое сооруженіе—Гостинный дворъ стр. 288; «Большія мучныя линіи и другіе Ряды», стр. 289—293; Присутственныя мѣста, стр. 294; Гауптвахта, стр. 300; Пожарная каланча, стр.

304; домъ Генераль-Лейтенанта Борщова, стр. 306; домъ Дворянства, стр. 307; чугунныя лѣстницы и рѣшетки, стр. 307; памятникъ Ивану Сусанину стр. 308; Вандализмы стр. 310; домъ Мичуриной, стр. 311; домъ Солодовникова стр. 312; особняки на Волжской набережной, стр. 313; домъ Дѣтскаго Приюта, стр. 314; и «Старый Дворъ; стр. 315; домъ Акатова на Мшанской улицѣ», стр. 315; домъ Богоявленской, стр. 316; домъ Королева, стр. 317; Прочіе особняки, стр. 318—319; деревянный «ампиръ», стр. 320—322; провинціализмы, 323—324; Московская састава, стр. 324; печи, стр. 326; гробницы стр. 329; памятники, и ихъ печальная судьба, стр. 330—334.

VI. Романовскій музей 335—340.

Текстъ Георгія Лукомскаго

Зданіе его, стр. 336; Предметы изъ дерева (рѣзьба), стр. 336; металлическія издѣлія, стр. 337; иконы, оклады, стр. 337; Романовскій отдѣлъ, стр. 338.

VII. Обзоръ памятниковъ художественной старины . . . 341—352.

Текстъ Георгія Лукомскаго

Прогулки по Костромѣ, стр. 341; Кратчайшій порядокъ осмотра — стр. 342; Однодневный порядокъ осмотра, стр. 346; Подробнѣйшій осмотръ, стр. 350; время осмотра, стр. 352.

VIII. **З а к л ю ч е н і е 353—360.**

Текстъ Георгія Лукомскаго.

IX. **Библіографія книгъ по исторіи
Костромы и памятниковъ ея худо-
жественной старины 361—370.**

Составилъ В. К. Лукомскій.

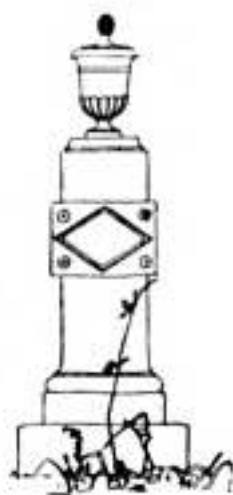
X. **Перечень и объясненіе ил-
люстрацій 371—392.**

Составилъ Георгій Лукомскій.

О г л а в л е н і е 393—398.

Г л а в н ѣ й ш і я о п е ч а т к и 399—492.

О б њ я в л е н і я 493—413.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ,

вызванныя исключительно спѣшностью въ выпускѣ изданія вообще, и въ напечатаніи первыхъ двѣнадцати листовъ книги, особенно.

Звѣздочкою отмѣчены погрѣшности, существеннѣйшія, т. е. измѣняющія смыслъ слова или фразы.

На стр.	строк. (снизу)	напечатано	слѣдуетъ
V	6	содержительной	содержательной
37	19	костромскіе	костромскія
37	12	потонувшіе	потонувшія
37	12	монастырскіе	монастырскія
37	11	блещущіе	блещущія
40	16	окруженныя	окруженные
40	9	извнутри	изнутри
42	10	увѣнчанные	увѣнчанныя
42	3	окрашенные	окрашенныя
42	2	на которомъ	на который
43	26	покрытые	покрытыя
43	24	покрытые	покрытыя
43	20	башней	башень
43	18	златоверхія	златоверхіе
45	6	тріумфальные	тріумфальныя
46	3	похожіе	похожія

49	7	большого	большаго
49	2	они	онѣ
50	10 (подпись)	Богоотцевской	Богоотцовской
51	7	плавучимъ	пловучимъ
53	2	которые	которыя
54	5	земляные	землянныя
*) 55	16 (подпись)	Бояринъ	Василій
55	13	Сстоявшія	Сстоявшіе
58	13	сохранившіеся	сохранившіяся
*) 64	5	Россовскаго	Ростовскаго
65	27	Рождества—	Рождество—
68	25	украшена	украшены
68	9	взятая	взятые
70	10	упомянутыя	упомянутые
70	10	каменные	каменные
71	3	они	онѣ
73	16	соборы	собора
73	8	они	онѣ
74	31	снабженныя	снабженные
77	2	они	онѣ
78	27	бѣлыя	бѣлыя
78	1	украшенные	украшенныя
80	10	по нынѣ	поянѣ
80	13	царившіе	царившія
83	21	они	онѣ
83	11	запоздыванія	запаздыванія
83	1	прекрасные	прекрасныя
84	29	украшенные	украшенныя
84	5	прекрасные	прекрасныя
85	3	ея	ее
88	10	они	онѣ

91	27	впало	впала
91	1	полные	полныя
92	29	богоматерь	Богоматерь
92	29	младенцемъ	Младенцемъ
93	18	знанія	знаніе
*) 96	25	аксессуаровъ	аксессуаровъ
102	3	сохранившейся	сохранившіяся
104	13	они	онѣ
104	6	закрывающіеся	закрывающіяся
106	20	на признаніе	признанія
107	1	поддерживов- шіеся	поддерживав - шіеся
113	6	прекрасные	прекрасныя
114	6	Марфа	Марѳа
117	12	пожертвованы	пожертвованныя
118	5	наружные	наружныя
118	2	такія	такіе
125	13	эти	эти
126	21	заканчивающіеся	заканчивающіяся
138	9 (подпись)	колокольни	колокольня
147	17	бышій	бывшій
147	14	монаховъ	монахамъ
152	5	вызывающееся	вызываемое
159	8	потретнымъ	портретнымъ
179	10 (подпись)	Ипатіевскао	Ипатіевского
*) 193	12 (подпись)	Успенія	Умиленія
*) 236	17 (подпись)	Боярину	Василію
333	2	chef'doeuvr'овъ	chef'doeuvre'овъ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНИЯ
ОБЩИНЫ СВ. ЕВГЕНІИ
КРАСНАГО КРЕСТА.

ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА:

ПОРТРЕТЫ ВЫСОЧАЙШИХЪ ОСОБЪ Домъ Бояръ Романовыхъ. Московскіе Терема. Троны и Короны Русскихъ Государей. Акварели М. Я. Вилліе, составляющія собственность ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА (архитектура и русскій бытъ). Дворцы, столичныя и загородныя (снимки снаружи и внутреннія убранства). Императорскій Эрмитажъ. Столичныя музеи. Романовская галлерей: портреты Русскихъ Государей (85 снимковъ можно получить въ особомъ etuis).

Архитектурныя памятники: Кострома, Ростовъ-Великій, Ярославль и др.

Картины, рисунки, эскизы извѣстныхъ русскихъ художниковъ.

Дѣло изданій находится подъ непосредственнымъ руководствомъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ.

АВТОПОРТРЕТЪ И. Е. РЪШИНА.

(1913 г.),

написанный исключительно для изданія Общины Св. Евгении. Размѣръ портрета съ полями (24×34 сант.), цѣна 75 коп. безъ перес.

ЭРМИТАЖЪ.

Путеводитель по картинной галлерей въ связи съ исторіей Европейской живописи съ XV по XVIII в. Трудъ Александра Н. Бенуа. Около 150 воспроизведеній картинъ Эрмитажа; болѣе 600 стр. текста. Цѣна въ худож. тиснен. зол. перепл. 2 руб. безъ пересылки.

ПАВЛОВСКЪ.

Художественно - историческій очеркъ - путеводитель въ связи съ исторіей русскаго искусства конца XVIII в., состав. В. Я. Курбатовъ (второе изданіе, значительно исправленное и дополненное); 150 иллюстрацій съ видами Дворца, парка, павильоновъ, а также оригинальныхъ чертежейъ великихъ зодчихъ, создавшихъ Павловскъ. Приложенія: Планъ Павловска и пр. Цѣна въ тисн. зол. переплетѣ 2 руб. безъ перес. Имѣется ограниченное количество нумерованныхъ экземпляровъ по 10 руб.

КОСТРОМА.

Художественно-историческій очеркъ, описаніе памятниковъ художественной старины и путеводитель.

Трудъ Г. К. Лукомскаго, съ приложеніемъ очерка исторіи Костромы В. К. Лукомскаго; 400 стр. текста и 300 иллюстрацій. Цѣна 3 рубля, безъ пересылки.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Художественно-историческій очеркъ и путеводитель по столицѣ. Трудъ В. Я. Курбатова, около 200 иллюстрацій. Цѣна 3 руб. безъ перес. Принимается подписка на особые нумерованные экземпляры по цѣнѣ 15 руб. экз. Печатается ограниченное количество.

1812 ГОДЪ ВЪ БАСНЯХЪ КРЫЛОВА.

Рисунки Егора Нарбута; вступительная статья и примѣчанія Н. О. Лернера. Изящное изданіе. Цѣна 2 руб. безъ перес.

ПОЧТОВАЯ БУМАГА.

1) Виды Петербурга въ деревянныхъ гравюрахъ (ксилографіи А. П. Остроумовой-Лебедевой). Цѣна 2 руб. безъ перес.

2) Рисунки Л. С. Бакста, Александра Н. Бенуа, М. В. Добужинскаго, К. А. Сомова и С. П. Яремича. Цѣна 2 р. 50 к. безъ перес.

АЛЬБОМЫ.

На 400 откр. пис. исполнены во вкусѣ старинныхъ книгъ. Рисунки на переплетѣ А. П. Остроумовой-Лебедевой (гравюра на деревѣ) К. А. Сомова (акварель) и С. П. Яремича. Цѣна 5 руб. безъ перес.

въ видѣ стариннаго книжнаго переплета для хранения откр. писемъ въ книжныхъ шкафахъ на 50 и 100 откр. пис. Цѣна 1 руб. безъ перес.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ по рисунку художника И. Я. Билибина. Отпечатанъ хромофотографіей въ 14 краск. Цѣна 1 руб. безъ пересылки.

ОБЗОРЪ художественныхъ изданій Общины Св. Евгеніи со снимками въ краскахъ съ картинъ художниковъ: А. Бакста, И. Билибина, В. Васнецова, М. Нестерова, И. Рѣпина, К. Сомова, А. П. Остроумовой и др. Цѣна 75 коп. безъ перес.

ИЗДАНИЯ ОБЩЕПОЛЕЗНЫЯ:

ТАБЛИЦЫ ПОДАЧИ ПЕРВОЙ ПОМОЩИ до прибытія врача, сост. проф. Г. И. Турнеромъ, рис. академика Самокиша. 8 картинъ въ краскахъ. Цѣна понижена наполовину и объявлена на каждую таблицу 25 коп. Комплектъ 1 р. 50 коп.; съ перес. 1 р. 75 к.

ТЕМПЕРАТУРНЫЯ КНИЖКИ (въ 25 листовъ). Цѣна 15 коп. за книжку, безъ перес.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ ОБЩИНЫ СВ. ЕВГЕНІИ;

Въ С.-Петербургѣ: Главный и для иногороднихъ—Пески, Старорусская, 3. Община Св. Евгеніи. Городской—СПБ. Морская, 38.

Въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, д. Тверского Подворья.

Во всѣхъ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ Краснаго Креста и въ салонъ-вагонахъ скорыхъ Сибирскихъ поѣздовъ.

Кромѣ того, книги продаются въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» СПБ., Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ н/Д. и Саратовъ и въ книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ, СПБ., Москва.

Вышелъ новый иллюстрированный каталогъ изданій Общины Св. Евгеніи, цѣна 25 коп.

ВНОВЬ ОТКРЫТЫ

ПОСТОЯННЫЯ ВЫСТАВКИ съ продажей картинъ современныхъ русскихъ художниковъ и авторскихъ оттисковъ гравюръ А. П. Остроумовой-Лебедевой, при складахъ изданій Общины Св. Евгеніи

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Морская, 38, въ помѣщеніи, вновь отдѣланномъ по рисункамъ архитектора-художника Н. Е. Лонсере.

ВЪ МОСКВѢ, въ новомъ помѣщеніи, Кузнецкій мостъ, 11.

ВЪ СЛАДЪ ИЗДАНИЙ ОБЩИНЫ СВ. ЕВГЕНІИ
(СПБ., Морская, 38. Москва, Кузнецкій мостъ, 11).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПСКА

НА ИЗДАНИЯ:

«ИСТОРИЯ РУССКАГО ИСКУССТВА» подь редакціей Игоря Грабаря. Изданіе Кнебеля.

«ИСТОРИЯ ЖИВОПИСИ» всѣхъ временъ народовъ. Трудъ Александра Бенуа. Изданіе «Шиповникъ».

МИКЕЛЬ-АНЖЕЛО БУОНАРРОТИ. Трудъ Германа Гримма; переводъ Малахіевой-Мировичъ. Художественная часть изданія въ завѣдываніи М. В. Добужинскаго. Изданіе «Грядущій День» подь редакціей А. Л. Вольнскаго.

«ПАМЯТНИКИ ЗАПАДНО - ЕВРОПЕЙСКОЙ ЖИВОПИСИ». Трудъ Александра Бенуа. Изданіе Кнебеля.

НА ЖУРНАЛЫ:

«СТАРЫЕ ГОДЫ».

«АПОЛЛОНЪ».

«ИСКУССТВО» въ Южной Россіи, живопись, графика, художественная печать.

ПРОДАЮТСЯ:

Монографіи художниковъ и др. художественныя изданія Т-ва Голике и А. Вильборгъ, Н. Л. Бутковской, Кнебеля и др.

П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ И ПУТЕВОДИТЕЛЬ

П О С Т О Л И Ц Ъ

ТРУДЪ В. Я. КУРБАТОВА.

Петербургъ принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ городовъ Европы. Русскіе Монархи, начиная съ Петра I, не щадили средствъ на украшеніе своей столицы. Лучшіе зодчіе, сперва иностранцы, а затѣмъ и отечественные, прилагая свой вкусъ и свои знанія, создали городъ исключительный по цѣльности художественнаго впечатлѣнія. Преобладаніе художественнаго элемента произвело необычайно богатый результатъ, выдвинувъ Петербургъ въ первыя же сто лѣтъ его существованія въ разрядъ лучшихъ городовъ всего свѣта. Уже въ началѣ прошлаго вѣка дѣтище Петра Великаго пріобрѣтаетъ совершенно законченный характеръ, къ этому же времени относится полное осуществленіе грандіознаго художественнаго плана, предназначаемаго основателемъ Петербурга. Какъ по мановенію волшебнаго жезла возникъ огромный городъ съ исключительной печатью строгости стиля, изумительно цѣльный въ общемъ и частяхъ.

Исторія внѣшняго вида Петербурга заключаетъ въ себѣ исторію русскаго искусства на протяженіи

двухъ послѣднихъ столѣтій. Значительнѣйшіе мастера во всѣхъ родахъ искусства проявили здѣсь свои силы въ созданіи образцовъ высокаго совершенства. Подъ такимъ угломъ зрѣнія авторъ Путеводителя по Петербургу и разсматриваетъ исторію этого изумительнаго города. Книга о Петербургѣ заключаетъ въ себѣ очеркъ развитія русскаго искусства со времени Петра Великаго. Здѣсь во множествѣ подробностей уясняется совокупная связь трехъ великихъ искусствъ — архитектуры, скульптуры и живописи въ ихъ гармоничномъ соотношеніи другъ съ другомъ.

Въ настоящее время уродливыя сооруженія все больше и больше нарушаютъ художественную цѣльность внѣшняго вида Петербурга. Авторъ ставитъ своей задачей запечатлѣть въ подлинномъ видѣ то, что до сихъ поръ осталось неприкосновеннымъ, а также дать представленіе и о памятникахъ погибшихъ, дабы сохранить во всей полнотѣ цѣльность художественнаго впечатлѣнія творческихъ усилій выдающихся мастеровъ XVIII и XIX ст.

Въ новомъ изданіи Общины св. Евгеніи обращено особое вниманіе на внѣшнюю сторону книги. Бумага, печать, отчетливость и чистота иллюстрацій, матеріалъ для переплета, равно какъ и художественное тисненіе на немъ составляютъ предметъ особыхъ заботъ издательства. Книга заключаетъ болѣе 200 иллюстрацій, изображающихъ памятники архитектуры, скульптуры, живописи, внутреннее убранство дворцовъ и частныхъ домовъ, сады и проч., что дастъ читателю возможность имѣть полное

представленіе о художественныхъ богатствахъ Петербурга.

Спеціально для Путеводителя по Петербургу исполненъ въ гравюрѣ на деревѣ рядъ заставокъ и концовокъ выдающейся художницей нашего времени А. П. Остроумовой-Лебедевой.

Изящный томъ около 600 стр. въ роскошномъ тисненномъ золотомъ переплетѣ. Цѣна 3 руб.

Для любителей изящныхъ изданій будутъ выпущены 25 нумерованныхъ экзempl., печатанныхъ на особой бумагѣ и въ сафьянномъ переплетѣ. Подписка на нихъ принимается въ складѣ изданій Общины св. Евгеніи (Морская, 38).

СКЛАДЫ ИЗДАНИЯ: главный и для иногороднихъ—СПБ. Старорусская, 3; городской—Морская 38.
ВЪ МОСКВѢ: Кузнецкій Мостъ, д. Тверского Подворья.

АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА
ИСТОРИЯ
ЖИВОПИСИ
ВСѢХЪ ВРЕМЕНЪ И НАРОДОВЪ

ИЗДАНИЕ „ШИПОВНИКЪ“
(Слб., Николаевская, 31).

«Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ» Александра Бенуа охватываетъ періодъ съ древнѣйшихъ временъ до конца XIX вѣка (до импрессионистовъ включительно) и раздѣлена, сообразно съ избранной авторомъ системой, на четыре части: первая часть—исторія пейзажной живописи; вторая часть—исторія портрета; третья часть—исторія бытовой (жанровой) живописи и четвертая часть—исторія идейной живописи (религіозныя, міѳологическія, фантастическія и историческія темы).

«Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ» печатается на спеціально заказанной слоновой (высшаго качества) бумагѣ. Значительное число репродукцій печатается особо на мѣловой бумагѣ высшаго качества и наклеивается въ текстѣ.

Наблюденіе за художественной стороною изданія взялъ на себя лично Ал. Бенуа, при участіи художниковъ: И. Билибина, М. Добужинскаго, Е. Лансере, Г. Нарбута и С. Яремича.

Подписная цѣна каждаго выпуска по предварительной подпискѣ 1 р. 80 к.; пересылка—40 коп., наложеніе платежа—10 коп. При подпискѣ вносятся 3 р. 60 к., которыми оплачиваются послѣдніе два выпуска изданія. При полученіи каждаго выпуска вносятся стоимость его, за исключеніемъ послѣднихъ двухъ, какъ уже оплаченныхъ при подпискѣ задаткомъ. Всѣхъ выпусковъ предполагается отъ 30 до 35.

Отдѣльно выпуски продаваться не будутъ.

Подписка принимается въ складахъ изданій Общины Св. Евгеніи Краснаго Креста (Петербургъ, Морская, 38; Москва, Кузнецкій мостъ, 11).

Приложение

Л.И. Сизинцева

Обаяние провинции

О книге В.К. и Г.К. Лукомских
«Кострома»

1. Образ города

Города так же не похожи, как и люди. Каждый город имеет свою судьбу, характер, облик. Некоторые из них уникальны и ярки, другие хороши именно своей неприметностью, обычностью, но каждый неповторим.

Тихая Кострома — классический провинциальный город. Она меняется осторожно и неохотно, раздражая этим сторонников прогресса. Зато в толщах ее «культурного слоя» можно найти следы былых эпох, от которых столь поспешно отказались столицы. Ее особые приметы не бросаются в глаза, но открываются внимательному взгляду людей неторопливых и равнодушных.

К их числу можно, без сомнения, отнести и Георгия Лукомского, которому принадлежит замысел этой книги. Он уже выпустил в 1912 году книги о Париже и Петербурге перед тем, как обратиться к Костроме, которая стала первой в созданной им галерее портретов «губернских столиц». Вероятно, выбор объяснялся тем, что ей в 1913 году предстояло принимать именитых гостей.

Есть города, на протяжении столетий определявшие ход отечественной истории. Кострома не относится к их числу, но однажды именно здесь решилась

судьба страны. 14 февраля 1613 года здесь, в костромском Ипатьевском монастыре был призван на Царство Михаил Феодорович (Федорович) Романов. Это ознаменовало конец «Смутного времени» и положило начало Династии, правившей в России триста лет и четыре года, а маленький город на Волге превратило в «колыбель Дома Романовых».

Об этих событиях на протяжении столетий помнили и представители Царской Семьи, приезжавшие поклониться родовому гнезду, и костромичи, привыкшие за столетия принимать высоких гостей, но навсегда сохранившие благоговейный трепет перед ними.

Первым после отъезда Михаила Феодоровича монаршим визитом стал приезд Екатерины Великой в 1767 году. Кострома была одной из многих остановок в долгой поездке Императрицы по Волге, но принимавший ее в Ипатьевском монастыре владыка Костромской и Галичский Дамаскин напомнил о событиях 1613 года, о роли города и монастыря в истории России: «Вниди, Государыня, в древнюю обитель твоего предка...»*. Так начиналось сознательное формирование образа города — «Царственной колыбели».

Императрица стояла службу под деревянной резной сенью, некогда подаренной Михаилом Феодоровичем — на «Царском месте», и переписка свидетельствует о том, что она запомнила Ипатьевский монастырь, «который прославлен в истории нашей тем, что из него Царь Михайло Феодорович на Царство веден к Москве»**.

* Скворцов Л.П. Материалы для истории города Костромы. Ч. I. Кострома, 1913. С. 202.

** Там же, с. 206.

Записки очевидцев трогательно повествуют о том, как первые дворяне губернии и достойнейшие представители купечества приветствовали Государыню, а «десять благородных девиц в белых платьях с золотыми перевязями и гирляндами через плеча, на коих висели корзины с цветами, и венками на головах, с обеих сторон входа поставленные, по ступеням соборной лестницы усыпали цветами».* Во время обеда, данного в ее честь в архиепископской резиденции, Императрица пожаловала городу герб с изображением ладьи. Современники хотели видеть в ней галерею Тверь, на которой царственная путешественница проехала по Волге до Казани, обозревая подвластные ей народы.

Пожар 1773 г., уничтоживший большую часть Костромы с кремлем, стал поводом для очередной монаршей милости. Екатерина пожаловала 12 тысяч рублей на восстановление храмов на высоком холме над Волгой, что позволило не только вернуть к жизни обгоревший Успенский, но и заново возвести теплый Богоявленский собор с высокой колокольней, долго служившей лучшим украшением города.

Благодарные костромичи, использовав при разработке нового регулярного плана города идею А.Т. Болотова, осуществленную в тульском Богородке**, называли в честь Императрицы центральную площадь, а радиальные улицы в честь ее сына и внуков — Пав-

* Вознесенский Е.П. Воспоминания о путешествиях высочайших особ благополучно царствующего императорского дома Романовых в пределах Костромской губернии в XVII, XVIII и текущем столетиях. Кострома, 1859. (Репринт: Кострома, 1993.) С. 36.

** Болотов А.Т. Записки. В 4-х т.т. СПб., 1871. Т. 2. С. 36, 37.

ловской, Александровской, Марьиной, Еленинской, Константиновской.

План был Высочайше подтвержден в 1781 г., а через полвека, в 1835 г., после посещения города Императором Николаем I, последовало распоряжение о возведении памятника костромичу Ивану Сусанину, жизнь свою за Царя положившему, на центральной площади, тогда же переименованной в Сусанинскую. Памятник по проекту В. И. Демут-Малиновского был открыт 14 марта 1851 г.

Город постепенно превращался в мемориал Императорского Дома, и приезды членов Царской Семьи все более походили на паломничество. Бывали в Ипатьевском монастыре, заходили в Романовские палаты, где по преданию останавливался Михаил Феодорович. Осматривая город, заезжали в Успенский собор, чтобы поклониться покровительнице города и Царской фамилии, чудотворной иконе Феодоровской Божией Матери. Посещение Костромы обязательно включалось в образовательные поездки по стране, которые традиционно устраивали для Наследников Престола, их братьев и сестер.

Костромская ученая архивная комиссия, созданная в 1885 г., с первых лет ее существования исследовала связи между Костромской землей и Домом Романовых, а ближе к юбилею открыла Романовский отдел, экспонаты которого позже составили часть новой экспозиции музея.

Закладка фундамента здания для Романовского музея на Павловской улице состоялась в дни IV Областного археологического съезда, проходившего в Костроме в 1909 году. Уже тогда обсуждали программу

подготовки к празднованию 300-летия Династии и планы издания краеведческой литературы к этой дате. Внимание специалистов по истории и древностям было привлечено к костромским памятникам, к истории Костромского края. Некоторые работы были специально приурочены к съезду, подготовлены местные и столичные издания. И все эти хлопоты были пронизаны предощущением грядущего юбилея, были как бы его генеральной репетицией. Телеграмма, отправленная Императору от имени участников съезда, напоминала, что «скромный по виду, но великий своим историческим прошлым Богохранимый град Кострома — колыбель Царствующего Дома».*

В такой предпраздничной атмосфере и зарождалась идея этой книги. Среди участников съезда был представитель Департамента герольдии Правительствующего Сената, Владислав Крескентьевич Лукомский. Одобрительно отозвавшись об экскурсиях, устроенных для участников съезда, он выразил сожаление, «что, несмотря на столь богатый материал костромских древностей, на которых повсюду лежит отпечаток самобытного искусства, несмотря на вдохновляющую красоту белоколонных зал дворянского собрания, где происходили заседания съезда, — референты были немногочисленны, а сообщения большинства из них довольно узки и бледны по темам».** В таких случаях неудовлетворенность работой других иногда побуждает к самостоятельным занятиям.

* Труды IV Областного Историко-Археологического съезда в гор. Костроме, в июне 1909 г. Кострома, 1914. С. III.

** Лукомский В. Историко-Археологический съезд в Костроме // Старые Годы. 1909. Июль—сентябрь. С. 486.

Поскольку замысел книги о Костроме принадлежал младшему брату, Георгию Крескентьевичу Лукомскому, он и стал автором большинства ее разделов, посвященных художественному облику, истории художественного развития, описанию памятников художественной старины и классической архитектуры. Однако своеобразие людей и городов определяется еще и биографией, поэтому художественному очерку был предпослан исторический, написанный старшим, Владиславом. Он стал неотъемлемой частью «портрета города».

В.К. Лукомский увлекался библиографией, занимался генеалогией и геральдикой, — то есть тем, что сегодня принято называть вспомогательными историческими дисциплинами. Так что, взявшись написать историю города Костромы, автор все же удалился от «родной» для себя специальности. Но он прекрасно понимал, что настоящее серьезное исследование такого плана должно непременно основываться на архивных или опубликованных документах, на результатах археологических раскопок, — одним словом, на работе с источниками. Однако это требовало значительно времени, которого у авторов не было: книга должна была выйти к юбилею Дома Романовых, празднование которого было намечено на весну 1913 года.

На работу над текстом оставалось менее полугода. Поэтому Владислав Крескентьевич собрал библиографию и просмотрел литературу о Костроме в петербургских библиотеках, взял материалы, привезенные с IV Областного археологического съезда, — и добросовестно все это изложил, оговорив: «Источниками

для настоящего очерка послужили, главным образом, издания, указанные в приложении: «Библиография г. Костромы» (с. 1).*

Такое положение вынужденно ограничило его повествование кругом тем, затронутых в этой литературе: первое упоминание о Костроме в летописях, версия о происхождении названия, расцвет города как центра удельного княжения, явление чудотворной Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы, святой покровительницы города, набеги неприятелей, призывание на царство Михаила Феодоровича, последовавшие за этим Высочайшие посещения... Только описание города первой трети XVII века несколько выбивается из общего ряда, но и оно появилось здесь благодаря публикации в известиях костромского археологического съезда очерка И.В. Баженова, составленного по Писцовой книге 1628 года.**

Несвобода автора усугублялась тем обстоятельством, что освещение большинства из этих тем вызывало разногласия среди исследователей, а для самостоятельного решения проблем информации было недостаточно. В этой ситуации В.К. Лукомский был очень осторожен. Вот, к примеру, что пишет он, касаясь версии о происхождении названия города: «Даже в имени Костромы, над разгадкой которого задумчиво останавливается ученый исследователь, кроется очарование седой старины. Быть может, от имени языче-

* Здесь и далее отсылки к отдельным страницам книги В.К. и Г.К. Лукомских «Кострома» даны в скобках прямо в тексте.

** См.: Труды IV областного историко-археологического съезда в гор. Костроме, в июне 1909 года. Кострома, 1914.

ского у славян божества весны — Костромы — воспринял и город это поэтическое название» (с. 1).

Даже сегодня специалисты не могут однозначно решить эту проблему, тем более что обряд похорон Костромы на территории Костромской губернии отмечен не был. Но ведь В.К. Лукомский и пишет: «быть может...», «...задумчиво останавливается ученый исследователь».

Так же деликатно удалось В.К. Лукомскому обойти еще несколько рифов костромской историографии. Например, он избегает называть 1152 год как явно неточную, хотя и распространенную в литературе дату основания города, предложенную еще в XVIII веке В. Татищевым. Не приводит спорную дату основания Ипатьевского монастыря, дипломатично пропускает недостаточно обеспеченный источниками рассказ об Иване Сусанине, — и так со многими другими обстоятельствами костромской истории, которым не найдено достаточного документального подтверждения.

И все же всех подводных камней не удалось избежать и ему. Впрочем, спорность некоторых предположений стала очевидной через полвека после выхода книги. Так, сегодня на основании археологических раскопок оспорено положение о том, что Кострома была основана на правом берегу Волги, и лишь потом перенесена на левый. Анализ летописных упоминаний о городе сегодня не позволяет предположить, что он в 1270-х гг. при костромском князе Василии Ярославиче был превращен в «стольный» город, как о том, вслед за первым историком Костромы Н.С. Сумароковым, писал Лукомский. Да и слухи о постоянном проживании здесь великого князя, якобы послужившие основани-

ем для прозвища «квашня», преувеличены, он значительное время своего короткого пребывания на великокняжеском столе (всего пять лет!) часто находился в военных походах, боролся за Новгородский стол, жил во Владимире.*

И все же попытка В.К. Лукомского на основании исторических сведений о городе определить черты характера его жителей привела его к определенным выводам. Сначала он согласился с предположением И.В. Миловидова о том, что московские князья Дмитрий Донской и его сын Василий Дмитриевич в случае татарских нашествий укрывались в Костроме потому, что, «вероятно, усердие и верность костромичей были порукою безопасности» (с. 11). Потом, отметив в костромском кремле большое количество осадных дворов, принадлежавших представителям крупнейших княжеских и боярских родов, автор попытался объяснить это желанием найти «надежное для себя убежище в прославленной своей безопасностью Костроме» (с. 25). Но как в таком случае быть с событиями 1608 года, когда город был сожжен и разграблен, и даже иноков Богоявленского монастыря не пощадили (с. 12)? Зато это предположение хорошо увязывалось с подвигом Сусанина и трехвековой преданностью Царской Семье. История города XVIII—XIX в.в. почти целиком сведена к Высочайшим посещениям, но и в этом нет вины В.К. Лукомского: он принял точку зрения, определившую самосознание костромичей, отразившуюся в творчестве ее историков.

При всех достоинствах и недостатках исторического очерка, он необходим здесь, потому что во многом

* См. примечания к с. 3 и 7 текста книги.

объясняет характер города и его жителей, «претерпевавших» свою историю. Благодаря этим страницам становятся понятными причины взлетов и падений, строительство и разрушение крепостей, возведение монастырей и храмов, дворцов и особнячков. — формирование городской среды, которой и посвящена большая часть книги, написанная Георгием Лукомским.

Проехав всю Европу, он, ученик Петербургской Академии художеств и вполне сложившийся художник, отправляется в российскую провинцию «для художественных работ с натуры»*. Такие поездки предпринимались им, практически, каждое лето, и он все более проникался обаянием старых русских городов. Возможно, это закономерно, — ведь часто, именно узнав чужое, начинаешь ценить свое...

В работе костромского археологического съезда Г.К. Лукомский участия не принимал, но с его результатами был знаком, как по рассказам брата, так и по печатным материалам. Кострома его очаровала, и, судя по переписке, первые шаги по пути создания работы о ней были предприняты им летом 1912 года. Возможно, поначалу это был замысел всего лишь статьи, которая и появилась в январской книжке журнала «Старые Годы» за 1913 год.** Для работы над ней снова надо было ехать в Кострому.

Судя по переписке и обмолвкам Г. Лукомского в некоторых статьях, члены Костромской ученой

* Отдел рукописей Государственного Русского музея (далее — ОР ГРМ). Ф. 109, № 3, л. 13, 20, 21.

** Лукомский Г. Барокко и классицизм в архитектуре Костромы // Старые Годы. 1913. Январь. С. 21–41.

архивной комиссии приняли его не сразу. Воспитанные в традициях академического богословия, приученные ценить превыше всего допетровскую древность, хорошо знакомые со строгими по манере изложения трудами костромских уроженцев, археологов Н. Покровского и Ф. Успенского, они с подозрением отнеслись к эмоциональной манере молодого искусствоведа, увлеченного классицистической застройкой.

Лукомский же, чтобы преодолеть предубеждение, слал из Петербурга в Кострому свои работы. Получив одну из его статей, И.В. Баженов писал: «...весьма сожалею, что, вследствие моей прямолинейности, лишился удовольствия побеседовать с Вами по поводу многих достопримечательностей в Ипатьевском монастыре ... Я и жена моя очень заинтересованы ожидаемым эскизом Вашим о Костроме».*

Прочитав «костромскую» статью Лукомского в «Старых Годах», отзывался другой скептик, И.М. Студитский: «она очень понравилась мне и своим содержанием, и прелестными иллюстрациями». Молодой автор убедил костромичей. В живом и «заочном» общении он достиг главного: заставил признать достоинства провинциальной Костромы, как целого (не только ее *древностей*), — и поверить в его способность написать о ней. И.В. Баженов писал: «Откровенно признаюсь, что Вы своей двухчасовой увлекательной беседой в моем доме пробудили во мне живой интерес и к той области, которую я так долго и напрасно обижал невниманием, игнорировал... Обыватели нашего города будут сознательно ценить то

* ОР ГРМ, Ф. 109, № 39, л. 2.

из области старинной архитектуры и искусства, что осталось еще несокрушенным и мало искаженным».* Лукомский расширял понятие «старинный», включая в него сравнительно недавние памятники первой половины XIX века.

Как часто бывает, легче было сыскать благорасположение дилетантов. Одним из свидетельств этого осталась дарственная надпись на одной из книг Г.К. Лукомского, сохранившейся в областной библиотеке: «В воспоминаниях о наших милых беседах по вопросам старины и ее оберегания многоуважаемому В.А. Шевалдышеву от автора в сказочно-прекрасной Костроме. 1912, 1 января».** Адресат был директором Большой Костромской льняной мануфактуры, свойственником братьев П.М. и С.М. Третьяковых, которым принадлежала эта фабрика, и характер его основной деятельности никак не был связан с «обереганием» исторической застройки, он был просто ценителем искусства.

Вероятно, к тому же лету 1912 г. относится и такой рассказ: «...по улицам Костромы ходили два человека: известный всему городу Иван Александрович Рязановский, тяжело опирающийся на палку, и заезжий столичный художник Георгий Лукомский. У некоторых зданий Рязановский останавливал своего спутника и неторопливо, чтобы тот успел записать, рассказывал

* ОР ГРМ. Ф. 109. № 39. Л. 2.

** Лукомский Г. Решетка Казанского собора. Ее история и предназначение. К юбилею Отечественной войны. СПб., 1912.

Экземпляр Костромской областной научной библиотеки
ИЦ.14320.2

об истории дома, его строителе и владельцах, отмечая со знанием дела архитектурные достоинства...».*

И.А. Рязановский мог, в отличие от многих своих коллег, оценить и повизну взгляда, и безошибочность вкуса петербургского художника. По своему воспитанию он принадлежал одновременно и провинции — и столицам, и исконно русской — и европейской традиции.

Родом из глухих варнавинских лесов, он вырос на перекрестье культур. Это были места, которые с XVII в. обживали старообрядцы, с их приверженностью к допетровской старине, от них он воспринял тонкое понимание древнего бытового уклада, стал его ценителем и знатоком.

Но в те же леса правительство сослало мятежных поляков, которые передали ему, сыну помощника акцизного надзирателя, не только знание языков, но и основы европейской культуры. Оказавшись на границе таких контрастных полей, И.А. Рязановский вырос с умением быть «внутри» и в то же время видеть «снаружи» все разнообразие культур, с которым ему пришлось сталкиваться в течение его жизни.

Уезжая за границу или в столицы, всегда возвращался в Кострому. Стал коллекционером, знатоком местной истории, одним из организаторов Романовского музея Ученой архивной комиссии, в которой, несмотря на нездоровье, исправлял обязанности правителя дел. Среди его добрых знакомых были А. Блок,

* Бочков В.Н. Щедрость души // Влюбленность. Ярославль, 1969. С. 122. — Автор очерка был знаком с вдовой

И.А. Рязановского и, возможно, рассказывает именно с ее слов.

А. Ремизов, Б. Кустодиев, А. Чапыгин, М. Пришвин и многие другие.

Именно такой человек и необходим был Г.К. Лукомскому в его прогулках по Костроме: они были единомышленниками и делали одно дело, работая во славу провинциальной старины. Залюбовавшись тем или иным особнячком или церковкой, художник тут же получал необходимую ему информацию. Не будь И.А. Рязановского, ему бы не то что полугодя, половины жизни не хватило бы для выяснения времени создания и истории зданий, имен владельцев, житейских подробностей, которые так украсили текст.

Письма свидетельствуют о том, что И.А. Рязановский и после отъезда столичного гостя помогал ему в подборе иллюстраций, уточнял некоторые сведения. В то же время в обмен на издание отгисков собранной им коллекции пряничных досок он приобретал рисунки Г.К. Лукомского и близких ему художников — Г. Нарбута, И. Билибина, Н. Рериха и других: «...еще посылаю по три экземпляра альбома, может быть, он приглянется кому-либо из Ваших знакомых и они возьмут на обмен по I альбому за рисунок или акварель, так как хотя я и очень болен, а все-таки собираю акварели и рисунки современных художников».*

Прогулки продолжились и по окончании лета. В тексте книги художник напишет: «Зимой Кострома очень красива, но осмотр церквей в это время очень затруднителен, так как большинство старинных церквей Костромы «летние», т.е. холодные, не отапливаемые, и подробно осматривать ризницы, фрески и ико-

* ОР ГРМ. Ф. 109. № 129. Л. 1 об.

ны в занертых храмах, при морозной температуре невыносимо трудно» (с. 352). Написано явно с учетом собственного печального опыта. Лукомский здесь простыл, больным уехал в Петербург, а, выздоровев, сообщил об этом костромскому знакомому. «Рад, очень рад, что Вы поправились от Вашего плеврита, полученного в нашей милой Костроме. Слава Богу!» — откликнулся И.А. Рязановский.* Позже, читая уже готовую книгу, Рязановский ее одобрил, уточнив лишь, что «на стр. 321 розовый домик не Янцева, а Янцен (бывший пом(ещика) Корнилова — жена нарочно ходила справлялась)». **

Говоря о том внимании, которое привлечет к себе Кострома в связи с грядущим юбилеем, Георгий Крескентьевич печально замечал: «И, наверное, меньше всего обратят на себя внимание постройки второй половины XVIII и начала XIX в.в. Между тем ... физиономия захолустной «губернии» образуется именно из фасадов этих грандиозных присутственных мест, скромных особняков, низких и длинных «линий» и рядов». ***

Сами жители «захолустья» недоумевали: что здесь рассматривать, чем любоваться? Да что там провинциалы — художественная элита северной столицы только в 1900-х г.г. начала снова ценить городскую застройку первой трети XIX века. «Начиная с 40-х годов и почти до конца XIX столетия Петербург постепенно теряет симпатии ... всякий классицизм, вообще,

* ОР ГРМ. Ф. 109. № 129. Л. 4.

** ОР ГРМ. Ф. 109. № 129. Л. 1 об.

*** Лукомский Г. Барокко и классицизм в архитектуре Костромы..., с. 21.

канон, кажутся скучными».* Постройки классического стиля в годы реформ 1850—60-х г.г. соотносили с несвободой времени Императора Николая I, объявляли казенными, называли «казармами».

Только художники и архитекторы объединения «Мир Искусства» «научили любить город от Трезини до Росси»** (имея в виду лишь Петербург). Но если великолепные ансамбли северной столицы едва ли не первым в начале XX столетия оценил А.Н. Бенуа, то обоснование ценности рядовой застройки принадлежит именно Г.К. Лукомскому. Он писал: «...и эти атрибуты и детали старины петербургской — пусть второстепенные, — если нужны не так же, как первоклассные сооружения, то нужны для цельности общей картины, нужны, как хористы, как музыканты, как статисты нужны в общей постановке оперы»***

Г.К. Лукомский обратил внимание на уютные уголки старых кварталов столицы, трогательные приметы старины — навесы, фонари, тумбы, решетки ворот и заборов, открыл их особую живописность. Говоря о Париже, Петербурге, он писал:

«...помимо того, что памятники архитектурной старины могут быть рассматриваемы с исторической, археологической и архитектурно-художественной стороны, почти всегда можно выискать в них и особенную, интимную, характерную интересность... которая

* Лукомский Г. Старый Петербург. Прогулки по старинным кварталам. Изд. 2. Пд., б.г. С. 16.

** Лурье Л.Я., Кобак А.В. Заметки о смысле петербургского краеведения // Анциферовские чтения. Материалы и тезисы конференции (20–22 декабря 1989 г.), Л., 1989. С. 74.

*** Лукомский Г. Старый Петербург... С. 30.

заложена в каком-либо уголке здания, в массе построек или в их сочетании».* Именно такой «интересностью» и пленила его Кострома.

Г.К. Лукомский первым открыл ценность *провинциальной* барочной и классицистической застройки. Прежде знатоки лишь отмечали ее неточное следование столичным образцам, Лукомский открыл ценность «милых провинциализмов» с их «курьезной оригинальностью».

И еще одно новшество Г.К. Лукомского: он одним из первых говорит о провинции, как о заповедном месте, где сохранились не только старые здания, но и прежний уклад, традиции, особый ритм, свои отношения между людьми. Находясь в стороне от неумолимого движения к новизне, провинция сохраняет соразмерность мира человеку. В столичных городах это качество отчасти свойственно только старым кварталам.

Работа над «костромской» статьей в «Старых Годах», а затем и над книгой заставила его сформулировать основные положения своего подхода к изучению исторических городов и их древностей. Этот подход был назван «эстетическим» и противопоставлен сухому, педантичному описанию, историческому и иконографическому исследованию древних фресок и икон.**

На первый план выходило своеобразие города, а не описание отдельных памятников с отнесением их к тому или иному стилистическому направлению.

* Лукомский Г. Старый Петербург... С. 25.

** Лукомские В.К. и Г.К. Кострома. СПб., 1913. С. V–VI.

Город рассматривался как единое художественное целое. Г.К. Лукомский писал: «Стиль города определяется связностью, гармоничностью и вытекающей отсюда известной определенной характерной физиономией».*

Искусствоведы упрекают Г.К. Лукомского в поверхностности и неточности.** Но в том-то и дело, что его интерес уже не был чисто искусствоведческим. Его занимал город как одушевленное целое. Можно говорить о близости его интересов к поискам известного историка-медиевиста И.М. Гревса и его ученика Н.П. Анциферова***, которые рассматривали город как находящийся в процессе становления живой организм. Со временем ими был выработан определенный метод изучения, предполагавший изучение «анатомии», «физиологии» и «души» города. В его основе лежали классификация всех элементов города, их анализ, рассмотрение взаимозависимости и взаимных связей между всеми его частями. Но прогресс они рассматривали как поступательное движение культуры, естественное развитие города, и в этом было их главное несовпадение с поисками романтика Г.К. Лукомского, который отвергал прагматизм «нынешнего века», протестуя против искажения и уничтожения следов прошлого.

* ОР ГРМ. Ф.109. № 30. Л. 23.

** Славина Т.А. Исследователи русского зодчества. Русская историко-архитектурная наука XVIII — нач. XX в. Л., 1983. С. 177.

*** См., например: Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Пб., 1922.

Лукомского, в отличие от аналитиков-городоведов, интересуется город не сам по себе, в пульсации реальной жизни, с обычными людьми и их повседневными заботами, но его отражение, преломленное собственным сознанием художника, некий мираж, «новая реальность».

Его ощущение города импрессионистично, наполнено светом, цветом, звуками, запахами. Это, как и всякая мелочь, напоминающая о прошлом — полосатая будка, плагибаум, старый фонарь — превращает иллюзию в подобие реальности. Отсюда внимание к детали, к со-бытию старых зданий и деревьев, водоемов, внимание к тонким состояниям природы, изменяющим облик памятников архитектуры. В этом Г.К. Лукомский был достойным последователем «Мира Искусства» с его стремлением к целостному, комплексному восприятию мира.

Его словесные описания городских пейзажей близки его собственным графическим листам, где улицы безлюдны и наполнены лишь воспоминаниями.* Город интересуется его как образ ушедших эпох, как своеобразная театральная декорация, которую художник силой собственного воображения населяет людьми прошлого. Вероятно, это было одной из причин того, что так мешали ему «вандализмы» — искажающие облик старинного города инородные современные постройки, либо переделки и уничтожение памятников.

* Кобак А.В., Северюхин Д.Я. Материалы к биографии Г.К. Лукомского // Анциферовские чтения. Материалы и тезисы конференции (20–22 декабря 1989 г.). Л., 1989. С.50. (Далее — Кобак А.В., Северюхин Д.Я.).

Вообще, современное строительство часто упоминается Лукомским как антитеза красоте: «Конечно, здешним людям, (которые завели электричество, построили мельницу-крупорушку да фабрику-белилку), ушедшим с головой в мелочи своих житейских дел, — не ощутить этого, окружающего их на каждом шагу, полного сказочности архитектурного пейзажа». И причина тому — включенность местных жителей в эту среду: «...да подчас они и сами своим обликом входят во весь этот, каким-то чудом сохранившийся уклад быта и старины» (с. 36).

Губернский город рассматривается как продолжение окружающих его уездов, с их заповедными дремучими лесами, реками и озерами, в «прозрачную глубину» которых смотрятся «серые, мохом и грибами поросшие шатры церковные» (с. 35), он как бы представляет от имени Макарьева и Варнавина, Галича и Чухломы, а заодно и от потонувшего в Светлояре Китежа — «недалеко от Костромы и это легендарное озеро» (с. 36). На часть переносятся характеристики целого, «столица губернии» присваивает себе чужие достоинства.

Красота провинциального города открывается человеку «внешнему», уставшему от цивилизации, покинувшему «иной, стремящийся приблизиться к общему европейскому типу город» (с. 37). Поэтому и описание Костромы дано, начиная с дальних подъездов к нему по Волге, со стороны Ярославля: «Еще задолго до пристани, когда на фоне синеющих лесистых далей нежно вырисуются белые колокольни костромские и ...послышится разносящийся свободно по водной шире малиновый звон колоколов, или когда в про-

зрачном воздухе, напоенном опьяняющею душистостью цветущих лип и смолистых кедров, покажутся потонувшие в темной зелени монастырские башни... — образ какого-то волшебного города встает на небосклоне живым миражем» (с. 37).

Здесь все «от противного»: вместо тесноты улиц, краснокирпичных современных зданий, скрежета механизмов и фабричного дыма — свобода, ширь, звон колоколов с белых колоколен, запах липы и кедровой смолы. Любой, знающий Кострому, заметит «поэтическую вольность»: в этой же части города, напротив описанного только что Ипатьевского монастыря — текстильные фабрики, они намеренно не упомянуты, чтобы не разрушить впечатление от «града Китежа», в который волею автора превращается Кострома.

Описаниям природы отводится много прекрасных страниц; она вне времени, она не мешает: «Взгляд не встретит здесь ничего изменяющего ваше впечатление — вдали блестит лишь узкая лента Волги, а за нею синеют холмы старинного Городища и Селища» (с. 38). Отсюда же попытка описать город во все времена года, в динамике «кругового», мифологического времени. «Красива Кострома и осенью, когда в багрянце и золоте листвы купаются ярко-синие купола и зеленые шатры ее церквей. Есть прелесть значительная в Костроме и раннею весною, когда в половодье вода, окружая весь город, подходит к Ипатьевскому монастырю и он кажется плавучим зеленым островом» (с. 50—51). Если лето, осень и весна живописны, то зима — время графики. Но ни то, ни другое, по мнению Г.К. Лукомского, недоступно местным

жителям: «А над церквями парят жаворонки, славословящие красоту, доступную им больше, чем многим людям, лишенным чутья прекрасного и не замечающим ее даже тогда, когда, как в Костроме, она окружает почти всюду» (с. 51).

Движение к городу использовано Лукомским как условный прием, призванный обозначить это постепенное погружение человека приезжего извне — внутрь города, причем он повторен дважды. Один раз читатель вместе с автором подъезжает летом, — и слышит крики чаек, звон колоколов, песню косарей — «в воздухе тогда так тихо, что слышны доносящиеся издалека звуки оттачиваемых кос... А когда к вечерне зазвонит колокол низкого звука, умолкнут песнопения, утомонятся люди и все в природе, и кажется, что даже купающиеся в последних лучах солнца верхушки деревьев благоговейно будут слушать эти звуки...» (с. 38—39).

И еще раз читатель по воле автора погружается в город: на этот раз описана зимняя дорога, «когда вы едете на тройке с бубенцами московским «большаком», между аллей екатерининских берез заиндевевших, и вам покажутся далеко на холме как бы из льда и снега сделанные игрушечные домики — вам видна Кострома! Вы приближаетесь, и вот уже видны главы и шатры храмов, а на темнеющем небосклоне загорается вечерняя звезда...» (с. 39) Это ведь тоже извечное коловращение — утро, день, вечер, ночь.

В зависимости от времени суток, от приуроченности к годовому кругу, по-разному проявляется характер построек, которые, подобно людям, то выглядывают, насунувшись, из-под свисающих снежных шапок,

то светятся глазами окон, приоткрывая глубины души, то украшают себя, как стареющие кокетки. А вот дом — «портрет» своего хозяина, «здесь запечатлена вся важность купеческого благополучия» (с. 317).

Если дома в очерке Г.К. Лукомского похожи на людей, то сами жители города «соответствуют» той или иной архитектуре. Одни из них проводят электричество, строят фабрики и уродливые дома из красного кирпича, портят и разрушают старые здания, — то есть всячески стремятся приблизиться к столичному уровню прогресса. Другие живут за кружевными занавесками, довольствуясь патриархальным укладом и ограниченным счастьем: «...когда ...ночь окружит все стены зданий ...выглядывают тогда неподлюбья темные окна домов, а те, которые озарены изнутри светом, позволяют нам увидеть иную жизнь, ту, что за стенами, за геранью и за занавеской кружевной, у лампы, на мебели старинной и у рододендрона широколистного...» (с. 40).

Свойство провинции сохранять «другую жизнь», а не только старинные предметы и постройки, иногда оказывается привлекательным для человека столицы, уставшего в бесконечно меняющемся мире: «Так сладостно бывает вечером, бродя по улицам пустынным, уйти в миры чужие, облететь мечтою все эти маленькие домики, увидеть весь уют патриархального уклада, мир предрассудков и ограниченного счастья всех этих маленьких людей, ушедших целиком в жизнь своего родного провинциального городка» (с. 41–42).

Но можно ведь представить себе и случай, когда человек не хочет мириться с ограниченностью этого

счастья, напротив, стремится в столицы. Этот вариант тоже понятен автору. Описывая дом Акатова на Мшанской улице, он замечает: «кажется, что вот в таком именно домике могли жить те «три сестры» Чехова, которые так стремились «в Москву». Весь домик ...ночью, освещенный ярким белым электрическим светом, когда вокруг — пелена искрящегося снега, и лишь черные окна глядят как глазные впадины черепа — производит потрясающее впечатление, которое еще более увеличивается, когда в окне мелькнет сквозь кружевную занавеску пламя зажженной лампы, или за стеклом ...пройдет грустная и одинокая фигура» (с. 315—316).

Но иногда Г.К. Лукомский, с высоты столичного жителя, жалеет провинциалов, которым недоступна цивилизация больших городов: «даже занесенные снегом жалкие избушки какой-нибудь деревни, пронесшейся в окне железнодорожного вагона, не производят на вас такого впечатления, как эта пародия на комфорт, как это стремление не отстать от культуры в условиях захолустной жизни...» (с. 317). Это как раз пример кинематографичности мышления автора, который не просто, как в добрые старые времена позволяет себе «лирические отступления», но властно, в одно мгновение, как будто владея искусством монтажа, переносит читателя в другой мир, играя на контрасте впечатлений.

И еще одна категория «жителей города» есть в очерке Г.К. Лукомского, — это люди воображаемые, о жизни которых автор и не хотел бы знать никаких подробностей, они нарушили бы очарование видения. Тень в окне, люди, заглянувшие в наше время из про-

шлого, из окна со старинным наличником или из маленькой железной дверцы древней церковки: «Разве не покажется вам, что вот дверь заскрипит, приоткроется, и из нея, нагнувшись над притолокой, выглянет худой, сторбленный седой старичок в бархатной шапке и в громадной шубе?» (с. 46).

И город, который они населяют, — сказка, феерия, вымысел, греза: «Разве не сон сохранившаяся в своем древнем облике железная огромная лампада, что теплится неугасаемым пламенем у лика Богоматери...? Разве не сказочны ...окруженные низенькими домиками, занесенные сугробами снега эти церковки с мохнатыми главками...? Разве не фантастичны все эти калиточки, часовенки, купола?» (с. 46).

Вымышленный город, увиденный Лукомским, соотносится не только со сказками, но и с реальностью ушедших в прошлое эпох: «А быт тридцатых и сороковых годов (XIX в. — Л.С.), каким-то чудом сохранившийся до наших дней? Каланча с сонным пожарным, гауптвахта с арестованными офицерами, а полосатые будки часовых и столбы перед постоянными дворами, — неужели все это, столь пригодное для декорации Гоголевской и даже Грибоедовской пьесы — не чудо, не феерия, а действительность?» (с. 47). Это тоже свойство провинции, — сохранять в неизменности целые фрагменты реальности прошлого, и не только совокупностью предметов, но и запахами, звуками: «А прелесть крепкого аромата бакалейных лавочек, терпкий запах близ «кожевенных линий» или в «табачных рядах», или воркование голубей под сводами «мучных» или «льняных» линий? Во всем этом также выражается провинциальная жизнь» (с. 47).

Нет, конечно, наряду с подобными фантазиями в книге есть вполне добротные искусствоведческие описания, гипотезы. В разделе «История художественного развития и художественное значение Костромы» Г.К. Лукомский связывает формирование ее облика с теми или иными историческими обстоятельствами, сравнивает застройку города с другими (ярославской, псковской, нижегородской и прочими), рассматривает культурные влияния столиц на местную художественную жизнь, и, в свою очередь, воздействие костромской традиции на развитие других провинциальных городов.

Своеобразие города определялось выбором той или иной планировки или формы завершения храмов, наличием или отсутствием у них галерей, но главным все же было признано то, что не измеришь линейкой и циркулем: «многие из этих церквей скорее любопытны *курьезностью* своих форм, утрировкой пропорций, гротеском деталей, но почти все они чрезвычайно художественны своей красочностью, своим уютом и скомпонованностью с окружающим их пейзажем» (с. 77–78).

Размышляя о механизмах передачи культурной традиции, Лукомский настаивает на том, что, перестав быть центром воздействия на других, Кострома не утратила своего значения: памятники «не были ослаблены в своем великолении подражанием». Ее своеобразие, обусловленное во многом отставанием от столичной моды, и стало залогом интереса к ней. Проследив логику формирования городской среды, автор останавливается на отдельных памятниках донетровской старины и «европеизированных» XVIII и XIX веков.

Кому же была адресована книга братьев Лукомских? Костромичам книга должна была объяснить, какими сокровищами они владеют, не замечая, не цenia этого, стремясь в Петербург или «в Москву, в Москву», как чеховские три сестры. И все же главный адресат — просвещенный, чуткий к искусству путешественник. Она не была путеводителем, («бедкером», как тогда было принято выражаться), и все же в ней есть глава, которая доказывает, что одной из задач была подготовка читателя к восприятию города. Она называется «Обзор памятников художественной старины (Прогулки по Костроме)». Здесь даны варианты маршрутов для приехавших на несколько часов, на день, на несколько дней, отмечены памятники, которые необходимо осмотреть в том и другом случае.

Но чтение книги должно было предшествовать приезду в Кострому. Узнав все об истории города, о своеобразии его как целого, ознакомившись по многочисленным фотографиям* с отдельными памятниками, приезжий походил на человека, знакомящегося с давно известным ему понаслышке родственником: вот тот самый Успенский собор, «дом трех сестер», а вот же тот самый знаменитый дом Королева... И встреча будет желанной и теплой.

* Список фотографий и зарисовок, приведенный в конце книги, свидетельствует о том, что кроме работ профессиональных фотографов Костромы и Петербурга (К.К. Буллы, А.Ф. Шмидта, В.Н. Кларка, И.Ф. Борщевского и других) были использованы фотоснимки художников, близких к кругу «Мира Искусства». Помимо самого Г.К. Лукомского, Кострому фотографировали художники С.В. Чехонин, А.Н. Павлович, Л.С. Биркенберг, В.Ф. Левинсон-Лессинг (впоследствии историк Эрмитажа), сотрудник Эрмитажа Н.Е. Макаренко, архитекторы А.Л. Шиловский и Д.В. Милеев.

Сегодняшнему путешественнику изучение книги доставит не только приятные минуты. Многих зданий, описанных в ней, уже не существует. На рубеже 1920—30-х годов были разрушены многие храмы, в том числе и удивительный соборный ансамбль на высоком кремлевском холме над Волгой. Исчезли не только отдельные здания, но и решетки, фонари, будки, плагбаумы. Даже жаворонки не поют больше в весеннем костромском небе.

Первые десятилетия советской власти стали торжеством варварства в отношении памятников, о котором так пронзительно писал когда-то Г.К. Лукомский. Но если на рубеже XIX—XX веков памятники разрушали и перестраивали, скорее, по недопониманию их истинной ценности, то при большевиках шло сознательное уничтожение старины, память о прошлом была помехой в «отречении от старого мира». И сегодня мы ищем на страницах старой книги прежнюю Кострому, как Атлантиду, потому что она больше чем ушедший город, она — тот самый «старый мир». И вспомнить о нем необходимо для того, чтобы вернуться к норме жизни, от которой когда-то с такой яростью отказывались.

2. Авторы

Два автора у этой книги, два брата. Исторический очерк Костромы строгостью и спокойной выверенностью своей очень похож на своего создателя, Владислава Крескентьевича Лукомского, точно так же, как все остальное в ней не что иное, как своеобразный портрет его брата Георгия, порывистого, восторженного, мечтательного. И все же при резком несовпадении темпераментов, научных интересов, занятий и пристрастий за каждым из них ощущается принадлежность к одной семье.

В своей автобиографии Владислав Крескентьевич не преминул отметить: «Род Лукомских литовско-русского княжеского происхождения»*. Став генеалогом, он прилагал значительные усилия, чтобы документально это подтвердить. Родословное древо возводили к внуку литовского князя Гедимина, Вингольду, жившему в XIV веке. Он был крещен с именем Андрей и владел городом и замком Лукомль, от которого и пошла фамилия.**

В России в таких случаях говорили: род древний, но захудалый. Дед, Павел Антонович Лукомский,

* Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 986. Оп. 1. Д. 77. Л. 3.

** См.: Кобак А.В., Северюхин Д.Я. С. 49–55.

образования не получил и начал службу в 1847 г. почтальоном, дослужившись в должности смотрителя почтовой станции в Каменец-Подольской губернии.*

Жалованье, конечно, было невелико, зато было огромное желание дать образование сыну. Крескентий (или, как тогда чаще писали в документах, Кресцентий) Павлович окончил Немировскую гимназию, а потом (в 1879 г.) и Петербургский практический технологический институт, получив диплом о присвоении ему степени «инженер-технолог», что было по тем временам редкостью и высоко ценилось.**

Службу удалось найти в Калуге. Крескентий Павлович стал преподавать в железнодорожном техническом училище, что позволило ему обустроиться на новом месте и в 1881 г. обзавестись семьей. Его супругой стала Леонтина Ивановна Коссовская. Скоро семья увеличилась, в следующем году у них родился старший сын Владислав, а два года спустя и младший, Георгий. Оба были крещены, как и полагалось в семье добрых католиков.

Крескентию Павловичу пришлось искать дополнительный заработок. Не оставляя преподавания в училище, с 1883 г. он поступил на службу в Губернскую земскую управу дорожным инженером. И все же, при всех заботах о хлебе насущном, глава семейства считал важным для себя сотрудничество с Губернским статистическим комитетом, был избран действительным его членом. В такой форме тогда обычно проявлялась у его современников страсть к исследованию

* РГИА. Ф. 986. Оп. 1. Д. 90. Л.л. 1, 3, 6.

** Там же. Л. 4.

жизни, к ее осмыслению. Не от отца ли унаследовали ее Владислав и Георгий? Ведь именно она позже организовала жизнь обоих.

Позже, в январе 1897 г., семья переехала в Орел*, где до января 1903 К.П. Лукомский тоже служил старшим инженером Губернского земства по дорогам, которые тогда не только поддерживали в хорошем состоянии, но и строили. По этим-то дорогам и разъезжались из дома сыновья.

Первым в 1900 г. окончил Орловскую гимназию и уехал в Московский университет старший, Владислав. Весной следующего года по окончании дополнительного класса реального училища оставил родной дом и Георгий**, он стремился в северную столицу, целью была Академия художеств.

Старший брат

О характере Владислава Крескентьевича лучше всего свидетельствует составленная им «Хроника моей жизни»: ровным, подчеркнуто твердым и энергичным почерком на страницах аккуратно переплетенной книжки карманного формата год за годом перечислены все казавшиеся ему важными события, от его рождения 5 июля 1882 года в Калуге, до присвоения ему 18 апреля 1944 г. ученой степени доктора исторических наук. И только в конце чужой рукой отмечено, что скончался автор рукописи в Москве 11 июля 1946 года.***

* РГИА. Ф. 986. Оп. 1. Д. 77. Л. 18.

** ОР ГРМ. Ф. 109. Л.9.

*** РГИА. Ф. 986. Оп. 1. Д. 77. Л. 114.

Тщательнейшим образом на излете жизни (по его собственным словам, составление «Хроники» было начато в 1941 году) перечислены исходные данные документов, подтверждающих повышение по службе, присвоение ему очередных чинов, избрание членом многочисленных ученых обществ и комиссий. Это не просто дотошность, это профессиональная точность историка, боготворившего источник.

История вошла в его детство с первым (и единственным) гувернером, которого пригласили для подготовки мальчика к поступлению в гимназию еще зимой 1892 г. Высланный в Калугу студент Дерптского университета Гейдингер увлек его историей европейского Средневековья, особенное впечатление на будущего геральдиста произвели рассказы о рыцарях и их родовых гербах.* Предполагал ли уже тогда мальчик о княжеском своем происхождении — неизвестно, но он не мог не знать, что семья Лукомских была занесена в первую часть дворянской родословной книги, это подтверждалось выданным его отцу свидетельством.**

По окончании гимназии Владислав поступил, несмотря на интерес к истории, на юридический факультет Императорского Московского университета. Там он не только слушал лекции корифеев науки, но и зачитывался новыми художественными журналами — уже выходили «Мир Искусства», «Весы». В летописи своей жизни он отметит это наряду с увлечением новейшими литературными течениями. Юноша не только зачитывался Верленом, Вейдлем

* Там же. Л. 13.

** РГИА. Ф. 986. Оп. 1. Д. 90. Л. 3.

и Гюисмансом, но и сам пробовал сочинять стихи и прозу. Литератором он не стал, но интерес к литературе и искусству сохранил навсегда.

Новую пиццу пытливому уму добавило первое в его жизни путешествие в Европу на летних каникулах 1901 года. Перед его глазами прошла череда городов: Берлин, Кельн, Париж, Лион, города Швейцарии, Мюнхен, Вена.

Второй год в университете выдался бурным. В феврале 1902 г. из-за студенческих волнений занятия были временно прекращены, а осенью 1903 г. вся семья переехала в Петербург. На время показалось, что от наступающей смуты удалось убежать, но в январе 1905 г. возмущения начались и здесь, был закрыт и этот университет.

Тем временем студент Владислав Лукомский добивался разрешения на занятия в канцелярии Сенатского департамента герольдии, которое и было ему дано 4 апреля, возможно, именно этой весной и определилась судьба будущего геральдиста, а летом братья Лукомские отправились за границу, на этот раз они вместе осматривали Варшаву и Париж, особенно подробно — города Германии: Берлин, Дрезден, Кельн, Майнц.

18 ноября 1905 года был получен документ в подтверждение того, что Владислав Крескентьевич Лукомский, из дворян, римско-католического вероисповедания, окончил Императорский Санкт-Петербургский университет, прослушав курс юридического факультета. Пора было начинать самостоятельную жизнь, но что выбрать из многочисленных пристрастий?

Первые попытки найти место службы были предприняты не на поприще истории. Осенью 1905 г. вместе с М.Н. Бурнашевым и А.А. Трубниковым он принял участие в учреждении издательства «Сириус», пытался заработать переводами (попытка не увенчалась успехом).

После Рождества, 29 января 1906 года, началась служба в Министерстве внутренних дел, но и она была связана с журналистикой: В.К. Лукомский был откомандирован в редакцию газеты «Правительственный Вестник», а позже в редакцию официального органа «Русское Государство». Эта работа была, конечно, не так увлекательна, как в издательстве «Сириус», но зато она хорошо оплачивалась. В «Летописи» В.К. Лукомский отмечает как равноценные два события: 1 июня 1906 г. — заключение брака с дочерью книгоиздателя и книготорговца Маргаритой Августовной Циммерман и утверждение его в чине губернского секретаря.

В том же году Владислав Крескентьевич перевелся на службу в Департамент герольдии сената, теперь он числился по Министерству юстиции, и это продолжалось до самой ликвидации департамента в 1918 г. Геральдика оказалась тем занятием, которое позволяло совместить заботу о материальном благополучии и неподдельный интерес к истории — с этого времени и до самой смерти.

Между тем увлечение современными течениями в литературе и искусстве, совместившись с историческими штудиями, приобрело новый оттенок. «В течение года нарастание интереса к истории искусств и материальной культуры и изучение их», — записал

под 1906 годом В.К. Лукомский в своей «Летописи». Результатом этого стало поступление его в следующем году слушателем в Петербургский археологический институт, где его учителями стали Н. Покровский, Н. Лихачев, И. Шляпкин. В сфере его интересов — библиография в области искусства и коллекционирования, геральдика и генеалогия.

Курс был окончен в 1909 г., В.К. Лукомский был признан достойным звания действительного члена Императорского Археологического института, а в следующем году ему там было предложено чтение лекций. Предложение было принято. В эти же годы он становится действительным членом Московского археологического института, различных научных обществ и архивных комиссий.

Однако эта бурная деятельность в области археологии вовсе не шла во вред службе, напротив. Чины повышались обычным порядком, В.К. Лукомский был назначен сначала помощником обер-секретаря Департамента герольдии, а затем и секретарем его. Именно в качестве представителя Департамента он командирован на IV Областной археологический съезд в Кострому, о чем был написан и опубликован подробный отчет*, а позже именно Министерство юстиции назначило его своим представителем в комиссию по устройству Романовской художественно-исторической выставки.

Он, наверное, был идеальным чиновником, организованным, деятельным, исполнительным, а еще

* Лукомский В.К. Историко-археологический съезд в Костроме // Старые Годы. 1909. Июль—сентябрь.

ровным и твердым, как его почерк. А потом — ведь его служебная деятельность совпала с увлечением, которое постепенно превращалось в страсть и заполняло всю жизнь (в 1913 году они с женой разъехались, а через три года брак был официально расторгнут, и у истории в его душе соперников больше не осталось).

Очень скоро, уже в 1915 г., В.К. Лукомский был назначен управляющим Гербового отделения сената и приступил к подготовке реформ подведомственного ему учреждения. Эти преобразования тоже были связаны с художественными интересами самого управляющего, который расшифровал записку о реформах так: «приглашение художника Г. Нарбута, выработка новых художественных образцов актов, развитие издательской деятельности».*

Г.И. Нарбут был молодым художником круга «Мира Искусства». Он оформлял книгу В. Лукомского и В. Модзалевского «Малороссийский гербовник» (1914), постоянно сотрудничал в журнале С. Троицкого «Гербовед», а в 1915 г. оформил книгу Г.К. Лукомского «Галиция в ее старине».

Лаконичность и емкость герба была близка Нарбуту, и, если бы удался замысел В.К. Лукомского, то документы Департамента герольдии, несомненно, стали бы произведениями искусства. Д. Митрохин писал о нем: «Значение Нарбута в том, что, приняв графические навыки «Мира Искусства», покорный своему призванию, он с истинным героизмом все силы и способности направил на борьбу с упадком художе-

* РГИА. Ф. 986, оп. 1, д. 77, л. 47 об.

ственной внешности книги и стремился создать книгу как произведение искусства, законченное и цельное, от переплета до последней концовки.»* «Художественная внешность» дипломов Департамента герольдии была важна ничуть не меньше.

Однако воплотить все задуманное сначала помешала война, а потом революции. Десятилетия спустя старый историк записал в своей хронике: «1917, февраль, 27 (понедельник) — последний день в *старом* сенате (до революции)». Впрочем, через год, под 12 апреля значится, что он постановлением Народного комиссариата юстиции оставлен управляющим гербового отдела, «преобразованного для научной деятельности в Гербовый музей, к которому присоединен Архив бывшего департамента Герольдии Сената». В июне произошла еще одна реорганизация, и после нее целых десять лет В.К. Лукомский был управляющим Гербовым музеем при Главном управлении архивным делом.

Это вовсе не означало, что он не занимался ничем другим. Уже 18 марта 1918 года он среди учредителей Союза российских архивных деятелей, в июле — добровольно работает в царскосельских дворцах, составляя инвентарную опись имущества (эту работу возглавлял его младший брат, Георгий Крескентьевич). С 31 марта 1918 г. В.К. Лукомскому поручено заведование Царскосельским историческим музеем, а с 30 января 1920 — Историко-бытовым музеем в Фонтанном доме. Все это время продолжалась его

* Митрохин Д.И. О Нарбуге // Книга о Митрохине. Л., 1986. С. 51.

преподавательская деятельность — сначала в Археологическом институте, а потом и в Петроградском университете, отделением которого стал институт.

В строчках «Хроники» отсутствуют эмоциональные оценки, это скорее регистрационный журнал, нежели дневник. Тем более впечатляют строки, за которыми встают вопросы жизни и смерти: «1920, февраля 8 — получил ученый паек, установленный комиссией содействия улучшению быта ученых, спасший от голодной смерти». Или вот эти, 25 января 1922 года: «сокращение штатов гербового музея до меня одного».*

В начале нэпа государству показалось невыгодным содержание самостоятельного Археологического института, и он 1 июля 1922 года был закрыт, а вместо него появилось Археологическое отделение Петроградского университета.

Если реформы начала 20-х г.г. объяснялись необходимостью экономической и финансовой, то преобразования 30-х свидетельствовали о политическом наступлении по всем направлениям. В июле 1931 детище В.К. Лукомского, Гербовый музей, был преобразован в кабинет вспомогательных дисциплин при Ленинградском отделении Центрального исторического архива, а в ноябре 1937 коллекции гербовых материалов были переданы Эрмитажу. В 1939 году и сам Кабинет вспомогательных исторических дисциплин был передан в архив и закрыт для пользователей.

Владислав Крескентьевич и прежде был лоялен власти, но в 30-е г.г. он публично принимает «линию

* РГИА. Ф. 986. Оп. 1. Д. 77. Л. 59, 63.

партии». Такое впечатление, что само по себе сохранение гербового собрания, хотя бы и в виде кабинета, его вполне примирило с властью (хороший чиновник — всегда хороший подчиненный).

26 декабря 1931 г. он стал членом Общества историков-марксистов при Комакадемии. Когда по инициативе М. Горького начинается работа над составлением истории фабрик и заводов страны, В.К. Лукомский выявляет необходимые для этого архивные материалы, выполняет другие необходимые запросы. Он нужен, он полезен.

Казалось бы, власть оценила преданность старого историка: 1 января 1935 г. ему было присвоено звание ударника «за проявленную преданность делу и энтузиазм в работе». Но уже в марте того же года, в ночь с 24 на 25, в доме В.К. Лукомского был произведен обыск, который длился пять часов, после чего пожилой человек (ему уже за шестьдесят) был доставлен в камеру военной тюрьмы на Выборгской стороне.

Его продержали до обеда и отпустили, по его собственному замечанию, «без последствий», то есть не предъявив обвинения, ничего не объяснив. В то время это казалось благополучным исходом, могли ведь и вообще не выпустить, как многих других ученых, пополнивших число заключенных Государственного управления лагерей. Но обошлось.

Обошлось и в 1939, когда закрыли его Кабинет вспомогательных дисциплин. Не арестовали, не расстреляли. Просто назначили вместо заработной платы академическую пенсию, позволили продолжать работу в архиве. Со службы он уволился лишь в августе 1941.

когда уже шла война, с формулировкой «по состоянию здоровья».

Осень и начало зимы прошли в трудах по разбору собственных документов и передаче их в Центральный государственный исторический архив. Среди прочего были переданы 4 портфеля писем брата Георгия (где-то они теперь? В описях фонда 986 они не значатся). Сколько всего должен был передумать и вспомнить пожилой уже человек, перечитывая старые письма, разбирая семейные документы...

Жизнь подходила к концу, он чувствовал это, и именно тогда, блокадной зимой 1941—42 годов, в холоде и голоде, под звук сирен и взрывов, он составлял свою удивительную «Хронику». Ни на секунду не дрогнула рука, выводящая твердым уверенным четким почерком дату за датой — события этой уходящей жизни... Кто знает, может, именно это помогло ему тогда выжить?

Но, как выяснилось очень скоро, испытания еще не закончились, летопись пришлось продолжать. Запись, датированная 30 января 1942 г., гласит, что «в связи с блокадой Ленинграда» В.К. Лукомский «оставил свою квартиру и перешел на казарменное положение в Архивный отдел УНКВД, став с этого дня бездомным скитальцем».*

В феврале квартира сгорела, и летом ученый был эвакуирован в Москву. Там он консультировал авторов театральных постановок, преподавал. Ему было присвоено звание профессора Историко-архивного института, а в апреле 1944 г. и ученая степень доктора исторических наук. Жизнь снова повернулась

* Там же, л. 102.

к нему лицом, но времени оставалось совсем немного: 11 июля 1946 г. он умер.

Младший брат

Жизнь Георгия Крескентьевича Лукомского не была столь же ровной, как биография его старшего брата. Причина не только в причудливой траектории его жизненного пути, но и в его характере. Порывистый увлекающийся, в отличие от брата, он был более подвижен, часто менял место жительства и пристрастия. Едва ли не единственное, что оставалось неизменным в его жизни, была привязанность к брату, который отвечал ему взаимностью.

Э.Ф. Голлербах однажды писал: «Есть благочестивые паломники, шаг за шагом преодолевающие долгий путь, волоча за собою тяжелый груз труда — и есть странствующие энтузиасты, легко взбегающие на горные кручи. Лукомский принадлежит ко второй категории.»* И в самом деле, жизнь — бегом, и все в гору, падая, срываясь, поднимаясь и вновь наверх.

Личный архив Георгия Крескентьевича частично сохранился, несмотря на все перипетии его сложной судьбы. Возможно, так сложилось благодаря стараниям брата Владислава, который на основании документов даже попытался выстроить некоторую периодизацию его биографии.

Сообщив о рождении брата Георгия в Калуге, 2 марта 1884 г., «на Дворянской улице, в нашем

* Голлербах Э. Георгий Крескентьевич Лукомский. Казань, 1928. С. 3. Далее — Голлербах Э.

собственном доме близ Татаринского переулка»*, В.Г. Лукомский поделил его жизнь по «топографическому» принципу: 1884—1896 — калужский период; 1897—1901 — орловский; 1901—1903 — казанский; 1903—1905 — первый петербургский; 1905—1907 — первый заграничный; 1907—1908 — Москва; 1909—1918 — второй петербургский; 1918 — второй заграничный.**

Готовя документы к передаче в архив, Владислав Крескентьевич еще не догадывался, когда закончится этот «второй заграничный период». Он так и не узнал, что брат пережил его более чем на десять лет.***

Отец, вероятно, не случайно отдал младшего сына не в гимназию, а в реальное училище. Чувствуется за этим желание направить сына по собственному пути, увидеть его инженером.

Увы, судьба Георгия Крескентьевича вела иной дорогой. Недаром, имея по большинству предметов отличные оценки, он по скучным геометрии, тригонометрии, физике и черчению в Орловском Александровском реальном училище получал лишь хорошие. Это, правда, не помешало ему в апреле 1901 г. закончить и дополнительный класс, дававший право, как гласил аттестат, «поступать в высшие специальные училища, подвергаясь только проверочному испытанию».****

* РГИА. Ф. 986. Оп. 1. Д. 77. Л. 5.

** ОР ГРМ. Ф. 109. № 3. Л. 1.

*** Киркевич В. Лукомский Георгий Крескентьевич // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века.

М., 1997. С. 374. (Далее — Киркевич В.);

Кобак А.В., Северюхин Д.Я. Указ. соч. с. 54.

**** ОР ГРМ. Ф. 109. № 1. Л. 9.

Биографы Г.К. Лукомского упоминают об учебе его в Орловской рисовальной школе Сычева, в петербургских классах живописи и рисования Я. Гольдبلادта, но известно, что попытка поступления в Академию художеств, предпринятая по окончании реального училища, оказалась неудачной. «Далекая, старинная Казань приняла его приветливей, теплее, — писал хорошо знавший Г.К. Лукомского Э.Ф. Голлербах, — образовался кружок приятелей (Дульский, Астапов, Левандовский и др.), путеводной звездой которых был журнал «Мир Искусства».* Он же писал и об увлечении Г.К. Лукомского русской стариной, в чем он усматривает влияние П.М. Дульского.**

Казанская художественная школа состояла в ведении Императорской Академии художеств. Ее окончание давало не только право носить звание техника по архитектуре и учителя рисования, черчения и чистописания средних учебных заведений. Удостоверение давало окончившему ее желанное право «поступления без экзамена в Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств»***

В 1903 году желание Г.К. Лукомского исполнилось, но как не совпадали ожидания молодого художника с тем, что встретило его в древних стенах! По собственным его словам, «архитектурное «воспита-

* Голлербах Э. Указ. соч. С. 4.

** Соученик и товарищ, Петр Максимович Дульский, стал и автором первой книжки о нем (Казань в графике Г.К. Лукомского. Казань, 1920). Лукомский обмерял и зарисовывал памятники архитектуры старинного города, две зимы бродил по его окрестностям с той же целью.

*** ОР ГРМ. Ф. 109. № 1. Л. 11.

ние» в Академии художеств было как служба, не касалось, конечно, души. Много познавалось ненужного, перепадали лишь крупицы эстетики зодчества и никогда — элгии его».* Позже Э.Ф. Голлербах сформулировал эти впечатления так: «академическая сушь, тоска и тяга за границу».**

Сначала юноша попытался размять тоску, отправившись в путешествие по российской провинции. Императорская Академия выдала удостоверение, призывая оказать содействие своему ученику, отправившемуся «для художественных работ с натуры и снимания видов местностей»***.

Свидетельство датировано 7 апреля 1905 года, а из «Хроники» старшего брата мы знаем, что именно этим летом, в июне—июле они оба совершили поездку за границу. Что может быть лучше, если «овладела охота к перемене мест»! Варшава, Берлин, Дрезден, Майнц, Кельн, Париж ... По словам В. Киркевич, художник, «оказавшись в Париже в 1905 г., работал здесь до весны 1906 г.», связывая это с болезнью легких. Парижские зарисовки составили целый цикл, а позже, когда стало ясно, что впечатления можно передавать не только при помощи линии или цвета, но и посредством слов, на свет появилась его книга «Прогулки по старым кварталам Парижа» (СПб., 1912).

Осенью 1906 года Г.К. Лукомский ходатайствовал о разрешении ему годичного отпуска для поправления здоровья. В извещении, полученном из канцелярии

* Цит. по: Кобак А.В., Северюхин Д.Я. Указ. соч. С. 50.

** Голлербах Э. Указ. соч. С. 6.

*** ОР ГРМ. Ф. 109. № 1. Л. 13.

Академии, было сказано, что администрация последней «постарается сделать все возможное на поступление Ваше в санаторию в Сан-Ремо».*

Это был период жизни Г.К. Лукомского, названный братом «первым заграничным». Он увидел многократно изображенные художниками «Мира Искусства» европейские древности, проникся обаянием чужих городов.

Вернувшись в Россию, художник некоторое время избегает петербургской сырости, берет уроки рисунка в московской мастерской К. Юона, занимается в московских библиотеках и музеях. Вернувшись в Петербург, сближается с кругом «Мира Искусства», работает с С.К. Маковским в журнале «Аполлон» в качестве сотрудника и корреспондента**, устраивает выставку своих заграничных работ, которая пользовалась значительным успехом***, принимает участие в выставках Академии художеств, Союза русских художников, выставляется в провинции и за границей.

Но знакомство с Европой, видимо, лишь обострило понимание ценности российской старины. Весной 1910 г., когда при Академии художеств шли работы по созданию Музея допетровского искусства, Г.К. Лукомский вновь отправляется в провинцию, «во внутренние губернии Российской империи для собирания, исследования, изучения, зарисовывания и фотогра-

* ОР ГРМ. Ф. 109. № 1. Л. 16.

** Там же. Л. 19.

*** Маковский С. Первая выставка в редакции «Аполлона» // Аполлон. 1909. № 2. Отд. Хроника.

См. также: Кобак А.В., Северюхин Д.Я. Указ. соч. С. 51.

фирования предметов старины»*. Весной следующего года поездки по России продолжались, — именно в эти годы ему и пришлось побывать в Костроме.

В эти годы «второго петербургского периода» он сотрудничает с Музеем старого Петербурга, принят членом Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, при поддержке которого ездит по провинции, изучает и производит обмеры и фотофиксацию построек. В журналах он публикует многочисленные страстные отповеди тем, кто не понимает ценности памятников архитектуры прошлого, допускает их переделки и разрушение, застраивая города зданиями из красного кирпича, ставшими в его глазах символами эпохи прагматизма и безвкусыя. Пришла известность.

Книга «Кострома», написанная в 1913 г. совместно с братом, стала первым опытом работы в жанре провинциального «городского портрета». За ней последовала «Вологда в ее старине» (Пг., 1914). Тем временем началась мировая война, и он едет в Галицию рыть окопы, попутно зарисовывая памятники архитектуры, опубликованные в книге «Галиция в ее старине. Очерки по истории архитектуры XII—XVIII в.в.» (Пг., 1915).**

Ему уже тридцать, он серьезный исследователь, признанный художник. Положение «вечного студента», вероятно, начинало его тяготить, и 23 мая 1915 года он, наконец, получил удостоверение Высшего художественного училища при Императорской

* ОР ГРМ. Ф. 109. № 1. Л. 20.

** В оформлении книги принимал участие Г. Нарбут.

Академии художеств об исполнении дипломного проекта, а после соблюдения необходимых формальностей и само свидетельство на звание художника-архитектора со всеми присвоенными ему правами.* Уже в следующем году он, как и брат, стал действительным членом Императорского археологического института, был принят в Императорское общество ревнителей истории.

В самый канун революции появляется первая часть его капитального труда «Памятники старинной архитектуры России в типах художественного строительства» (Пг., 1916). Он был посвящен русской провинции, но продолжить это издание помешал 1917 год.

Революция не столько отменила прежние замыслы, сколько заменила их новыми. Февральская революция застала его архитектором царскосельских военных строительных комиссий.** В условиях, когда оказались сняты прежние ограничения, а экстремистские, агрессивные силы готовы были обратиться против всякого свидетельства прошлого, борьба за их сохранение приобретала особую актуальность.

Группа художественных деятелей Петрограда образовала «Особое совещание по делам искусства при комиссаре бывшего Министерства Уделов», и место председателя художественно-исторической комиссии царскосельских дворцов было предложено Г.К. Лукомскому, известному к тому времени своей деятельностью по охране памятников старины.

* ОР ГРМ. Ф. 109. № 1. Л. 35, 36.

** ОР ГРМ. Ф. 109. № 3. Л. 3.

Главной задачей комиссии стало описание ценностей, хранившихся в царских дворцах, и превращения их в музеи. Открытие музеев было назначено на весну 1918 г., поэтому членам комиссии, в которую, кроме братьев Лукомских, входили Э. Голлербах, М. Рославлев, Ф. Беренштам, пришлось просто переехать во дворцы. Как позже вспоминал Г.К. Лукомский, «работали (потому-то и ели, и пили, и спали там же, где работа протекала) не за страх, а за совесть с 8 у(тра) — 12 ночи и позднее...»*. Это была не просто работа по приемке и регистрации ценностей, но и большой исследовательский труд; одновременно проводились фотофиксация и научное описание наиболее ценных предметов. Все они были молоды, влюблялись, наслаждались жизнью — и работали с упоением.

В.К. Лукомский писал позже Э. Голлербаху: «...я помню, как радостна была ему работа с людьми, близкими ему по духу, как приветствовал он Ваше вступление в нашу комиссию и как горячо рекомендовал мне Вас — «подающего большие надежды» (его слова)». **

Но в том же письме раскрывается и причина, вынудившая Г.К. Лукомского оставить эту работу: летом 1918 г. один из его соучеников по Академии художеств, принятый им на должность хранителя Александровского дворца, стал плести интриги. «И очень скоро он заметил, — писал В.К. Лукомский о брате, — что пригрел змею ...несмотря на его энергию и способность к борьбе, бороться против *своих* и столь

* ОР РНБ. Ф. 207. Голлербах. № 62. Л. 34.

** ОРРНБ. Ф. 207. Голлербах. № 57. Л. 39.

низкими средствами ему было противно... С грустью прощался он с Царским Селом, для которого он так много сделал по охране и устройству дворцов; со слезами на глазах и горькой улыбкой простился он с нами и исчез в пространство».

К осени 1918 г. все работы по описанию предметов были закончены, все дворцы и павильоны, предполагавшиеся к открытию, открыты, выпущены два каталога с меццотипиями, и в ноябре Г.К. Лукомский уехал в Киев.

С 1 февраля 1919 г. он стал главным хранителем художественного собрания Б.И. Ханенко, которое с согласия владельца было преобразовано в музей, а позже национализировано и открыто под названием «Второй Государственный музей»*. Г.К. Лукомский даже подготовил каталог, который в июле начали печатать в типографии П.С. Кульженко. Текст был набран и отпечатан, но не успели сделать фототипии.

Однако работы с собранием Ханенко были не единственным занятием Г.К. Лукомского. Он заведовал в Киеве описанием, реставрацией и музеефикацией памятников архитектуры, в том числе и Св. Софии, заведовал художественной редакцией Отдела Всеукраинского Комитета по изданиям (Всеиздата). Там была напечатана его книга, посвященная украин-

* Здесь и далее биография излагается по машинописной копии статьи из берлинского журнала «Русская Книга» (1921, № 4. С. 18–21), выполненной В.К. Лукомским. Биографические сведения, касающиеся революционных лет, изложены так, чтобы подчеркнуть случайность отъезда Г.К. Лукомского из России. Часть сведений могла быть известна лишь самому художнику, что позволяет предположить мемуарный характер статьи. См.: ОР ГРМ. Ф. 109. № 3. Л. 3–6.

скому барокко XVII—XVIII веков (первая часть, посвященная киевским храмам), каталог созданного им музея Св. Софии. Рядом с ним в редакции работали Г. Нарбут, П. Макаренко, В. Модзалевский и многие другие, знакомые еще по Петербургу. Однако значительная часть изданий осталась незаконченной.

Какое-то время Г.К. Лукомский еще читал лекции по истории мебели в Киевском археологическом институте, по русскому прикладному искусству XVII века — в университете св. Владимира. По его эскизам оформлены были театральные постановки пьес «Петр и Алексей» Д. Мережковского и «Андре Шенье» Джордано... Бурная преподавательская, музейная и издательская деятельность была прервана приходом Добровольческой армии, руководство которой закрыло все кредиты. Как человек, служивший в советских учреждениях, он мог быть подвергнут репрессиям, что заставило его покинуть Киев.*

20 октября 1919 г. Г.К. Лукомский выехал в Ливадню для изучения хранившихся там предметов дворцового убранства, но работать оказалось невозможно: большую часть их упаковали в ящики, отношение к имуществу было просто варварским. Некоторое время искусствовед оставался в Ялте, публиковал материалы в газете «Ялтинский курьер».

20 апреля 1920 года пароход увез его в Константинополь, по версии, вероятно, предложенной самим исследователем, для изучения византийской архитектуры. Но если представить себе Крым весной 1920 года,

* Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции. Биографический словарь. СПб., 1994. С. 301.

рижской группы «Мира Искусства»*, сотрудничал в журналах «Словохи» и «Жар-птица» и других, французских и русских, в том числе выходивших в Советской России.

Г.К. Лукомский писал Э.Ф. Голлербаху из Парижа в январе 1922 года: «Не думайте, что здесь так уже «чудно» живется! Еще я-то зарабатываю и имею заказы... Но морально: скука, работа на других (и эмигранты — чуждая, глухая, безвкусная семья; и на франц(узов) работать неохота, какие они остальные!) — неприятно. Любовь к России не только не остыла; напротив: странная грусть, тоска, стремление к ней».**

В письмах он постоянно назначает сроки возвращения в Петербург: в сентябре, к весне следующего года, следующим летом... В.К. Лукомский писал Э.Ф. Голлербаху в ответ на присылку его книги, содержащей резкие оценки: «Она тем более несвоевременна, так как именно сейчас брат, искренно стесковавшийся по России, надеется скорее вернуться сюда, чтобы продолжать, и совершенно бескорыстно, свое служение родине, и это — несмотря на исключительный успех за границей. Отзывы о нем, данные не только французскою и немецкою прессою, но также и представителями науки (истории искусств) и выдающихся музейных деятелей, таковы, каких у себя на родине он, конечно, никогда не услышит — к сожалению!»***

* Киркевич В. Указ. соч.

** ОР РНБ. Ф. 207. Голлербах. № 62. Л. 4—4 об.

*** ОР РНБ. Ф. 207. Голлербах. № 57. Л. 42—42 об.

эти толпы обезумевших от страха людей, переполненные пароходы, то станет ясно, что мотив Г.К. Лукомского (осознанный или неосознанный) был иным.

Это предположение не исключает, конечно, возможности его занятий по изучению древних христианских храмов, равно как и позже, после двухмесячного пребывания в Константинополе, работы по изучению памятников в Венеции, Равенне и Винченце. Он пытался восстановить оставленную в Петрограде, уже подготовленную к печати в издательстве «Шиньоник» рукопись своего трехтомного исследования об А. Палладио.

С 1 августа 1920 г. Г.К. Лукомский уже в Париже. Он начал с организации комиссии по изданию нового журнала о русском искусстве «типа «Старых Годов»: «Орган предполагалось сделать вестником жизни нового русского искусства и проводником в иностранную жизнь идей русской живописи и популяризатором русских художников, очутившихся за границей».* Увы, в течение шести месяцев желающих финансировать подобное издание в Париже не нашлось, зато было подготовлено и напечатано в 25 экземплярах описание киевского музея Б.И. Ханенко. Лукомский участвовал в русских и французских изданиях, устраивал выставки русского искусства.

Мемуары о первых годах русской революции, подготовленные к изданию в Париже, увидели свет уже в Берлине, куда он перебрался в 1921 г. (Художник в русской революции. Берлин, 1923). С 1924, вернувшись в Париж, Г.К. Лукомский был секретарем Па-

* ОР ГРМ. Ф. 109. № 3. С. 6.

Между тем, опираясь на сведения о жизни в советской стране, получаемые от брата, Г.К. Лукомский идеализирует Советскую Россию, разговоры о происходящем там считает клеветой. Сам много выступает с лекциями о спасенных богатствах царских дворцов. Он писал Голлербаху: «...для блага народа Сов(етской) России я читал десятки лекций, всюду за границей доказывал, что целы музеи-дворцы».*

Приезд год за годом откладывался: болезнь легких, отсутствие конкретных предложений относительно работы со стороны представителей российских властей удерживали его за границей. Из Парижа он уезжал на зиму в Италию — Милан, Палермо, Кампанья, занимался архитектурой Виньолы и Палладио... Париж он покинул в 1940-м г., перебрался в Лондон, где продолжал работу над книгами по истории русского искусства XIX—XX в.в., с окончанием войны вернулся во Францию, где и умер в Ницце 25 марта 1952 года.**

* ОР РНБ, Ф. 207. Голлербах. № 62. Л. 4 об.

** Кобак А.В., Северюхин Д.Я. Указ. соч. С. 51. — См. также: Струве Глеб. Русская литература в изгнании. Вильданова Р.И., Кудрявцев В.Б., Ланшо-Данилевский К.Ю. Краткий биографический словарь Русского Зарубежья. Париж — Москва. 1996. С. 331.

3. Примечания

Страница

Примечания

III *«... говорит ... проф. Покровский...»*

Здесь и далее пересказывается и цитируется предисловие из книги: Покровский Н.В. Памятники церковной старины в Костроме. СПб., 1909.

IV *«... древности Ипатьевского монастыря были изданы...»*

См.: Костромские церковные древности. Фотоснимки А. Шмидта / СПб., 1885. (Памятники древней письменности и искусства, т. LXXXIV).

«... из которых лучшее протоиерея Островского...»

См.: Островский П.Ф. Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора. М., 1855; Его же. Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря. Кострома, 1870.

*«Новейшие исследования ...
прот. Г.Я Сырцова ...»*

Правильно: Г.Я. Сырцова. Имеется в виду Иоани Яковлевич Сырцов и его работы, подписанные «П.И.С.» — Протоиерей Иоани Сырцов: 1. Стенная живопись Костромского Успенского Кафедрального собора. Кострома, 1908; 2. Город Кострома в его прошлом и настоящем. Кострома, 1909.

V «... и только к IV областному археологическому съезду...»

IV Областной историко-археологический съезд, объединивший историков областей, некогда принадлежавших Владимиро-Суздальскому княжеству, проходил в Костроме 20–30 июня 1909 г.

VI «А чудеснейшая ... Троицкая церковь...»
См. комментарий к с. 241.

*VII «... издадут к тому времени и труды
IV областного съезда...»*

См.: Труды IV Областного историко-археологического съезда в гор. Костроме, в июне 1909 года. Кострома, 1914.

*I «... от имени языческого у славян
божества...»*

Эта версия происхождения топонима сегодня подвергается сомнению, на костромской земле этот обряд не был зафиксирован.

2 *«Среди праздников и обрядов...»*

Здесь и далее пересказывается глава «Народные праздники» из кн. А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» по кн.: Миловидов И.В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Феодоровича. Кострома, 1885. С. 23–24.

3 *«Первоначально расположена была Кострома на правом берегу Волги...»*

Сегодня археологи придерживаются другой точки зрения. По их мнению, город был основан на левом берегу, между реками Костромой, Волгой и Сулой (последняя в XVIII в. была снущена в трубы). См.: Археология Костромского края. Кострома, 1997. С. 201–208.

6 *«В сказании о явлении Феодоровской иконы Божией Матери...»*

См.: Соколов В.А. Описание и критический разбор рукописей, имеющих в библиотеке Костромской ученой Архивной комиссии и содержащие службу и сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери // Костромская старина. Вып.5. Кострома, 1901. С. 194–264. См. также: Масленицын С.И. Икона «Богоматери Федоровской» 1239 г. // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1976. — М., 1977. С. 156–166; Виноградова С.Г. Икона Феодоровской Божией Матери: история и легенды

// Становление и ранний этап истории города Костромы. Кострома, 1998. С. 39–45.

7 *«... Кострома оставалась столицей великого княжества...»*

Эту версию выдвинул еще в XVIII в. первый историк города, Н.С. Сумароков в своей рукописи «История о первоначалии и происшестввиях города Костромы до учреждения наместничества» (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1639. Л. 7.) Современные историки оспорили это предположение, см.: Виноградова С.Г. Была ли Кострома столицей великого княжества? // Становление и ранний этап истории города Костромы. Кострома, 1998. С. 34–38.

8 *«В 1034 году началась известная в истории междоусобица...»*

Опечатка, надо «в 1304».

«... построение ... Ипатьевской обители»

В.К. Лукомский не называет точной даты основания монастыря, хотя в его время в литературе был принят 1330 г. Он только относит это к событиям 30-х г.г. XIV в. (ср.: с. 142). Эта дата казалась сомнительной уже историку первой половины XIX в. М.Я. Диеву, который заметил противоречие: в предании говорилось о крещении основателя монастыря, татарина Чета (Захарии), митрополитом Петром, умершим в 1326 г., то есть до указанной даты.

Еще одно противоречие заметил советский историк С.Б. Веселовский: сын Захарии, Александр Зерно, был убит в Костроме во время веча в 1304 г., в этом случае должно было бы предполагать, что сын был крещен и убит еще до выезда отца из орды. См.: Веселовский С.Б. Из истории древнерусского землевладения // Исторические записки. Т. 18. М., 1946. С. 56–60. Сегодня принято считать временем основания Ипатьевского монастыря вторую половину XIII в. См.: Брюсова В.Г. Ипатьевский монастырь. М., 1980. С. 12–14.

11 *«Трудно понять, почему великие князья избирали Кострому своим убежищем...»*

Цитирует по: Миловидов И.В. Указ. соч., с. 91.

15 *«В подгороднем селе Новоселки...»*

Современное название — Селище, ныне входит в черту города.

18 *«... восходящего еще к XIV веку Костромского кремля...»*

Укрепления на высоком берегу над Волгой были заложены при Великом Князе Московском Василии Дмитриевиче в 1416 г., см.: Археология Костромского края. Кострома, 1997. С. 207–208.

- 20** *«... соборный холодный храм в честь Успения Божией Матери...»*
Дата строительства Успенского собора была установлена во время его разрушения в 1934 г. Самая древняя часть постройки относилась к XVI веку. См.: Кудряшов Е.В. К вопросу о первоначальных формах Успенского собора в Костроме // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 146–150.
- 26** *«... в Брашной улице...»*
Опечатка, правильно «в Брагиной улице»
- 27** *«... изложены ... Родионом Зузиным...»*
См.: Зузин Р. Журнал о высочайшем путешествии Ея Императорского Величества Императрицы Екатерины II от Ярославля до Костромы 1767 г.г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. Ч. XXVI. № 10. С. 124–161.
- 32** *«Дермут-Малиновский»*
Правильно: Демут-Малиновский.
- 63** *«Успенский собор, основанный в половине XIII века...»*
См. комментарий к с. 20.
«... Первой половины XIV в Ипатьевский монастырь»
См. комментарий к с. 8.

*«Сооружение теперешнего собора
относится к 1649 году...»*

Троицкий собор Ипатьевского монастыря был освящен в 1652 году. Ср. с. 150.

65 *«... Троицкую церковь...»*

См. с. 241.

74 *«... церкви (Сергиевская, Спасская
за Волгою, Иоанна Богослова
в Ипатьевской слободе, Николаевская
у Волги...»*

См. комментарий к с. 256, 251, 245.

77 *«... Богоявленский собор...»*

См. примечания к с. 136.

79 *«... церкви Спаса в Подвязье, Покров-
ская и Алексеевская...»*

См. примечания к с. 275, 268, 273.

80 *«... Георгиевская церковь...»*

См. примечание к с. 268.

86 *«... настенные росписи собора Богояв-
ленского монастыря...»*

См. примечание к с. 207.

102 *«... Воскресенская на Дебре церковь...»*

См. примечание к с. 219.

*«Украшенная стенописью Спасская
за Волгою церковь...»*

См. примечание к с. 251. Фрески частично утрачены.

103 *«... стенописи ... церкви Иоанна
Богослова...»*

Фрески сохранились, о храме см. прим.
к с. 245.

104 *«Стенописи Сергиевской церкви...»*

Утрачены вместе с храмом — см. прим.
к с. 256.

105 *«Царские врата (Екатерининского
и Трехсвятительского приделов церкви
Воскресения на Дебре)...»*

Сохранились, о храме см. прим. к с. 219.

108 *«... иконостас Троицкого собора...»*

Имеется в виду Троицкий собор Ипатьевского
монастыря. (см. примечание к с. 142).
Иконостас сохранился, отреставрирован
в 1970-х г.г.

*«... врата ... боковых приделов
Богоотцовской
и Христорождественской церквей...»*

Утрачены. См. примечание к с. 263.

«Царское место» в Троицком соборе...»

Хранилось в Ипатьевском монастыре
до 1930-х г.г., когда было отправлено

в Москву. Ныне в музее-заповеднике в Коломенском.

«... *В Петропавловской церкви...*»

См. комментарий на с. 265.

111 «... *в Христорождественской церкви...*»

О ней см. комментарий к с. 258.

113 «... *благодаря Феодоровской иконе Божией Матери...*»

Находится в кафедральном Богоявленском соборе. О ней см. прим. к с. 6, 114.

115 «... *красивая Троицкая церковь...*»

О ней см. комментарий к с. 241.

117 «*В церкви Иоанна Богослова на Каткиной горе*»

См. комментарий к с. 267.

«*Христорождественская церковь — целый музей...*»

О ней см. комментарий к с. 258.

«*Наружные стены Николаевской (у Волги) церкви...*»

О ней см. комментарий к с. 245.

118 «*Такие же изразцы были и на Троицкой церкви...*»

Утрачены. О храме см. комментарий к с. 241.

*«... резные из камня клейма на стенах
... церкви Воскресения на Дебре...»*

Сохранились. О храме см. комментарий
к с. 119.

119

«... Козьмы и Дамиана...» «в Кузнецях»

На углу нынешних улиц Шагова и Князева
(разрушена в 1930-х г.г.).

«... Анастасиинского монастыря...»

О нем см. комментарий к с. 267.

«... Воскресения, что на Площадке...»

Стояла на нынешней Советской площади,
которая потому и называлась Воскресенской,
рядом с Георгиевской церковью. Обе разруше-
ны на рубеже 1920—30-х г.г.

«... Михаило-Архангельская...»

См. комментарий к с. 265.

«... Вознесенская...»

См. комментарий к с. 264.

«... в церкви Алексеевской...»

См. комментарий на с.273.

«... во Всехсвятской...»

См. комментарий к с. 268.

«... в Петропавловской...»

См. комментарий к с. 265.

«... *Никольской...*»

В Костроме было три церкви, посвященных святителю Николаю Мирликийскому. Все разрушены в 1930-х г.г.

«... *Борисоглебской...*»

См. комментарий к с. 275.

«... *Ильинской...*»

См. комментарий к с. 267.

122 «*музей в доме бояр Романовых...*»

Имеется в виду древнехранилище Костромского Церковно-исторического общества, открытое в 1913 г. в Романовских палатах на территории Ипатьевского монастыря; принадлежало Костромской епархии.

123 «*Собор (построенный около 1250 года) ...*»

Имеется в виду Успенский кафедральный собор, о нем см. комментарий к с. 20, 123.

«... *на средства Костромского и Галичского князя Квасни...*»

Речь идет о Костромском (не Галичском!) удельном князе Василии Ярославиче, младшем брате Александра Невского.

127 «*По Крживоблоцкому...*»

См.: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния / Сост. Я. Крживоблоцкий. СПб, 1861.

127 *«... деревянная соборная церковь во имя Феодора Стратилата...»*

По предположению И.В. Миловидова, находилась на берегу Сулы, на месте построенной в XVIII в. ц. Богоотцов Иоакима и Анны (о ней см. примечание к с.108.) Он аргументирует это предположение тем, что именно на этом месте по писцовым книгам 1628 г. стояла деревянная церковь Феодора Стратилата «без пения» (об этом см.: Миловидов И.В. Древние надписи и сказания//Костромская старина. Вып.1. Кострома. 1891. С. 143–149. Пагинация IV. См. также замечание Г.К. Лукомского на с. 128). Сегодня результаты археологических раскопок подтверждают, что детинец располагался на берегу Сулы, а собор вряд ли находился за пределами городских укреплений. См.: Археология Костромского края. Кострома, 1997. С. 206.

129 *«... купца Ашастина.»*

Правильно — Ашастина.

135 *«... Степан Воротилов...»*

Сегодня о нем известно больше, см.: Демидов С.В. Архитектор-самоучка С.А. Воротилов // Памятники культуры. Новые открытия. 1989. М., 1990. С. 409–416; Его же. Архитектор С.А. Воротилов // Костромская земля. Вып. 3. Кострома, 1995. С. 4–12.

136 *«Богоявленский собор»*

Теплый храм с колокольной при Успенском соборе на кремлевском холме. Разрушен в 1934 г.

139 *«Триумфальные ворота»*

Были разрушены вместе с соборами в 1934 г.

141 *«... два жилых флигеля...»*

Так называемые «дома соборного причта», единственное, что осталось до сего дня от соборного ансамбля XVI—XVIII в.в. Нынешний адрес — ул. Чайковского, 6—8.

142 *«Ипатьевский монастырь»*

Сохранился, ул. Просвещения, 1. В совместном владении монашеской общины и музея-заповедника.

147 *«... Николая Павловича, посетившего монастырь в 1839 году...»*

Правильно: в 1834 году.

152 *«... пирамидальное, т.е. шатровое покрытие...»*

При реставрации крыльца в середине XX века был избран именно этот вариант, существующий и поныне.

154 *«Пол в церкви чугунный и настлан в 1811 году ...»*

Сохранился лишь на южной галерее.

- 156** *«... из московских мастерских XIII века»*
Относятся к XVI в., см.: Чернецов А.В. Золоченные двери 16 века. Соборы Московского Кремля и Троицкого собора Ипатьевского монастыря. М., 1992.
- 159** *«Реставрация фресок...»*
Стенописи были вновь отреставрированы в 1958–1978 г.г.
- 162** *«... работавших здесь в 1658 году ...»*
Правильно: 1685 г. Росписи были закончены 6 сентября 1685 г., однако по сентябрьскому индикту год начинался 1 сентября, так что большая часть работы пришлось на лето 1684 г.
- 172** *«Царское место в Троицком соборе»*
В 1930-х г.г. было увезено в Москву, сейчас хранится в музее-заповеднике «Коломенское».
- 175** *«Церковь Рождества Богородицы»*
Разрушена в 1920–30-х г.г.
- 187** *«... предполагает в этом доме устроить музей...»*
Древнехранилище Церковно-исторического общества было устроено весной 1913 г.
- 188** *«Под Троицким собором находится третья... усыпальница...»*
Сохранилась лишь частично под галереей Троицкого собора, остальные захоронения под собором стерты с лица земли в годы совет-

ской власти, когда (в 1930-е г.г.) в подклете хранили картофель.

«Надгробные памятники»

Были пущены под бульдозер в кон. 1950 — нач. 1960-х г.г., некоторые из них сохранились, лежат под звонницей.

207 *«Богоявленский монастырь»*

Был закрыт в 1918 г., в 1931 г. в соборе разместили архив, который сгорел в 1982 г. После реставрации возвращен Костромской епархии, с 1991 г. обитель восстановлена как женский Богоявленский Анастасиии-Крестовоздвиженский монастырь. Современный адрес — ул. Симановского, 26/37.

«... восстановлен... игуменьей Крестовоздвиженского монастыря...»

Имеется в виду Мария (Давыдова), управлявшая монастырем до самой своей смерти 29 января 1889 г. О Крестовоздвиженском монастыре см. комментарий к с. 267.

208 *«... настенные росписи Богоявленского монастыря...»*

Были повреждены пожаром 1982 г.

211 *«Ограда монастыря...»*

Ограда Богоявленского монастыря была разрушена в первые десятилетия советской власти, сейчас возобновлена по старым образцам.

- 212** *«Двух-этажный флигель этот...»*
Сохранился, это так называемый «трапезный» корпус, с 1864 г. — трехэтажный. Сегодня в одном его крыле расположено епархиальное управление, в другом — духовная семинария.
- 213** *«В 1780 году, по учреждении в Костроме наместничества...»*
Создано по Императорскому указу 5 сентября 1778 г.
«... помещена была духовная семинария...»
Находилась там с 1814 до пожара 1847 года.
- 214** *«... И.И. Салтыкова...»*
Правильно: И.М. Салтыкова.
«Салтыковская церковь»
Разрушена в 1930-х г.г.
- 219** *«Церковь Воскресения на Дебре»*
В 1920-е г.г. была закрыта, галерею сдавали в аренду костромскому пивному заводу, который хранил там ячмень, а дети ведрами доставали его через разбитые окна. В 1950-х г.г. храм вернули Русской Православной церкви; сейчас — городской собор. Нынешний адрес — ул. Кооперации, 37.
«... Василием Ярославичем (1248–1276)...»
Правильно: 1241–1276.

228 *«... купец Исаков торговал именно красками...»*

Кирилл Григорьевич Исаков торговал кожами, входил в московскую гостиную сотню. В костромских писцовых книгах 1628 г. значится как «Катеринин сын», что указывает на то, что его отец к этому времени уже умер. Возможно, Трехсвятительский придел был освящен в честь св. св. Григория Богослова, Иоанна Златоуста и Василия Великого именно потому, что первый из них был святым покровителем его отца. Сам К.Г. Исаков умер в 1645 г., храм строился «по душе его».

229 *«... при постройке ... в 1802 году нового теплого храма с колокольней...»*

Знаменская теплая церковь была закрыта в 1920-х г.г., колокольня разрушена. Ныне ведется восстановление колокольни, церковь будет вновь освящена после реставрации.

241 *«Троицкая церковь»*

Находилась вблизи Богоявленского монастыря на углу нынешних улиц Комсомольской и Симановского, снесена в 1935 г. На ее месте памятник А.А. Новикову.

245 *«Церковь Иоанна Богослова в Ипатьевской слободе»*

Адрес: ул. Евгения Осетрова, 5.

«... Успенская... в Андреевской слободе...»

Находилась за р. Костромой, разрушена в 1930-х г.г.

«... церковь Козьмы и Дамиана у реки Костромы...»

Он же — храм Козьмы и Демьяна на Гноище, другое название церкви, в честь главного престола Владимирской Божией Матери, — Богородицкая. Стояла на углу нынешних улиц Островского и Терешковой, разрушена в 1935 г.

«... и церковь Николаевская на набережной Волги, и церковь Николаевская за Волгою...»

Николаевская церковь «у Волги» находилась на углу нынешних ул. Лесной и Короткого пер. разрушена в 1930-х г.г. О ц. Никольской «за Волгою» см. комментарий к с. 255.

247 *«... Иоанно-Богословская церковь...»*

См. комментарий к с. 245.

«... значительно испорчена пристройкою теплого храма...»

В 1960-х г.г. восстановлена прежняя трапезная.

251 *«Церковь Спаса за Волгою»*

Церковь Преображения Спаса передана старообрядческой общине, современный адрес — ул. Волгарей, 4.

255 *«Ильинская (Преображенская) церковь»*

Имеется в виду Христорождественская, что на Городище церковь. Престола в честь Преображения в ней не было. Часто именовалась по боковому приделу Ильинской. Была закрыта в 1938 г., восстановлена в 1985–1990 г.г., освящена. Ее нынешний адрес — ул. Дачная, 17а.

«Часовня в стиле Empire в Селище...»

Родовая усыпальница дворян Мягковых, была освящена в память св. Василия Блаженного, снесена в 1930-х г.г.; захоронения перенесены на кладбище находившейся рядом церкви Александра и Антонины. См.: Купреянов Н.Я. Селище // Памятники Отечества. 1991. №1 (23). С. 115–124.

*«... у Святого озера стоят
две часовни...»*

Сохранилась одна.

*«... на месте битвы
с татарами ... в 1241 г...»*

Это сражение не может быть датировано 1241-м годом, так как Василий Ярославич, костромской удельный князь, возглавлявший

костромское войско, в этом году только родился.

256 *«Сергиевская церковь»*

Находилась на нынешней Красноармейской ул., снесена в 1930-е г.г.

258 *«Христорождественская церковь»*

Христорождественская на Суле, стояла в первом от Сусанинской площади квартале между ул. Симановского и пр. Текстильщиков. Снесена в 1930-е г.г.

263 *«Богоотцовская церковь»*

Церковь Богоотец Иоакима и Анны находилась на углу нынешних ул. Островского и Пятницкой. Разрушена в 1930-е г.г.

«... церковь Иоанна Предтечи близ площади...»

Стояла на нынешней ул. Островского против Больших Мучных рядов. Снесена в 1930-х г.г.

264 *«Церковь Вознесенья...»*

Адрес: Мельничный пер., 5. Находится на консервации.

265 *«В Михаило-Архангельской церкви...»*

Она же Архангельская. Находилась на нынешней ул. Первого мая, недалеко от Московской заставы. Разрушена в 1930-х г.г.

«В нижней церкви Петропавловского храма...»

Стоял на нынешней ул. Островского, при спуске от Больших Мучных рядов на Щемилровку, снесен в 1930-х г.г.

267 *«В церкви Иоанна Богослова на Каткиной горе...»*

Адрес: ул Горная, 14. Сейчас планетарий.

«В Анастасиинском монастыре...»

Находился в первом от Больших Мучных рядов квартале, между нынешними ул. Островского и пр. Текстильчиков. Закрыт и разрушен в первые десятилетия советской власти, сохранилось три корпуса в глубине квартала; храмы Сретенский и Ризположенский — разрушены.

«...и другая, поздняя...»

Ризположенская церковь XVIII в., разрушена.

«В церкви Бориса и Глеба...»

Стояла на Муравьевке, у Губернаторского дома, на углу нынешних улиц Дзержинского и Крестьянской. Разрушена в 1920—30-х г.г., на ее месте сейчас стоит жилой дом.

«...в Ильинской церкви...»

На Русиной (ныне Советской) улице, была частично разрушена в 1920-х г.г., от нее оста-

лась лишь трапезная. Ее нынешний адрес — ул. Советская, 4.

268 *«... в церкви Всех Святых...»*

Стояла на Муравьевке, ближе к оврагу. Снесена в 1930-х г.г.

«... группа из двух церквей...»

Храмы Воскресения и Георгия «на Площадке» стояли на Воскресенской (ныне Советской) пл., снесены в 1930-х г.г.

268 *«... Покровская церковь...»*

Стояла на ул. Энгельса, снесена в 1930-е г.г.

273 *«... Алексеевская церковь...»*

Адрес: ул. Катунечная, 14.

274 *«Церковь Христа Спасителя в Гостином ряду...»*

Была закрыта в 1920-х г.г., снесены главы и колокольня. Восстановлены в 1970-х г.г.

275 *«... Преображенская церковь что на Подвязье...»*

Чаще называли ц. Спаса в Подвязье, стояла позади здания реального училища на Мшанской (ныне ул. Островского)

«... Иоанно-Златоустовская...»

Никогда не закрывалась; адрес — ул. Лавровская, 5.

«... Стефана Сурожского...»

Стояла на набережной Волги на углу нынешней улицы Лесной и Крутяного переулка. Разобрана в конце 1920-х г.г.

«... Константина и Елены...»

Стояла на нынешнем пр. Текстильчиков, близ его пересечения с ул. Спасокукоцкого; разрушена в 1920—30-х г.г.

«... Власиевская...»

Частично разрушена, перестроена, является частью здания, в котором размещено учебное заведение. Нынешний адрес — ул. Симановского, 92.

«... Борисоглебская...»

Стояла на Муравьевке, у Губернаторского спуска (ныне — угол улиц Дзержинского и Крестьянской).

«... Рождественская, у Черной речки...»

Богородицерождественская на Лазаревском кладбище. Сейчас — часть пустыря у нынешней пл. Конституции. И кладбище, и храм разрушены.

«... Воздвиженская близ Запрудни...»

Кладбищенская Крестовоздвиженская церковь, стояла на нынешней ул. Коммунаров. Разрушена, кладбище уничтожено.

- 279** *«... потомки мурзы Чета... Салтыковы...»*
Правильно: Сабуровы.
«Алексеевская церковь...»
См. примечания к с. 273.
«... Преображенская в Подвязье...»
См. примечание к с. 275.
«... Покровская...»
См. комментарий к с. 268.
- 280** *«... две часовни у Гостиного Двора близ лестниц...»*
Сохранились.
- 282** *«Павловская ул. — дома Дурьгиных...»*
Сейчас это на пр. Мира дома 3, 3а, 7, 6б, 8а, 11а, б, 13/7.
- 284** *«... ему же можно приписать и сооружение Гостиного двора...»*
Возводился по проекту К. Клера С.А. Воротиловым, см.: Памятники архитектуры Костромской области. Вып. 1. Г. Кострома. Часть первая. Кострома, 1996. С. 16.
- 286** *«... возможно... был ссыльным из западных губерний...»*
О нем см.: Бочков В.Н. Таинственный архитектор // «Сказки: которая Татьяна?...» М., 1990. С. 217–228.

«Строитель Дома Дворянского собрания ... не упомянут...»

Как выяснил В.Н. Бочков, бывший дом купцов Дурыгиных перестраивал для дворянского собрания М. Пправе, см.: Бочков В.Н. Старая Кострома: рассказы об улицах, домах и людях. Кострома, 1997. С. 101–102.

289 *«Под наблюдением... Фурсова...»*

Табачные (Овощные) ряды строились по проекту В.П. Стасова под руководством Н.И. Метлина, см.: Памятники архитектуры Костромской области. Вып. 1. Ч. 1. Кострома, 1996. С. 29.

290 *«... здания бывшего магистрата...»*

Сейчас занято Областной Думой — пл. Советская, 2а.

291 *«... дом Городской Управы...»*

Сейчас корпус Костромского технологического университета, пл. Советская, 2 б.

«... ряды испорчены пристройкою ... часовни...»

Часовня была разобрана при реставрации Табачных рядов.

292 *«Внутри гостиного двора ... деревянные ряды...»*

Мелочные ряды, построенные по проекту П.И. Фурсова.

294 *«Присутственные места»*

Сейчас здание занимает Городская Дума — ул. Советская, 1/2.

298 *«... костромским губернским архитектором Ласким...»*

Правильно: костромским губернатором Ланским.

«... утвержденный проект ... не был осуществлен...»

О перестройке здания нижегородским архитектором И.Е. Ефимовым см.: Кудряшов Е.В. Архитектурный ансамбль центра Костромы. Ярославль, 1992. С. 30–33.

306 *«... останавливался Государь Николай Павлович в 1839 году...»*

Император Николай I останавливался в Костроме в 1834 г.

«Дом б. Борщова»

Нынешний адрес — ул. Шагова, 1/2

«Дом Дворянства»

Нынешний адрес — пр. Мира, 7.

307 *«... знаменитого завода Шипова...»*

Костромской механический завод, открытый в 1852 г., много позже перестройки Дома Дворянства.

- 307-308** *«...решетка ...
на набережной Волги...»*
В советские годы была переплавлена.
- 311** *«Дом б. Мичуриной...»*
Нынешний адрес — пр. Мира, 11.
- 312** *«Дом Солодовниковой»*
Сейчас — пр. Мира, 13 / 7.
- 313** *«... театр...»*
Построен по проекту Н.П. Григорьева в 1863,
перестроен в 1950-х г.г. Пр. Мира, 9.
- 314** *«... дом Мыльниковых...»*
Нынешний адрес — ул. Лесная, 19.
- «... дом Третьяковых...»*
Сейчас — ул. Лесная, 45.
- «... дома Крупнова (Шигорина)...»*
Теперь — ул. Лесная, 21–23.
- «... дом Акатова на углу Русинной
и Борисоглебского пер...»*
Ул. Советская, 24/2.
- «Дом приюта»*
Новый адрес — ул. Островского, 12/10.
- 315** *«... полукружие дома
Соборного причта...»*
Сейчас — ул. Чайковского, 21.

«... полукружие дома Старого Двора...»

Ул. Советская, 2/1

«Дом Акатова на Мианской улице»

Нынешний адрес ул. Островского, 22.

316 *«Дом Богоявленской»*

Сейчас ул. Островского, 10

317 *«Дом Королева»*

Ул. Советская, 39.

318 *«... дом Детского убежища...»*

Комсомольская, 31, мезонин был снесен.

319 *«... инвалидного убежища поручика
Мишина...»*

Ул. Горького, 5/2.

«... Мощева...»

Ул. Козуева, 34/1.

*«... богадельни Акатова
на углу Сергиевской ...»*

Ул. Горького, 9/23.

«... дом Конвойной команды...»

Ул. Красноармейская, 9.

«... на Лавровской улице дом Беляева...»

Возможно, имеется в виду дом 25.

«... один с розасами между пиластр...»

Ул. Молочная гора, 4.

«... дом Викентьевой...»

Ул. Молочная гора, 6/8.

319-
-320 *«На Верхне-Набережной
дом Солодовниковой...»*

Ул. 1 Мая, 26.

320 *«... дом № 44 (Новой мануфактуры)
на Мианской улице...»*

Ул. Островского, 42/12.

«... на Русиной улице...»

Ул. Советская, 33.

*«... дом Кузнецова
на Никитской улице...»*

Не сохранился.

*«... дом городского училища
на Покровской улице...»*

Дом училища слепых детей, ул. Войкова, 23б.

321 *«... дом Ширского на Русиной ул...»*

Снесен.

322 *«... Дом Скалозубова
на Мианской улице...»*

Ул. Островского, 34.

*«... Дом Архангельского
на Сенной площади...»*

Ул. Сенная, 15/19.

- 323** *«... дом причта...
близ Сергиевской церкви...»*
Ул. Горького, 10.
- 324** *«... ворота дома Аристова...»*
Ул. Лесная, 13 а.
«... Скрипичина...»
Адрес: ул. Островского, 31.
*«... дома Женского Городского училища
на Никитской улице...»*
Правильно: на Никольской улице.
Адрес — ул. Свердлова, 36.
«... почтового дома...»
Адрес — пр. Мира, 8а.
- 326** *«В доме, принадлежащем Мицуриной
(ныне — казармы)...»*
Сейчас — ул. Красноармейская, 2, бывшая
мануфактура Угличаниновых... Печи разру-
шены.
- 327** *«... ея же бывшего дома...»*
Пр. Мира, 11. Печи сохранились.
«... печи дома Солодовниковой...»
Пр. Мира, 13/7. Печи сохранились.
- 328** *«... Но кто о них знает и кто их ценит?»*
В 1980е г.г. печи костромских домов с увлече-
нием изучал Е.В. Кудряшов, материалы кото-

рого были использованы при подготовке каталога «Памятники архитектуры Костромской области. Вып. 1. В 3-х частях. Кострома, 1996—1998.

329 *«... гробницы Богоявленского монастыря...»*

Усыпальница и кладбище уничтожено в советское время.

330 *«... из гробниц Ипатьевского монастыря...»*

Кладбище было уничтожено в 1950—60-х гг., осталось лишь несколько захоронений у западной стены Троицкого собора.

331 *«... кладбище Лазаревское и Крестовоздвиженское...»*

Первое из них было на Черной речке, около нынешней пл. Конституции; второе — в фабричном районе, ныне ул. Коммунаров.

335 *«Романовский музей»*

Был открыт в мае 1913. Сейчас это здание Художественного музея — пр. Мира, 5.

341 *«Обзор памятников художественной старины.»*

Этот раздел предназначен не столько для чтения, сколько для осмотра; при этом лучше всего пользоваться картой П.Е. Навоева, изданной той же общиной св. Евгении Красного Креста в Петербурге, что и сама книга Лу-

комских. Обо всех памятниках, упомянутых в этом разделе, можно найти информацию в тексте с подробными описаниями, а в примечаниях найти современные адреса тех, что сохранились до нашего времени.

Карта Костромы П.Е. Навоева (1913) репринтно переиздана в 2000 году с пояснениями Л.И. Сизинцевой (М., Прогресс-Плеяда).

343 *«... памятника 300-летия царствования Дома Романовых...»*

На его постаменте 1 мая 1928 г. был открыт памятник Ленину.

353 *«... казенные «винные склады...»*

Адрес ул. Ленина, 14.

**353-
-354** *«... Дворянский Пансион...»*

Адрес ул. Ленина, 10 а.

«... электрическая станция...»

Адрес ул. 1 Мая, 1а.

«... рабочая чайная...»

Адрес: ул. 1 Мая, 3б.

«... Народный дом...»

Правильно: почлежный дом.

Адрес: ул. 1 Мая, 2.

369 *«Савваитов П. Описание Семигробной Успенской пустыни и упраздненного Костромского Николаевского монастыря. СПб. 1856 г.»*

Правильно: Савваитов П. Описание Семигородной Успенской пустыни и упраздненного Катромского Николаевского монастыря. СПб., 1856.

Библиотека моих детей

Русские города

Владислав и Георгий Лукомские

Кострома

Исторический очерк и описание памятников
художественной старины
1913

Репринтное воспроизведение издания 1913 года.
Приложение: Л.И. Сизинцева. Обаяние провинции.
О книге В.К. и Г.К. Лукомских «Кострома»
Научно-популярное издание

Редактор-составитель — С.С. Лесневский

Художник А.Д. Мухина

Художественный редактор Д.С. Мухин

Компьютерная обработка А.С. Козлов

Издательство «Прогресс-Плеяда»

119847, Москва, Зубовский бульвар, д. 17

тел. (095) 246-44-18, факс 246-06-55

E-mail: progressp@mtu-net.ru

Главный редактор — С.С. Лесневский

Лицензия на издательскую деятельность

Л.Р. №06827 от 20 апреля 1998 г.

Сдано в набор 10.07.2002.

Подписано в печать 25.07.2002.

Формат 70×100/32. Объем 16 п.л.

Печать офсетная. Бумага мелованная.

Тираж 3000 экз.

ОАО Типография «Новости»

107005, Москва, ул. Энгельса, 46

ISBN 5-93006-015-0

